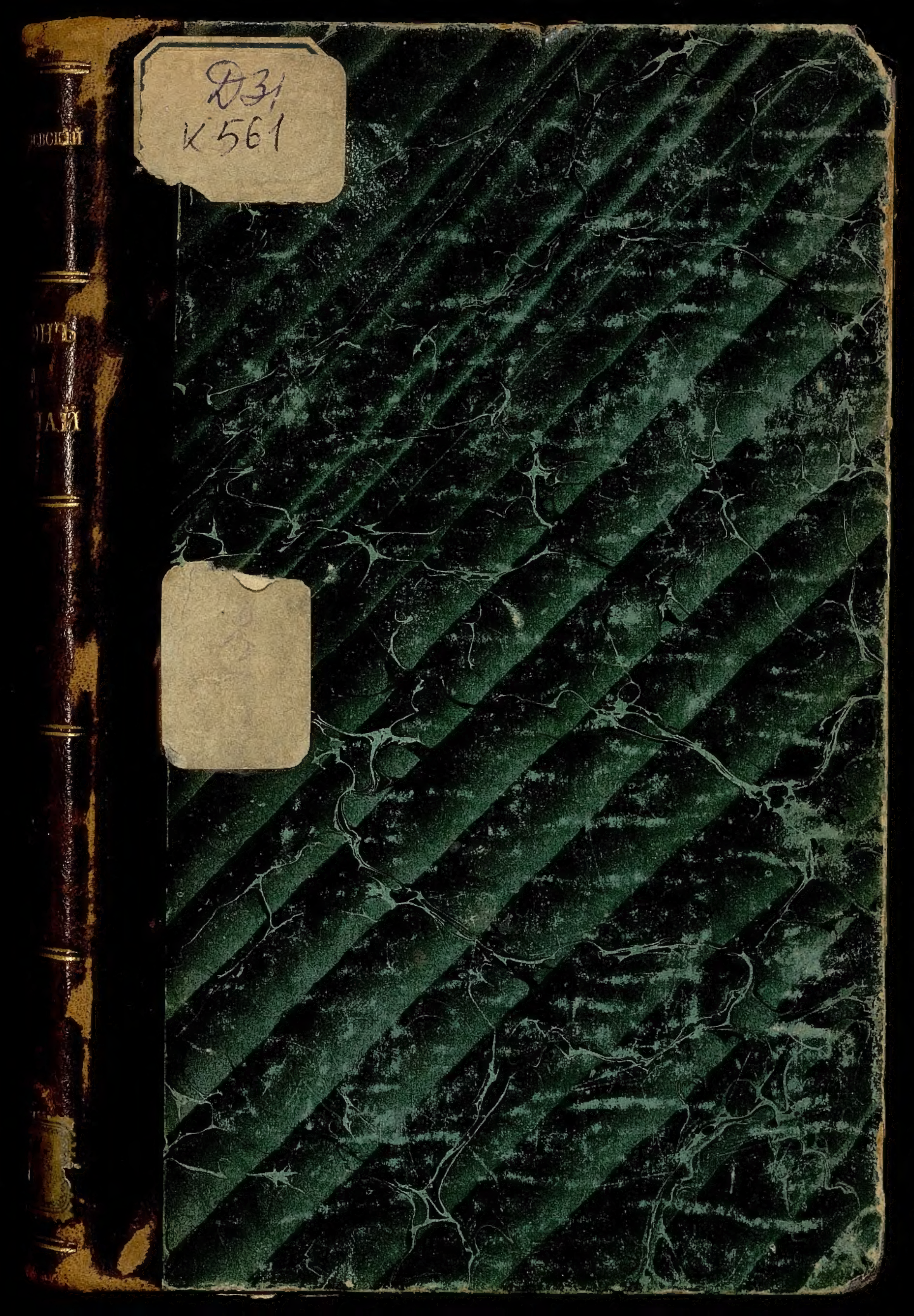
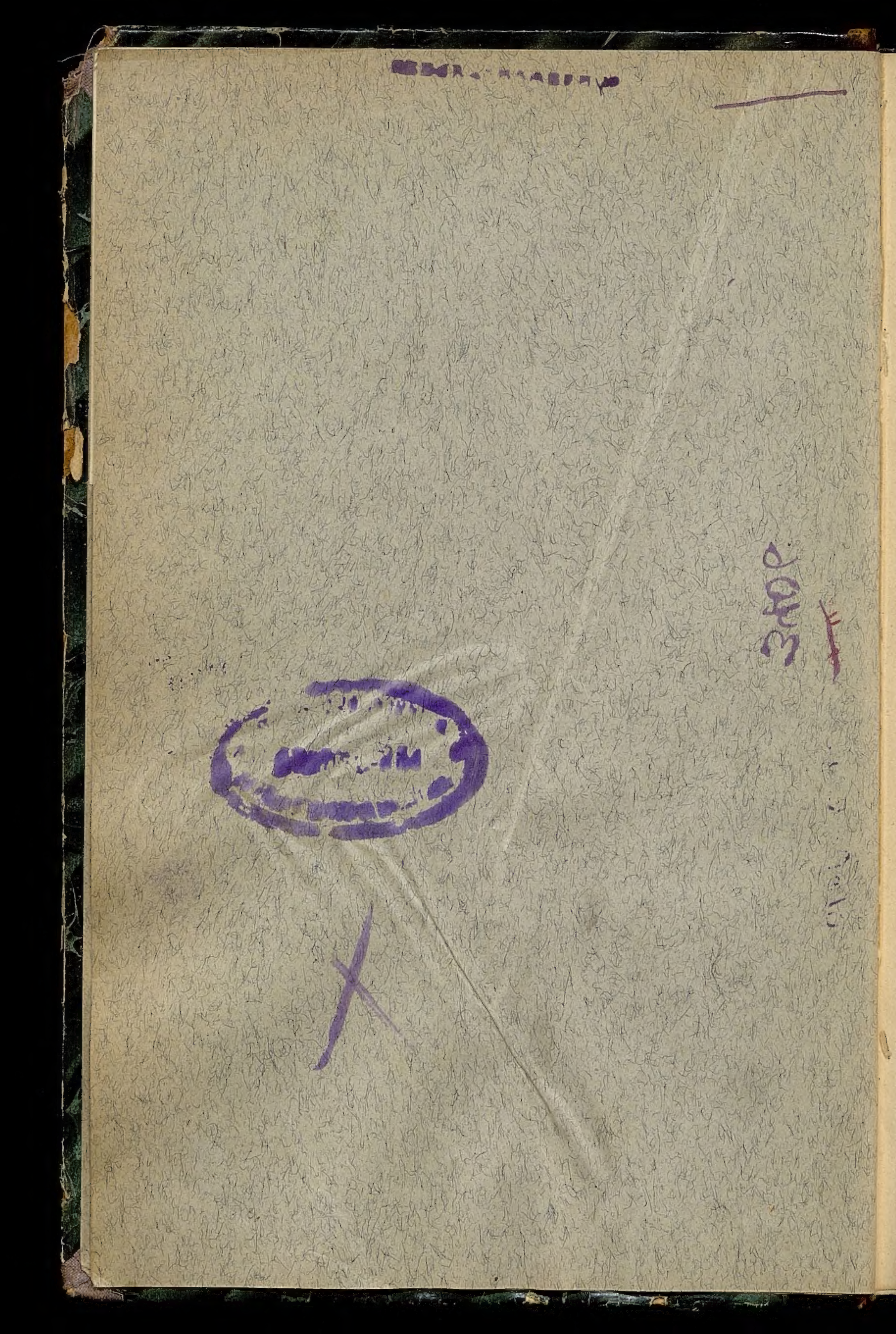

Д31
К561

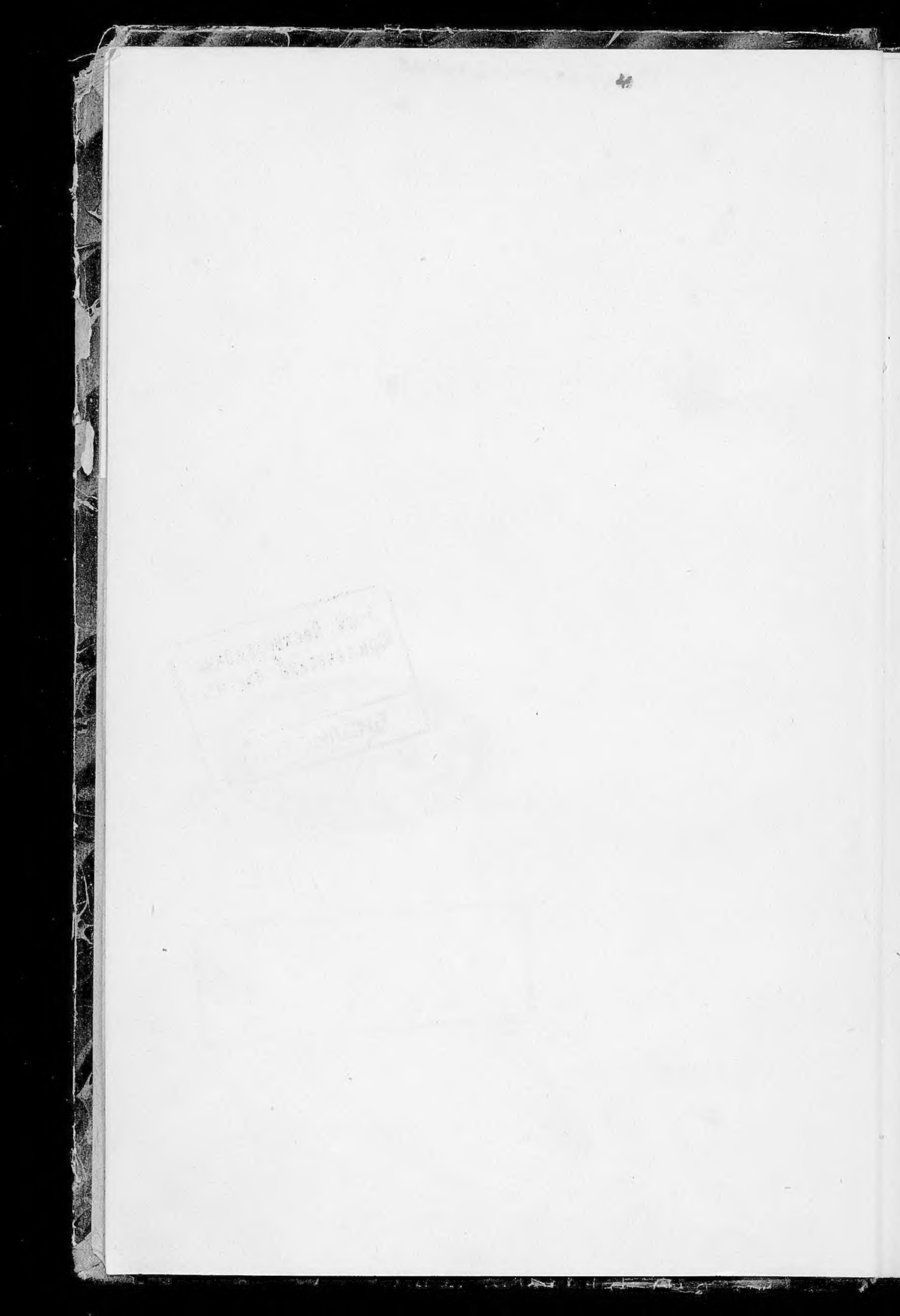
Максимъ Ковалевскій.

ЗАКОНЪ и ОБЫЧАЙ

НА КАВКАЗѢ.

ТОМЪ II.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

Отдѣлъ I. Горцы Мингреліи и Грузіи.

Отдѣлъ II. Горцы Дагестана.

Предисловіе ко II тому.

Изученіе общихъ началъ горскаго адата и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, подъ которыми онъ сложился, не избавляетъ насъ отъ необходимости детальнаго изученія юридическихъ обычаевъ отдѣльныхъ племенъ Кавказа. Къ этому изученію приступлено было мною уже много лѣтъ назадъ и результаты моего изслѣдованія были обнародованы въ 1886 году въ сочиненіи, озаглавленномъ „Современный обычай и древній законъ". Въ этомъ сочиненіи я сосредоточивалъ все мое вниманіе на одной изъ древнѣйшихъ народностей Кавказа, на осетинахъ, которыхъ связываетъ съ нами ихъ принадлежность къ арійской семьѣ народовъ. Чтобы выяснить своеобразныя стороны осетинскаго адата, я обратился къ содѣйствію древняго права и съ помощью историческихъ аналогій старался раскрыть источникъ и причину отдѣльныхъ нормъ осетинскаго обычая. Приблизительно то же сдѣлано было по отношенію къ обычаямъ адигейскихъ народностей изслѣдованіями Клапрота, Белля, Коха, барона Сталя и другихъ, и въ примѣненіи къ быту чеченцевъ трудами Берже Лаудаева, Грабовскаго и тѣхъ молодыхъ этнографовъ-юристовъ, которыхъ за послѣднее время включило въ свои ряды этнографическое отдѣленіе московскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. Изъ всѣхъ туземныхъ народностей Кавказа менѣе другихъ изслѣдованы обычаи горцевъ Мингреліи и Грузіи, а также разнообразныхъ пле-

менъ, заселяющихъ современный Дагестанъ. По отношенію къ первымъ еще можно найти не мало любопытныхъ этнографическихъ данныхъ въ сочиненіяхъ князя Эристова, Бартоломея, Стоянова Бакрадзе, Мачабелли, доктора Радде, Худадова и Хаханова; но эти данныя касаются преимущественно, чтобы не сказать исключительно, религіозныхъ суевѣрій, домашняго обихода и общественнаго устройства картвельскихъ племенъ и почти вовсе не затрогиваютъ ихъ юридической жизни. Что же касается до дагестанскихъ горцевъ, то объ ихъ обычаяхъ наша научная литература, а тѣмъ болѣе литература запада, хранитъ доселѣ упорное молчаніе, и самыя записи дѣйствующихъ въ ихъ средѣ адатовъ въ такой слабой степени сдѣланы доступными путемъ печати, что съ наиболѣе интересными изъ нихъ, а такими слѣдуетъ признать обычаи Аварскаго, Андійскаго, Кази-Кумухскаго и Гунибскаго округовъ, мнѣ удалось познакомится лишь на мѣстѣ въ архивахъ окружныхъ управленій.

Въ виду общаго сходства, какое представляютъ обычаи народностей живущихъ родовыми сообществами, я не счелъ нужнымъ дать на этотъ разъ историко-сравнительному комментарію тѣ размѣры, какіе приданы были ему въ первомъ моемъ сочиненіи по обычному праву осетинъ. Общія положенія, какія по вопросу о происхожденіи отдѣльныхъ чертъ родоваго устройства выведены мною изъ историко-сравнительнаго изученія осетинскихъ адатовъ, съ удобствомъ могутъ быть приложены къ толкованію обычаевъ сванетовъ, хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ, а также горскихъ народностей Дагестана. Меня интересовало на этотъ разъ не столько розысканіе источника происхожденія тѣхъ или другихъ нормъ адатнаго права, сколько систематическое описаніе юридическихъ обычаевъ отдѣльныхъ племенъ, въ связи съ общимъ характеромъ ихъ культуры. При изученіи народнаго права Дагестана, я преслѣдовалъ еще другую цѣль: опредѣлить взаимодѣйствіе писаннаго закона магометанъ и опирающагося на преданіе адата; показать, въ какой мѣрѣ этотъ послѣдній отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ основъ подъ цивилизующимъ вліяніемъ шаріата. Настоящій томъ распадается самъ собой на двѣ части: одна

занимается описаніемъ народныхъ обычаевъ сванетовъ, пшавовъ, хевсуровъ и тушинъ, при чемъ о послѣднихъ двухъ народностяхъ сообщаются лишь тѣ данныя, которыя не вошли ранѣе этого въ содержаніе перваго тома; вторая часть обнимаетъ собою адаты дагестанскихъ горцевъ и ихъ отношеніе къ шаріату. Такъ какъ оба источника дагестанскаго права сталкиваются между собою лишь въ извѣстныхъ сферахъ юридической жизни, то этими сферами и ограничивается предметъ моего изслѣдованія. Такими сферами являются по преимуществу, хотя и не исключительно, сфера брачнаго, наслѣдственнаго и уголовнаго права. Въ другихъ областяхъ шаріатъ доселѣ продолжаетъ господствовать, и вліяніе адата проявляется въ однихъ лишь частныхъ нормахъ, которыя я постарался отмѣтить при случаѣ. Такъ какъ источникомъ адатнаго права въ Дагестанѣ, какъ и повсюду на Кавказѣ, является родовое устройство, то изученію отдѣльныхъ нормъ адатнаго права я предпослалъ общую главу о дагестанскихъ родахъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ тохумовъ.

Въ настоящемъ томѣ читатель найдетъ еще болѣе фактовъ, не подтверждаемыхъ никакими ссылками, нежели въ предшествовавшемъ. Причина лежитъ въ характерѣ того матеріала, которымъ приходилось пользоваться. Онъ составленъ по преимуществу изъ личныхъ замѣтокъ, набросанныхъ на бумагу во время путешествій по горнымъ обществамъ Грузіи и Дагестана, изъ записи народныхъ юридическихъ обычаевъ, сдѣланныхъ на мѣстахъ по показаніямъ стариковъ, изъ протоколовъ сельскихъ и окружныхъ народныхъ судовъ и изъ оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ окружныхъ архивахъ Тіонета, Закатала и Гуниба, а также въ главномъ управленіи по дѣламъ горцевъ. Я посѣтилъ южные и восточные склоны Кавказскаго хребта въ три различные срока: лѣтомъ 1885 года въ обществѣ профессора Иванюкова я проникъ въ Сванетію съ сѣвера черезъ Тонгузорунскій перевалъ и, посѣтивъ ея важнѣйшіе аулы, встрѣтился въ Калахѣ съ подвигавшейся изъ Мингреліи административной экспедиціей военнаго губернатора Смекалова. Эта случайная встрѣча не мало содѣйствовала успѣшному исходу моего предпріятія, такъ какъ

самъ губернаторъ и его штатъ изъявили полную готовность содѣйствовать мнѣ въ моихъ изысканіяхъ. Въ 1887 году я провелъ болѣе мѣсяца въ путешествіяхъ по Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи, сопровождая на этотъ разъ, въ его разъѣздахъ по службѣ, предсѣдателя тифлисской палаты государственныхъ имуществъ, извѣстнаго знатока Кавказа и въ частности Грузіи, г. Хатисова. Не разъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ мой спутникъ принималъ на себя неблагодарныя обязанности переводчика, разспрашивая по моимъ указаніямъ собиравшихся при нашемъ проѣздѣ стариковъ и передавая мнѣ почти подстрочно содержаніе интересовавшихъ меня судебныхъ рѣшеній.

При новой поѣздкѣ осенью того же года въ Закаталы и Дагестанъ я имѣлъ счастье встрѣтить въ полковникѣ Ус[illegible]шевѣ, начальникѣ Закатальскаго округа, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ администраторовъ и серьезнѣйшихъ знатоковъ восточной половины Кавказа. Сообщенные имъ оффиціальные документы и сдѣланныя съ его словъ замѣтки, вмѣстѣ съ тѣми архивными данными, которыми обязательно надѣлилъ меня въ Тифлисѣ г. Вейденбаумъ, послужили главнымъ матеріаломъ для составленія моего очерка о родовой организаціи Дагестана. Поднявшись изъ Лагодехъ на главный хребетъ въ обществѣ казеннаго лѣсничего, г. Млакосевича, я совершилъ мою поѣздку по Дагестану, пользуясь его постояннымъ содѣйствіемъ въ собираніи этнографическихъ и юридическихъ данныхъ. Окружные начальники и ихъ помощники и учителя народныхъ школъ обязательно ставили себя въ мое распоряженіе и доставляли мнѣ возможность вступать въ частныя бесѣды съ аульными старшинами, эфендіями и муллами. Окружной начальникъ Кайтаго-Табасаранскаго округа, князь Макаевъ, сообщилъ мнѣ въ частности русскій текстъ Постановленія Кайтагскаго уцмія Рустема, предисловіе къ которому дало мнѣ возможность исправить ошибку профессора Леонтовича и отождествить личность Рустема, современника Шахъ-Абасса и Шахъ-Сафіи, съ тѣмъ Рустемомъ „главою Османова владѣнія“, о которомъ говоритъ нѣмецкій путешественникъ 17 вѣка Олеарій. Встрѣчая на каждомъ шагу содѣйствіе и поддержку, я несомнѣнно могъ бы собрать гораздо

больше данныхъ по занимавшимъ меня вопросамъ, если бы не тѣ преграды, какія необходимо ставитъ каждому путешественнику разнообразіе дагестанскихъ языковъ и нарѣчій. Въ виду этого обстоятельства, я не смотрю на свое описаніе юридическаго строя дагестанскихъ горцевъ, какъ на окончательную работу, не нуждающуюся въ пересмотрѣ и дополненіи. Я дорожу въ ней только нѣкоторыми общими выводами объ отношеніи, въ какомъ стоитъ родовое устройство къ народному адату и народный адатъ къ правиламъ шаріата. Я считаю также болѣе или менѣе установленнымъ то общее положеніе, что, не смотря на пестроту племеннаго состава и разнообразіе языковъ, жители Дагестана придерживаются болѣе или менѣе одинаковыхъ началъ права. Но отличительная особенность мѣстныхъ адатовъ и причины, вызвавшія ихъ къ жизни, ускользнули отъ моего вниманія, очевидно, вслѣдствіе незнакомства моего съ туземными нарѣчіями. Эта сторона моей задачи осталась не осуществленной и выполненіе ея можно ожидать ни отъ кого иного, какъ отъ мѣстныхъ изслѣдователей.

НАРОДНОЕ ПРАВО

ГОРЦЕВЪ

МИНГРЕЛІИ, ГРУЗІИ и ДАГЕСТАНА.

ОТДѢЛЪ I.

ГОРЦЫ МИНГРЕЛІИ И ГРУЗІИ.

ГЛАВА I.

Общественное и политическое устройство сванетовъ.

Во всей Европѣ нѣтъ племени, поселенія котораго были бы расположены такъ высоко надъ моремъ, какъ сванетскія. Они разсѣяны частью по верховьямъ Ингура, частью по той узкой, часто пересѣкаемой горами долины, которая, начиная отъ Тонгузоруна, тянется между двумя снѣжными хребтами вплоть до Латпарскаго перевала въ Мингрелію. Сообщеніе съ сѣверомъ доступно лишь для немногихъ; съ югомъ — въ теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Изолированность сванетовъ, защищенныхъ отъ чужеземныхъ вліяній почти непроходимыми горами, широкая автономія, какой они пользовались при грузинскихъ царяхъ, рано достигнутая ими свобода отъ княжескаго произвола, всюду вліявшаго разлагающимъ образомъ на мѣстный обычай — все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ сравнительнаго этнографа остановиться съ особеннымъ интересомъ на изученіи общественнаго и юридическаго строя этого народа, древность котораго такъ велика, что рѣчь о немъ идетъ еще со временъ греческихъ лѣтописцевъ и географовъ. Кого интересуютъ переживанія родоваго строя, кто желалъ бы возстановить въ мельчайшихъ подробностяхъ едва намѣченную Тацитомъ картину древне-германской жизни или восполнить этнографическими аналогіями скудныя свидѣтельства византійскихъ и арабскихъ источниковъ о бытѣ нашихъ предковъ славянъ,

найдетъ въ обычаяхъ сванетовъ богатѣйшій матеріалъ для своихъ построеній. Кровное начало доселѣ составляетъ ихъ основу. Вліяніе его сказывается на каждомъ шагу: и въ жизни большими семьями, на подобіе юго-славянскихъ задругъ, и въ родовомъ характерѣ сельскихъ поселеній или такъ называемыхъ сопелей, составленныхъ нерѣдко изъ однихъ однофамильцевъ, и въ господствѣ родоваго самосуда не вполнѣ подавленнаго еще русскимъ правительствомъ, и въ привиллегированномъ положеніи, занимаемомъ родственниками какъ на судахъ, въ которыхъ они своею присягой подкрѣпляютъ показанія обвиняемаго, такъ и въ гражданскихъ сдѣлкахъ, дѣйствительныхъ только подъ условіемъ ихъ согласія. Родовая организація сванетовъ отличается при этомъ такой выработанностью и законченностью, что каждый въ отдѣльности взятый юридическій институтъ получаетъ отъ нея свою окраску. Возьмемъ для примѣра институтъ усыновленія, въ силу котораго чужеродецъ получаетъ доступъ въ семью и право наслѣдованія въ ея имуществѣ. Институтъ этотъ развитъ очень слабо въ средѣ сванетовъ; если имъ и извѣстно усыновленіе, то только родственника: чужеродецъ, хотя бы имъ былъ и зять, мужъ единственной дочери покойнаго, не вступаетъ у нихъ никогда въ права сына и въ частности не наслѣдуетъ. Эта черта можетъ показаться аномаліей для всякаго, кто интересуется древнимъ правомъ. Кому не извѣстно широкое господство такъ называемаго фиктивнаго родства и въ древне-римскомъ правѣ, и въ греческомъ, кто не знакомъ съ тою выдающеюся ролью, которая принадлежала ему нѣкогда одинаково у индусовъ и у кельтовъ, и при томъ въ эпоху господства тѣхъ самыхъ родовыхъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ быта сванетовъ. Видимое противорѣчіе разрѣшается, однако, весьма просто. Усыновленіе чужеродца потому неизвѣстно сванетамъ, что родовой строй ихъ жизни отличается несравненно большею крѣпостью, чѣмъ бытъ вышеупомянутыхъ нами народностей. Давно сдѣлалось труизмомъ, что исторія застаетъ народы въ эпоху ихъ перехода отъ кровныхъ сообществъ къ сосѣдскимъ. Въ чистомъ его видѣ родовой бытъ можетъ быть констатированъ только въ средѣ тѣхъ народовъ, которые, не будучи историческими, составляютъ пока

достояніе одной этнографіи, и къ числу такихъ я считаю возможнымъ отнести и сванетовъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ времени предшествовавшій русскому господству. Усыновленіе чужеродца, говорили многіе старики, потому было немыслимымъ въ прежнее время, что родственники никогда бы не допустили передачи ему наслѣдства. При прочности кровныхъ связей, родство соблюдается въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ, такъ что нельзя встрѣтить человѣка, у котораго бы не было родственниковъ, а слѣдовательно и наслѣдниковъ, присутствіе которыхъ исключаетъ возможность передачи имущества въ чьи либо чужія руки. Обычное право сванетовъ убѣждаетъ насъ, такимъ образомъ, въ томъ, что институтъ усыновленія развивается на почвѣ разлагающагося родоваго быта, по мѣрѣ ограниченія кровнаго начала нарождающимся трудовымъ, при которомъ лицо, болѣе другихъ содѣйствовавшее накопленію семейнаго имущества, а такимъ можетъ быть и принятый въ семью чужеродецъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ же самымъ преимущественное право наслѣдованія въ ея имуществѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ родовымъ принципомъ стоитъ также у сванетовъ совершенное устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія, одинаково извѣстное и римскому, и нѣмецкому праву, и отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія—живая иллюстрація къ словамъ Тацита о «nullum testamentum» у древнихъ германцевъ. Послѣднее является только однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, какія налагаетъ на правовую дѣеспособность отдѣльнаго лица жизнь сообща съ родственниками и накопленіе цѣнностей общины трудомъ. Лицо, стоящее во главѣ двора, нерѣдко вмѣщающаго въ себѣ до сорока человѣкъ, не можетъ ни продавать семейнаго достоянія, ни обмѣнять отдѣльныя участки принадлежащей обществу земли, не испросивши согласія всѣхъ членовъ. Сдѣлка, совершенная имъ, вопреки общему желанію, сама по себѣ недѣйствительна. Но этого мало. Вліяніе родства сказывается и въ томъ случаѣ, когда оно не связано съ жизнью сообща. Не только однодворцы, но и всѣ вообще однофамильцы, хотя бы они жили и въ разныхъ дворахъ, болѣе того, въ разныхъ селеніяхъ, пользуются правомъ предпочтительной покупки и родоваго выкупа, дѣлая тѣмъ

самымъ весьма шаткимъ всякаго рода имущественныя сдѣлки. Ни въ чемъ, однако, не сказывается въ такой степени сила кровнаго начала, какъ въ тѣхъ брачныхъ запрещеніяхъ, какими такъ богато обычное право сванетовъ. Запрещенія эти идутъ гораздо далѣе каноническихъ. Въ бракъ не могутъ вступать не только родственники до четвертой степени включительно, но даже тѣ, родство которыхъ исчисляется двѣнадцатью степенями. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Вольной Сванетіи бракъ считается невозможнымъ между всѣми вообще однофамильцами; такъ что въ тѣхъ селеніяхъ, населеніе которыхъ еще недавно было составлено изъ однихъ родственныхъ другъ другу семей, господствовала полнѣйшая экзогамія.

Говоря о томъ, что родовыя порядки лежатъ въ основѣ народнаго права сванетовъ, я разумѣю не тѣ болѣе архаическія группы, которыя Морганъ обозначаетъ терминомъ материнскихъ родовъ, но расчлененіе общества по агнатическому принципу, подобное тому, какое извѣстно было древнему Риму и Греціи, германцамъ временъ Цезаря, славянамъ и кельтамъ съ момента ихъ исторической жизни. Правда, нѣкоторыя черты современнаго быта сванетовъ указываютъ на порядки несравненно болѣе архаическія; кто знакомъ съ ученіемъ по преимуществу англійскихъ и американскихъ этнологовъ, тому небезъизвѣстно, какое первенствующее значеніе играетъ въ ихъ теоріи материнитета непрочность брачныхъ узъ и легкое поведеніе женщинъ. И то, и другое достаточно засвидѣтельствовано у сванетовъ. Похищеніе какъ дѣвушекъ, такъ и въ особенности замужнихъ женщинъ у нихъ явленіе обыденное. Семейные раздоры и родовая месть весьма часто не имѣютъ иного источника. Но достаточно ли всего этого для утвержденія, что индивидуализація семейныхъ отношеній у сванетовъ явленіе недавнее, что не далекъ еще періодъ широкаго господства въ ихъ средѣ безпорядочнаго половаго сожительства, при которомъ отецъ могъ быть и неизвѣстнымъ, и единственной прочной связью новорожденнаго была связь его съ матерью -родильницей. Я полагаю, что нѣтъ и вотъ почему. Прежде чѣмъ останавливаться на общихъ причинахъ извѣстнаго явленія, необходимо удостовѣриться еще въ томъ, что послѣднее не находитъ себѣ достаточнаго объяс-

ненія въ тѣхъ, чисто мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ оно возникло. Такъ и въ данномъ случаѣ, прежде чѣмъ относить слабую прочность брачныхъ узъ у сванетовъ къ переживаніямъ комунальнаго брака, необходимо доказать, что послѣдняя не коренится всецѣло въ той бытовой обстановкѣ, среди которой проходитъ ихъ жизнь. А этого, какъ я полагаю, именно и нельзя отрицать. Изъ статистическихъ данныхъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ мѣстной администраціей, оказывается, что число мужчинъ въ Сванетіи значительно больше числа женщинъ и стоитъ къ нему какъ 6 къ 5, иначе говоря, женщинъ на 17 процентовъ меньше, чѣмъ мужчинъ. Это обстоятельство уже само по себѣ какъ нельзя лучше объясняетъ причину частаго похищенія женщинъ. Ихъ не хватаетъ для всѣхъ; удивительно ли, что при такихъ условіяхъ онѣ являются постояннымъ яблокомъ раздора, особенно если вспомнить, что въ Сванетіи, какъ и всюду на востокѣ, женщина не только домохозяйка, но и сельская работница, съ серпомъ въ рукахъ помогающая мужу въ уборкѣ его поля. Къ этой общей причинѣ прибавляется еще особенная, корень которой лежитъ опять таки ни въ чемъ иномъ, какъ въ бытовыхъ условіяхъ изучаемаго народа. При господствѣ родовыхъ отношеній интересъ каждой фамиліи несомнѣнно лежитъ въ томъ, чтобы обезопасить себя на случай возможныхъ столкновеній съ чужеродцами путемъ заключенія тѣсныхъ связей съ другими столь же могущественными и численными родами. Такія связи могутъ быть установлены двоякимъ образомъ: или чрезъ посредство такъ называемаго молочнаго родства, или съ помощью брачныхъ договоровъ. И то, и другое у сванетовъ въ полномъ ходу—черта общая имъ съ другими горскими племенами: татарами на сѣверѣ, осетинами на востокѣ. Но что составляетъ поистинѣ особенность сванетовъ, это то, что брачные договоры, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются ими въ то время, когда будущіе женихъ и невѣста находятся еще оба въ колыбели. Магометанство, распространенное на сѣверѣ отъ главнаго хребта, повидимому причина тому, что такіе ранніе браки одинаково неизвѣстны какъ болкарцамъ и кабардинцамъ, такъ и осетинамъ-мусульманамъ; съ переходомъ въ христіанскіе аулы плоскостной Осетіи мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ.

и терпимость, съ которой христіанство, повидимому, всегда относилось къ нему, находитъ себѣ еще и другое болѣе широкое освѣщеніе въ повсемѣстномъ его распространеніи въ средніе вѣка [1]). Счастливыхъ браковъ, очевидно, нельзя ожидать отъ союзовъ, заключаемыхъ въ младенческомъ возрастѣ, при полномъ, разумѣется, безучастіи самихъ брачующихся. Частый уводъ чужихъ женъ и невѣрность сванетскихъ женщинъ, на чтотакъ много слышится жалобъ изъ устъ русскихъ администраторовъ — неизбѣжныя послѣдствія такихъ оскорбляющихъ нравственное чувство браковъ. Итакъ, не восходя до эпохъ коммунальнаго брака и вытекающаго изъ него материнства, является возможность дать надлежащее объясненіе указаннымъ нами явленіямъ; изъ этого слѣдуетъ, что на нихъ однихъ еще немыслимо строить теоріи когнатическаго рода у сванетовъ.

Раннее распространеніе въ странѣ христіанства, начиная съ 3-го вѣка, легко объясняетъ причину, по которой въ обычномъ правѣ народа мы не находимъ и тѣхъ немногихъ слѣдовъ когнатическаго рода, какія представляетъ собою, напримѣръ, юридическій строй его ближайшихъ сосѣдей—горскихъ татаръ. Извѣстно, какое первенствующее значеніе играетъ въ эпоху существованія материнства дядя по матери, заступающій по отношенію къ дѣтямъ мѣсто нерѣдко неизвѣстнаго имъ отца. Связь съ нимъ, говоритъ Тацитъ о древнихъ германцахъ, считается самой священной и столь же, если не болѣе, тѣсной, чѣмъ связь дѣтей съ дѣйствительнымъ виновникомъ ихъ рожденія. То, что говоритъ Тацитъ о роли дяди съ материнской стороны, цѣликомъ примѣнимо къ современному быту горскихъ татаръ. Убійство дяди по матери считается въ ихъ средѣ такимъ же тяжкимъ преступленіемъ, какъ и отцеубійство. Въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ соприсягѣ съ обвиняемымъ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ у татаръ дядю по матери, какъ ближайшаго родственника. Ничего подобнаго мы не находимъ въ обычномъ правѣ сванетовъ. Отцеубійство у нихъ строго отличается по своимъ послѣдствіямъ отъ убійства мате-

[1]) См. Ковалевскаго «Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ».

ринскаго брата. Принадлежа къ одному роду съ отцомъ, живя съ нимъ въ одномъ дворѣ, сынъ-убійца поставленъ въ невозможность загладить свою вину уплатой цора (платы за кровь). Ему некому платить. Но преступленіе его такъ тяжко въ глазахъ его односельчанъ, что послѣдніе обыкновенно прекращаютъ съ нимъ всякія сношенія; чтобы наглядно наложить на него печать отверженія, они принуждаютъ его носить черезъ плечо повязку, составленную изъ нанизанныхъ на веревку круглыхъ камешковъ или такъ называемую ккà. Совершенно другія последствія влечетъ за собою убійство дяди по матери. Такъ какъ онъ обыкновенно живетъ не въ одномъ дворѣ съ убійцей и не состоитъ его однофамильцемъ, то кровная месть, вызываемая его насильственной смертью, ежечасно можетъ быть прекращена договоромъ объ уплатѣ цора. Мы не встрѣчаемъ также дяди по матери въ ряду тѣхъ ближайшихъ родственниковъ, изъ которыхъ составлялся комплектъ поставляемыхъ отвѣтчикомъ соприсяжниковъ. Родственникамъ со стороны отца (агнатамъ) всегда принадлежитъ въ этомъ случаѣ первое мѣсто. Прибавимъ къ сказанному еще слѣдующее: левиратъ или деверство, въ которомъ со временъ Макъ-Ленана привыкли видѣть переживаніе, если не коммунальнаго брака непосредственно, то его позднѣйшей стадіи—братскаго брака, иначе говоря дозволеннаго обычаемъ сожительства всѣхъ братьевъ съ одними и тѣми же женщинами, совершенно неизвѣстенъ сванетамъ. Мы не только не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы при безплодіи старшаго брата младшій могъ занять его мѣсто, о чемъ, какъ извѣстно, говоритъ сводъМану, но и сожительство вдовы съ ближайшимъ родственникомъ ея мужа, одинаково допускаемое индусскимъ, еврейскимъ, греческимъ и осетинскимъ правомъ, совершенно отсутствуетъ у сванетовъ. Оставшійся въ живыхъ братъ можетъ взять себѣ въ жены вдову покойнаго, но въ томъ лишь случаѣ, если онъ холостъ; вступая въ бракъ, онъ обязанъ заплатить за свою невѣсту полное вѣно или, такъ называемый, начуламъ, все равно, какъ еслибъ онъ былъ лицомъ, постороннимъ ея мужу.

Еще одинъ фактъ, столь же открыто говорящій о томъ, что материнство не оставило слѣдовъ въ современномъ бытѣ сва-

нетовъ. Незаконные дѣти, какъ показываетъ одинаково примѣръ древне-германскаго и кельтическаго права, долѣе другихъ сохраняютъ исключительную связь съ матерью и ея родомъ. Вмѣсто того, чтобы считаться безродными, какъ теперь, они признаются членами того рода, къ которому принадлежитъ ихъ мать, и согласно этому пользуются нѣкоторыми правами наслѣдованія въ ея имуществѣ. Спрашивается, каково положеніе незаконнорожденныхъ въ средѣ сванетовъ. Г-нъ Стояновъ, посѣтившій страну нѣсколькими годами раньше меня, говоритъ, что незаконнорожденные не получаютъ отъ отца имущества и считаются принадлежащими къ роду матери [1]). Это свидѣтельство не согласуется съ тѣми показаніями, какія на этотъ счетъ сдѣланы были мнѣ стариками различныхъ обществъ, какъ вольной, такъ и княжеской Сванетіи. На основаніи всего собраннаго мною матеріала, я пришелъ къ тому убѣжденію, что недавнія распоряженія русскаго правительства во многомъ содѣйствовали затемнѣнію въ самомъ юридическомъ сознаніи сванетовъ понятія незаконнорожденности; такъ что въ настоящее время у нихъ, какъ я сейчасъ покажу, оказывается цѣлыхъ два класса незаконныхъ дѣтей, далеко не одинаково безправныхъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Хотя сванетскій обычай вполнѣ допускаетъ разводъ и вступленіе во вторичный бракъ разведенной съ мужемъ жены, но русская администрація, вѣроятно, по несогласію такихъ порядковъ съ требованіями каноническаго права, сочла возможнымъ признать незаконными болѣе 150 такихъ вторичныхъ браковъ и приступила къ ихъ насильственному расторженію. Обстоятельство это въ свое время вызвало сильное недовольство въ мѣстномъ населеніи. Проживши подърядъ нѣсколько лѣтъ съ женщиной, имѣя отъ нея нерѣдко потомство, мужъ очевидно несоглашался отпустить ее обратно въ семью, изъ которой она вышла въ силу развода. Съ другой стороны, и разведенному супругу далеко не улыбалась мысль разстаться съ своей новой семьей для того, чтобы принять въ свой домъ ушедшую отъ него подругу, да еще съ обязатель-

---

[1]) Путешествіе по Сванетіи (Зап. Кавк. Отдѣла Географ. Общества, кн. 10, вып. 2. Тифлис. 76-го г. стр. 433. Семейный бытъ Сванетовъ).

ствомъ кормить и считать своими прижитыхъ ею на сторонѣ дѣтей. Въ ближайшемъ будущемъ эта неумѣлая попытка морализаціи обычая грозила оживленіемъ кровной мести и нескончаемыми усобицами. Къ счастію хватились во-время и пріостановили дальнѣйшее приведеніе ея въ дѣйствіе. Когда спрашиваешь сванетовъ о томъ, наслѣдують ли у нихъ незаконные дѣти наравнѣ съ законными, они, имѣя въ виду дѣтей отъ браковъ, послѣдовавшихъ послѣ развода, спѣшатъ отвѣтить вамъ, что несомнѣнно наслѣдуютъ, что обычай не установляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ различій, что они получаютъ долю, равную съ той, какая приходится законнымъ дѣтямъ и самое меньшее половину или треть [1]. Такой категорическій отвѣтъ, очевидно, можетъ вовлечь въ заблужденіе. Невольно подумаешь, что обычное право сванетовъ находится на той ступени развитія, когда неизвѣстна прочность брачныхъ узъ и положеніе жены и прижитыхъ ею дѣтей мало чѣмъ отличается отъ положенія наложницы и ея приплода; но дѣло въ томъ, что дѣти, которыхъ сванеты называютъ незаконнорожденными, совсѣмъ не являются таковыми съ точки зрѣнія ихъ обычнаго права; напротивъ того, они вполнѣ законны, а потому и наслѣдуютъ наравнѣ съ послѣдними. Рядомъ съ ними сванетамъ извѣстны, однако, и такіе, которые и, по ихъ понятіямъ, должны быть признаны незаконными. Это всѣ тѣ, которыя прижиты ими отъ любовницъ или «лелятъ». Число ихъ, однако, весьма невелико. Воспитатель дворянской школы въ Кутаисѣ, Висаріонъ Шіовичъ Нижерадзе, сванетъ хорошо знакомый съ бытомъ своего народа, говорилъ мнѣ, что во всей Сванетіи ихъ едва насчитаешь пять человѣкъ. Причину тому онъ видитъ въ частомъ вытравленіи плода родильницами. По показаніямъ стариковъ аула Мести, дѣтей, прижитыхъ незамужними женщинами, сванеты обыкновенно убивали; если же нѣкоторые изъ нихъ и оставляемы были въ живыхъ, то не получали наслѣдства ни отъ отца, ни отъ матери. Во всякомъ случаѣ, они не причисляются къ роду матери, къ нимъ не примѣняется правило

---

[1]) Первое въ Эцерскомъ обществѣ, второе—въ Ушкулахъ, третье—въ Ипари.

infans sequitur ventrem, и положеніе ихъ въ обществѣ — положеніе безродныхъ; а это обстоятельство какъ нельзя лучше доказываетъ, что материнское право, переживаніе котораго всего дольше, какъ мы сказали, держится въ сферѣ тѣхъ отношеній, въ которыя ставитъ незаконнорожденныхъ самый фактъ ихъ рожденія, исчезло безслѣдно изъ быта сванетовъ.

Но можетъ быть употребительный въ ихъ средѣ счетъ родства еще напоминаетъ эпоху, когда послѣднее исчисляемо было не степенями, а классами, эпоху весьма близкую, какъ извѣстно, къ эпохѣ материнства, слѣдовательно, косвенно свидѣтельствующую о распространеніи его еще недавно въ ихъ быту. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся на порядкѣ опредѣленія степени родства у сванетовъ. Обозначивъ литерой А лицо, родство котораго мы желаемъ исчислить, мы проведемъ отъ него линіи во всѣхъ направленіяхъ и на этихъ линіяхъ обозначимъ шариками всѣхъ тѣхъ родственниковъ, которые у сванетовъ носятъ какое либо особое наименованіе, а не зачисляются прямо въ общую группу однофамильцевъ. Таковы въ восходящей будутъ отецъ (му) и дѣдъ (баба), а также мать (ди) и бабка (тата); въ нисходящей сынъ и дочь (первый гезаль, вторая дина гезаль) и внукъ (небати). Прадѣдъ и правнукъ не носятъ особыхъ наименованій, а зачисляются первый въ одну категорію съ дѣдомъ (баба), второй въ одну категорію съ внукомъ (небаши). То же нужно сказать о прапрадѣдѣ и праправнукѣ. Этотъ фактъ не представляетъ собою ничего особенно характернаго; употребленіе такихъ приставокъ, какъ русское пра, французское bis, arrière или petit, нѣмецкое gross и т. п. къ именамъ дѣда и внука доказываетъ сравнительно позднее выдѣленіе и у арійскихъ народовъ Европы этихъ степеней родства изъ общихъ категорій предковъ и потомковъ.

Столь же обычнымъ кажется намъ у сванетовъ и счетъ родства въ боковой линіи: двоюроднаго брата (лахбагезлиръ) они строго отличаютъ отъ роднаго (мухбе), чего, какъ извѣстно, не встрѣчается при классной системѣ родства. Въ одномъ только разговорномъ языкѣ и тотъ, и другой носятъ одно названіе (мухбе), что сплошь и рядомъ практикуется и у народовъ, не знающихъ материнства, хотя бы, напримѣръ, у насъ. Нечего

говорить, что дядя по отцу, какъ и дядя по матери, имѣютъ у сванетовъ особое обозначеніе (буба или шидзай). Одни только племянники носятъ одно наименованіе съ внуками, наименованіе небаши,—черта, сходная съ тою, какую мы встрѣчаемъ въ древне-русскомъ обществѣ и которая, при строгомъ различеніи другихъ ближайшихъ степеней, едва ли говоритъ что либо въ пользу недавняго существованія у сванетовъ классовой системѣ родства.

Итакъ въ семейномъ правѣ сванетовъ нѣтъ данныхъ для признанія материнства исходной эпохой ихъ развитія. Такое заключеніе неравнозначительно съ совершеннымъ отрицаніемъ послѣдняго. Высказывая его, я хочу сказать только то, что разстояніе, отдѣляющее насъ отъ той легендарной эпохи, когда, по свидѣтельству древнихъ писателей, сванетами правили женщины [1], такъ велико, что немудрено, если въ ихъ современномъ обычномъ правѣ не осталось отъ нея болѣе никакихъ слѣдовъ, особенно, если вспомнить, что христіанство, насажденное у нихъ съ первыхъ вѣковъ, отнюдь не могло мириться съ тѣми порядками, существованіе которыхъ предполагаетъ материнство и основанное на немъ родство.

Жизнь родами и нераздѣльными семьями не исключала вполнѣ у Сванетовъ нѣкоторыхъ зачатковъ государственности. Въ Княжеской Сванетіи представителями ея являлись князья изъ рода Дадешкеліани, въ Вольной—избираемые народомъ старѣйшины и народные сходы.

Фамильныя и народныя преданія въ одно слово указываютъ на то, что та зависимость, въ которой, до освобожденія крестьянъ, жило населеніе Бечу, Чубохеръ, Эцеръ и Пари, нынѣ составляющихъ собою такъ называемую Княжескую Сванетію, не восходитъ далѣе 15-го вѣка, что судьбы вольной и дадешкеліановской Сванетіи, до этого времени, были одинаковы, что ими управлялъ болѣе или менѣе номинально поставленный отъ Грузіи намѣстникъ или такъ называемый эрмозовъ, и что такими намѣстниками съ 14 в. были, какъ общее правило, члены семейства Геловани. Выходцы изъ Грузіи, они разумѣется оказывали

[1]) См. Стояновъ, стр. 435.

всякую поддержку пришлому грузинскому элементу и не удивительно поэтому, если при нихъ одинаково въ Вольной и Княжеской Сванетіи изъ среды населенія стали постепенно выдвигаться нѣкоторыя семьи дворянъ—азнауровъ. Такими въ Вольной Сванетіи были между прочимъ Джапаридзе. Имъ удалось постепенно наложить на вольное населеніе аула Мести ярмо крѣпостной зависимости, однохарактерной съ тою, какая извѣстна была Грузіи. Владѣя землею по прежнему въ наслѣдственную собственность, крестьяне или такъ называемые гери въ то же время обложены были барщиной и натуральными сборами: они обязаны были обработывать земли своихъ господъ, исполнять домашнія службы при ихъ дворѣ, сопровождать ихъ на войну, а также во время ихъ поѣздокъ, воспитывать ихъ дѣтей на правахъ аталыковъ, наконецъ, платить имъ ежегодно по одному гвидолу пшеницы съ дыма [1]). Не довольствуясь этимъ, дворяне стали присваивать себѣ право продавать крестьянъ на сторону, нерѣдко разлучая съ этою цѣлью женъ съ мужьями и родителей съ дѣтьми; а также требовать, чтобы, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, собственность крестьянскаго двора поступала не къ однофамильцамъ, а непосредственно въ ихъ руки.

Согласно фамильнымъ преданіямъ, записаннымъ мною со словъ Фрустумхана Джапаридзе, злоупотребленіе властью было причиной тому, что родъ его почти поголовно былъ истребленъ возставшими крестьянами. Случилось это такъ давно, что съ этого времени успѣли уже народиться двадцать поколѣній. Ближайшій поводъ былъ слѣдующій. Старшій изъ рода Джапаридзе, заставъ крестьянина, работающаго на собственномъ полѣ, сталъ кричать на него зачѣмъ онъ не пашетъ хозяйской нивы. Слово за слово — дѣло дошло до того, что крестьянинъ въ сердцахъ убилъ дворянина, а подоспѣвшіе ему на подмогу поселяне истребили весь родъ убитаго, за исключеніемъ одного ребенка, спрятаннаго его аталыкомъ и сдѣлавшагося родоначальникомъ современныхъ дворянъ этого же имени. Избавившись отъ князей, жители Местійскаго общества стали управляться сами со-

[1]) Гвидолъ—корзина, въ которую хлѣбнаго зерна входитъ вѣсомъ два пуда 17 фунтовъ.

бою, сходясь съ этою цѣлью на народные сходы (джанъ-назуранъ) и выбирая на нихъ особаго старѣйшину, занимавшаго должность безсрочно, до тѣхъ поръ, пока дурное поведеніе его не заставило бы народъ подумать о новомъ выборѣ. Старшина этотъ носилъ одно названіе съ тѣмъ, какое принадлежитъ досель старѣйшему во дворѣ (махвши), буквально слово это означаетъ старшій. Кромѣ старшины, сходы выбирали еще двѣнадцать человѣкъ такъ называемыхъ «мыбари» (выборные), обязанностью которыхъ было слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не работалъ по пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ. Виновныхъ въ нарушеніи такихъ запретовъ мыбари подвергали штрафамъ. Народные сходы созываемы были съ помощью особыхъ почти саженныхъ трубъ; одна изъ нихъ доселѣ хранится въ церкви селенія Куратъ. Участіе въ собраніи принимали всѣ совершеннолѣтніе, не только мужчины, но и женщины. Для постановки рѣшенія требовалось единогласіе: но послѣдняго очевидно не легко было достигнуть, особенно, если принять во вниманіе, что на джанъ-назуранъ наиболѣе вліятельные граждане являлись каждый въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи своей партіи. и удивительно ли если рѣдкое собраніе обходилось безъ схватокъ и если, не достигнувъ соглашенія, соперники чаще всего оканчивали тѣмъ, что, запершись въ свои башни. подымали изъ нихъ другъ противъ друга, вражду; такой печальный исходъ тѣмъ болѣе былъ возможенъ, что прогнанные дворяне со временемъ снова приняты были въ аулъ. Крѣпостная зависимость, правда, не была возстановлена въ ихъ пользу, но что̀ было удержано — такъ это представленіе о большемъ благородствѣ ихъ крови, дававшее право дворянину мстить убійцѣ простолюдину смертью двухъ его единокровныхъ. Вмѣсто того. чтобы исчезнуть, дворянство стало даже численно возрастать по мѣрѣ поселенія въ аулѣ новыхъ пришлыхъ родовъ, въ томъ числѣ Куштельянъ — выходцевъ изъ Чегема. Такое явленіе замѣчается не въ одной общинѣ Мести, но на протяженіи всей Вольной Сванетіи, и этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что число дворянъ въ ней и въ настоящее время представляетъ весьма значительный процентъ всего населенія. Такъ въ Муллахскомъ Обществѣ на 939 человѣкъ простаго состоянія

(считая одинаково мужчинъ и женщинъ) приходится 295 дворянъ и дворянокъ, въ Местійскомъ на 537 — 234; въ остальныхъ обществахъ значительно меньше: обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ десятковъ.

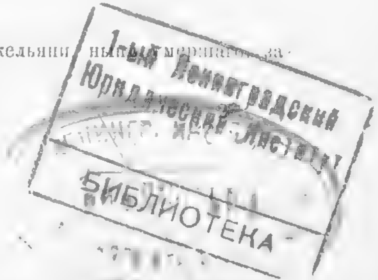
Событія, описанныя мною въ Мести, съ нѣкоторыми варіантами, повторяются и въ любомъ изъ остальныхъ обществъ Вольной Сванетіи. Въ каждомъ возникаетъ со временемъ свой народный сходъ (джанъ-назуранъ), обозначаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ терминомъ лухоръ или лузоръ и постоянно собирающійся на специально отведенной для этого площади, своего рода форумъ или агора, по сванетски Лахоръ. Народное собраніе каждаго общества выбираетъ своего старшину, который, подобно англійскому мировому судьѣ, остается въ должности (durante se bene gesserit), т. е. пока его дурное поведеніе не сдѣлаетъ нужнымъ въ глазахъ народа назначеніе ему преемника.

Замѣчательную черту въ быту Вольной Сванетіи составляетъ рано сознанная отдѣльными обществами необходимость столковываться между собою объ общихъ дѣлахъ. Этой потребности удовлетворяли сходы всего взрослаго ея населенія, созываемые въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ мѣстъ: въ Ушкулѣ на площади, называемой Жеблаши, въ Цвирми на площади Симонъ и въ Лалавервѣ, селеніи, расположенномъ къ западу отъ Эцеръ и болѣе не существующемъ. Предсѣдательство такими общими собраніями поручалось кому либо изъ старшинъ по собственному ихъ выбору. Рѣшеніе, какъ и въ остальныхъ сходахъ, считалось состоявшимся лишь подъ условіемъ единогласія. Г-нъ Нижерадзе, которому я обязанъ только что приведенными данными, не прочь видѣть въ этихъ всенародныхъ собраніяхъ черты своего рода федеративнаго устройства. Не идя такъ далеко, я полагаю, что изъ названныхъ сходовъ, имѣвшихъ лишь временный и случайный характеръ, могли бы выработаться впослѣдствіи вѣча, подобныя тѣмъ, какія мы застаемъ, напримѣръ, въ Ури или Унтервальденѣ, вѣча, на которыхъ приняты были первыя рѣшенія, благопріятныя швейцарской независимости. Правда, этимъ вѣчамъ не приходилось, подобно сванетскимъ, испытывать на себѣ тяжелую руку сосѣднихъ князей Дадешкельяни или прини

мать мѣры къ огражденію отъ нихъ свободы страны. Швейцарское дворянство шло за одно съ народомъ и, благодаря такому единодушію, дѣло освобожденія, быть можетъ, и получило такой скорый и благопріятный исходъ. Иначе относились къ свободнымъ обществамъ Сванетіи ихъ ближайшіе сосѣди—князья Дадешкельяни. Хотя, согласно преданію, этимъ выходцамъ изъ Кумыкъ, этимъ изгнанникамъ изъ рода Тархановъ Тарковскихъ и удалось водвориться въ Эцерахъ только съ народнаго выбора и согласія, хотя защита народныхъ интересовъ противъ стремившагося къ тираніи рода Ричкіани и было, согласно тому же преданію, ближайшей причиною предоставленія имъ власти, [1]) сперва, тремя только селеніями, а затѣмъ и остальными. тѣмъ не менѣе, разъ добившись ея, они употребили все свое стараніе къ тому, чтобы закабалить народъ, одинаково, какъ по нижнему, такъ и по верхнему теченію Ингура. Не довольствуясь установленіемъ крѣпостной зависимости въ тѣхъ четырехъ обществахъ, которыя и теперь образуютъ изъ себя Княжескую Сванетію, они и ушкульцевъ, живущихъ почти у самаго перевала въ Мингрелію, думали обложить данью. Но послѣдніе обнаружили имъ въ этомъ рѣшительный отпоръ. Нута Дадешкельяни, родоначальникъ семьи, какъ гласитъ сказаніе. былъ убитъ ушкульцами пулею, вылитою изъ свинца, доставленнаго въ равномъ количествѣ всѣми дворами Ушкула, чѣмъ какъ бы наглядно дается знать. что погибели его равно желалъ весь народъ. Правда для того, чтобы отвратить отъ себя кровное возмездіе, ушкульцы сдѣлали ею выстрѣлъ изъ церковнаго ружья, направляя его при томъ черезъ окно въ храмѣ, но курокъ ружья былъ взведенъ съ помощью веревки, за которую держалось 42 мальчика, по одному отъ каждаго дыма, слѣдовательно всѣ дворы одинаково участвовали въ убійствѣ Нуты. Послѣдствія, какія повелъ за собою этотъ такъ дружно оказанный народомъ отпоръ. различно излагаются въ фамильныхъ и сельскихъ преданіяхъ. Первыя говорятъ о страшной мести Нeламбера, сына Нуты, надъ ушкульцами: беременнымъ женщи

---

[1]) Сказаніе это со словъ Тенгиза Дадешкельяни, нынѣ умершаго, записано Стояновымъ, стр. 352.

намъ разрѣзаны были животы, дѣти заколоты, каждая капля крови отца оцѣнена въ семь человѣкъ и согласно этому все мужское населеніе, за исключеніемъ трехъ братьевъ, поселенныхъ въ Лахомулѣ, преданы смерти. Наконецъ, въ довершеніе обидъ, въ церкви Ушкула совершено было Исламберомъ нечистое жертвоприношеніе [1]). О всѣхъ этихъ ужасахъ нѣтъ и помину въ той редакціи, въ какой сказаніе о Путѣ ходитъ доселѣ въ средѣ ушкульцевъ. Умирающій Пута. на обращенный ему сыномъ вопросъ, отмстить ли ушкульцамъ или устроить ему примѣрныя поминки, отвѣчаетъ выборомъ поминокъ, а ушкульцы навсегда сохраняютъ за собою полную свободу отъ платежа дани. Послѣдняя редакція, повидимому, ближе къ истинѣ. такъ какъ о какой либо зависимости этой общины Вольной Сванетіи отъ князей Дадешкельяни, со времени Путы, нѣтъ и помину.

Закрѣпощеніе народа было достигнуто семьей Дадешкельяни на протяженіи лишь четырехъ обществъ, составляющихъ такъ называемую Княжескую Сванетію. Какъ и повсюду, гдѣ крѣпостничество не вырождалось въ рабство, принадлежность къ несвободному состоянію не лишала никого права владѣть землею въ собственность. Послѣдняя связана была, какъ и повсюду, съ свободой распоряженія, единственнымъ ограниченіемъ которой являлось право князя выкупать отчуждаемые крестьянскимъ дворомъ земли—подобно средневѣковому retrait feodal. Земельный надѣлъ переходилъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому; но когда во дворѣ никого не оставалось въ живыхъ, князь наслѣдовалъ его предпочтительно предъ однофамильцами; точь въ точь, какъ на западѣ феодальный сеньоръ вступалъ во владѣніе землею своихъ main mortables. Подобно средневѣковымъ крестьянамъ. сванеты, на протяженіи всѣхъ княжескихъ владѣній, обязаны были нести барщину или галдамъ. Въ обыкновенное время года каждый дворъ поставлялъ не болѣе одного рабочаго ежедневно, мужчину или женщину, смотря по характеру работы. Но въ страдную пору требованія помѣ-

[1]) Записано со словъ Татаркана Дадешкельяни, нынѣшняго владѣльца Эцеръ.

щика возростали. Подобно тому, какъ на англо-саксонскіе «lovebones» выходило все рабочее населеніе, такъ точно во время пахоты и посѣва, а также при уборкѣ хлѣба и сѣна, сванетскій помѣщикъ вправѣ былъ требовать отъ каждаго двора столько рабочихъ, сколько ему было нужно и сколько дворъ могъ поставить, смотря по числу живущихъ въ немъ. Сельскія работы производимы были крестьянами съ собственной упряжкою, при чемъ за правило считалось, что каждый дворъ поставляетъ, по меньшей мѣрѣ, одну пару быковъ. Сверхъ этихъ повинностей, крестьяне несли еще извѣстные платежи: каждые 3 года дворъ отдавалъ князу корову. Зимою, сверхъ того, онъ обязанъ былъ доставить пропитаніе по крайней мѣрѣ для одной штуки рогатаго скота; если княжеская скотина падала, взамѣнъ ея крестьянинъ отдавалъ собственнаго вола или корову. На новый годъ почти обязательными признавались натуральныя приношенія, стоимостью въ 20 руб. съ каждаго двора. На пасху крестьянинъ приглашалъ къ себѣ князя и угощалъ его со всею его свитою. Извѣстныя событія въ жизни обѣихъ сторонъ также влекли за собою производство извѣстныхъ платежей крестьянами. Въ Бечу, напримѣръ, ни одинъ дворъ не справлялъ поминокъ безъ того, чтобы не отдать князу 60 хлѣбовъ и 6 или 7 зековъ араку, т. е. не менѣе 48 бутылокъ (считая 8 бутылокъ въ зекѣ). Точно также отдача княземъ дочери въ замужество обыкновенно была поводомъ къ полученію имъ съ каждаго двора, по меньшей мѣрѣ, одного барана. Долженъ былъ князь уплатить цоръ или плату за кровь — и у него не хватало къ тому средствъ, крестьяне складывались между собою и пополняли недостачу. Другой доходной статьей князя былъ взыскиваемый имъ штрафъ съ преступниковъ. Предоставляя своимъ подданнымъ судиться медіаторскимъ судомъ и не вмѣшиваясь въ выборы сторонами посредниковъ, князь довольствовался взиманіемъ съ лицъ, признанныхъ виновными, значительныхъ пеней, всего чаще уплачиваемыхъ скотомъ. Пени эти въ Бечу достигали слѣдующихъ размѣровъ. Штрафъ за убійство или надгарверъ — триста рублей, за воровство или пактерверъ — двѣсти рублей, пеня за раненіе (накчьевъ) — сто рублей. Такимъ образомъ въ Княжеской Сванетіи преступленіе влекло за

собою двоякаго рода послѣдствія—частное вознагражденіе и публичную пеню. Невольно переносишься мыслью въ ту отдаленную эпоху, когда одинаково въ Германіи, Англіи и Франціи, сверхъ виры, взимался еще такъ называемый fredus или amerciaments или когда въ Россіи, согласно Русской Правдѣ, головщина, или частное вознагражденіе роду убитаго, не устраняла «виры» и «продажи» въ пользу князя.

Вмѣсто того, чтобы быть, какъ прежде, мѣстомъ пребыванія одной или двухъ фамилій, сопели стали включать въ себя цѣлые ихъ десятки, обстоятельство благодаря которому отношенія сосѣдства начали выступать на первый планъ и сосѣдское право развиваться нерѣдко въ ущербъ родовымъ интересамъ. Особенно наглядно послѣдняя черта выступаетъ въ фактѣ возникновенія такъ называемаго права сосѣдскаго выкупа, которому, по крайней мѣрѣ въ Княжеской Сванетіи, дается рѣшительное предпочтеніе предъ родовымъ. Только въ томъ случаѣ, если сосѣди не пожелаютъ выкупить проданнаго участка земли, послѣдній можетъ быть пріобрѣтенъ дворомъ однофамильцевъ продавца, отнюдь не наоборотъ.

Этимъ не исчерпывается еще то вліяніе, какое княжеская власть оказала на измѣненіе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Вмѣшательство ея въ судъ, въ формѣ наложенія штрафовъ на различные виды преступленій, сдѣлалось, какъ мы вскорѣ увидимъ, само источникомъ частью отмѣны нѣкоторыхъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, частью усиленія отвѣтственности за извѣстные виды преступныхъ дѣйствій.

Юридическіе обычаи сванетовъ.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сдѣлали попытку нарисовать картину общественнаго и политическаго быта сванетовъ. Въ настоящее время мы переходимъ къ описанію ихъ юридическихъ обычаевъ и, прежде всего, самого порядка производства у нихъ суда. Юридическіе обычаи сванетовъ даютъ новое подтвержденіе тому взгляду, который видитъ зародышъ судебнаго рѣшенія

въ приговорѣ посредниковъ. При характеризующей ихъ бытъ независимости отдѣльныхъ родовъ и ихъ развѣтвленій, не удивительно, если сванеты не выработали иного порядка разбирательства дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, кромѣ того, какой извѣстенъ у нихъ подъ наименованіемъ суда «морвахъ», т. е. суда назначаемыхъ сторонами медіаторовъ. Самостоятельные, не признающіе надъ собою старшаго, кровные союзы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ придерживаются тѣхъ самыхъ началъ, что и суверенныя государства. Подобно тому, какъ международныя столкновенія разрѣшаются войнами и трактатами, такъ точно вражда двухъ или болѣе дворовъ ведетъ къ самосуду и прекращается не иначе, какъ «мирнымъ» соглашеніемъ. Поводомъ къ враждѣ признается безразлично всякое дѣйствіе, причиняющее матеріальный вредъ, все равно, страдаетъ ли отъ него цѣлый дворъ, или только одинъ изъ его членовъ. Родственная солидарность именно и сказывается въ томъ, что личная обида признается общей цѣлому двору, нерѣдко даже всѣмъ однофамильцамъ. Послѣдствіемъ ея является поэтому месть не со стороны одного потерпѣвшаго, но и всѣхъ, и каждаго, кто живетъ съ нимъ, нерѣдко всей его родни. Самоуправство дворовъ прекращается не раньше, какъ послѣ возмѣщенія матеріальнаго вреда, нанесеніе котораго послужило поводомъ къ самоуправству. Размѣры этого вреда и соотвѣтствующій ему имущественный эквивалентъ должны подвергнуться при этомъ строгому опредѣленію. Но кому поручить выполненіе этой задачи, какъ не лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами, при томъ въ равномъ числѣ, такъ какъ иначе принципъ равноправія оказался бы нарушеннымъ. Вотъ почему сванеты, до подчиненія ихъ русскому владычеству, имѣли обыкновеніе рѣшать всѣ свои споры, одинаково гражданскіе и уголовные, съ помощью медіаторовъ. Каждая сторона назначала ихъ отдѣльно отъ другой въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по характеру дѣла: шесть или семь при убійствѣ, три или два—въ менѣе важныхъ случаяхъ. Посредники постановляли рѣшеніе по большинству голосовъ. Но такъ какъ каждый изъ нихъ отстаивалъ интересы назначавшей его стороны, то соглашенія не легко было достигнуто. Назначеніе сторонами равнаго числа медіаторовъ само

являлось препятствіемъ къ тому; какъ было состояться большинству, когда каждая сторона продолжала настаивать на своемъ? Приходилось поэтому прибѣгать нерѣдко къ слѣдующему пріему: посредники изъ собственной среды выбирали одного человѣка, за которымъ признавали уже не одинъ, а два голоса. При раздѣленіи мнѣній пополамъ, голосъ избраннаго оказывался рѣшающимъ. Во всемъ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться лично во время моего пребыванія въ Ушкульскомъ обществѣ, и вотъ по какому поводу. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда возгорѣлась вражда между двумя дворами однофамильцевъ Нижерадзе. Поводъ къ ней былъ самый ничтожный: одинъ изъ Нижерадзе задержалъ на своемъ полѣ чужихъ быковъ, которые оказались принадлежащими двору его однофамильцевъ. Споръ о загнанной скотинѣ принялъ, однако, вскорѣ характеръ открытаго междуусобія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ глава одного изъ спорящихъ дворовъ однажды найденъ былъ мертвымъ въ полѣ и подозрѣніе въ его убійствѣ пало на члена враждовавшей съ нимъ семьи. Хотя русское правительство отказываетъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ по «адату», хотя послѣдніе судятся окружными судами на основаніи нашего уложенія о наказаніяхъ, но на этотъ разъ администрація, въ лицѣ губернатора, сочла нужнымъ, не дожидаясь рѣшенія дѣла по суду, сдѣлать попытку примирить противниковъ, очевидно, изъ опасенія новыхъ нарушеній общественнаго спокойствія.

Въ моемъ присутствіи, по предложенію начальника края, стороны приступили къ назначенію медіаторовъ, каждая въ числѣ 8 человѣкъ. Задача медіаторовъ разслѣдовать дѣло и опредѣлить условія, на которыхъ должно состояться примиреніе враждующихъ. Уголовное разбирательство идетъ своимъ порядкомъ и рѣшеніе суда будетъ приведено въ исполненіе независимо отъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ предложены посредниками.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію своей судебной миссіи, сванетскіе морвары или медіатры обязаны принесть присягу въ томъ, что къ подлежащему имъ разсмотрѣнію дѣлу они отнесутся какъ къ своему собственному. Ближайшій родственникъ потерпѣвшаго обращается къ посредникамъ съ слѣдующими словами: «клянитесь разсмотрѣть дѣло по справедливо-

сти, не увлекаясь родствомъ, не искажая смысла фактовъ, точь въ точь, какъ еслибы оно было вашимъ собственнымъ. Въ случаѣ же нарушенія вами этой клятвы, пусть родъ вашъ будетъ несчастенъ до свѣтопредставленія и идетъ затѣмъ въ адъ». Судьи отвѣчаютъ ему: «мы принимаемъ клятву рѣшить дѣло такъ, какъ еслибъ оно было нашимъ». За этимъ слѣдуетъ приглашеніе судьями сторонъ принесть въ свою очередь присягу въ исполненіе ими приговора. Эта присяга является единственной санкціей, другихъ средствъ принужденія сванетскіе обычаи не знаютъ. Судьи говорятъ сторонамъ: «мы заставляемъ васъ принять присягу въ томъ, что наше рѣшеніе будетъ исполнено вами; если вы не подчинитесь ему и не выполните его въ точности, пусть падетъ на васъ отвѣтственность за нарушеніе присяги, какъ за себя, такъ и за насъ». Въ отвѣтъ на это стороны говорятъ: «Пусть падетъ на насъ проклятіе за нарушеніе присяги, буде мы въ точности не исполнимъ вашего рѣшенія». Приговоръ медіаторовъ считается окончательнымъ. Объ обжалованіи или пересмотрѣ его кѣмъ либо не можетъ быть и рѣчи. Во всемъ этомъ обычаи сванетовъ ничѣмъ не отличаются отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ Кавказа, осетинъ, напримѣръ, или чеченцевъ. Осетинскій «тархони-лагта», чеченскій «келохой», — такіе же выбранные сторонами судьи, какъ и сванетскій морваръ. Число ихъ также зависитъ отъ характера дѣла; рѣшеніе, ими постановляемое, столь же факультативно для сторонъ, которыхъ связываетъ одна приносимая ими присяга. Оригинальной стороною посредническаго суда сванетовъ не является также его всесословность, такъ какъ она характеризуетъ собою медіаторское разбирательство одинаково у кабардинцевъ и горскихъ татаръ, у которыхъ, какъ и у сванетовъ, третейское рѣшеніе можетъ быть постановлено не только въ спорахъ простолюдина съ простолюдиномъ, но и въ тѣхъ, въ которыхъ одной изъ сторонъ является князь или дворянинъ. Характерна развѣ только та черта, что чѣмъ выше общественное положеніе лица у сванетовъ, тѣмъ меньше число назначаемыхъ имъ посредниковъ; на двухъ медіаторовъ, выбираемыхъ простолюдиномъ, семья азнаура или дворянина назначала одного. Таковы, по крайней мѣрѣ, были порядки, которыхъ дер-

жались въ Вольной Сванетіи и, въ частности, въ местійскомъ обществѣ, и въ которыхъ, какъ я полагаю, слѣдуетъ видѣть результатъ того приниженнаго положенія, въ какое поставили азнауровъ часто повторявшіяся противъ нихъ возстанія чернаго люда.

Съ установленіемъ русскаго владычества посредническій судъ далеко не является упраздненнымъ. Правда, дѣла сванетовъ переданы общимъ судебнымъ учрежденіямъ и для Сванетіи нѣкоторое время существовалъ особый даже мировой судъ въ Бечо, дѣла котораго нынѣ перешли къ судьѣ Лечхумскаго уѣзда: но все это не доказываетъ того, чтобы сами сванеты не предпочитали вѣдаться между собою полюбовно третейскимъ судомъ. Бывшій судья Сванетіи г. Пфаффъ постоянно жаловался на то, что народъ избѣгаетъ его разбирательства. Въ настоящее время, когда сванетамъ приходится по случаю процесса идти въ Цагери и дѣлать перевалъ черезъ Латпарскій проходъ, доступный въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ въ году, желаніе ихъ вѣдаться русскими судами сдѣлалось еще слабѣе. Однимъ изъ недавнихъ ихъ ходатайствъ передъ начальникомъ края было избавить ихъ отъ частаго призыва въ судъ, и всеобщую радость вызвало обѣщаніе, что впредь сванетскія дѣла будутъ разсматриваться не иначе, какъ въ іюнѣ или іюлѣ, когда переходъ черезъ горы сравнительно легокъ. Указанное неудобство далеко, впрочемъ, не главное. Важнѣйшее возраженіе противъ распространенія на сванетовъ, какъ и на всѣхъ вообще горцевъ Кавказа, общихъ судебныхъ учрежденій состоитъ въ совершенной неспособности коронныхъ судей держаться при разбирательствѣ дѣлъ тѣхъ способовъ установленія судебной достовѣрности, которые одни имѣютъ обязательную силу въ глазахъ сванета. Современный процессъ, если не говорить объ уликахъ, знаетъ только два вида доказательствъ: свидѣтельскія показанія и письменные документы. Ни до одного изъ нихъ горцы не доросли. Судебныя испытанія, присяга и соприсяжничество родственниковъ—вотъ чѣмъ руководствуются или еще недавно руководствовались всецѣло ихъ туземные судьи. Для нихъ не было тайной, какой видъ присяги пользуется особеннымъ уваженіемъ въ той или другой семьѣ, какія сакраментальныя дѣйствія она

считаетъ наиболѣе связывающими ея совѣсть. Всего этого, конечно, не можетъ знать ни мировой судь, ни, тѣмъ болѣе, суды окружные. Жалуясь на наглость, съ которой горцы даютъ на судѣ ложныя свидѣтельства, русскіе судьи далеки, по видимому, отъ мысли, что классъ лицъ, изъ котораго берутся свидѣтели, по самому характеру своему не заслуживаетъ довѣрія, что нѣкоторыя народности Кавказа, напримѣръ, осетины считаютъ свидѣтельствованіе на судѣ тѣмъ то позорнымъ и приравниваютъ его къ шпіонству, что правдивымъ показаніемъ, клонящимся ко вреду обвиняемаго, свидѣтель можетъ возстановить противъ себя и своихъ всю его родню. Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что на Кавказѣ всего труднѣе добиться истины отъ посторонняго свидѣтеля, а необходимо искать ея у близкихъ къ обвиняемому лицъ, связывая ихъ совѣсть тѣми страшными въ ихъ глазахъ присягами, съ ложнымъ принесеніемъ которыхъ связывается представленіе о гибели цѣлаго рода не только живущихъ поколѣній, но также умершихъ и грядущихъ. Но предполагая даже, что русскій судья знаетъ все это, еще возникаетъ вопросъ, въ состояніи ли онъ серьезно войти въ роль человѣка, руководимаго въ своихъ дѣйствіяхъ правовыми представленіями чуждаго ему народа. Не машина же онъ въ самомъ дѣлѣ? Возможно ли ему поэтому вполнѣ отказаться отъ своей индивидуальности, отъ привитыхъ ему культурой привычекъ мышленія и нравственныхъ убѣжденій. Вопросъ также, на сколько помирится наше собственное юридическое сознаніе съ ежечаснымъ нарушеніемъ нашими же судами того, что мы считаемъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнесемся мы къ рѣшенію русскаго судьи, приговаривающаго кого либо къ доплатѣ калыма за купленную имъ жену или отымающаго у единственной дочери наслѣдство ея отца, съ тѣмъ, чтобы передать его въ руки четвероюродныхъ братьевъ? Съ полнымъ отрицаніемъ, не правда ли: а между тѣмъ оба рѣшенія могутъ стоять въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣстными обычаями На всѣхъ этихъ основаніяхъ, я далеко не отношусь съ такимъ отрицаніемъ къ прежнимъ горскимъ судамъ, съ какой относится къ нимъ большинство юристовъ на Кавказѣ. Несомнѣнно, что власть предсѣдательствовавшаго въ нихъ уѣзднаго

начальника была чрезмѣрной и, что на дѣлѣ онъ легко могъ сдѣлаться единственнымъ судьей; но мысль имѣть выбранныхъ отъ народностей посредниковъ и предоставлять имъ рѣшеніе дѣлъ по адату — должна быть признана плодотворной и заслуживаетъ того, чтобы быть принятой въ разсчетъ при неизбѣжномъ въ будущемъ пересмотрѣ и исправленіи нашихъ судебныхъ уставовъ примѣнительно къ нуждамъ Кавказа.

Отъ судоустройства сванетовъ я перейду къ ихъ процессу.

Вопросъ этотъ сводится къ вопросу о тѣхъ судебныхъ доказательствахъ, какихъ придерживались сванетскіе морвары. Эти доказательства были тѣ самыя, какія мы встрѣчаемъ во всякомъ слабо развитомъ еще правѣ. Говоря это, я хочу сказать прежде всего то, что письменные документы совершенно не были извѣстны, а свидѣтельскія показанія играли сравнительно второстепенную роль; главнымъ же средствомъ установленія судебной достовѣрности была присяга и соприсяга. Убѣдиться въ этомъ легко, напримѣръ, изъ слѣдующихъ отвѣтовъ на поставленные мною вопросы: предположите, говорилъ я разспрашиваемымъ мною старикамъ, что родственники мои, счетомъ двѣнадцать, въ одно слово показываютъ, что я невиненъ въ томъ убійствѣ, какое приписываетъ мнѣ истецъ; послѣдній же, въ подтвержденіе своего обвиненія, приводитъ трехъ свидѣтелей, говорящихъ, что они были очевидцами убійства, и что оно сдѣлано мною. Какой приговоръ въ этомъ случаѣ постановили бы ваши морвары, оправдательный или обвинительный? На этотъ вопросъ всюду слѣдовалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: оправдали бы, такъ какъ противъ присяги родственниковъ безсильны показанія постороннихъ лицъ. А если такъ, то очевидно, что въ ряду доказательствъ свидѣтельскія показанія далеко не стоятъ у сванетовъ на первомъ планѣ. Но этого мало. Сванеты строго различаютъ еще — подкрѣпилъ ли свидѣтель свое показаніе присягой, и какой именно. Безъ присяги показаніе лишено всякаго значенія; много значитъ также, гдѣ принесена присяга; данная въ одномъ храмѣ и на одномъ образѣ считается дѣйствительнѣе другой и т. п. Что это значитъ въ концѣ концовъ, какъ не то, что свидѣтельское показаніе имѣетъ силу на столько, на сколько оно въ то же время является присягой, иначе го-

воря, что само по себѣ оно не имѣетъ силы. Кто не знакомъ съ особенностями древнѣйшаго процесса и съ вызвавшими ихъ причинами, тотъ въ недоумѣніи остановится передъ фактомъ слабаго развитія у сванетовъ института свидѣтелей; но кому извѣстны однохарактерныя явленія не только въ процессѣ другихъ горскихъ народностей Кавказа, напримѣръ, осетинъ, но и въ старинномъ германскомъ, въ частности бургундскомъ правѣ, тотъ необходимо задумается о томъ, возможно ли въ самомъ дѣлѣ существованіе свидѣтельскаго показанія, какъ самостоятельнаго вида доказательствъ, въ правѣ народа, придерживающагося началъ родоваго самосуда, неминуемо постигающаго каждаго, кто причинилъ роду матеріальный вредъ, хотя бы способомъ его причиненія и было свидѣтельствованіе на судѣ. Не даромъ же у нѣкоторыхъ племенъ показанія, неблагопріятныя обвиняемому, дѣлаются суду не иначе, какъ подъ условіемъ сохранить въ тайнѣ имя дѣлающаго ихъ лица, и нѣкоторые древніе своды, въ томъ числѣ индусскія учрежденія и народы считаютъ возможнымъ назвать свидѣтелей «шпіонами»—такъ опасно и презрѣнно въ то же время, по ихъ представленіямъ, дѣлаемое ими дѣло.

Постановляя свои рѣшенія на основаніи присяги выбравшей ихъ стороны, всего чаще, впрочемъ, отвѣтчика, сванетскіе морвары никогда не довольствовались, однако, ею одною, но требовали еще, чтобы показанія присягающаго были подтверждены, также подъ присягою, его родственниками, въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по важности дѣла. Эти соприсяжники, вполнѣ отвѣчающіе по своему характеру «conjuratores» варварскихъ правъ, «очистникамъ и поротникамъ» славянскихъ источниковъ, будучи родственниками и, во всякомъ случаѣ, лицами, близкими ставившей ихъ сторонѣ, въ то же время отнюдь не должны были принадлежать къ числу тѣхъ, кто жилъ съ нею въ одномъ дворѣ. Названіе имъ «мегнемари». Въ дѣлахъ объ убійствѣ обвиняемый обыкновенно ставилъ двѣнадцать человѣкъ, которые вмѣстѣ съ нимъ должны были принесть очистительную присягу. При обвиненіи въ увѣчьяхъ или воровствѣ число мегнемари было на половину меньше. Оно падало иногда до четырехъ человѣкъ и даже до двухъ. Присяга сторонъ и ихъ ме-

гнемари имѣла характеръ символическаго дѣйствія, соединеннаго съ произнесеніемъ извѣстныхъ сакраментальныхъ словъ. Дѣйствіе состояло въ прикосновеніи рукою къ образу или только въ томъ, что присягающій держалъ свою руку надъ водою, которой былъ обмытъ этотъ образъ. Послѣдняго порядка держались въ кальскомъ обществѣ. Такъ какъ икону св. Квирика и Эвлиты запрещено было выносить изъ посвященнаго имъ храма, «Шаліана», и присягавшіе изъ суевѣрія не всегда рѣшались входить въ него, то приходилось довольствоваться при совершеніи обряда водою, въ которую предварительно опущенъ былъ самый образъ [1]). Въ прежнее время, по словамъ полковника Бартоломея, присягавшій, входя въ церковь, бросалъ въ образъ пулю и говорилъ при этомъ: если я скажу неправду, да поразитъ меня эта пуля; а попъ, т. е. мѣстный, не посвященный епископомъ, священникъ, для усиленія присяги, бросалъ пулю назадъ въ присягавшаго» [2]). Въ настоящее время считаютъ возможнымъ ограничиться произнесеніемъ сакраментальныхъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: «если я говорю неправду, то доколѣ не зарѣжу столько бѣлыхъ быковъ, сколько листьевъ на землѣ, да не будетъ мнѣ спасенія». По своей силѣ сванеты различаютъ присягу, приносимую надъ мѣстной иконой, отъ той, какая приносится въ Шаліанѣ и нѣкоторыхъ другихъ, особенно любимыхъ народомъ, храмахъ. Самая страшная присяга та, которая дается въ бывшемъ монастырѣ Квирика и Эвлиты. Сванеты увѣрены въ томъ, что въ этомъ случаѣ показавшаго неправду непремѣнно постигнетъ на разстояніи не болѣе года тяжкая болѣзнь или смерть. Не столь страшны клятвы, дѣлаемыя присягающими въ другихъ храмахъ: изъ нихъ страшнѣе другихъ та, которая приносится въ церкви Богородицы или такъ называемой Ламріа въ Ушкулахъ; за нею слѣдуетъ присяга въ церкви архангела Михаила (Микель Таринзалъ) въ Местіи, присяга въ Джиграки или церкви св. Георгія въ томъ же обществѣ, въ Гябрелѣ (церкви архангела Гавріила) и Мучкуплѣ (церкви апостоловъ въ Эцерахъ). Гораздо меньшее значеніе придаютъ сванеты присягамъ въ дру-

---

[1]) Бартоломей, стр. 315.
[2]) Ibid.

гихъ церквахъ. Отъ судей зависѣло назначить ту или другую присягу. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, каковы всѣ дѣла объ убійствѣ, обыкновенно требовалось принесть присягу въ Шаліанѣ. Тотъ, кому положена была присяга, вмѣстѣ съ своими мегнемари,—отправлялся въ Кальское общество, которое, получивъ отъ него предварительно быка или другую скотину, разрѣшало ему идти въ храмѣ Квирика и принесть тамъ присягу. Ушкульцы, повидимому, также требовали извѣстныхъ приношеній отъ лицъ, приносившихъ присягу въ ихъ церкви. Въ другихъ обществахъ принесеніе присяги не сопровождалось, повидимому, никакими поборами. Присяга съ характеромъ описаннаго нами символическаго обряда—единственный уцѣлѣвшій между сванетами видъ судебныхъ испытаній или ордалій. Раннее распространеніе христіанства и вражда его къ языческому по своей природѣ поединку, а также къ испытаніямъ костромъ и водою—вѣроятная причина тому, что у сванетовъ не сохранилось даже памяти о нихъ. Другое дѣло испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, о которомъ говоритъ еще уложеніе грузинскаго царя Вахтанга, составленное между 1703—9-мъ годомъ. Этотъ видъ ордалій, извѣстный у грузинъ подъ наименованіемъ «шанти», никогда не былъ примѣняемъ въ самой Сванетіи, но ея старики слышали, какъ говорятъ, отъ своихъ отцовъ, что многихъ преступниковъ въ старые годы посылали изъ Сванетіи въ Лечхумскій уѣздъ, гдѣ (сказанія весьма различны на этотъ счетъ) не то въ Цагерахъ, не то въ Ахалгалахъ, одни говорятъ въ церкви, другіе у кузнеца, третьи у князя Фарнаоза Гелоани, хранился четырехъугольный кусокъ желѣза, длиною въ четверть аршина, легко обхватываемый рукою. Желѣзо это раскаляли до огня и, положивъ подъ него бумагу, клали на руку испытуемаго, который обязанъ былъ сдѣлать съ нимъ три шага. Если послѣ испытанія рука оказывалась не поврежденной, подвергшійся ему признаваемъ былъ невиновнымъ и наоборотъ. Представленіе о цѣли, съ которой производимо было испытаніе, на столько изгладилось изъ памяти сванетовъ, что въ нѣкоторыхъ обществахъ мнѣ приходилось даже слышать, что невинность испытуемаго считалась установленной не въ томъ случаѣ, если на рукѣ его не оказывалось обжоговъ, а въ томъ, когда на бумажкѣ, подложен-

ной подъ желѣзо, явственно можно было прочесть написанныя на ней слова: «самъ, Господи, покажи правъ я или неправъ». Вотъ въ какомъ искаженномъ видѣ доходятъ до насъ нерѣдко факты, сравнительно, недавняго прошлаго.

Характерной чертою современнаго права является, какъ извѣстно, строго проводимая имъ граница между гражданской отвѣтственностью и уголовной вмѣняемостью. Злой умыселъ признается нынѣ необходимымъ элементомъ преступленія; гдѣ его нѣтъ, тамъ можетъ быть рѣчь лишь о вознагражденіи вреда и убытковъ, другими словами, объ отвѣтственности гражданской: вотъ почему непреднамѣренное дѣяніе, хотя бы послѣдствіемъ его и была смерть, не считается за убійство и, наоборотъ, неудачное покушеніе, разъ оно совершено съ годными средствами, подлежитъ уголовному возмездію. Въ младенческомъ состояніи права обо всѣхъ этихъ различіяхъ нѣтъ и помину. Въ каждомъ дѣяніи преслѣдуется причиненный имъ матеріальный вредъ, все равно— будетъ ли онъ совершенъ сознательно или безсознательно, отвѣтственнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ лицомъ, или животнымъ и растеніемъ, одухотворяемымъ фантазіей древняго человѣка. Отсюда возможность суда надъ воломъ, причинившемъ случайно чью либо смерть, или надъ деревомъ, раздавившемъ подъ собою прохожаго, возможность, о которой одинаково говорятъ намъ еврейское, индусское, греческое и англо-саксонское право. На дальнѣйшей стадіи развитія, человѣкъ, не переставая преслѣдовать по прежнему одинъ матеріальный вредъ, причиненный ему чужими дѣяніями, не отличая поэтому случайнаго отъ преднамѣреннаго, въ то же время переноситъ отвѣтственность съ животнаго на его хозяина и съ своимъ требованіемъ о возмѣщеніи убытковъ обращается непосредственно къ послѣднему. Въ этомъ періодѣ развитія мы застаемъ нѣкоторыя горскія народности Кавказа, въ томъ числѣ осетинъ, посредническіе суды которыхъ еще недавно карали хозяина скотины за случайно причиненную ею смерть. Стоило камню, задѣтому ногою вола или коровы, упасть на голову прохожаго, и родъ послѣдняго считалъ себя въ правѣ требовать отъ хозяина животнаго уплаты ему виры подъ угрозою кровомщенія. Тѣ же послѣдствія имѣли мѣсто, если ветхій домъ обрушивался на чью либо голову, при-

чиняя увѣчье или смерть; отвѣтственность въ этомъ случаѣ падала на хозяина дома.

Спрашивается теперь, стоятъ ли сванеты въ этомъ отношеніи на той же ступени развитія, что и осетины, или ихъ праву не чуждо ужъ понятіе о томъ, что для отвѣтственности дѣйствій необходимо совершеніе его отвѣтственнымъ субъектомъ, что такимъ можетъ считаться только человѣкъ, что поэтому всякій вредъ, причиненный не человѣкомъ, а, напримѣръ, домашней скотиной, можетъ вызвать развѣ вопросъ о небрежности хозяина въ уходѣ за нею, и отнюдь не сдѣлаться поводомъ къ кровомщенію или къ требованію виръ, штрафовъ? На этотъ вопросъ мнѣ пришлось слышать рѣзко противуположные отвѣты. Въ Княжеской Сванетіи старики не только отрицали существованіе такой отвѣтственности хозяина за животное, но даже высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы оно вообще гдѣ либо было возможно. Въ Вольной, наоборотъ, приходилось слышать, что въ старые годы убійства, причиненныя животнымъ давали поводъ къ взысканію съ хозяина платы за кровь или цора, если не въ полномъ, то въ половинномъ размѣрѣ. Рѣшительное подтвержденіе послѣднему взгляду, прямое доказательство тому, что народные обычаи сванетовъ признаютъ человѣка отвѣтственнымъ за матеріальный вредъ, причиненный его вещью, помимо его вѣдома, мы находимъ, какъ въ удержавшемся доселѣ обычаѣ отбирать въ пользу семьи потерпѣвшаго оружіе, причинившее ему смерть, хотя бы собственникомъ его и не былъ убійца, а также и въ уже разсказанномъ мною преданіи объ убійствѣ Путы Дадешкеліани возставшими противъ него ушкульцами. Что дѣлаютъ послѣдніе для отвращенія отъ себя кровомщенія? Они стрѣляютъ въ Путу изъ церковнаго окна и церковнымъ ружьемъ, чтобы тѣмъ самымъ направить месть его рода на церковь и устраниться лично отъ отвѣтственности. Очевидно, что побуждающимъ мотивомъ къ тому является представленіе, что хозяинъ вещи необходимо несетъ кару за причиненное ею дѣйствіе; въ данномъ случаѣ такимъ хозяиномъ является церковь, съ которой, очевидно, не легко взыскать цоръ, почему и выгодно направить на нее месть враждебнаго ушкульцамъ рода. Причина, по которой въ Кня-

жеской Сванетіи не сохранилось даже памяти о возможности кровнаго возмездія хозяину той вещи, отъ которой послѣдовала смерть или увѣчье, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ косвенномъ вліяніи, какое имѣли князья на измѣненіе народныхъ обычаевъ. Если Дадешкеліани, по крайней мѣрѣ въ Эцерахъ, удалось пресѣчь практику женскаго дѣтоубійства, то я не вижу причинъ, по которымъ они не могли бы внести и въ другія стороны права болѣе раціональныя воззрѣнія, проникавшія къ нимъ изъ Мингреліи и Грузіи, съ высшимъ сословіемъ которыхъ они такъ часто вступали въ брачныя связи.

Отмѣченное нами различіе между уголовными обычаями Княжеской и Вольной Сванетіи снова выступаетъ по вопросу о наказуемости или ненаказуемости дѣйствій, происшедшихъ помимо злой воли совершившаго ихъ лица. Въ Вольной Сванетіи случайное убійство или раненіе, какъ общее правило, ведетъ за собою уплату всего или части цора, въ Княжеской оно оставляется безъ послѣдствій.

Что касается до покушенія, то, какъ общее правило, оно относится во всей Сванетіи къ числу безразличныхъ дѣйствій. Самое большее, если виновнаго въ немъ заставятъ сдѣлать угощеніе всей семьѣ того лица, противъ котораго оно было направлено. Любопытно при этомъ, однако, слѣдующее исключеніе. Изъ общаго правила о ненаказуемости покушеній, въ Ушкулѣ дѣлается изъятіе для случая, когда выстрѣлъ, сдѣланный въ кого либо изъ ружья, сопровождался осѣчкой. Въ этомъ случаѣ съ виновнаго, какъ ни покажется это страннымъ, взыскается плата за кровь. Другое дѣло, если выстрѣлъ воспослѣдовалъ, и тотъ, въ кого онъ былъ сдѣланъ, не потерпѣлъ раненія. Въ этомъ случаѣ о цорѣ нѣтъ и помину. Какъ примирить такое явное, повидимому, противорѣчіе? Очень просто:— тѣмъ, что ушкульцы недопускаютъ возможности иного промаха, кромѣ добровольнаго. Не попавшій въ противника, въ ихъ глазахъ не имѣлъ намѣренія убить его, а только испугать; напротивъ того, при осѣчкѣ возможно предположеніе, что убійство и раненіе не имѣло мѣста только по ея причинѣ. Во всякомъ случаѣ изъ упомянутой нами особенности ушкульскихъ обычаевъ слѣдуетъ только подтвержденіе мысли, впервые высказан-

ной еще Бартоломеемъ, что въ ряду другихъ сванетскихъ обществъ это послѣднее занимаетъ особое мѣсто. Населенное, какъ замѣтилъ уже Бартоломей, выходцами изъ Имеретіи, общество это во многомъ отличается отъ остальныхъ: и говоромъ своихъ жителей, ближе напоминающемъ мингрельскій, и костюмомъ, очень сходнымъ съ грузинскимъ, и сравнительной мягкостью нравовъ, всегда мѣшавшей имъ убивать своихъ новорожденныхъ не только мужскаго, но и женскаго пола [1]). Не удивительно поэтому, если въ Ушкулахъ, подъ вліяніемъ грузинскаго законодательства, могли выработаться нѣкоторые взгляды, неблагопріятные ходячей практикѣ возмездія за одинъ матеріальный вредъ; неудивительно, если умыселъ, хотя и не сопровождавшійся причиненіемъ фактическихъ повреждeній, но опредѣленно выразившійся въ зломъ дѣяніи, признанъ былъ у нихъ достаточнымъ основаніемъ къ наказуемости.

Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда причина тому, что сванетамъ неизвѣстно то, что̀ на языкѣ современныхъ криминалистовъ слыветъ подъ наименованіемъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Будетъ ли убійство сдѣлано изъ засады или причинено кѣмъ либо въ дракѣ, виновный и его родственникъ одинаково присуждаются къ уплатѣ «цора»—въ полномъ его размѣрѣ. Изъ этого правила сванеты знаютъ только одно исключеніе, неизвѣстное сосѣднимъ съ ними осетинамъ: я разумѣю убійство мужемъ любовника жены, застигнутаго имъ in flagrante. Тогда какъ осетины и въ этомъ случаѣ требуютъ отъ виновника убійства полной платы за кровь, сванеты допускаютъ нѣкоторую скидку. Исключеніе, о которомъ идетъ рѣчь, впрочемъ легко можетъ оказаться не болѣе, какъ видимымъ. Дѣло въ томъ, что обычаи сванетовъ очень строго караютъ случаи насильственнаго вхожденія кого либо въ чужое жилище. Кто врывается въ чужой домъ платитъ двѣнадцать ацышей [2]), т. е. семьдесять два рубля. Виновный въ прелюбодѣяніи очевидно прежде всего виновенъ въ томъ, что проникъ безъ вѣдома хозяина въ его

[1]) Поѣздка въ Вольную Сванетію, стр. 210.

[2]) Ацышъ—шесть рублей.

домъ. Вычитая падающую на него за то пеню изъ общей суммы цора, мы приблизительно получаемъ ту часть послѣдняго, которую несетъ убійца женинаго любовника [1]). Нельзя также считать доказательствомъ признанія сванетами увеличивающихъ вину обстоятельствъ въ томъ фактѣ, что съ человѣка, вломившагося въ чужой домъ и учинившаго въ немъ убійство, сверхъ цора взыскивается еще двѣнадцать ацыней, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя преступленіями, совершенными однимъ и тѣмъ же лицомъ, который затѣмъ и призывается отвѣчать за оба вмѣстѣ.

Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда дѣлаетъ возможнымъ для сванетовъ ограниченіе сферы наказуемыхъ дѣйствій тѣми, въ которыхъ ущербъ на самомъ дѣлѣ былъ нанесенъ. Вотъ почему согласно сванетскимъ обычаямъ не подлежатъ наказанію всякаго рода словесныя обиды, какъ не сопровождающіяся матеріальнымъ вредомъ, а также всѣ случаи воровства, оканчивающіеся нахожденіемъ украденой вещи. Вернувши похищенное, воръ освобождается у сванетовъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности.

Если съ одной стороны сфера преступныхъ дѣяній терпитъ у сванетовъ сказанное ограниченіе, то, съ другой, суевѣрія народа заставляютъ расширить ее на цѣлый рядъ дѣяній, съ нашей точки зрѣнія безразличныхъ. Сванеты вѣрятъ въ дѣйствіе чаръ и всякаго рода заклинаній. Изъ недавней еще практики ихъ посредническихъ судовъ можно привести случай присужденія одной женщины чубиховскаго общества къ уплатѣ ста двадцати рублей за изготовленіе зелья, яко-бы лишившаго истца возможности дальнѣйшаго coitus.

При отсутствіи начала публичнаго возмездія, при воззрѣніи на преступленіе, какъ на матеріальный вредъ, наносимый однимъ дворомъ другому и возмѣщаемый производимыми ему платежами,—неудивительно, если только тѣ преступныя дѣйствія вызываютъ собою кровомщеніе, которыя совершаются членами одного двора по отношенію къ членамъ другаго; неудивительно,

[1]) Въ местійскомъ обществѣ, въ которомъ собраны были мною эти свѣдѣнія, обыкновенный размѣръ цора двѣсти пятьдесятъ рублей.

если отце-или матере-убійство, какъ и убійство отцомъ его сына или дочери, не влекутъ за собою уплаты цора, и если, съ другой стороны, убійство дяди по матери, живущаго своимъ дворомъ, необходимо вызываетъ такой платежъ. Если не имѣть въ виду этого чисто-матеріалистическаго воззрѣнія на преступленіе, если упустить изъ виду, что при наказаніи имѣется въ виду не возстановленіе нарушеннаго права и еще менѣе устрашеніе или исправленіе преступника, а просто на просто возмѣщеніе матеріальнаго вреда, причиненнаго однимъ дворомъ другому,—то трудно понять, какимъ образомъ отцеубійца продолжаетъ мирно жить въ средѣ своихъ родственниковъ, отличаясь отъ другихъ только носимой имъ чрезъ плечо повязкой изъ круглыхъ камней или такъ-называемой «кка», тогда какъ всякаго, кто убьетъ чужеродца или даже однофамильца, живущаго отдѣльнымъ дворомъ, неизбѣжно постигаетъ месть, отъ которой онъ не иначе можетъ избавиться, какъ уплативши «цоръ» или полную плату за кровь.

Переходя къ системѣ наказаній у сванетовъ, поражаемся ихъ крайней скудостью. Единственный видъ ихъ составляютъ платежи натурой: землей, скотомъ, оружіемъ, рѣдко когда деньгами, которыми чаще всего только вычисляется размѣръ платежа. О лишеніи жизни или свободы, а также о разныхъ видахъ членовредительства сванеты не имѣютъ и понятія. Встрѣчались правда случаи побіенія камнями кровомѣсителей и притомъ всенародно; приводятъ также примѣры разграбленія жилища и избіенія всей семьи лица, виновнаго въ святотатствѣ или кражѣ въ храмѣ; но въ этихъ единичныхъ случаяхъ такъ же трудно видѣть примѣненіе народнаго обычая, какъ и въ фактахъ убійства родственникомъ лицъ, совращенныхъ въ магометанство. Приписывая наступленіе извѣстныхъ народныхъ бѣдствій, положимъ неурожаевъ и голодовокъ, присутствію въ ихъ средѣ лицъ, оскорбляющихъ Бога своими дѣйствіями, народъ въ гнѣвѣ обращался къ ихъ истребленію, прибѣгая при этомъ къ освященному еще библіей способу; точно также поступали и родственники, спѣшившіе изъять изъ своей среды человѣка, присутствіе котораго можетъ навлечь на нихъ гнѣвъ Божій. О выполненіи всѣмъ народомъ или всею роднею даннаго лица предписуемыхъ обычаемъ карательныхъ

мѣръ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи. Размѣръ платежей, производимыхъ преступникомъ или его роднею, живущею съ нимъ въ одномъ дворѣ, зависитъ отъ важности причиненнаго преступленіемъ вреда: важнѣйшимъ признается, разумѣется, лишеніе жизни. Плата за кровь или такъ-называемый цоръ въ княжеской Сванетіи достигалъ слѣдующихъ размѣровъ. Убійца и его дворъ обязаны были отдать двору убитаго тринадцать цхвадышей земли или, что̀ то-же, шесть съ половиною грузинскихъ кцевъ, иначе говоря безъ малаго двѣ десятины [1]); кромѣ того дворъ убійцы обязанъ былъ одарить скотомъ всѣхъ и каждаго изъ лицъ, жившихъ совмѣстно съ убитымъ, давая одному вола, другому лошадь, третьему барана, смотря по близости его родства съ покойникомъ. Таковъ былъ обычный размѣръ въ эцерскомъ обществѣ. Величина его была въ два раза меньше въ Бечо: уступаемая дворомъ убійцы земля считалась здѣсь не цхвадышами, а наљжомами, числомъ двѣнадцать, что̀, считая каждый налжомъ въ половину меньше противъ цхвадыша, даетъ не болѣе трехъ кцевъ земли или менѣе одной десятины. Въ вольной Сванетіи плата за кровь была приблизительно та же, что̀ и въ Бечо. Въ местійскомъ обществѣ мнѣ говорили объ уступкѣ роду убитаго не менѣе двѣнадцати налжомовъ, не считая скота, раздариваемаго родственникамъ. Въ Ипари оцѣнивали мнѣ имущественный ущербъ, причиняемый двору уплатой цора, приблизительно въ тысячу рублей, чего, разумѣется, достигаетъ онъ и въ упомянутыхъ уже мною обществахъ, такъ какъ цѣнность десятины земли вмѣстѣ съ цѣнностью раздариваемаго скота близко подходятъ въ нихъ къ этой цифрѣ. Какъ уже было сказано, въ составъ уступаемаго роду убитаго имущества однообразно входило и то оружіе, которымъ совершено было убійство. Съ уплатой цора соединялось обязательное угощеніе всѣхъ родственниковъ убитаго, на что̀ въ свою очередь затрачивалось не мало. Если дворъ, на который падала уплата цора, не былъ въ состояніи исполнить всѣхъ требованій, предъявленныхъ ему въ этомъ отношеніи медіаторами, то дворъ убитаго считалъ себя въ правѣ продолжить кровомщеніе. Нерѣдко,

[1]) Въ грузинской кцевѣ два цхвадыша, а въ каждомъ изъ послѣднихъ триста шестьдесятъ четыре квадратныхъ саженей.

впрочемъ, однофамильцы и изъ другихъ дворовъ приходили на помощь тѣмъ кто обязанъ былъ уплатить цоръ. Еще чаще оказавшаяся несостоятельной семья отдавала себя въ холопы той, которая имѣла право на платежъ. Въ числѣ тѣхъ «моджолобовъ» или домашнихъ слугъ, которые въ 69-мъ году были отпущены на волю русскимъ правительствомъ безъ всякаго вознагражденія ихъ собственникамъ, нѣкоторое число были потомками такихъ добровольно закабалившихъ себя семей.

Размѣръ цора служитъ масштабомъ, по которому вычисляется величина платежей, производимыхъ въ случаяхъ увѣчій, раненій, а также въ случаяхъ нарушенія женщиной ея супружеской вѣрности. Самымъ тяжкимъ видомъ увѣчій считалась кастрація, за которую въ однихъ обществахъ взимали полный размѣръ цора, а въ другихъ не менѣе половины его. За отрѣзаніе уха, носа и выколъ глаза взыскивалась треть цора и приблизительно то же или нѣсколько менѣе за отсѣченіе руки или ноги. Что касается до раненій, то тяжкимъ признавалось то, которое причинено было выстрѣломъ изъ ружья, легкимъ:—ударъ кинжаломъ или шашкой. Въ случаѣ черепныхъ или лицевыхъ ранъ обычнымъ размѣромъ вознагражденія была половина цора. Издержки лѣченія и содержанія во время болѣзни падали на дворъ виновнаго.

Взысканія за побои были сравнительно незначительны: одинъ, много два цхвадыша, т.-е. шесть или двѣнадцать рублей.

Изъ преступленій, направленныхъ противъ нравственности, наказуемымъ считались прелюбодѣяніе, изнасилованіе и насильственное сожительство съ женщиной. Что касается перваго, то мужъ вправѣ былъ прогнать невѣрную супругу, получая обратно уплаченный имъ калымъ или «начулашъ»; сверхъ того онъ имѣлъ право на половину платы за кровь за нанесенное ему безчестіе. Сванеты не дѣлаютъ различія между изнасилованіемъ и растлѣніемъ. И то, и другое одинаково ведутъ за собою платежъ скотомъ цѣнностью въ пятьдесятъ азышей или триста рублей серебромъ, т.-е. отъ одной трети до половины платы за кровь. Кровосмѣшеніе принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ явленій въ бытѣ сванетовъ; о противуестественныхъ порокахъ у нихъ нѣтъ и помину, такъ что на всѣ мои расспросы на этотъ счетъ они отвѣчали повсюду рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Изъ другихъ видовъ насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ чьему либо вреду, сванеты различаютъ насильственное вторженіе въ чужое жилище, караемое ими штрафомъ въ 12 азышей (72 руб.), и лишеніе свободы, за что полагается платежъ величиною отъ 10 до 20 азышей, т. е. въ 60—120 руб.

Переходя къ преступленіямъ противъ собственности, мы должны повторить уже сказанное. Обыкновенное воровство не имѣло у сванетовъ иного послѣдствія кромѣ возвращенія украденнаго или стоимости его. Въ одной лишь княжеской Сванетіи правители видѣли въ немъ основаніе къ взиманію штрафовъ въ свою пользу. Только въ томъ случаѣ, если воровство связано съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужой домъ, оно сопровождается платежемъ 12 азышей. Тѣхъ различій между простымъ воровствомъ, разбоемъ и грабежемъ, какія проводятся нашимъ законодательствомъ, сванеты не знаютъ. Воровство на большой дорогѣ считается ими менѣе тяжкимъ, чѣмъ воровство, сдѣланное изъ жилища. Особенно тяжкой признается кража спускающейся къ очагу цѣпи, того желѣзнаго четырехножника, на которомъ печется хлѣбъ. Кромѣ воровства сванеты, подобно осетинамъ, преслѣдуютъ въ ней еще оскорбленіе чести семьи. Размѣръ взысканія доходитъ въ этомъ случаѣ до двадцати азышей (120 руб.).

Заканчивая этимъ очеркъ уголовныхъ обычаевъ сванетовъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что непризнаніе ихъ русскими судами, постановляющими наказаніе по XV тому, причина тому, что представленіе о нихъ все болѣе и болѣе изглаживается изъ народной памяти, такъ что расспрашиваемыя мною лица нерѣдко затруднялись въ своихъ отвѣтахъ и сколько нибудь точныя данныя можно было получить отъ однихъ стариковъ. Русское уголовное правосудіе повидимому не вполнѣ удовлетворяетъ сванетовъ. И это неудивительно. На той стадіи развитія, какой достигло ихъ юридическое сознаніе, немудрено, если ссылка въ каторжныя работы (хотя бы и безъ срока) считается не достаточнымъ возмездіемъ тому, кто по обычаю долженъ или подвергнуться смерти, или выкупить свою жизнь у родственниковъ убитаго. Послѣдніе все еще считаютъ для себя позорнымъ оставленіе убійства безъ отмщенія, и нѣтъ ничего удивительнаго,

если администрація, въ интересахъ общаго мира и спокойствія, обращается нерѣдко, не ожидая приговора, къ назначенію посредниковъ, которые и опредѣляютъ размѣръ того частнаго вознагражденія, какой потерпѣвшая сторона должна получить отъ двора убійцы. Этимъ путемъ, заслуживающимъ, какъ я полагаю, полнаго одобренія, междоусобія потухаютъ нерѣдко въ самомъ ихъ зародышѣ и дѣлается немыслимымъ повтореніе того хорошо-извѣстнаго на Кавказѣ случая, когда сынъ убитаго послѣдовалъ за убійцей въ каторгу за тѣмъ, чтобы исполнить долгъ кровомщенія и заколоть его кинжаломъ.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію гражданскаго права сванетовъ и прежде всего той части его, которая имѣетъ отношеніе къ браку и порождаемому имъ семейному союзу.

Брачное право сванетовъ составляетъ несомнѣнно ту сторону ихъ быта, которая лучше другихъ извѣстна изъ описаній путешественниковъ. Не все сказанное ими на этотъ счетъ заслуживаетъ впрочемъ одинаковаго довѣрія. Такъ напр. извѣстіе г. Стоянова о томъ, что «сванеты-христіане имѣли по двѣ и по три жены, и что старшею изъ нихъ считалась та, которая больше нравилась мужу», не находитъ себѣ подтвержденія въ тѣхъ показаніяхъ, какія сдѣланы были мнѣ стариками, и я не иначе могу объяснить себѣ происхожденіе вышеприведеннаго мѣста, какъ полнымъ смѣшеніемъ понятій законной жены и конкубины (лелятъ). Юридическое положеніе жены и любовницы однако совершенно различно. Конкубина, подобно осетинской номулусъ, не считается хозяйкой въ домѣ и ежечасно можетъ быть прогнана изъ него съ смертію сожительствующаго съ нею лица; ни сама она, ни ея дѣти ничего не наслѣдуютъ. Положеніе конкубины такимъ образомъ можетъ быть названо вполнѣ безправнымъ, justae nuptiae также необходимы въ Сванетіи для того, чтобы женщина была законной женою, какъ и въ древнемъ Римѣ. Будетъ ли невѣста похищена женихомъ у родителей, или пріобрѣтена у нихъ покупкой, она становится женой не ранѣе, какъ послѣ вѣнчанія и свадьбы.

Браки заключаются обыкновенно еще въ младенческомъ возрастѣ. Имъ, какъ общее правило, предшествуетъ обрученіе. Оно представляетъ собою родъ гражданской сдѣлки, въ силу

которой одна семья принимаетъ обязательсто женить сына на новорожденной или имѣющей родиться дочери другой семьи. Обязательство это скрѣпляется уплатой задатка; названіе ему *накдануpи*. Состоитъ онъ обыкновенно изъ одного или двухъ барановъ цѣною не свыше десяти рублей; въ томъ случаѣ, однако, если вопросъ идетъ о заключеніи вторичнаго брака, родители невѣсты берутъ задатокъ въ два или три раза большій. Невыполненіе заключеннаго условія считается оскорбленіемъ для цѣлаго рода и даетъ право на месть. Мести впрочемъ обыкновенно избѣгали, благодаря посредничеству медіаторовъ, опредѣлявшихъ размѣръ вознагражденія, какой должна была уплатить неисполнившая обѣщанія семья. До 1885-го года вѣнчанію предшествовала уплата женихомъ и его семьею всего или части платежа за невѣсту. Сванеты называютъ его начулашъ. Въ 1885-мъ году, при ближайшемъ участіи пристава въ Бечо, состоялся общественный приговоръ, отмѣняющій этотъ платежъ. Это разумѣется нимало не препятствуетъ производству его и нынѣ при обоюдномъ желаніи сторонъ. Въ отличіе отъ народовъ сѣвернаго Кавказа, въ томъ числѣ и Кабардинцевъ, которые обыкновенно складываются между собою съ цѣлью помочь жениху въ платежѣ калыма, сванеты требуютъ, чтобы «начулашъ» всецѣло былъ внесенъ самимъ женихомъ или его родителями. Низкій сравнительно размѣръ его (двѣсти рублей для простонародія, триста для азнауровъ) дѣлаетъ возможнымъ обойтись при его уплатѣ и безъ содѣйствія родни или односельцевъ. Начулашъ рѣдко когда вносится деньгами, всего чаще скотомъ. Величина его часто зависитъ отъ того, принадлежитъ-ли невѣста къ одному селенію съ женихомъ или нѣтъ; въ первомъ случае онъ обыкновенно на-половину меньше. Чтобы избѣжать уплаты начулаша сванеты, въ отличіе отъ другихъ горцевъ, рѣдко прибѣгаютъ къ симулированному похищенію невѣсты. по всей вѣроятности потому, что уводъ дѣвушекъ согласно обычаю налагаетъ на виновнаго обязанность вознаградить родителей ея за безчестіе уплатой половины цора или платы за кровь. Платежъ этотъ не устраняетъ для жениха необходимости внести полностью и весь начулашъ. Такимъ образомъ похитителю невѣста обходится въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ лицу,

получившему ее изъ рукъ родителей. Къ умычкѣ или такъ-называемой «лицхупа» сванетъ обращается поэтому лишь тогда, когда не имѣетъ возможности заключить бракъ инымъ путемъ въ виду рѣшительнаго сопротивленія родителей невѣсты. Дѣвушка обыкновенно заранѣе знаетъ объ уводѣ и даетъ на него свое согласіе. Случаевъ, когда бы у похитителя отобрана была уведенная имъ дѣвушка, сванеты не помнятъ. Похищенная, какъ общее правило, становится женою похитителя. Если въ наше время уводъ невѣстъ составляетъ въ Сванетіи далеко не обычное явленіе, то не такъ было десятки лѣтъ назадъ. Правда въ княжеской Сванетіи семьѣ Дадешкеліани и до русскаго владычества удалось сократить значительно число уводовъ, благодаря установленному ими порядку штрафованія виновныхъ [1]). За то въ вольной, при неограниченномъ господствѣ самосуда, обычай «умыкать» невѣстъ не изъ однихъ лишь сосѣднихъ ауловъ, но также изъ Лечхума, Рачи и Осетіи, былъ весьма распространенъ.

Ближайшей причиной тому была долго-державшаяся въ Сванетіи практика убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Сами сванеты довольно ясно сознаютъ ту тѣсную связь, въ которой оба обычая—похищеніе невѣстъ и женское дѣтоубійство—стоятъ между собою. Въ Кальскомъ обществѣ, говоритъ полковникъ Бартоломей, посѣтившій его въ лѣто 1854 года, жители показывали мнѣ дѣвочекъ, хвастаясь, что оставили ихъ живыми по совѣту пристава Микеладзе. Не будетъ надобности, присовокупляли они, нашимъ сыновьямъ покупать или красть себѣ женъ за горами [2]). Общераспространенность женскаго дѣтоубійства у разноплеменнѣйшихъ народовъ земнаго шара даетъ поводъ искать объясненіе ему въ какой нибудь общей причинѣ. Англійскіе этнографы съ Макъ-Ленаномъ во главѣ обыкновенно признаютъ этой причиной неспособность дѣвушекъ служить ближайшей цѣли

[1]) Бакрадзе въ своемъ описаніи Сванетія, составленномъ въ 1861 г., прямо утверждаетъ, что обычай убивать дѣвочекъ вывелся въ Княжеской Сванетіи, благодаря стараніямъ Дадешкеліани. (Записки Кавказ. Отд. Русск. Географ. Общ., 1861-го года, кн. VII, стр. 42).

[2]) Записки Кавказ. Отдѣла Геогр. Общ., кн. III (1855 г.), стр. 160.

древнѣйшихъ сообществъ — внѣшней оборонѣ. Но если даже признать вѣрность этого соображенія, все же не слѣдуетъ упускать изъ виду и противуположныхъ мотивовъ, побуждающихъ каждое сообщество дорожить присутствіемъ въ его средѣ возможно-бо́льшаго числа дѣвушекъ. Мы не должны забывать, что женщина, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, является рабочей силою въ гораздо большей степени, чѣмъ мужчина, всецѣло поглощенный заботами о военной защитѣ; что по этой причинѣ она важнѣйшій видъ цѣнностей, что продажа ея въ чужой дворъ доставляетъ вскормившей ее семьѣ доходъ, не только окупающій, но и въ нѣсколько разъ превосходящій сдѣланныя на нее затраты; что она живая связь между семьями; что имѣть много дѣтей—лучшее средство породниться со многими дворами и пріобрѣсть въ нихъ поддержку и защиту противъ общихъ враговъ. Далеко не кажется намъ поэтому напередъ рѣшеннымъ вопросъ о томъ, какіе мотивы, благопріятные или неблагопріятные оставленію въ живыхъ новорожденныхъ дѣвочекъ, окажутся преобладающими въ данномъ обществѣ, и прибѣгнетъ ли оно соотвѣтственно тому къ практикѣ женскаго дѣтоубійства, или наоборотъ воздержится отъ нея. Этимъ обстоятельствомъ я и объясняю себѣ причину, по которой убійство родителями младенцевъ женскаго пола далеко не является столь всеобщимъ, какимъ признавалъ его напримѣръ Макъ-Ленанъ; почему, далѣе, оно нерѣдко встрѣчается бокъ-о-бокъ съ убійствомъ мальчиковъ и не какъ нѣчто прочно установленное обычаемъ, а какъ результатъ временнаго недостатка средствъ къ жизни. Такой именно характеръ носитъ оно въ средѣ горскихъ племенъ Кавказа и въ частности у южныхъ осетинъ или туальтцевъ, у которыхъ, по показаніямъ ихъ духовниковъ, въ голодные годы и теперь можно встрѣтить случаи, когда родители оставляютъ безъ пищи своихъ новорожденныхъ, одинаково мальчиковъ и дѣвочекъ, чаще однако послѣднихъ. Сказаннымъ я хотѣлъ доказать только то, что ссылокъ на такъ-называемыя общія причины недостаточно для того, чтобы объяснить существованіе еще недавно въ Сванетіи обычая убивать дѣвочекъ при самомъ ихъ рожденіи, такъ какъ на ряду съ этими общими причинами имѣются и другія, дѣйствующія какъ - разъ въ

обратномъ направленіи. Вотъ почему при разспросѣ стариковъ я считалъ нужнымъ остановиться съ нѣкоторой подробностью на дѣтоубійствѣ и не разъ пытался добиться отъ нихъ самихъ объясненія ближайшихъ причинъ этого явленія. Мотивы, приводимые ими, далеко не согласны съ тѣми, на какіе обыкновенно ссылаются этнографы. Въ княжеской Сванетіи и въ частности въ Бечойскомъ обществѣ право князей продавать крестьянскихъ дочерей въ рабство признаваемо было старикамп ближайшей причиной, по которой родители предпочитали въ старые годы убивать своихъ новорожденныхъ. Къ чему же было вскармливать и воспитывать ихъ, говорили они мнѣ, когда князь вправѣ былъ ежечасно отнять ихъ у родныхъ, когда ожидавшая дѣвушку судьба было состояніе безправной рабыни - нерѣдко у невѣрныхъ по ту сторону горъ, у татаръ или кабардинцевъ? Вотъ объясненіе, надъ которымъ не задумывался пока ни одинъ этнографъ, и которое, какъ мнѣ кажется, приложимо къ быту не однихъ сванетовъ. Продажа взрослыхъ дѣвушекъ ихъ владѣльцами,—вѣроятный источникъ средневѣковаго droit de mariage или принудительной отдачи въ супружество феодальнымъ сеньоромъ—явленіе настолько распространенное въ эпоху рабства и крѣпостничества, что совершенно упускать его изъ виду при объясненіи такихъ обычаевъ, какъ женское дѣтоубійство, было бы большой ошибкой.

Тогда какъ въ княжеской Сванетіи лица, дававшія мнѣ показанія, обыкновенно сваливали на князей отвѣтственность за господство вреднаго уже въ ихъ глазахъ обычая, въ вольной они въ оправданіе себя приводили бѣдность страны, ея неспособность доставить пропитаніе возростающему населенію и невозможность получать средства къ жизни извнѣ, благодаря отрѣзанности отъ прочаго міра въ теченіи цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ въ году, однимъ словомъ необходимость ограничить искуственными средствами естественный ростъ населенія. Трудно не согласиться съ этимъ мотивомъ, такъ какъ поверхностнаго даже знакомства съ физическими и климатическими условіями края достаточно для убѣжденія, что недостатокъ средствъ къ пропитанію — ближайшая причина, по которой сванеты считаютъ нужнымъ принимать мѣры къ ограниченію числа рожденій. Этимъ

недостаткомъ объясняется, почему они, какъ общее правило, предотвращаютъ самое появленіе на свѣтъ незаконнорожденныхъ съ помощью абортивныхъ средствъ. Въ немъ же лежитъ ключъ къ пониманію и тѣхъ основаній, по которымъ, не имѣя возможности доставить содержаніе подростающему поколѣнію мужчинъ и женщинъ, они дѣлаютъ выборъ между полами, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Предпочтеніе, оказываемое имъ въ этомъ случаѣ, легко объяснимо, если вспомнить, что при господствѣ родовыхъ отношеній продолжателемъ рода считался сынъ, а не дочь, и что первенствующая цѣль всякаго сообщества—оборона его отъ сосѣдей,—всецѣло осуществляется одними мужчинами. Прибавимъ къ этимъ мотивамъ болѣе или менѣе общаго характера еще тотъ спеціальный, что женщина въ Сванетіи, вмѣсто того чтобы приносить доходъ семьѣ самымъ выходомъ своимъ въ супружество, скорѣе причиняетъ убытки. Это зависитъ отъ незначительности платимаго за нее калыма, который, какъ мы видѣли, не превосходитъ одной, много двухъ сотень рублей, а также отъ того, что родители надѣляютъ своихъ дочерей приданымъ, цѣнность котораго обыкновенно превосходитъ цѣнность полученной за нихъ платы. Мнѣ неизвѣстенъ источникъ, изъ котораго г. Стояновъ почерпнулъ свое категорическое утвержденіе, что въ Сванетіи «приданаго нѣтъ» [1]. Послѣднее уплачивается родителями невѣсты на каждомъ шагу и извѣстно въ народѣ подъ грузинскимъ наименованіемъ «мзитвы». Въ составъ приданаго входятъ тѣ самые предметы, которые русскіе крестьяне обыкновенно даютъ дочерямъ при отдачѣ ихъ въ замужество: одежда, украшенія, домашняя утварь. Первая заготовляется родителями не только для невѣсты, но и для будущаго ея супруга. Изъ украшеній всякая сколько нибудь зажиточная семья непремѣнно надѣлитъ дочь серебрянымъ нагрудникомъ и серьгами. Мѣдные чаны, въ которыхъ заготовляется пища и которые въ Сванетіи представляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ цѣнностей, также весьма часто попадаются въ числѣ предметовъ, приносимыхъ молодою женою во дворъ ея мужа. Но этимъ не исчерпываются еще всѣ затраты, кото-

[1]) Зап. кн. 10, вып. 2.—1876 г., стр. 434.

рыя семья брачущейся несетъ по случаю выхода ея въ замужество. Въ приданое нерѣдко идетъ также скотъ: бараны. лошадь, корова. Земля, какъ и у русскихъ крестьянъ, обыкновенно не дается за невѣстой; она—собственность двора и не должна поэтому выходить изъ его рукъ. Дача же ея въ приданое по своимъ послѣдствіямъ равнозначительна была бы уступкѣ ея чужеродцамъ. Только въ томъ случаѣ, если начулашъ или калымъ уплаченъ былъ землею, данный женихомъ участокъ могъ быть включенъ родителями въ приданое. Старики опредѣляли мнѣ цѣнность послѣдняго приблизительно въ 100. 200 рублей. Дворянскія или азнаурскія семьи увеличивали его размѣръ въ два раза, одаряя дочь вещами и скотомъ на сумму отъ 200 до 400 рублей. Вмѣстѣ съ приданымъ жена привозила съ собою въ домъ мужа еще угощеніе для его родни: столько хлѣбовъ, сколько можетъ быть доставлено на двухъ быкахъ, и столько же водки. Все это еще болѣе увеличивало размѣръ затратъ, дѣлаемыхъ семьею невѣсты, и невольно укореняло въ средѣ сванетовъ тотъ взглядъ, что дочь скорѣе уноситъ, нежели приноситъ съ собою достатокъ тому двору, въ которомъ она родилась; а такая увѣренность должна была только укрѣплять въ убѣжденіи, что новорожденными мальчиками слѣдуетъ дорожить болѣе, нежели дѣвочками, и косвенно поддерживать поэтому практику женскаго дѣтоубійства. Съ теченіемъ времени въ народѣ составилось даже суевѣрное представленіе о томъ, что за всякую убитую родителями дѣвочку небо посылаетъ мальчика—представленіе еще живо державшееся въ Сванетіи во время посѣщенія ея г. Бакрадзе. «Сванеты, говоритъ грузинскій путешественникъ, убѣждены въ томъ, что убійство дочери вознаграждается рожденіемъ сына» [1]). О самомъ способѣ умерщвленія сванетами новорожденныхъ имѣется не вполнѣ точное представленіе. Уже Бартоломей указываетъ на то, что младенцамъ вовсе не засыпаютъ рта горячей золою, вызывая тѣмъ самымъ искуственное удушеніе, а морятъ ихъ голодомъ, не допуская къ груди родильницы. Это тотъ самый способъ, какой былъ извѣстенъ въ древности, въ частности въ Римѣ, гдѣ отъ выбора мужа зависѣло допустить

[1]) Записки Кавк. Отд. Геогр. Общ., кн. VI, 1861 г., стр. 42.

или не допустить новорожденного къ груди его матери. Г-нъ Стояновъ перечисляетъ впрочемъ еще и другіе способы умерщвленія: младенцу кладутъ камень на животъ, или душатъ его за горло, или насыпаютъ ему въ ротъ поташу [1]). О послѣднемъ обычаѣ доводилось слышать и мнѣ (въ одной впрочемъ вольной Сванетіи), но какъ о явленіи, повторяющемся сравнительно рѣдко и далеко не обычномъ.

Послѣ этого неизбѣжнаго уклоненія возвращаюсь къ дальнѣйшей передачѣ характерныхъ особенностей брачнаго права у сванетовъ. Изъ того обстоятельства, что бракъ достигается у нихъ похищеніемъ невѣсты или ея покупкою, еще не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что онъ считается правильно-заключеннымъ и помимо совершенія обряда вѣнчанія. Я сказалъ уже, что этотъ обрядъ необходимъ для понятія «justae nuptiae», что вѣнчанная женщина одна признается женою и пользуется юридическими правами. Обрядъ вѣнчанія совершался поэтому въ Сванетіи задолго до того времени, когда Обществу Распространенія Православія на Кавказѣ удалось завести въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ погостѣ особаго священника, обыкновенно изъ грузинъ, получившихъ воспитаніе въ Кутаисскомъ духовномъ училищѣ и рукоположенныхъ мѣстнымъ епископомъ [2]).

Вербовавшіеся изъ простонародья «папи», которыхъ Бартоломей неправильно называетъ «деканозами»—терминомъ, употребительнымъ въ средѣ хевсуровъ, но совершенно неизвѣстнымъ сванетамъ—втеченіи столѣтій продолжали вѣнчать брачущихся по грузинско-православному обряду, читая наизусть непонятныя имъ самимъ молитвы. Женихъ и невѣста стояли по серединѣ церкви одинъ противъ другаго, имѣя на головѣ ситцевыя шапочки — слабое подобіе вѣнцовъ; полы платьевъ ихъ были сшиты, что̀ символически выражало крѣпость тѣхъ узъ, которыя должны были связывать ихъ въ будущемъ. Три

---

[1]) Стр. 435.

[2]) Сванетскіе священники, за исключеніемъ одного, родомъ сванета — имеретины или мингрельцы; весьма немногіе изъ нихъ говорятъ по сванетски; богослуженіе совершается ими на грузинскомъ языкѣ, котораго въ Сванетіи не понимаетъ почти никто. Удивительно ли, если церкви пусты и священники пользуются сравнительно слабымъ вліяніемъ?

раза папи переносилъ вѣнецъ съ головы жениха на голову невѣсты. Предъ совершеніемъ обряда брачущіеся должны были поцѣловаться. За вѣнчаніемъ въ церкви слѣдовало празднованіе свадьбы въ домѣ жениха. Молодая является въ него, закрывъ лицо покрываломъ. При переходѣ черезъ порогъ покрывало должно быть поднято. Ближайшіе родственники мужа ждутъ ее за дверями, держа въ рукахъ чашу съ пшеничной мукой—символъ изобилія и матеріальнаго довольства; болѣе отдаленные обнажаютъ свои кинжалы надъ ея головою, думая отвратить тѣмъ дѣйствіе нечистой силы, невидимыхъ злыхъ духовъ, которые вмѣстѣ съ нею желали бы проникнуть во дворъ. Принявъ чашу въ свои руки, невѣста медленно обходитъ съ нею три раза стѣны жилья. Послѣ этого ее подводятъ къ сосуду съ медомъ. Обмокая въ него палецъ, она подноситъ его къ своимъ губамъ въ знакъ того счастья и той радости, которая ждетъ ее въ ея новой семьѣ. Во все это время вокругъ ея не смолкаютъ звуки пѣсни, извѣстной подъ названіемъ «корцилоба». Смыслъ ея непонятенъ болѣе сванетамъ, но они продолжаютъ думать, что въ ней заключается пожеланіе счастія и благоденствія. Какъ и всякое радостное событіе въ жизни горца, свадьба не обходится безъ стрѣльбы изъ ружей и пистолетовъ; время отъ времени за стѣнами сакли раздаются звуки выстрѣловъ, дѣлаемыхъ роднею новобрачной. Торжество заканчивается пиромъ, который нерѣдко продолжается и на слѣдующій день, пока свита невѣсты вмѣстѣ съ родней жениха не уничтожитъ всѣхъ заготовленныхъ запасовъ. Молодая не въ примѣръ тому, что доселѣ практикуется по ту сторону горъ у балканцевъ и дигорцевъ, остается въ семьѣ мужа; родственники же ея возвращаются къ себѣ на второй или третій день послѣ свадьбы. Въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, мужъ не дѣлаетъ женѣ никакихъ подарковъ. Такъ-называемый утренній даръ или «morgengabe», съ существованіемъ котораго мы знакомы по преимуществу изъ германскихъ народныхъ правъ, но который попадается и въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ, въ томъ числѣ у кумыковъ—неизвѣстенъ сванетамъ; вѣрнѣе сказать они откладываютъ производство его до того времени, когда жена подаритъ мужа рожденіемъ сына.

«Послѣ перваго ребенка, говоритъ г. Стояновъ, мужъ даетъ женѣ покрывало и повязку» [1]). Первая брачная ночь вообще не играетъ въ быту сванетовъ того значенія, какое связываетъ съ нею обычное право большинства арійскихъ народностей. Извѣстно, что въ Малороссіи наприм. начало брачному сожительству кладется еще въ то время, когда гости продолжаютъ пировать за столомъ; что они какъ-бы считаютъ себя въ правѣ быть оповѣщенными объ этомъ; и что это обстоятельство даетъ имъ возможность приступить къ публичному опозориванію новобрачной каждый разъ, когда возникнетъ подозрѣніе въ ея цѣломудріи. Ничего подобнаго сванеты не знаютъ. Никакого общественнаго контроля молодая чета не признаетъ за собою. Новобрачная отвѣтственна только передъ мужемъ, который въ свою очередь тщательно скрываетъ отъ всѣхъ ея нецѣломудріе, считая послѣднее позоромъ для себя.

Приступая къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній супруговъ, я долженъ сказать прежде всего нѣсколько словъ о томъ, каково вообще воззрѣніе сванетовъ на женщину. Уже изъ нѣкоторыхъ чертъ описаннаго мною свадебнаго ритуала наглядно выступаетъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое. Съ женою входятъ въ домъ мужа злые духи, противъ которыхъ его родные обнажаютъ свои кинжалы и держатъ ихъ нѣкоторое время надъ головою невѣсты [2]). То же воззрѣніе еще рѣзче проглядываетъ

---

[1]) Стр. 435.

[2]) Обрядъ этотъ повидимому не составляетъ особенности однихъ сванетовъ и довольно распространенъ въ средѣ всѣхъ вообще туземныхъ народностей Кутаисской губерніи. Вотъ что говоритъ напримѣръ на этотъ счетъ о жителяхъ Шаропонскаго уѣзда составленное въ 1865 г. мѣстныхъ лѣкаремъ медико-топографическое его описаніе: «Въ церкви шаферъ кладетъ подъ ноги молодымъ свою обнаженную шашку. По окончаніи обряда вѣнчанія, при выходѣ изъ церкви, шаферъ, стоя у дверей, держитъ шашку надъ головами новобрачныхъ; подъ этой шашкой они должны пройти. По возвращеніи домой, при входѣ въ комнату новобрачныхъ, шаферъ повторяетъ тѣ же дѣйствія шашкою; въ заключеніе онъ входитъ въ комнату и слегка ударяетъ шашкою крестообразно по стѣнамъ и угламъ. Все это шаферъ дѣлаетъ для того, чтобы положить основаніе будущему счастью молодыхъ, разстроивъ замыслы злаго духа». (Медико-топографическое описаніе Кутаисской губ., предпринятое по ини-

въ рѣшительномъ запрещеніи женщинамъ входить въ церковь. Такое же запрещеніе существуетъ и въ Пшавіи, т.-е. въ средѣ несомнѣнныхъ грузинъ, одичавшихъ, правда, въ своихъ горахъ, но не утратившихъ общаго съ жителями долины языка. По словамъ г. Бакрадзе въ обѣихъ мѣстностяхъ церковь считается оскверненной, если въ нее войдетъ женщина, почему послѣдняя и не должна переступать церковнаго предѣла. Сванетка, прибавляетъ онъ, сама сознаетъ, что не чиста и что образъ не допуститъ ея присутствія [1]). Во время родовъ, говоритъ Стояновъ, нельзя прикасаться къ родильницѣ, а также въ теченіи 40 дней спустя, пока попъ не окропитъ нечистую священной водой; съ наступленіемъ кровотеченія женщина должна уйти изъ дому и поселиться въ какой нибудь пустой избушкѣ [2]). Въ основѣ такого воззрѣнія лежитъ, какъ мнѣ кажется, не столько превратное толкованіе христіанскаго взгляда на женщину, какъ на ближайшую виновницу грѣхопаденія, сколько слѣды ученія Авесты о нечистотѣ или, что то же, одержимости злыми духами всѣхъ отдѣленій живаго организма. Во всякомъ случаѣ здѣсь нельзя видѣть отраженія приниженности ея положенія въ семьѣ, такъ какъ о послѣдней не можетъ быть и рѣчи. По сравненію съ другими горскими племенами Кавказа сванеты признаютъ за женщиной значительную долю самостоятельности. У балкарцевъ и осетинъ вся работа, какъ домашняя, такъ и полевая, производится исключительно ею; не такъ у сванетовъ, у которыхъ женщина пользуется гораздо бо̀льшимъ досугомъ. Относительная рѣдкость женщинъ и вытекающая для нихъ отсюда легкость находить сожителей и въ случаѣ развода—причины тому, что мужчина обращается съ женою довольно мягко. Никогда въ Сванетіи мужъ не имѣлъ права на жизнь жены. Убійство даже уличенной въ невѣрности супруги всегда признавалось дѣйствіемъ, вызывающимъ кровную месть со стороны ея родственниковъ [3]).

ціативѣ доктора Струве и хранящееся въ рукописи при недавно-открытомъ въ Кутаисѣ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ).

1) Стр. 46.

2) Стр. 435.

3) Обольстителю, говоритъ Стояновъ, мстятъ, но преступной женѣ не дѣлаютъ никакого зла (стр. 437).

Послѣдствіемъ невѣрности обыкновенно бываетъ разводъ. Мужъ выгоняетъ жену изъ своего дома, и такъ какъ вина на ея сторонѣ, то онъ не только не обязанъ уплатить что либо ея родственникамъ за безчестіе, но вправѣ даже потребовать отъ нихъ возвращенія ему «начулаша» или внесенной за невѣсту платы. На вопросъ о томъ, вправѣ ли мужъ наказывать жену тѣлесно, старики обыкновенно отвѣчали, что бываютъ случаи, когда мужъ и побьетъ жену, но что случаи эти не особенно часты. Въ томъ обстоятельствѣ, что мужъ конфузится, когда его застанутъ въ одной комнатѣ съ женою, или что пить за ея здоровье въ его присутствіи, а также спрашивать о ней при постороннихъ считается неприличнымъ—я не могу, подобно г. Стоянову, видѣть доказательство суровости, съ которой мужъ обходится съ женою. Тѣ же черты могутъ быть отмѣчены въ бытѣ сосѣднихъ съ сванетами горцевъ—бытѣ, основу котораго составляетъ магометанство и восточное затворничество женщинъ, и который въ этомъ отношеніи наложилъ свою печать и на сванетскіе обычаи. Г-нъ Бартоломей правъ, утверждая, что въ Местіяхъ, (прибавлю отъ себя—не въ нихъ однихъ, но также въ Муллахѣ и Бечо, т.-е. ближайшихъ къ переваламъ селеніяхъ) сосѣдство мусульманскихъ племенъ (Балкарцевъ) отражается нѣсколько на правахъ сванетовъ, въ которыхъ выступаютъ уже многія черты исламизма [1]).

Относительная самостоятельность замужнихъ женщинъ въ Сванетіи оказывается всего нагляднѣе въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ. Жена удерживаетъ вполнѣ право собственности на приданое; безъ ея согласія ни одна часть его не можетъ подвергнуться отчужденію. Если въ составъ приданаго входитъ земля, то мужъ подвергаетъ ее эксплуатаціи не иначе, какъ съ предварительнаго уговора съ женою. Онъ не болѣе, какъ управляющій ея имѣніемъ, отнюдь не свободный распорядитель его судьбами. Право собственности жены на принесенное ею приданое сказывается во всей силѣ въ моментъ прекращенія брака въ силу развода, виновникомъ котораго является мужъ. Вопреки каноническимъ запрещеніямъ обычай сванетовъ

[1]) Стр. 193.

не считаетъ брака чѣмъ то нерасторжимымъ. Супруги въ прежніе годы расходились, нерѣдко, удерживая за собою право основанія новыхъ семей. Эти разводы, названіе которымъ «лицевра», имѣли мѣсто то по волѣ мужа, то по волѣ жены. Въ первомъ случаѣ мужъ обязанъ былъ вернуть приданое и сверхъ того сдѣлать родственникамъ жены особый платежъ въ вознагражденіе за наносимое имъ безчестіе. Размѣръ этого платежа обыкновенно равнялся половинѣ цора или платы за кровь.

При оставленіи же мужа женою родственники послѣдней производятъ такой же взносъ обезчещенному супругу, возвращая ему въ то же время уплаченный имъ начулашъ; на приданое же жена и въ этомъ случаѣ сохраняетъ полное право собственности. Съ прекращеніемъ брака смертью мужа вдова, не наслѣдуя ему, въ то же время въ правѣ остаться при дѣтяхъ во дворѣ покойнаго и нерѣдко занимаетъ въ немъ положеніе большухи, т. е. главной хозяйки: бездѣтная, какъ общее правило, возвращается въ ту семью, изъ которой вышла, и остается въ ней до момента вступленія въ новый бракъ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что о безправіи женъ въ Сванетіи не можетъ быть и рѣчи. Не имѣя равныхъ правъ съ своимъ супругомъ, подчиненная его опекѣ и попечительству и потому ежечасно имъ контролируемая, замужняя женщина въ то же время пользуется у сванетовъ значительной самостоятельностью въ сферѣ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ.

Что касается до ея общественнаго положенія, то необходимо отмѣтить ту подробность, что сванеты допускаютъ женщинъ въ болѣе широкой степени, чѣмъ другія народности Кавказа, къ роли посредницъ на судѣ, а подчасъ выслушиваютъ ихъ охотно и на своихъ сходахъ. Можно сказать, что женщина въ Сванетіи часто служитъ тому высокому назначенію, которое приписывали ей древніе Германцы, называя ее Friedewebe «ткущей миръ», иначе: примиряющей враждующіе между собою роды. По вѣрному замѣчанію г. Стоянова женщины нерѣдко останавливали въ Сванетіи кровавыя схватки. Кровникъ, преслѣдуемый семьею убитаго, находилъ у нихъ убѣжище, и одного прикосновенія ихъ къ нему достаточно было для того, чтобы на время спасти его отъ пули; точно также раненый, разъ принятый женщиной

на ея попеченіе, пропускался безпрепятственно сквозь строй враждующихъ съ его семьею враговъ [1]). Голосъ женщины не разъ раздавался въ пользу мира и на народныхъ собраніяхъ. Несозываемыя на нихъ формально, женщины при нѣкоторой энергіи и настойчивости легко могли добиться того, чтобы быть выслушанными; совѣтъ ихъ принимаемъ былъ подчасъ сходомъ и становился основаніемъ для издаваемаго имъ приговора. Бытовыя отношенія въ родѣ излагаемыхъ мною съ трудомъ подходятъ подъ юридическую квалификацію. Нельзя сказать, что въ Сванетіи женщина имѣетъ право голоса на сходахъ, но нельзя также отрицать и того, что фактически она нерѣдко пользуется имъ.

Переходя отъ брачнаго права къ характеристикѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей, мнѣ придется припомнить многое изъ сказаннаго выше. Очевидно, что право родителей убивать новорожденныхъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика власть ихъ надъ дѣтьми. Рѣшителями ихъ судьбы они или вѣрнѣе сказать одинъ изъ нихъ—отецъ остается и по достиженіи ими половой зрѣлости, съ которой по обычаю начинается совершеннолѣтіе. Отецъ женитъ сына и выдаетъ замужъ дочь, не спрашивая ихъ согласія. Брачные договоры заключаются, какъ я уже сказалъ, въ то время, когда будущіе супруги лежатъ еще въ пеленкахъ; они строго соблюдаются ихъ родителями подъ страхомъ кровнаго возмездія. Шестнадцати или восемнадцати-лѣтній юноша вступаетъ въ бракъ съ дѣвушкой приблизительно того же возраста, почти не зная ея, едва обмѣнявшись съ нею парою словъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, потому что такова воля его родителей, которые и не подумаютъ спросить его о томъ каковъ бы былъ его личный выборъ.

Столь же безправнымъ является положеніе дѣтей и въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Отъ воли отца зависитъ выдѣлить женатаго сына или не выдѣлять его вовсе; въ послѣднемъ случаѣ онъ продолжаетъ жить въ родительскомъ дворѣ, отдавая по-прежнему въ пользу послѣдняго всѣ свои заработки или уходитъ изъ него, не унося съ собою никакого имущества. Требовать выдѣла сынъ не вправѣ. Только въ случаѣ смерти

[1] Стр. 435.

отца и перехода двора въ завѣдываніе старшаго брата остальные братья могутъ требовать раздѣла и надѣленія каждаго своей частью. Доля въ наслѣдствѣ отца принадлежитъ разумѣется однимъ сыновьямъ: дочери кромѣ приданаго ничего не получаютъ. Отецъ вправѣ лишить наслѣдства непокорнаго ему сына или отнять у старшаго преимущество первородства. Примѣръ тому недавно еще представленъ былъ семьей Дадешкеліани, въ которой отецъ теперешнихъ бечойскихъ князей за женитьбу на мусульманкѣ лишенъ былъ права первородства по рѣшенію главы рода. Отсутствіе завѣщанія служитъ впрочемъ въ большинствѣ случаевъ дѣтямъ достаточной гарантіей перехода семейнаго имущества въ ихъ руки со смертью родителя. Послѣдній, правда, вправѣ раздарить его при жизни, но только въ пользу церкви и ея учрежденій; при слабой религіозности сванетовъ неудивительно, если этимъ правомъ они никогда не пользуются фактически, и если поэтому, какъ общее правило, имущество, за исключеніемъ случаевъ раззоренія, не выходитъ изъ рукъ семьи и переходитъ въ ней отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Другой способъ обхода отцомъ правъ законныхъ наслѣдниковъ — усыновленіе — также закрытъ сванетамъ. По обычаю усыновителемъ можетъ быть только бездѣтный, а усыновляемымъ непремѣнно родственникъ. Въ свою очередь молочное родство не даетъ никакихъ правъ на наслѣдованіе, а признается только препятствіемъ къ заключенію брака. Такимъ образомъ фактически дѣти, или точнѣе сыновья, обезпечены въ полученіи наслѣдства отъ родителей. Опека и попечительство надъ ними до ихъ совершеннолѣтія принадлежатъ тому изъ родственниковъ, который стоитъ во главѣ двора и завѣдуетъ его имуществомъ. Tutela dativa, выражаясь языкомъ римскихъ юристовъ, сванетамъ неизвѣстна.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ сванетовъ я считаю удобнымъ изложить и нѣкоторыя характерныя особенности ихъ наслѣдственнаго права. Послѣднее, какъ хорошо извѣстно, является повсюду отраженіемъ общественнаго уклада. Неудивительно поэтому, что въ Сванетіи, гдѣ основу быта составляетъ семейная община, того, что на языкѣ цивилистовъ извѣстно подъ «открытіемъ наслѣдства» (delatio haereditatis), строго го-

воря, не встрѣчается. Собственность неизмѣнно принадлежитъ одному и тому же субъекту—семьѣ. Смерть ея главы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только перемѣну въ лицѣ, завѣдующемъ семейнымъ имуществомъ, отнюдь не переходъ самой собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Перемѣна, о которой идетъ рѣчь, можетъ воспослѣдовать впрочемъ и помимо чьей либо кончины—въ силу приговора семейнаго совѣта, переносящаго права хозяина на болѣе молодаго члена семьи. Только въ тѣхъ все болѣе и болѣе возростающихъ въ числѣ малыхъ семьяхъ. основа которымъ была положена семейными раздѣлами, фактически можетъ возникнуть вопросъ о порядкѣ наслѣдованія или. что равнозначительно въ данномъ случаѣ, о томъ, на какихъ началахъ и кому долженъ быть произведенъ выдѣлъ отдѣльныхъ долей общаго всѣмъ имущества. Особенности семейнаго права сванетовъ въ этомъ случаѣ сказываются въ совершенномъ устраненіи женщинъ отъ раздѣла и допущеніи къ нему одной мужской линіи. Ближайшая линія не устраняетъ собою вполнѣ дальнѣйшей, такъ какъ сванетамъ, не въ примѣръ ихъ сосѣдямъ балкарцамъ, извѣстно право представительства по наслѣдству, въ силу котораго племянники—дѣти умершаго сына—получаютъ совмѣстно ту часть, которая при жизни ихъ отца составила бы его долю. Раздѣлъ семейнаго достоянія потому не можетъ быть названъ равнымъ, что старшему сыну, если онъ только не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, дается нѣкоторый прибавокъ. Подобно осетинскому «хестагъ», praeciput старшаго брата обыкновенно состоитъ изъ лучшей головы скота, составляющаго собственность двора: вола, лошади или коровы. Въ нѣкоторыхъ обществахъ впрочемъ мы встрѣчаемъ и надѣленіе его не въ примѣръ прочимъ братьямъ добавочнымъ надѣломъ; такимъ обыкновенно является участокъ земли не больше того, какой можетъ быть обработанъ парой быковъ въ теченіи одного рабочаго дня или даже половины его, иначе говоря—цѣлый налжомъ земли или часть его. На этотъ придатокъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на зародышъ того права первородства, которое въ болѣе или менѣе выработанномъ видѣ извѣстно въ Сванетіи только въ княжеской средѣ между членами семейства Дадешкеліани. Любопытно при этомъ то, что въ сванетскихъ

обычаяхъ одинъ изъ источниковъ развитія права первородства—преимущественное участіе старшаго сына въ накопленіи семейнаго имущества—сказывается еще съ полной наглядностью; перворожденный получаетъ praeciput только тогда, если не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, а слѣдовательно сохранилъ до его кончины возможность содѣйствовать своимъ трудомъ матеріальному обогащенію семьи [1]).

При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ собственность семьи возвращается къ тому источнику, изъ котораго она вышла; ее наслѣдуетъ не ближайшій изъ боковыхъ агнатовъ покойнаго, еще менѣе его когнаты. Она принадлежитъ по праву всему роду покойнаго, всѣмъ его однофамильцамъ, сколько бы дворовъ послѣдніе ни занимали. Въ прежнее время князья, подобно средневѣковымъ феодаламъ, имѣли предпочтительно предъ родственниками право наслѣдовать въ имуществѣ лица, неоставившаго по себѣ нисходящихъ мужескаго пола. Право это разумѣется въ настоящее время болѣе не признается; оно исчезло навсегда вмѣстѣ съ другими проявленіями земельной зависимости крѣпостнаго права.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ самъ собою обрисовывается тотъ видъ имущественныхъ правъ, какой признается и гарантируется сванетскимъ обычаемъ. Это не общинная собственность, совладѣльцами которой были бы всѣ дворы одного и того же селенія или сопеля, еще менѣе частная, субъектомъ которой являлось бы опредѣленное лицо, надѣленное по отношенію къ ней правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться. Это собственность дворовая, распоряженіе которой принадлежитъ всей совокупности населяющихъ дворъ лицъ или семействъ. Одно лишь завѣдываніе ею поручается опредѣленному лицу, такъ-называемому «махвши», въ прежнее время обыкновенно старшему по лѣтамъ, въ настоящее время все чаще тому, который семейнымъ совѣтомъ (если этимъ именемъ можно назвать безформенное собраніе лицъ одного двора) будетъ признанъ способнѣйшимъ. Отчужденіе семейнаго имущества производится главою семьи не

---

[1]) Болѣе подробно этотъ взглядъ развитъ въ статьѣ, озаглавленной «Архаическія черты въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ осетинъ». («Юридическій Вѣстникъ», Іюнь и Іюль 1886 года).

иначе, какъ съ общаго согласія. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что всякой продажѣ предшествуетъ разрѣшающій ее семейный совѣтъ, а въ томъ, что, при протестѣ со стороны домочадцевъ, разъ сдѣланное хозяиномъ отчужденіе признается недѣйствительнымъ. Все пріобрѣтенное главою семьи на общія средства поступаетъ въ ея собственность; но вмѣстѣ съ тѣмъ на нее же падаютъ всецѣло и заключенные имъ долги. Накопленіе личнаго имущества строго воспрещается всѣмъ и каждому изъ членовъ двора, даже тѣмъ, которые временно покидаютъ его, ища заработковъ на чужбинѣ. Пріобрѣтенія, сдѣланныя ими, поступаютъ въ общую казну; но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя не вправѣ уклониться отъ отвѣтственности по всѣмъ взысканіямъ, предъявляемымъ къ ней третьими лицами. Въ этомъ отношеніи обычное право сванетовъ представляетъ черты болѣе глубокой древности, чѣмъ то, къ которому должно быть отнесено доселѣ примѣняемое въ англо-индусскихъ судахъ правило о томъ, что все, пріобрѣтенное кѣмъ либо съ помощью семейнаго капитала, считается достояніемъ семьи, и наоборотъ весь тотъ заработокъ, который сдѣланъ будетъ независимо отъ такого капитала, поступаетъ въ личную собственность. Въ силу этого принципа мадрасскій судъ счелъ себя вправѣ освободить танцовщицу отъ обязательства отдавать свое жалованье въ семейную казну, такъ какъ родственниками ея не было доказано полученіе ею воспитанія на средство ея семьи. Ничего подобнаго не могъ бы сдѣлать сванетскій мировой судья:—руководимый въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстными обычаями, онъ обязательно долженъ былъ бы признать за семьею право собственности на всѣ личные заработки ея членовъ, безъ всякаго различія мѣста, времени и способа ихъ накопленія. Съ каждымъ годомъ неудобство такого порядка становится однако все болѣе и болѣе ощутительнымъ для сванетовъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается въ ихъ средѣ число лицъ, идущихъ на отхожіе промыслы. Несоотвѣтствіе обычая измѣнившимся условіямъ жизни—одна изъ причинъ увеличившихся въ послѣднее время семейныхъ раздѣловъ. Находя въ общности имущества неодолимую преграду къ личному обогащенію, сванеты не отступаютъ болѣе передъ мыслью о замѣнѣ ея частною собственностью, совершенно свободною въ своемъ ростѣ.

Но если общинный принципъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами, если, благодаря семейнымъ раздѣламъ, замѣтно возрастаетъ число малыхъ семей въ ущербъ крупнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что близокъ моментъ, когда изъ сферы имущественныхъ отношеній совершенно исчезнутъ слѣды архаическаго коммунизма. Процессъ индивидуализаціи коснулся пока одной лишь пахатной и сѣнокосной земли. Что же касается до лѣсовъ и пастбищъ, то за исключеніемъ небольшаго числа ихъ, состоящаго въ рукахъ церквей, они, какъ общее правило, считаются достояніемъ всѣхъ дворовъ одного и того же сопеля или села, нерѣдко нѣсколькихъ сопелей или цѣлаго общества. Значительность ихъ протяженія—причина тому, что пользованіе ими не обставлено пока никакими ограниченіями, за исключеніемъ одного. Никто не вправѣ приступить къ заимкѣ или такъ-называемому въ Сванетіи «намоль», ни къ корчеванію или очисткѣ подъ поле части общиннаго имущества, не заручившись напередъ общимъ согласіемъ. Послѣднее необходимо также для того, чтобы личная заимка сдѣлалась частной собственностью. Нѣтъ этого—никакая давность не поможетъ, такъ какъ ея не знаетъ сванетскій обычай. Понятія о десятилѣтней давности и пріобрѣтеніи путемъ ея права собственности стали проникать въ Сванетію лишь со времени русскаго владычества.

Въ такомъ слабо-развитомъ правѣ, каково сванетское, виды договоровъ не должны быть особенно многочисленны. И дѣйствительно изъ извѣстныхъ намъ одни вовсе не встрѣчаются, другіе носятъ грузинскія названія — вѣрный признакъ ихъ заимствованія. Мѣна, продажа, заемъ—вотъ тѣ три вида договоровъ, которые необходимо встрѣчаются даже при младенческомъ состояніи правоваго сознанія. Неудивительно поэтому, если каждый изъ нихъ носитъ на языкѣ сванетовъ свое особое наименованіе: мѣна называется у нихъ «лицадуналъ», продажа-«ливдве», заемъ—«лимиштенъ». Регулирующіе ихъ обычаи отражаютъ на себѣ вполнѣ характерныя особенности общественнаго уклада. При господствѣ дворовой собственности, мѣна и продажа необходимо обставлены извѣстными условіями, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ ихъ недѣйствительными. Такими усло-

віями признается прежде всего если не явное, то молчаливое одобреніе всѣми и каждымъ изъ домочадцевъ того распоряженія, какое старшій во дворѣ или такъ-называемый «махвши» дѣлаетъ изъ семейнаго имущества. Когда нѣтъ такого согласія, когда слышится явный протестъ со стороны хотя бы одного изъ совершеннолѣтнихъ членовъ, сдѣлка, даже вполнѣ заключенная, признается недѣйствительной. Мало того: кровная связь соединяющая дворъ, изъ котораго сдѣлано отчужденіе, съ родственными ему дворами—дворами однофамильцевъ, признается сванетами достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы предоставить и этимъ дворамъ послѣднее слово въ заключаемой сдѣлкѣ. Имущество семьи продается чужеродцамъ не раньше, какъ послѣ отказа родственниковъ воспользоваться своимъ правомъ предпочтительной покупки. Но вотъ сдѣлка уже заключена, полагаемые обычаемъ обряды исполнены, покупателемъ сдѣлано угощеніе и въ его руки перешла отчуждаемая собственность путемъ символической передачи въ родѣ той, къ какой обращаются при отчужденіи скота, когда рога продаваемаго животнаго послѣдовательно переходятъ изъ рукъ продавца въ руки покупателя,—а права послѣдняго на купленное имущество все еще остаются спорными. Родственный дворъ въ правѣ обратить отчужденный участокъ въ свою собственность простымъ возмѣщеніемъ затраченной на пріобрѣтеніе его суммы, и въ такой же степени, и даже предпочитательно предъ нимъ, можетъ сдѣлать это и пограничный сосѣдъ: первый въ силу такъ-называемаго родоваго, второй въ силу сосѣдскаго выкупа. Ко всему сказанному прибавимъ еще слѣдующее. Не всякое имущество равно отчуждаемо. Сванетскій махвши и его домочадцы охотнѣе согласятся продать ими самими пріобрѣтенное имущество (такъ-наз. намгябо), нежели собственность, доставшуюся имъ отъ предковъ. Terra aviatica. земля предковъ, которая у сванетовъ носитъ названіе «саму», отчуждается ими не иначе, какъ подъ давленіемъ необходимости—для взноса «цора» или платы за кровь, для покрытія издержекъ на поминки родственника или такъ-называемый «кончаръ», уклониться отъ которыхъ нельзя, такъ какъ съ ними связано благоденствіе покойника за гробомъ и честь всего его рода. Случаи продажи земли чрезвычайно рѣдки. Далѣе есть

предметы, отчужденіе которыхъ чужеродцу кажется сванету еще менѣе возможнымъ, чѣмъ продажа родовой земли. Несмываемымъ позоромъ покроетъ себя тотъ дворъ, который рѣшится продать цѣпь, на которой виситъ семейный котелъ; еще болѣе, если отчужденіе коснется того четырехугольнаго, металлическаго столика, на которомъ сванеты пекутъ свой хлѣбъ или такъ-называемаго «керай». Итальянскій графъ, согласный продать все, кромѣ полуразрушеннаго замка предковъ, своей фамильной «гесса» легко бы могъ узнать себя въ сванетскомъ крестьянинѣ, отчуждающемъ свои пажомы и набожно хранящемъ въ то же время въ своихъ рукахъ четыре спаянныхъ между собою бруска, «керай» его предковъ [1]). Закончу сказанное мною о договорѣ купли замѣчаніемъ, что составленіе о ней письменной записи— требованіе неизвѣстное народному праву сванетовъ, которое довольствуется присутствіемъ при ея заключеніи неопредѣленнаго числа свидѣтелей.

Въ числѣ договоровъ, искони извѣстныхъ сванетамъ наравнѣ съ любымъ народомъ, живущимъ одинаковыми съ ними формами быта, надо поставить, какъ я сказалъ, и договоръ займа или лимпитенъ. Объектомъ его служатъ, какъ общее правило, не деньги, которыя вообще мало распространены въ средѣ народа, а жизненные припасы и въ частности хлѣбъ. Условія, на которыхъ обыкновенно производится заемъ у сванетовъ крайне неблагопріятны для заемщика: въ концѣ годоваго срока онъ обязанъ вернуть кредитору сверхъ занятаго еще треть его, на правахъ процентовъ; въ одномъ же обществѣ, именно въ Бечо— не менѣе какъ половину. Такъ, давшій въ займы одинъ гвидолъ хлѣбнаго зерна считаетъ себя въ правѣ получить сверхъ занятаго у него еще турпу или треть гвидола; житель же Бечо, взявши заимообразно у другаго зеку араку доставляетъ ему въ концѣ года зеку съ лахнисомъ, иначе говоря—полторы зеки.

[1]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ «керай» въ Сванетіи ходятъ цѣлыя сказанія. Такъ въ полуразрушенномъ замкѣ бечойскихъ Дадешкеліани доселѣ показываютъ тотъ «керай», изъ-за владѣнія которымъ нерѣдко враждовали между собою члены этого семейства. Кто желалъ быть первымъ въ немъ, тотъ непремѣнно долженъ былъ захватить этотъ «керай» въ свои руки,

Къ числу древнѣйшихъ видовъ договоровъ у сванетовъ надо отнести также договоръ товарищества — «линханакъ» или «лицау», заключаемый въ прежнее время не столько съ торговыми цѣлями, сколько ради полученія добычи путемъ разбоя. Раздѣлъ послѣдней, какъ и раздѣлъ получаемаго товариществомъ дохода отъ затѣяннаго имъ коммерческаго предпріятія, производился и производится не всегда поровну, но также подчасъ и pro rata сдѣланныхъ отдѣльными участниками взносовъ.

Имущественный наемъ предшествовалъ у сванетовъ найму личному, который поэтому и не находитъ въ ихъ языкѣ подобно первому особаго названія, а обозначается грузинскимъ терминомъ «кира». Обыкновенной формой имущественнаго найма или «накитъ» является половничество, которое на языкѣ сванетовъ именуется двояко: лепесчеры и хынека. Условія этого вида аренды, принадлежащаго къ числу распространеннѣйшихъ въ мірѣ, приблизительно тѣ же въ Сванетіи, что и повсюду. Арендаторъ получаетъ вознагражденіе обыкновенно половиною продуктовъ собираемыхъ съ нанятаго имъ участка. Остатокъ принадлежитъ собственнику земли, который обыкновенно доставляетъ наемщику и сѣмена для посѣва.

«Дача» на храненіе или такъ называемый «лильче» должна быть отнесена къ числу договоровъ, извѣстныхъ народному праву сванетовъ и независимо отъ всякаго заимствованія у грузинъ, доказательствомъ чему служитъ существованіе въ ихъ языкѣ особаго термина для его обозначенія. Обыкновеннымъ предметомъ этой сдѣлки является скотъ, который уходящимъ на заработки людомъ отдается на постой сосѣдямъ или родственникамъ. Приплодъ отъ скота считается собственностью лица, поставившаго скотъ; получаемые отъ скота продукты составляютъ доходъ того, кому онъ сданъ. Изъ сказаннаго ясно, что въ Сванетіи дача на храненіе даетъ лицу, въ пользу котораго она сдѣлана, право извлекать имущественныя выгоды изъ хранимаго имъ предмета.

Личный наемъ «кира» и договоръ довѣренности «векхилоба» принадлежатъ, повидимому, къ числу тѣхъ, съ которыми сванеты познакомились лишь при посредствѣ грузинъ; оба договора носятъ поэтому грузинскія названія и не представляютъ ника-

кихъ особенно характерныхъ народныхъ чертъ. При производствѣ сельскихъ работъ сожительствующими между собою родственниками и при взаимномъ представительствѣ другъ за друга, въ этихъ договорахъ долгое время могло не оказаться нужды: рабочіе руки были на лицо и помимо обращенія къ найму; родственникъ и безъ спеціальнаго довѣрія могъ представлять родственника на судъ и при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ. Удивительно ли, если оба договора появляются сравнительно поздно и распространены въ странѣ весьма мало.

Выполненіе договора обезпечивается сванетами трояким образомъ: задаткомъ, поручительствомъ и залогомъ. Поручители одинаково изъ родственниковъ и постороннихъ произносятъ при совершеніи условія, приблизительно, слѣдующіе слова: «мы ручаемся за него, что онъ въ состояніи сдѣлать то, на что обязуется». Что касается до залога, то этотъ институтъ, какъ показываетъ и самое его названіе «цинтъ», цѣликомъ заимствованъ изъ Грузіи. По своему характеру сването-грузинскій залогъ всего ближе подходитъ къ «nontissement» старинняго французскаго права, въ томъ смыслѣ, что взявшій въ залогъ движимость или недвижимость одинаково въ правѣ пользоваться ею до момента выполненія договора, чего, разумѣется, отнюдь не допускаетъ современное ипотечное право. Сванетскій цинтъ однохарактеренъ поэтому съ осетинскимъ бавстау, который также допускаетъ пользованіе кредитора заложеннымъ ему имуществомъ.

Заключаемые сванетами договоры тѣмъ болѣе нуждаются во всѣхъ названныхъ мною обезпеченіяхъ, что право требовать возмѣщенія убытковъ отнюдь не считается вытекающимъ непосредственно изъ самаго факта неисполненія кѣмъ либо принятаго на себя обязательства: система родоваго самосуда не допускаетъ правильнаго и частаго обращенія къ суду. Если стороны не согласятся назначить медіаторовъ и не предоставятъ имъ опредѣленіе размѣровъ имущественнаго вреда, потерпѣвшему не остается инаго исхода, какъ вознаградить себя самому удержаніемъ задатка или залога.

ГЛАВА II.

Пшавы, ихъ религіозныя суевѣрія, общественное устройство и юридическій бытъ.

Въ Тіонетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи живетъ небольшое и мало изслѣдованное племя пшавы. Они окружены съ разныхъ сторонъ не менѣе ихъ патріархальными народностями: хевсуръ, кистинъ и тушинъ. Пшавы занимаютъ среднее теченіе Арагвы, а также оба берега Іоры, притока Алазани. Пшавы народъ очень древній. Подъ именемъ «пховелей» они извѣстны грузинскимъ лѣтописямъ, какъ непобѣдимые противники Помпея. Въ ананурскихъ тѣснинахъ три тысячи пховелей загораживаютъ въ серединѣ I-го вѣка путь побѣдоносному римскому вождю, который не рѣшился дать имъ сраженіе; тѣ же «звѣроподобные люди», по выраженію лѣтописца, на разстояніи трехъ столѣтій оказываютъ рѣшительный отпоръ попыткамъ новообращеннаго грузинскаго царя Миріана ввести христіанство въ ихъ среду. Эти показанія грузинскихъ анналъ не заслуживаютъ, правда, большаго довѣрія, въ виду доказаннаго Паткановымъ факта болѣе поздняго ихъ происхожденія; но древность пшавовъ все же остается несомнѣнной, такъ какъ языкъ, которымъ они говорятъ, богатъ выраженіями и словами попадающимися въ старинномъ церковномъ языкѣ грузинъ и не употребительнымъ болѣе въ ихъ разговорной рѣчи.—При всей своей древности народъ этотъ все еще живетъ условіями родоваго

быта, удерживая въ тоже время нѣкоторые черты и болѣе ранней стадіи развитія. Характеръ занимаемой имъ мѣстности въ значительной мѣрѣ объясняетъ причину такого консерватизма. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ горами, отрѣзанный отъ южныхъ сосѣдей, грузинъ, съ трудомъ переходимою рѣкою, древній пховель, родоначальникъ современнаго намъ пшава, сохранилъ въ первобытности тѣ самые общественные и юридическіе порядки, слабые слѣды которыхъ уцѣлѣли еще въ обычномъ правѣ грузинскаго крестьянства. Историческія условія, въ свою очередь вызванныя къ жизни въ значительной степени географическими причинами, также не мало содѣйствовали такому исходу. Пшавы, въ отличіи отъ грузинъ и подобно хевсурамъ, не знали ни сословій, ни крѣпостной или феодальной зависимости. Ихъ принадлежность Грузіи выражалась не въ платежѣ опредѣленной подати, а въ великодушной помощи, въ минуту опасности, въ сообществѣ хевсуровъ и тушинъ, этихъ надежныхъ защитниковъ грузинской независимости.

Разобщенность съ прочимъ міромъ и почти совершенная обособленность историческихъ судебъ причина тому, что и христіанство сдѣлало въ Пшавіи сравнительно слабые успѣхи; оно доселѣ носитъ въ ней характеръ чего то внѣшняго и формальнаго, не устраняющаго возможности переживаній изъ болѣе ранней эпохи язычества и позднѣйшихъ заимствованій у магометанъ.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ изъ пшавовъ, этого небольшаго народца, съ населеніемъ не болѣе какъ въ шесть съ половиною тысячъ душъ [1]), любопытнѣйшій предметъ изслѣдованія для археолога. Интересъ, возбуждаемый ими, еще возрастаетъ по причинѣ счастливой одаренности этого народа, богатства его фантазіи и легкости, съ которой въ звучныхъ виршахъ, такъ называемыхъ лексахъ, онъ передаетъ впечатлѣнія, производимыя на него какъ явленіями повседневной жизни, такъ и немногими историческими событіями, наложившими печать на его прошлое.

---

[1]) См. рукописный списокъ сельскимъ обществамъ и входящимъ въ нихъ селеніямъ съ показаніемъ числа дворовъ и душъ мужскаго и женскаго пола въ Тіонетскомъ уѣздѣ 1886 г. Списокъ этотъ сообщенъ мнѣ Тіонетскимъ уѣзднымъ начальникомъ, кн. Джангери.

Этнографъ и юристъ находятъ поэтому цѣнный для нихъ матеріалъ не въ одной лишь записи бытовыхъ фактовъ и юридическихъ обычаевъ пшавовъ, но и въ изученіи многочисленныхъ народныхъ стихотвореній, собранныхъ и частью опубликованныхъ уже мѣстными уроженцами [1]). Содержаніе этимъ пѣснямъ доставляетъ обыкновенно изображеніе повседневной жизни горца съ ея радостями и печалями, съ ея борьбой съ природой и погоней за личнымъ счастьемъ.

Все, что выходитъ изъ этой сферы, носитъ печать убійственнаго однообразія; только и слышишь, что о столкновеніяхъ пшавовъ съ хевсурами и въ особенности лезгинами, которыхъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, они избиваютъ немилосердно. Далеко не все, сообщаемое историческими лексами, должно, впрочемъ, считаться вымысломъ. Археологическія находки нерѣдко подтверждаютъ показанія легенды, опредѣляя мѣсто и приблизительно время совершенія повѣствуемаго ею факта. Для примѣра приведу въ буквальномъ переводѣ слѣдующій поэтическій разсказъ, пользующійся въ народѣ большой популярностью, и покажу затѣмъ, какое подтвержденіе онъ находитъ въ данныхъ археологіи. «Кто сказалъ, что въ Чаргалѣ (одномъ изъ ауловъ арагвской Пшавіи) воины плохи? Да окаменѣетъ языкъ у сказавшаго эту неправду. Въ ущельи Абхушо и Чичахеви истребили чаргальцы триста лезгинъ; въ ущельи этомъ течетъ теперь цѣлая рѣка (алазань) крови. Впереди несутся по ней щиты и мечи, а позади головы убитыхъ лезгинъ. Слышится горкій плачъ дочери хана Джабанъ. Кто будетъ теперь созывать гостей и угощать ихъ, какъ въ старину». Преданіе, давшее поводъ къ сложенію этой пѣсни, говоритъ о нѣкоемъ героѣ — пшавѣ изъ рода Гачауровыхъ, уроженцѣ Чаргаля, служившемъ въ молодости въ гвардіи грузинскаго царя Соломона. Пшавецъ этотъ,

---

1) Особенно заслуживаетъ вниманія дѣятельность, обнаруженная въ этомъ отношеніи обоими братьями Разикашвили, уроженцами Чаргальскаго общества, нынѣ сельскими учителями. Получивъ образованіе въ мѣстной школѣ, названныя лица утилизируютъ свои выдающіяся дарованія для изученія своей собственной родины. Грузинская газета Иверія не разъ печатала статьи этихъ почтенныхъ собирателей разнообразныхъ произведеній народнаго творчества.

во главѣ отряда въ двѣсти человѣкъ, загородилъ дорогу лезгинскому воеводѣ Тамасхану, уже спустившемуся съ горъ, и въ ущельи Апшухо, выходящемъ въ долину Арагвы, разбилъ его на голову. Самъ Тамасханъ палъ отъ руки Гачаури, успѣвшаго проникнуть въ его палатку. Всѣ драгоцѣнности Тамасхана сдѣлались добычей убійцы. Когда царь Соломонъ предложилъ ему въ награду за побѣду дворянство и даже княжескій титулъ. Гачаури отказался отъ того и отъ другаго, выговаривая себѣ только одно право удержать захваченную имъ добычу. Царь охотно далъ на то свое согласіе; Гачаури же роздалъ по пшавскимъ церквамъ всю доставшуюся ему посуду и утварь. Шлемъ самаго Тамасхана достался чаргальской церкви и доселѣ хранится въ ней, служа для питья пива въ день религіознаго празднества, посвященнаго памяти Гачаури и приходящагося на Вознесеніе. Шлемъ этотъ сдѣланъ изъ мѣди, вызолоченной снаружи и имѣетъ конусообразную форму. — На мѣстѣ, на которомъ, согласно преданію, дано было сраженіе, встрѣчаются многочисленныя могилы, изъ которыхъ нѣкоторыя уже разрыты жителями, находившими въ нихъ бусы и металлическія вещи. Сдѣланная мною раскопка раскрыла слѣдующія подробности погребальнаго ритуала: покойникъ обращенъ лицемъ на востокъ; въ голову его положенъ четырехугольный камень. Вся могила, длиною въ 2 и $^3/_4$ аршина, шириною въ 14 вершковъ, выложена кругомъ плитнымъ камнемъ сухой кладки; въ срединной части она шире, чѣмъ въ головахъ и ногахъ; это совпадаетъ съ положеніемъ костей рукъ, лежавшихъ подъ прямымъ угломъ къ прочимъ частямъ скелета, и въ свою очередь указываетъ на то, что у покойника они были раздвинуты въ обѣ стороны. На высотѣ семи вершковъ могила прикрыта тремя каменными плитами, на которыя въ свою очередь навалена земля. Изъ предметовъ найдена была только кольцеобразная мѣдная застежка съ шарниромъ весьма тонкой работы; застежка эта снаружи вызолочена.—Приведенныя подробности ритуала указываютъ на довольно позднее происхожденіе и на фактъ погребенія въ ней христіанина, иначе лицо мертвеца было бы обращено къ югу, по направленію къ Меккѣ.

Ничто не мѣшаетъ поэтому предположенію, что погребен-

ный одинъ изъ тѣхъ павшихъ пшавовъ, о которыхъ повѣствуетъ вышеприведенная легенда.

Въ народной памяти сохранилось воспоминаніе и о двухъ другихъ герояхъ, также предводительствовавшихъ пшавами въ битвахъ съ лезгинами. Имена ихъ Сула и Гуртгела. Записанная мною легенда считаетъ ихъ родными братьями. Согласно ей, они пали въ одинъ и тотъ же день въ славной битвѣ въ Чаргласкари, ущельѣ ведущемъ къ Чаргалу. Въ лексахъ приводятся слова оплакивающей ихъ кончину матери: «сыны мои. Сула и Гуртгела, лежите вы ранеными въ Чаргласкари, держа въ рукахъ щиты и защищая ими другъ друга отъ палящихъ лучей солнца». Чаргальцы доселѣ указываютъ мѣсто жительства обоихъ братьевъ, прибавляя, что къ нему однажды спустился самъ святой Георгій.

Большинство историческихъ легендъ заняты однако повѣствованіемъ не о военныхъ успѣхахъ пшавовъ, а о мирной пропагандѣ въ ихъ средѣ христіанства тѣмъ самымъ Копалою, котораго и хевсуры признаютъ своимъ первоучителемъ. Святая Нина, уроженица Каппадокіи и двоюродная сестра Георгія, гласитъ преданіе, пожелала обратитъ пшавовъ въ христіанство, но они бѣжали въ Тушетію, не желая измѣнить своей вѣрѣ. Вскорѣ однако они вернулись оттуда, и царь Меріанъ, виновникъ крещенія Грузіи, вознамѣрился обратить ихъ въ христіанство силою оружія, но святая Нина воспротивилась этому, предпочитая насилію проповѣдь. По ея желанію въ Пшавію посланъ былъ монахъ Копала, родомъ изъ Греціи. Онъ поселился на правомъ берегу Арагвы, въ небольшомъ разстояніи отъ Чаргаля. Мѣсто это доселѣ носитъ въ глазахъ не однихъ пшавовъ, но и ихъ сосѣдей хевсуръ, характеръ святилища. Путь изъ Магараскари, самаго южнаго изъ пшавскихъ селеній, въ Чаргалъ проходитъ мимо капища, сооруженнаго вѣрующими въ этомъ мѣстѣ. Я имѣлъ поэтому возможность осмотрѣть его лично. Подобно другимъ однохарактернымъ святилищамъ, Копала Цминди (таково имя, подъ которымъ оно извѣстно пшавамъ) не представляетъ ни малѣйшаго сходства ни съ церковью, ни съ часовней. Четырехугольный необтесанный камень, окруженный природнымъ полукругомъ такихъ же камней, носящихъ всѣ признаки сидѣнія,

и рядомъ, сложенный изъ необдѣланныхъ плитъ конусообразный сводъ съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ колоколомъ—вотъ все, что находитъ здѣсь путешественникъ, приготовленный ходячими описаніями къ совершенно иному зрѣлищу. Ни какихъ развалинъ древняго храма, о которыхъ упоминаетъ г. Сослани, здѣсь нѣтъ и помину [1]). Главнымъ предметомъ почитанія является уже упомянутый четырехугольный камень, стороны котораго представляютъ замѣтныя углубленія. Къ его поверхности пшавы прикрѣпляютъ во время праздника нѣсколько восковыхъ свѣчей, согласно обычаю доселѣ входячему въ восточной церкви. Для пшава Копала Цмииди своего рода Кіевъ или Римъ. Здѣсь по преданію Копала вступилъ впервые въ ожесточенную войну съ злыми духами, такъ называемыми деви, которыхъ воображеніе пшавовъ рисуетъ тѣми же красками, что и у хевсуръ, т. е. человѣкоподобными великанами съ вывороченными ногами и ногтями, длинными какъ кинжалъ. Союзниками въ этой борьбѣ были для Копалы приведенныя имъ въ Пшавію монахи, разнесшіе христіанство по всей странѣ. Отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе современные хевсбери, терминъ, который въ переводѣ означаетъ старцевъ ущелья; эти міряне принимаютъ на себя добровольно исполненіе между своими согражданами священнослужительскихъ обязанностей, какъ то: верховное завѣдываніе праздниками, совершеніе таинствъ и т. п. О самомъ камнѣ, на которомъ, по преданію, возсѣдалъ Копала, народные лексы сообщаютъ слѣдующія не лишенныя интереса подробности. Зная, что камень служитъ Копалѣ мѣстомъ для сидѣнія, деви рѣшился унести его съ собой; съ этою цѣлью, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Копалы, онъ перевязалъ камень веревками; во время затягиванія ихъ случайно придавлены были колѣнами двѣ стороны сѣдалища, отъ чего и образовались замѣтныя на немъ углубленія. Взваливъ его себѣ на плечи, деви бѣгомъ удалился изъ указаннаго мѣста. По возвращеніи съ охоты Копала хватился камня и, заподозрѣвъ деви въ его похищеніи, погнался за нимъ, но тотъ былъ уже далеко. Пришлось направить въ него стрѣлу на разстояніи 20 верстъ.

[1]) См. Новое Обозрѣніе. 1886 года, № 761.

Стрѣла произвела ожидаемое дѣйствіе и деви палъ на мѣстѣ мертвымъ, похищенный же имъ камень Копала взялъ съ собой обратно.

Трудно было бы категорически отвѣтить на вопросъ, какихъ вѣрованій придерживались пшавы въ эпоху, предшествующую христіанству, хотя нѣкоторыя данныя для сужденія объ этомъ даютъ намъ встрѣчающіяся въ ихъ средѣ суевѣрія. Если не говорить о тѣхъ изъ нихъ, которыя вызваны обоготвореніемъ христіанскихъ святыхъ и въ частности Богородицы и обоихъ архистратиговъ — Гавріила и Михаила, то не трудно будетъ отыскать общій для нихъ источникъ, съ одной стороны, въ культѣ предковъ, съ другой—въ очеловѣченіи извѣстныхъ силъ природы, очень близкомъ по характеру къ тому, какой представляетъ намъ миѳологія классическихъ народовъ. Я обращу прежде всего вниманіе на эту сторону религіи пшевовъ, такъ какъ она не стоитъ въ прямой связи съ самымъ строемъ ихъ общественной жизни и не потребуетъ поэтому предварительнаго знакомства съ ихъ родовымъ устройствомъ, безъ чего порядки почитанія ими усопшихъ представили бы трудности къ пониманію.

Пшавы далеко не единственная народность Кавказа, въ религіозныхъ представленіяхъ которой можно встрѣтить слѣды поклоненія тѣмъ или другимъ божествамъ греко-римскаго пантеона. Абхазцы, заселявшіе еще недавно тѣ самыя мѣстности, въ которыхъ прежде расположены были цвѣтущія греческія колоніи, своимъ культомъ Афы, повелителя надъ громомъ, Шесту, покровителя кузнечнаго дѣла, Джаджи — богини урожаевъ и т. д., невольно переносятъ насъ въ міръ почитателей Зевса, Вулкана и Циреры [1]). Сходство пшавскихъ божествъ съ божествами классической древности болѣе отдаленное; мѣсто Зевса громовержца занялъ пророкъ Илія, аттрибуты котораго, молніеносныя стрѣлы, довольно близки впрочемъ къ аттрибутамъ этого бога. Подобно абхазцамъ пшавы знаютъ Цереру, подъ наименованіемъ Матери земли. Она слыветъ у нихъ дѣвственницей. Имъ хорошо извѣстна также Діана, покровительница звѣрей, далеко, впрочемъ, не всѣхъ, а только чистыхъ, т. е.

[1]) См. статью, озаглавленную «Религіозныя вѣрованія абхазцевъ». Сб. св. о кавказ. горцахъ, т. V.

годныхъ въ пищу; а такими согласно воззрѣніямъ заимствованнымъ пшавами у мусульманъ, не могутъ быть ни домашняя свинья, ни дикій вепрь. Фантазія пшавовъ рисуетъ названную богиню чертами нѣсколько отличными отъ тѣхъ, которыя извѣстны намъ изъ классической древности: въ представленіяхъ пшавовъ это дѣвственница низкаго роста съ волосами ниже колѣнъ. Охотники, прежде чѣмъ собраться въ путь, обращаются къ ней съ молитвой доставить имъ звѣря и всякую удачу приписываютъ ея заступничеству,

Языческія божества далеко не стоятъ у пшавовъ на первомъ планѣ. Напротивъ, наибольшимъ почитаніемъ пользуются обоготворенные христіанскіе святые: архангелъ Михаилъ, святой Георгій побѣдоносецъ, отчасти царица грузинская Тамара и ея сынъ Лашъ. Особенно популяренъ между ними Георгій. Можно насчитать до пяти народныхъ празднествъ, совершаемыхъ ежегодно въ его честь: 9 іюля въ Шуапхо и въ тотъ же день въ Цхаро. 12 въ Наквалесави, въ мѣстности, называемой Котія, отъ 13 по 17 іюля въ Цихегороба, 18-го въ Хоторахъ, наконецъ 29 въ Коголоурта, Лашарисъ-джвари и Тамаръ-Мепе. Большинство этихъ мѣстностей расположено въ задней Пшавіи или такъ называемой Конопшавіи, т. е. лежащей по верховью пшавской Арагвы до соединенія ея съ хевсурской.

Не менѣе трехъ праздниковъ устраивается ежегодно и въ честь архангела Михаила—18 іюля въ Цабаурта, 20 въ Матура, 15 августа въ Ничо. Оба послѣднія селенія расположены въ Конопшавіи. Сравнительно съ перечисленными святыми, Богородица въ меньшемъ почетѣ: въ ея честь установленъ всего одинъ праздникъ въ году, именно въ Муко 15 августа, въ день ея Успенія. Что касается до Христа, то Рождество и Пасха, посвященныя его памяти, далеко не считаются пшавами такими же торжественными днями, какъ тѣ, какіе перечислены нами выше.

Послѣ всего сказаннаго, не трудно прійдти къ заключенію, что христіанство далеко не пустило глубокихъ корней въ современномъ бытѣ пшавовъ, что его догматы усвоены были чисто внѣшнимъ образомъ, такъ что на почвѣ монотеизма не трудно было воскресить не вполнѣ угасшія политеистическія ученія. Такой выводъ покажется еще болѣе обоснованнымъ, разъ мы

познакомимся даже въ общихъ чертахъ съ обрядовой стороною религіи пшавовъ. Хотя общество распространенія христіанства и построило въ Пшавіи нѣсколько церквей и доселѣ покрываетъ издержки по содержанію священниковъ, пшавы упорствуютъ въ своемъ нежеланіи посѣщать церковь и не призываютъ къ совершенію таинствъ присылаемыхъ къ нимъ пресвитерей. Священники въ Магараскарѣ, Чаргалѣ и Шуапхо въ одинъ голосъ жаловались мнѣ на то, что церкви стоятъ пустыми, а дохода отъ требъ почти не поступаетъ. Для пшава мѣсто храма заступаетъ капище, а священника—хевсбери.

Почитаніе первыхъ такъ велико, что капище и окружающая его роща пріобрѣтаютъ характеръ священный. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ сохранился только по сосѣдству съ такими освященными обычаемъ пунктами, такъ какъ рубить въ нихъ деревья считается тяжкимъ грѣхомъ. Что касается до мѣстныхъ жрецовъ или хевсбери, то они не представляютъ изъ себя ни наслѣдственной касты, ни замкнутаго сословія; чтобы сдѣлаться хевсбери надо въ средѣ своихъ согражданъ пріобрѣсть репутацію праведной жизни; но этого недостаточно: необходимо, чтобы призваніе того или иного лица къ исполненію жреческихъ обязанностей раскрыто было всенародно чудомъ. Такимъ можетъ быть исцѣленіе опасно больнаго, которому гадалка раскрыла волю святаго имѣть его своимъ хевсбери и который далъ обѣтъ исполнить это требованіе въ случаѣ исцѣленія. Возможенъ также другой путь. Гадалка, обращаясь въ кликушу, въ экстазѣ выкрикиваетъ какое нибудь имя, заявляя, что лицо, которому оно принадлежитъ, то самое, какое святой (Хати) избралъ себѣ въ жрецы. Лицо, имя котораго было названо, волею неволею поступаетъ въ служители капища. Отказъ съ его стороны, по обычаю, не допускается. Наконецъ можно попасть въ хевсбери еще и слѣдующимъ образомъ. Въ моментъ кончины того или другаго изъ жрецовъ, желающій занять его мѣсто спѣшитъ въ капище, падаетъ на колѣни и начинаетъ пророчествовать. Народъ, повѣривши его вдохновенію свыше, провозглашаетъ его хевсбери [1]). Призванный къ этому служенію собираетъ около

[1]) Записка Буткова, цитированная Дубровинымъ, т. II, стр. 295.

капища нѣсколько старцевъ, которыхъ угощаетъ заколотой имъ на мѣстѣ коровой. Собравшіеся отбираютъ отъ него клятву соблюдать всѣ обряды религіи и употреблять въ пищу только мясо рогатаго скота. Хевсбери, по словамъ кн. Эристова, держатъ себя далеко отъ народа, стараются казаться святыми и убѣдить народъ, что въ нихъ обитаетъ святой духъ. Съ этою цѣлью они въ старые годы во время жертвоприношеній нерѣдко выпускали скрытыхъ у себя голубей для убѣжденія легковѣрныхъ, что божество присутствуетъ въ нихъ въ голубиномъ образѣ [1]). Обязанности хевсбери весьма разнообразны. Въ старые годы они предводительствовали на войнѣ и поставляли судебныхъ посредниковъ во время мира. Какъ духовныя лица, они совершали и досселѣ совершаютъ таинства и предсѣдательствуютъ на празднествахъ. Приготовленіе пива для происходящей въ эти дни всенародной пирушки выпадаетъ на обязанность хевсбери. Помощникомъ его считается такъ называемый мулта, которому ввѣряется храненіе находящихся при капищѣ священныхъ сосудовъ и предметовъ, пожертвованныхъ частными благотворителями, обыкновенно роговъ оленей, туровъ, дикихъ козъ и т. п. Изъ таинствъ хевсбери отправляетъ только два: крещеніе и причащеніе, такъ какъ они одни соблюдаются пшавами. На послѣднее пшавецъ смотритъ, впрочемъ, скорѣе съ медицинской, нежели съ религіозной точки зрѣнія. Опустивши куски хлѣба въ заготовленное для празднества пиво (луди), хевсбери причащаетъ ими больныхъ, ищущихъ выздоровленія.

Публичное богослуженіе, органами котораго являются хевсбери, не устраняетъ существованія у пшавовъ весьма выработаннаго домашняго культа. Культъ этотъ составляетъ даже наиболѣе жизненную сторону ихъ религіи, такъ какъ стоитъ въ прямой связи съ ихъ общественной организаціей, частью поддерживая ее, частью находя въ ней самой свое ближайшее обоснованіе.

Это обстоятельство заставляетъ насъ предпослать дальнѣйшему очерку религіознаго быта пшавовъ нѣкоторыя подробности объ ихъ родовомъ и семейномъ устройствѣ.

---

[1]) Записка о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ, кн. Р. Эристова.

Подобно большинству горцевъ сѣвернаго и южнаго склона Кавказскаго хребта, изучаемое нами племя живетъ обширными кровными союзами. Хотя искусственное дѣленіе на волости, введенное въ Пшавіи русскимъ начальствомъ, затѣмнило нѣсколько эту сторону ихъ жизни, такъ какъ въ одну волость нерѣдко включаемы были поселки, занятые разными родами, все же безъ труда можетъ быть установленъ тотъ фактъ, что первоначальное занятіе отдѣльныхъ мѣстностей производимо было пшавами по родамъ, generatim, сказалъ бы Цезарь. Для примѣра укажемъ хотя бы на чаргальское общество. Оно занимаетъ площадь около 62 квадратныхъ верстъ и включаетъ въ свой составъ цѣлыхъ четыре поселка. Во всѣхъ и каждомъ изъ нихъ поселены члены одной изъ слѣдующихъ фамилій: Пиркутіани, Шавердіани, Ражкаани, Баяни, Горзамаули и Гураспаули. Всѣ эти фамиліи считаются родственными другъ другу и принадлежащими къ одному роду Гогочури. Нагляднымъ проявленіемъ этого единства является запрещеніе браковъ между членами перечисленныхъ семей. Пшавы, въ отличіе отъ дагестанскихъ горцевъ, придерживаются началъ экзогаміи, т. е. выставляютъ требованіе, чтобы браки заключаемы были только съ чужеродцами [1]). Недопущеніе ихъ въ предѣлахъ названныхъ семей является такимъ образомъ доказательствомъ принадлежности ихъ къ одному стволу. Ошибочно было бы думать однако, что единство рода предполагаетъ необходимо въ Пшавіи единство происхожденія или крови. Здѣсь, какъ и повсюду, родовая организація является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія какой либо одной семьи, но и включенія ею въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ.

Такими являются изъ перечисленныхъ нами семействъ три фамиліи: Горзамаули — выходцы изъ Кистетіи, Баяни, потомки татарскаго, и Гураспаули — потомки мохевскаго плѣнника [2]).

[1]) Экзогамія соблюдается пшавами съ такою строгостью, что браки даже съ дѣвушками изъ чужихъ ауловъ, буде мать невѣсты окажется одного рода съ женихомъ, не считаются дозволенными.

[2]) Ср. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, С. В. Мачабели, въ Матеріалахъ для изученія экон. быта госуд. крестьянъ Закавказья, т. I, стр. 385.

Принятіе чужеродца въ свою среду доселѣ практикуется между пшавами. Такой пріемышъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «капицва». На него падаетъ обязанность угостить при своемъ вступленіи въ общину всѣхъ ея поселенцевъ, для чего зарѣзывается имъ быкъ и баранъ и ставится чапа вина. Послѣ такого пиршества онъ считается принятымъ въ общину и по отношенію къ браку попадаетъ въ тѣ же условія, что и коренные уроженцы. Усыновленіе селеніемъ или — что тоже въ данномъ случаѣ — родомъ не устраняетъ возможности частнаго усыновленія, совершаемаго путемъ прикосновенія губами къ обнаженной груди жены усыновителя или вообще старшей женщины въ его семьѣ. Этими двумя способами установленія фиктивнаго родства созданы были тѣ условія, благодаря которымъ родъ у пшавовъ сдѣлался со временемъ конгломератомъ разноплеменнѣйшихъ семей. Это обстоятельство ни мало не мѣшаетъ существованію миѳическаго представленія объ общемъ родоначальникѣ, обыкновенно наиболѣе славномъ членѣ одной изъ славившихся семей, удачномъ предводителѣ на войнѣ, праведномъ и мудромъ правителѣ и судьѣ. Культъ этого общаго предка является высшимъ выраженіемъ родоваго единства и современемъ замѣняетъ даже недостающее начало общности крови. Кто пріобщенъ къ этому культу, считается родичемъ, будь онъ не болѣе какъ пріемышъ. Родовая организація не исключаетъ возможности обособленнаго существованія входящихъ въ ея составъ семей. Мы встрѣчаемся съ нею у пшавовъ, какъ и у другихъ горцевъ Кавказа, но при этомъ должна быть отмѣчена та любопытная черта, что у этого народа семьи отличаются особеннымъ многолюдствомъ и включаютъ въ себя нерѣдко до сорока человѣкъ обоего пола. Пшавы враги раздѣловъ, отъ которыхъ въ ихъ представленіяхъ семьи необходимо должны прійти въ упадокъ. Семья представляетъ несравненно большее внутреннее единство, чѣмъ только что описанный нами родъ; единство кровное, экономическое и религіозное. Первое не устраняетъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, возможности усыновленія чужеродца; что касается до экономическаго единства, то проявленіемъ его слѣдуетъ считать порядокъ совмѣстнаго веденія хозяйства, подъ руководствомъ не всегда старшаго, а способ-

нѣйшаго, и неизмѣнно мужчины. Одна стряпня и шитье состоятъ въ завѣдываніи женской половины семьи, при чемъ женщины чередуются по годамъ въ отправленіи обязанностей старшей хозяйки.

Наконецъ, какъ религіозный союзъ, семья у Пшавовъ является очагомъ особаго культа, предметъ котораго покойники. Общеніе живущихъ съ умершими, необходимость поминанія и кормленія усопшихъ душъ, ихъ загробная жизнь близкая къ земной, и постоянное предстательство ихъ за потомство—всѣ эти и другія однохарактерныя вѣрованія уложились у Пшавовъ въ такую же, если не болѣе стройную систему, какъ и у осетинъ. Выработанность ея выступаетъ изъ того іерархическаго подчиненія, въ какомъ семейные святые стоятъ къ святымъ рода и наконецъ къ общимъ патронамъ всѣхъ родовъ, составляющихъ пшавскую народность. Подъ послѣдними я разумѣю въ частности Тамаръ - Мепе или царицу Тамару и ея сына Лашу, сливающагося у Пшавовъ съ представленіемъ о святомъ Георгіи, который такимъ образомъ также является своего рода пенатомъ. духомъ покровителемъ, главою агнатическаго культа. Знакомясь со всѣми частностями того почитанія, какимъ Пшавы окружаютъ своихъ предковъ, невольно останавливаешься на мысли, что въ немъ именно слѣдуетъ видѣть древній культъ этого народа. слабо измѣненный и примѣсью нѣкоторыхъ греко-римскихъ миѳовъ, и позднѣйшимъ введеніемъ христіанства: сквозь искуственную кору послѣдняго пробилось со временемъ, какъ живая струя, это вполнѣ народное вѣрованіе, затемняя все, что въ христіанскомъ ученіи не могло амальгамироваться съ нимъ. Православные святые такъ или иначе размѣстились по восходящей іерархической лѣстницѣ, смотря по способности ихъ ужиться съ народнымъ культомъ. Ученіе о Богѣ, какъ о творцѣ міра, и о Богочеловѣкѣ. его искупителѣ, какъ совершенно чуждое ему по духу, со временемъ было предано забвенію. Отъ христіанства удержано только почитаніе ангеловъ-хранителей, слившееся во едино съ культомъ домашнихъ предковъ, да такихъ покровителей и заступниковъ всего народа, какъ Георгій, Михаилъ и Богородица.

Познакомимся теперь съ частностями этого семейно-родоваго

культа, интересъ которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ сближенія ихъ съ одпохарактерными чертами греческихъ или римскихъ вѣрованій; посмотримъ, какъ понимаетъ житель Пшавіи свои обязанности къ покойникамъ и покойниковъ къ нему, и начнемъ для этого нашъ обзоръ съ момента кончины кого либо изъ родственниковъ. Этотъ фактъ является важнымъ событіемъ не въ одной лишь семьѣ усопшаго, но и во всемъ его родѣ, поэтому не только та деревня въ которой онъ жилъ, но и всѣ родственныя съ ней селенія обязаны принять участіе въ похоронахъ и съ этою цѣлью пріостановить работы до момента преданія мертвеца землѣ.

Но если печаль, вызываемая смертью родственника, является всеобщей, то съ особенной рѣзкостью выступаетъ она въ поведеніи ближайшихъ къ нему по крови лицъ, старшаго брата и сестры. Не бритый, съ надвинутой на глаза шапкой, съ разорванной рубашкой и обнаженной грудью, сидитъ въ ожиданіи посѣтителей ближайшій родственникъ покойнаго. «Отчего не я умеръ, говоритъ гость, обращаясь къ хозяину, почему довелось мнѣ видѣть тебя въ такой печали?»—«Да постигнетъ она твоего врага и злодѣя», отвѣчаетъ послѣдній. Гость продолжаетъ: «О какое несчастіе. Ты лишился человѣка достойнѣйшаго, его покроетъ земля, а такой, какъ я, ходитъ подъ солнцемъ». Нѣсколько минутъ продолжается подобное сѣтованіе, пока посѣтителя не отпустятъ съ словами: да не пошлетъ Богъ зла на вашу голову. — Если печаль мужчинъ должна выразиться въ внѣшнихъ знакахъ, то тѣмъ болѣе печаль женщинъ. Обрѣзываніе косы, замѣнившее, какъ извѣстно, обрядъ самопосвященія или добровольнаго лишенія себя жизни надъ трупомъ покойника, доселѣ въ ходу между пшавами, когда покойникомъ является братъ; это предпочтеніе, оказываемое обычаемъ брату предъ мужемъ — черта далеко не безъинтересная: въ ней нельзя не видѣть пережитка той отдаленной эпохи, когда главою родовой группы, объединенной фактомъ дѣйствительнаго или мнимаго происхожденія отъ женщины — родоначальницы, являлся старшій по возрасту родственникъ по матери, ближайшій когнатъ. Мы увидимъ ниже, что это далеко не единственный указатель существованія нѣкогда у пшавовъ тѣхъ общественныхъ отно-

шеній, которыя обнимаются понятіемъ материнства. Но вернемся къ описанію похороннаго ритуала. Покойника обмываютъ, одѣваютъ въ чистую одежду и кладутъ на доски, безъ гроба. На грудь мертвеца накладываютъ кинжалъ и шашку, въ ноги ему дѣвушки родственницы бросаютъ свои обрѣзанныя косы. Собравшаяся вокругъ толпа начинаетъ выть и стонать, при чемъ въ этомъ обрядѣ оплакиванія выдающаяся роль выпадаетъ на долю женщинъ. Присяжная плакальщица становится впереди толпы и, оперпшись на шашку покойника, начинаетъ громко причитать слѣдующее: «вставай герой, довольно спать; пришли къ тебѣ твои сверсники. Не слушаетъ онъ насъ, недоволенъ видно нами, горе намъ. Оставшаяся вдовою жена уйдетъ въ домъ своихъ родителей, сироты будутъ плакать, пашни опустѣютъ, враги возликуютъ отъ радости». Плакальщица заканчиваетъ свою рѣчь просьбою къ мертвецу, чтобы онъ передалъ ея поклонъ собственнымъ ея покойникамъ и сообщилъ бы имъ о постигшихъ ее несчастіяхъ. Все это произносится во весь голосъ и нараспѣвъ. Слова плакальщицы подхватываются воплемъ присутствующихъ, такъ что въ общемъ картина производитъ то именно впечатлѣніе, какое пшавы хотѣли передать, сравнивъ плакальщицу съ похороннымъ колоколомъ и прозвавъ ее «Мозаре» (что значитъ замѣняющая кококолъ).

На третій день послѣ кончины слѣдуютъ похороны, сопровождаемыя поминками. Эти поминки повторяются затѣмъ въ 40-й день кончины, въ концѣ 2-го и 5-го мѣсяца, и наконецъ въ концѣ перваго года. Каждый разъ рѣжутъ барановъ и заготовляютъ пива или бузы. Кромѣ частныхъ поминокъ, посвящаемыхъ воспоминанію о недавно понесенной семьею утратѣ, мы встрѣчаемъ въ Пшавіи и общія поминки всѣхъ покойниковъ. Поминки эти повторяются въ опредѣленные годовые сроки: на Рождество, наканунѣ великаго поста, въ первые три дня Пасхи, а также на 9-й день послѣ Вознесенія. Во всѣхъ семьяхъ готовятъ кутью изъ гороха или пшеницы, заправленныхъ медомъ и водою, а также—круглыя лепешки изъ муки, смѣшанной съ масломъ [1]). На могилахъ покойниковъ служатся панихиды. Свя-

[1]) Мука растирается съ масломъ и образовавшійся такимъ образомъ комокъ заворачивается въ лепешку изъ тѣста.

щенникъ получаетъ въ вознагражденіе четвертую часть всѣхъ приношеній, а также шкуру и заднія ляжки зарѣзываемыхъ въ эти дни животныхъ; остальное съѣдается на мѣстѣ. Поминки обходятся семьѣ ежегодно отъ 5 до 50 рублей, смотря по состоянію, и являются для пшавовъ такимъ же частымъ источникомъ раззоренія, какъ и для осетинъ или сванетовъ. Въ Пшавіи поминаютъ мертвыхъ не только въ спеціально отведенные для этого дни, но и ежедневно въ теченіе года слѣдующаго за ихъ кончиной. Поминовеніе въ этомъ случаѣ не сопровождается какими либо особыми затратами. Старшая женщина въ семьѣ, прежде чѣмъ приступить къ пищѣ, произноситъ вслухъ слѣдующія слова: «да простятся вамъ грѣхи, наши мертвые, давно и недавно скончавшіеся! да достанутся вамъ опрѣсноки! и да освѣщаетъ и радуетъ вашу душу зажженная свѣча! Распоряжайтесь этими опрѣсноками и свѣчами какъ хотите, пригласите ѣсть съ вами опрѣсноки того, кто ждетъ отъ насъ поминокъ, но кого мы вспомнить не можемъ. Безъ вашего позволенія пусть никто не присвоитъ себѣ вашихъ опрѣсноковъ». Въ этихъ словахъ, какъ и въ однохарактерныхъ причитаніяхъ осетинъ [1]), сказывается то представленіе, какое пшавы имѣютъ о загробной жизни. Подобно живущимъ, мертвецы, по ихъ мнѣнію, нуждаются въ пищѣ, питьѣ и даже освѣщеніи. Доставляющій имъ все это родственникъ считается исполнившимъ свои обязанности по отношенію къ предкамъ; онъ вправѣ поэтому ждать ихъ заботливаго заступничества и предстательства. Иное дѣло, если мертвецы останутся безъ приношеній: голодные они становятся врагами своего потомства и насылаютъ на него всякія бѣдствія [2]).

Одной изъ причинъ болѣзней пшавы считаютъ неисполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ покойникамъ. Пораженный недугомъ нерѣдко обращается за совѣтомъ къ такъ назы-

1) См. мой «Современный обычай и древній законъ», т. I, гл. II, стр. 80.

2) По воззрѣніямъ пшавовъ важно не только то, чтобы у мертвыхъ была пища, но и чтобы пищей этой было мясо чистыхъ животныхъ; вотъ почему въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ похоронъ пшавецъ боится убить нечистаго звѣря изъ опасенія, чтобы мясо его не пошло въ пищу покойнику.

ваемой «гадалкѣ душъ» (кадаги) и черезъ ея посредство узнаетъ, что причиной болѣзни—гнѣвъ того или иного покойника, вызванный несовершеніемъ въ его честь поминокъ. Чтобы умилостивить его, пшавецъ спѣшитъ зарѣзать барана и наготовить лепешекъ. Если и послѣ этого болѣзнь продолжится, онъ начинаетъ пенять на покойника, упрекая его въ неблагодарности. Любопытную сторону религіозныхъ вѣрованій пшавовъ представляетъ ихъ ученіе о загробномъ мірѣ; характерной его чертой является смѣшеніе въ немъ христіанскихъ и языческихъ понятій. Пшавскій «шаветъ» (въ переводѣ мракъ) представляетъ большое сходство съ осетинскимъ обиталищемъ умершихъ, какъ и съ христіанскимъ раемъ и адомъ. Душа проникаетъ въ него послѣ длиннаго странствія. Проводниками душъ умершихъ во время ихъ странствій являются ранѣе ихъ покинувшіе міръ родственники. Эти проводники душъ извѣстны у пшавовъ подъ наименованіемъ «мгебры». Самъ «шаветъ» представляется воображенію пшава обширнымъ пространствомъ, слабо освѣщаемымъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ вечерней зари, почему послѣдняя и носитъ у нихъ названіе солнца мертвецовъ. По этому мрачному пространству протекаетъ смоленая, вѣчно горящая рѣка, через которую перекинутъ мостъ изъ одного волоса; одни праведники переходятъ черезъ него, грѣшники неизбѣжно падаютъ внизъ въ вѣчный пламень. «Шаветъ» населенъ цѣлымъ міромъ пресмыкающихся гадъ; они питаются волосами женщинъ и усами мужчинъ. Покойники говорятъ тихимъ и слабымъ голосомъ. Праведникамъ дозволяется ночью посѣщать землю для свиданія съ родственниками. Грѣшники же ни на минуту не выходятъ изъ пламени. Не всѣ также души достигаютъ «шавета»: кто умеръ бездѣтнымъ, кто не оставилъ нисходящихъ, обязанныхъ совершать по немъ поминки, тотъ осужденъ на вѣчное скитальчество. Пшавамъ, подобно римлянамъ и грекамъ, извѣстенъ особый «владѣтель мрака», своего рода Плутонъ, передъ которымъ покойники при своемъ первоначальномъ появленіи обязаны преклониться трижды. Почитаніе усопшихъ играетъ въ бытѣ пшавовъ доселѣ такую первенствующую роль, что прочія стороны ихъ религіи сами пріобрѣли отъ него извѣстную окраску. Говоря это, я имѣю въ виду

тотъ фактъ, что у каждаго рода есть свой особый патронъ, роль котораго исполняетъ, правда, тотъ или другой христіанскій святой, но не иначе, какъ на правахъ частнаго покровителя извѣстной только группы лицъ. Молитва къ нему можетъ быть услышана только въ томъ случаѣ, если выходитъ изъ ихъ среды. Его образъ «хати» или вѣрнѣе мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ образъ (такъ какъ сами образа давно исчезли), считается святыней только въ ихъ глазахъ. Клятва связываетъ только ихъ совѣсть, они одни считаются «рабами образа». Для чужеродца «хати» является враждебной силой, которую можно побѣдить съ помощью своего собственнаго хати, т. е. образа того рода, къ которому принадлежитъ данное лицо. Отсюда получается такое представленіе, что «хати» разной силы—одинъ сильнѣе, другой слабѣе, смотря потому принадлежитъ ли онъ сильнѣйшему или слабѣйшему роду. Отсюда возможность такой же вражды между «хати» и представляемыми ими патронами, какая существуетъ между родами, возможность побѣдъ и пораженій, наконецъ возможность союзовъ, выражающихся въ присоединеніи чужеродцевъ къ культу родоваго патрона. Обоготворенныя историческія лица, такія, какъ царица Тамара и ея сынъ Лаша, стоятъ воглавѣ всего этого родоваго культа, такъ какъ признаются патронами одинаково всѣми и каждымъ изъ родовъ. Оба они носятъ характеръ народныхъ героевъ; но память народная мало сохранила чертъ ихъ историческаго прошлаго. Само представленіе о нихъ въ такой степени перемѣшалось съ представленіями о Богородицѣ и Св. Георгіѣ — на что указываетъ и само названіе послѣдняго «Лаша—Георгій», что неудивительно, если воинствующаго ангела мы находимъ во главѣ той іерархической системы, въ какой у пшавовъ расположены семейные родовые патроны, то есть обоготворенные предки.

То отраженіе родоваго устройства въ сферѣ народныхъ вѣрованіи, какое представляетъ только что описанная нами система агнатическаго культа, не могло не оказать существеннаго вліянія на умственный и нравственный складъ изучаемаго нами общества. Разъ мы признаемъ тотъ фактъ, что отдѣльныя явленія нашей жизни вызываются тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ намъ вымершихъ поколѣній, сфера свободнаго проявле-

нія нашей воли окажется крайне ограниченной. Все, что ни случится съ нами, происходитъ съ вѣдома и желанія нашихъ предковъ. Ихъ рѣшенія не всегда вызываются нашимъ отношеніемъ къ нимъ. Предки могутъ оказаться неблагодарными и забывчивыми. Они могутъ поставить намъ въ вину невольныя дѣйствія и не возблагодарить насъ за совершаемыя въ ихъ честь поминки. Упреки и жалобы на нихъ обычное явленіе въ жизни пшавовъ.—Итакъ событія нашей жизни предопредѣлены; не даромъ пшавы говорятъ: «что у кого на лбу написано, того не миновать». Личная иниціатива не можетъ измѣнить хода событій; она можетъ выразиться только въ большей или меньшей заботливости угадывать судьбу. Послѣдняя всегда раскрывается намъ въ чудѣ, т. е. въ случайномъ, исключительномъ стеченіи внѣшнихъ явленій. Отсюда то значеніе, какое пріобрѣтаетъ у пшавовъ умѣніе читать судьбу по примѣтамъ, выдающаяся роль гадалокъ и гадальцевъ, сознаніе, что въ незначительнѣйшихъ явленіяхъ обыденной жизни можно увидѣть предсказаніе грядущихъ удачъ и бѣдствій.

Въ такъ называемыхъ народныхъ суевѣріяхъ пшавовъ мы находимъ на каждомъ шагу подтвержденіе только что высказанной мысли. Чтобы узнать, въ чемъ будетъ удача и неудача, каждая семья наканунѣ новаго года печетъ свой опрѣснокъ. До поступленія опрѣснока въ печь каждому виду семейнаго имущества отводится на немъ особое мѣсто: напр., середина рогатому скоту, правый край барану, лѣвый—курамъ и т. д. На слѣдующій день по вынутіи опрѣснока изъ печи смотрятъ, въ какомъ мѣстѣ тѣсто особенно поднялось; если въ томъ, которое считается частію рогатаго скота, то это вѣрный признакъ того, что въ ближащій годъ скотъ дастъ хорошій приростъ и т. п. Первый, кто войдетъ въ саклю съ пожеланіемъ счастья на новый годъ, обязанъ прокатить опрѣснокъ по полу;—уклонится опрѣснокъ вправо—хорошій знакъ, влѣво—дурной. Для борьбы съ животными и злыми духами нѣтъ другихъ средствъ кромѣ заклинаній. Волку можно связать зубы, т. е. сдѣлать его безвреднымъ для скотины, положивши зажженный уголь въ отверстіе камня употребляемаго при толченіи. И птицу можно отклонить отъ истребленія посѣвовъ, поставивши ей горячей

каши на масляницу. Чтобы «ружье не было связано», т. е. не давало промаха на охотѣ, надо воздерживаться отъ убійства собакъ, воронъ и кошекъ. Кто убьетъ кошку, тотъ совершаетъ большой грѣхъ; но тотъ, кто станетъ хранить ея ноги въ шапкѣ, тому семейный, родовой патронъ (хати) проститъ всѣ его грѣхи. Чтобы избавиться отъ дурнаго вліянія злыхъ духовъ, надо также принимать извѣстныя мѣры осторожности и, въ частности, не стричь явно волосъ и ногтей, а дѣлать это въ тихомолку и сжигать ихъ немедленно, а то деви завладѣетъ ими и съ помощью ихъ станетъ дурно влять на судьбу лица, которому они принадлежали. Заболѣетъ кто нибудь—болѣзнь не имѣетъ другой причины, кромѣ недовольства того или другаго предка, забытаго при поминкахъ, или того или другаго образа или, что то же, патрона. Пшавы такъ страшатся, чтобы кто либо изъ предковъ не остался безъ пищи по ихъ забывчивости и не вздумалъ мстить имъ за это, что при совершеніи поминокъ дѣлаютъ, какъ мы видѣли, особое обращеніе къ тѣмъ изъ нихъ, «которыхъ они вспомнить не могутъ». Но какіе бы мѣры ни принимались противъ такой забывчивости, всетаки легко можетъ статься, что тотъ или другой предокъ останется безъ опрѣсноковъ; возможно также, что родовой патронъ разгнѣвается на недостатокъ вниманія къ нему того или инаго изъ своихъ почитателей. И предки, и образа мстительны и ихъ месть обыкновенно выражается въ напущеніи болѣзней. Поэтому заболѣвшій прежде всего черезъ посредство гадалки старается узнать имя того разгнѣваннаго имъ покойника или образа, который является виновникомъ его страданій, а затѣмъ средство помочь бѣдѣ, т. е. характеръ того дѣйствія, совершеніемъ котораго обиженный можетъ быть умилостивленъ. Такимъ дѣйствіемъ, какъ мы видѣли, можетъ быть или простое совершеніе поминокъ или обѣтъ болящаго поступить служителемъ образа—сдѣлаться его «хевсбери». Въ сновидѣніяхъ также раскрывается людямъ ожидающая ихъ судьба; такъ, напримѣръ, охотникъ узнаетъ о предстоящей ему богатой поживѣ, видя себя во снѣ съ окровавленными руками и кусками мяса у своихъ ногъ. Увѣренность въ томъ, что боги мстительны, побуждаетъ пшавовъ къ строгому исполненію всего, что постановлено обы-

чаемъ. Но если обстоятельства сложились такъ, что такое отступленіе становится неизбѣжнымъ, пшаву не представляется иного выхода какъ откупиться. Такъ, напримѣръ—обычай требуетъ прекращенія работъ съ полудня субботы по утро понедѣльника, но въ страдную пору это оказывается не всегда удобнымъ; обычай поэтому дозволяетъ пшаву откупиться отъ такого обязательства или, какъ они выражаются, «выкрестить субботу» закланіемъ барана и посвященіемъ его предкамъ.

Разборъ религіозныхъ вѣрованій и суевѣрій пшавовъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что подъ оффиціальнымъ и внѣшнимъ покровомъ православія народъ этотъ стоитъ доселѣ на той стадіи религіознаго развитія, которая такъ удачно названа Тэйлоромъ анимизмомъ. Эта стадія, какъ извѣстно, обыкновенно сопровождается рѣшительнымъ подчиненіемъ религіи какъ общественной морали, такъ и права. Въ справедливости первой части этого положенія, какъ намъ кажется, вполнѣ убѣждаютъ уже приведенные факты. Намъ остается поэтому перейти ко второй половинѣ нашей задачи и познакомить читателя съ характеромъ тѣхъ юридическихъ нормъ, какія сложились въ Пшавіи на почвѣ родовыхъ отношеній подъ непосредственнымъ вліяніемъ господствующихъ религіозныхъ понятій.

Въ судоустройствѣ и процессѣ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ пшавовъ, оба принципа, родовой и теологическій, выступаютъ съ одинаковой наглядностью. Первый сказывается въ замѣнѣ начала индивидуализма началомъ кровной солидарности, второй въ допущеніи сверхчувственной неземной силы къ рѣшенію тяжбъ и совершенію сдѣлокъ. Солидарность родственниковъ сказывается и въ сферѣ имущественныхъ отношеній, въ рѣшительномъ преобладаніи общинно-родовой собственности надъ собственностью личной; и въ сферѣ семейнаго права, въ безусловномъ подчиненіи женщины до замужества отцу и старшему въ родѣ отца, а послѣ замужества мужу и старшему въ родѣ мужа; и въ сферѣ наслѣдственнаго права, въ совершенномъ устраненіи въ наслѣдованіи женщинъ и въ привеллегированномъ положеніи ближайшаго продолжателя рода—первенца; и въ сферѣ договорнаго права—въ слабой выработанности договоровъ и ограниченіи свободы распоряженій началами родовой

преэмпціи и родоваго выкупа. Въ уголовномъ правѣ участіе родственниковъ въ преслѣдованіи преступниковъ и въ платежѣ виры или композиціи, непосредственное преслѣдованіе цѣлымъ родомъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ родственной средѣ, и поручительство въ доброй славѣ обвиняемаго, выражающееся въ институтѣ такъ называемой соприсяги, — также не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія во всеопредѣляющемъ значеніи кровнаго начала.

Что касается до втораго изъ указанныхъ нами принциповъ— принципа теологическаго, то его конкуррирующее вліяніе выступаетъ и въ той выдающейся роли, какую въ свадебномъ ритуалѣ играетъ семейный очагъ — этотъ представитель родоваго культа, пріобщеніе къ которому равнозначительно пріобщенію къ культу домашнихъ божествъ, и въ существованіи особаго суда Божія въ формѣ испытанія обвиняемыхъ кипящею водою, и въ общераспространенности присяги: образомъ, свѣтомъ зажженнаго огня, именемъ царицы Тамары и ея сына Лаша, наконецъ матерью земли.

Болѣе детальное изученіе нѣкоторыхъ характерныхъ институтовъ не оставитъ, какъ мы надѣемся, ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности только что высказаннаго нами общаго положенія. Начнемъ нашъ обзоръ съ изученія характера имущественныхъ и въ частности земельныхъ отношеній у пшавовъ. Въ описаніи экономическаго быта крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, составленномъ г. Мачабели, значится, что однѣ усадебныя мѣста и прилежащіе къ нимъ участки (Карисъ-Пири) оставляются за каждымъ дымомъ безъ жребія; всѣ же остальные пахатныя и покосныя земли передѣляются между домохозяевами волости. Выгоны, лѣтнія пастбища, дороги и неудобныя мѣста находятся въ общемъ пользованіи всѣхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ одного и того же рода даже въ томъ случаѣ, если они живутъ въ разныхъ селеніяхъ. Сверхъ того каждый домохозяинъ на протяженіи всѣхъ земель рода имѣетъ право выпаса скота по снятіи урожая [1]). Это описаніе вѣрно настолько, насколько

---

[1]) См. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, т. V, стр. 386.

знакомитъ насъ съ характеромъ нынѣ существующей системы земельныхъ отношеній въ Пшавіи, во многомъ утратившей свои оригинальныя особенности подъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ какія были искусственно привнесены русской администраціей. О распространеннѣйшемъ во всей Грузіи, и въ частности въ Пшавіи, порядкѣ старозаимочнаго землевладѣнія въ приведенныхъ нами словахъ г. Мачабели нѣтъ и помину, и наоборотъ, о передѣлахъ не сказано, что они новѣйшее явленіе, о которомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ не было и помину. Изъ разспроса стариковъ я узналъ, что еще недавно землевладѣніе въ Пшавіи представляло любопытное сочетаніе племенной, родовой и нераздѣльно-семейной собственности. Лѣса стояли въ общемъ владѣніи всего пшавскаго народа. Пастбища были раздѣлены между родами, пахатныя же земли оставались, помимо всякихъ передѣловъ, въ наслѣдственномъ обладаніи нераздѣльныхъ семей на началахъ старо-заимочнаго землевладѣнія. Преобладающее значеніе скотоводства, вмѣстѣ съ рѣдкостью населенія, дѣлало возможнымъ безграничное господство этой захватной системы пользованія. «Ахо», или заимка, предполагающая корчеваніе лѣса, возникала помимо всякаго разрѣшенія съ чьей бы то ни было стороны. Собственность на нее сохраняема была до тѣхъ поръ, пока продолжалась сельскохозяйственная эксплоатація. Очевидно, что такая система пользованія необходимо предполагала существованіе неравенства и не могла мириться съ системой передѣловъ. Послѣдніе были введены шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а въ 1882 году, при приставѣ Абхази, постановлено, что передѣлы должны происходить на разстояніи каждыхъ двадцати лѣтъ. Такъ какъ въ то же время не было принято никакихъ мѣръ къ урегулированію права пользованія пастбищами и предоставлена каждому возможность посылать столько скота на общее пастбище, сколько ему нужно, то не мудрено, если реформами русскаго начальства вовсе не достигнуто то уравненіе имущественныхъ правъ туземцевъ, къ котороту они, повидимому, были направлены. Богачи, какими являются владѣльцы большихъ стадъ, портятъ горныя пастбища, высылая на нихъ до 500 штукъ скота отъ дыма. Въ теченіе двухъ недѣль этотъ скотъ съѣдаетъ всю траву, не допустивши ее до цвѣтенія, послѣ чего его

гонять въ Хевсуретію, пастбища которой снимаются пшавами въ аренду. Благодаря такому хищническому способу пользованія, однолѣтнимъ травамъ не оставлена возможность осѣмениться, почему въ настоящее время на пастбищахъ встрѣчаются только травы многолѣтнія. Введеніе системы періодическихъ передѣловъ потребовало включенія въ категорію общинныхъ земель также земель старозаимочныхъ или такъ называемыхъ ахо. Послѣднія, впрочемъ, не сразу были объявлены достояніемъ всей общины. Въ теченіе пяти лѣтъ, слѣдующихъ за корчеваніемъ, пользованіе ими удержано было за первыми заимщиками и только по истеченіи этого срока заимка поступала въ передѣлъ. Отнесеніе лѣсовъ, занимающихъ большую часть земельной площади Пшавіи, къ числу казенныхъ земель, искоренило въ самомъ источникѣ этотъ древнѣйшій способъ установленія семейной собственности на землю. Новыя заимки запрещены и корчеваніе можетъ быть произведено не иначе, какъ съ разрѣшенія лѣсничаго. Картина имущественныхъ отношеній пшавовъ должна быть дополнена еще нѣкоторыми подробностями касательно пользованія фруктовыми деревьями, бортами, рыбными ловами, правами охоты за пушнымъ и мелкимъ звѣремъ. При исключительномъ господствѣ народнаго обычая, древесныя плоды принадлежали лицу, посадившему дерево, все равно, на чьей бы землѣ не произведена была посадка; въ настоящее время деревья вмѣстѣ съ землей переходятъ въ силу передѣловъ въ пользованіе той семьи, которой они выпали по жребію. Что касается до бортовъ, то они составляютъ собственность того лица, которому удалось открыть пчелиный рой или загнать его въ древесное дупло. Охота и рыбная ловля свободны на протяженіи всей Пшавіи. Нечего и говорить, что дороги состоятъ въ общемъ пользованіи всѣхъ и каждаго, но не мѣшаетъ отмѣтить ту любопытную черту, что проѣзжающій имѣетъ право безвозмезднаго пользованія прилегающей къ дорогѣ травой во все время стоянки.

Движимая собственность въ Пшавіи частью семейная, частью личная. Къ послѣдней принадлежитъ, разумѣется, прежде всего оружіе и одежда, а также всѣ тѣ вещи, которыя идутъ въ приданое невѣстѣ: тюфяки, подушки, ковры и т. п. Другое дѣло—посуда и домашняя утварь; онѣ составляютъ достояніе

всей семьи. Оригинальную сторону пшавскихъ обычаевъ составляетъ тотъ фактъ, что тогда какъ сторонній заработокъ мужчинъ поступаетъ въ общую казну и идетъ на увеличеніе общаго имущества дыма, сторонній заработокъ женщины составляетъ ея личный капиталъ или такъ называемый «сатавно». По словамъ крестьянъ, говоритъ г. Мачабели, женщина, получая отъ дыму пищу и питіе, обязана взамѣнъ этого нести и опредѣленную работу; на каждую возлагается поэтому соткать и сшить столько то рубахъ и платья. Но разъ женщина выполнила свою подымную работу, она вправѣ заняться сторонней работой, работой для продажи. Получаемый этимъ путемъ заработокъ идетъ въ ея пользу. Какъ только дѣвочка подростетъ на столько, что можетъ работать, она пріобрѣтаетъ право на личный капиталъ, «сатавно». Я встрѣчалъ дѣвочекъ лѣтъ восьми, говоритъ г. Мачабели, имѣвшихъ уже свой личный капиталъ. Начиная съ дѣтства каждая женщина стремится къ тому, чтобы составить возможно большій «сатавно». Этимъ объясняется рѣдкое трудолюбіе пшавокъ, ихъ готовность не оставаться минуты безъ дѣла. Личный капиталъ женщины при ея вступленіи въ бракъ возрастаетъ, благодаря пріобщенію къ нему подарковъ, дѣлаемыхъ ей ея собственными родственниками и родственникомъ жениха, а также приданымъ, которое выдѣляется не изъ семейной собственности, а изъ сатавна ея матери. Мужъ не имѣетъ права распорядиться личной собственностью жены; женщина сама пускаетъ ее въ оборотъ. Ея имущество не отвѣчаетъ за долги и взысканія, падающіе на дымъ [1]).

Отъ имущественныхъ отношеній перейдемъ къ семейнымъ. Я сказалъ уже, что пшавы доселѣ живутъ большими семьями, нерѣдко въ 30—40 человѣкъ, по типу своему болѣе всего напоминающими юго-славянскую задругу. Подобно задругѣ семья пшава имѣетъ не наслѣдственнаго, а выборного главу. Выборъ падаетъ на того, кто умнѣе, трудолюбивѣе и нравственнѣе другихъ; если эти качества встрѣчаются въ старшемъ, то на него; въ противномъ случаѣ на кого либо изъ младшихъ членовъ семьи. Семейный старѣйшина, такъ называемый «мама-

[1]) Ibid., стр. 400.

каци», въ полномъ смыслѣ слова начальникъ надъ семьею. Даже ушедшій на заработки родственникъ продолжаетъ оставаться неотдѣленнымъ членомъ семьи, участвуетъ въ покрытіи ея затратъ, дѣлится съ нею заработкомъ, и во всемъ, что касается его хозяйственной дѣятельности, подчиняется руководительству выбраннаго семьею мамакаци. Какъ общее правило, работы, производимыя отдѣльными членами семьи, распредѣляются между ними ея старѣйшиной, онъ же ведетъ хозяйство дыма и заключаетъ отъ его имени всякаго рода сдѣлки. Покупать и продавать безъ согласія мамакаци никто не въ правѣ. Возникающія въ средѣ семьи ссоры и несогласія поступаютъ на его разбирательство. Его рѣшенія должны безпрекословно быть приводимы въ исполненіе; въ противномъ случаѣ мамакаци остается только сложить съ себя обязанности главенства. При недовольствѣ старѣйшиной члены въ правѣ отрѣшить его отъ должности и производятъ за тѣмъ новые выборы.

Подобно тому какъ въ задругѣ или большой великорусской семьѣ наряду съ старѣйшиной мужчиной встрѣчается и старѣйшина женщина, такъ называемая домачиха или большуха, такъ точно въ семьѣ пшавовъ главенство ежегодно предоставляется одной изъ невѣстокъ. Выборная невѣстка получаетъ завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ. Съ одной стороны, она экономка въ домѣ, съ другой—глава женщинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Она распредѣляетъ между ними работы, разбираетъ ихъ ссоры и несогласія, и въ то же время сама стряпаетъ на кухнѣ и расходуетъ семейный запасъ. Эти запасы выдаются ей нерѣдко на цѣлый годъ, въ хозяйство ея никто не въ правѣ вмѣшиваться, но и она не въ правѣ отказать въ хлѣбѣ никому; каждый ѣстъ его сколько захочетъ. Что же касается до остальной пищи, то въ ней, смотря по имущественному положенію семьи, можетъ послѣдовать отказъ, даже въ томъ случаѣ, если ея требуетъ самъ дамакаци, ссылаясь на необходимость принять гостя. Не слѣдуетъ думать, чтобы управленіе семьи ея обоими старѣшинами носило характеръ неограниченнаго деспотизма: и мамакаци и діасахлисъ сами ищутъ совѣта и согласія отдѣльныхъ членовъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ. Вечеромъ, когда вся семья собирается за ужиномъ, оба старѣшины совѣ-

щаются о дѣлахъ со всѣмъ дымомъ. Въ подаваніи совѣтовъ одинаково участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины.

Замужество дѣвушекъ и женитьба юношей хотя и зависятъ главнымъ образомъ отъ ихъ родителей и прежде всего отъ отца составляютъ въ то же время предметъ бдительнаго контроля со стороны тѣхъ дымовъ, къ которымъ принадлежатъ брачущіеся. Вся семья заинтересована въ полученіи той платы, въ размѣрѣ отъ трехъ до пяти коровъ, какую вноситъ женихъ за невѣсту [1]), а также въ надѣленіи жениха необходимыми средствами для празднованія свадьбы. Обыкновенный порядокъ заключенія брака въ настоящее время слѣдующій: женихъ съ вѣдома своего родителя посылаетъ сватовъ къ отцу невѣсты; въ случаѣ согласія слѣдуетъ рукобитіе, платежъ задатка (пишапи), величиною въ 1 руб. 20 к., и обмѣнъ поцѣлуевъ. Какъ и въ древне-германскомъ правѣ сватовство носитъ характеръ юридической сдѣлки: нарушеніе отцемъ невѣсты принятаго на себя обязательства считается неисполненіемъ договора и женихъ вправѣ получить отъ отца невѣсты 16 коровъ за безчестіе. Свадебный ритуалъ заслуживаетъ вниманія, какъ отражающій на себѣ религіозныя вѣрованія пшавовъ и, въ частности, культъ семейныхъ боговъ. При выходѣ изъ церкви къ платью невѣсты прикрѣпляютъ платокъ; ухватившись за свободный его конецъ, женихъ вводитъ невѣсту въ саклю. Вмѣстѣ съ молодыми входитъ ихъ свита съ шаферомъ во главѣ; идя впереди молодыхъ, онъ держитъ въ рукахъ плоскій, круглый хлѣбъ, приготовленный на медѣ, въ который воткнутъ крестъ съ тремя яблоками на концахъ. Предводительствуемые шаферомъ молодые троекратно обходятъ очагъ, причемъ шаферъ бьетъ кинжаломъ по спускающейся съ потолка желѣзной цѣпи (сакидели). Значеніе всѣхъ этихъ обрядовъ станетъ понятнымъ, если мы сопоставимъ ихъ съ однохарактерными дѣйствіями, представляемыми свадебнымъ ритуаломъ осетинъ. Предметомъ семейнаго культа, какъ я указалъ это въ другомъ мѣстѣ, считается у нихъ не только семейный очагъ, но и вися-

---

[1]) Платежъ 3 коровъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если невѣстой является вдова.

щая надъ нимъ цѣпь, къ которой привѣшенъ котелъ для варки пищи. Важнѣйшіе акты домашней жизни происходятъ у очага и связаны съ прикосновеніемъ къ его цѣпи. Пытаясь дать объясненіе тому факту, что культъ домашняго очага всюду, гдѣ онъ встрѣчается, стоитъ въ тѣсной связи съ культомъ предковъ, я въ моемъ «Совр. Об. и Древн. Законѣ» останавливаюсь на томъ фактѣ, что поглощеніе пищи горящимъ на очагѣ огнемъ является единственнымъ нагляднымъ доказательствомъ въ принятіи ея покойникомъ, а такъ какъ питаніе мертвыхъ является обычной формой общенія съ ними живущихъ, то не удивительно, если очагъ, на которомъ варится эта пища, и огонь которымъ она поглощается, а также всѣ тѣ предметы, которые связаны съ приготовленіемъ пищи, — какъ-то котелъ и цѣпь, носятъ характеръ чего то священнаго и стоятъ въ неразрывной связи съ почитаніемъ покойниковъ [1]).

Нѣкоторыя подробности свадебнаго ритуала пшавовъ наводятъ на мысль о томъ, что заключенію у нихъ браковъ путемъ купли предшествовалъ, какъ и у другихъ народовъ, періодъ похищенія невѣстъ. Начать съ того, что отецъ и мать невѣсты обязательно отсутствуютъ, тогда какъ отецъ и мать жениха стараются всячески задобрить невѣсту, принося ей въ подарокъ платье и денегъ. Эти факты находятъ надлежащее освѣщеніе, если сопоставить ихъ съ донынѣ встрѣчающимися изрѣдка случаями увода невѣстъ, обыкновенно въ лѣсъ, при чемъ обычай требуетъ немедленнаго вступленія похитителя въ связь съ похищенной. Бракъ уводомъ сопровождается нынѣ платежемъ въ пользу родителей похищенной положенной за невѣсту платы, послѣ чего слѣдуетъ примиреніе. Дополняя всѣ эти данныя еще той характерной подробностью, что въ теченіе года, слѣдующаго за свадьбой, молодая воздерживается отъ посѣщенія своихъ родителей, мы пріобрѣтаемъ рядъ фактовъ, наипростѣйшимъ объясненіемъ которыхъ является признаніе брака уводомъ — древнѣйшей его формой въ Пшавіи.

Каноническія предписанія, общераспространенныя, какъ показалъ Вельо [2]), на протяженіи всего средневѣковаго міра, не

---

1) См. Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 78—80.

2) Le droit du seigneur.

допускаютъ сожительства молодыхъ въ первые три дня, слѣдующіе за свадьбой. Внѣшнимъ выраженіемъ этого запрета является тотъ фактъ, что во все это время лицо молодой покрыто вуалью. Только съ наступленіемъ третьей ночи, одна изъ близкихъ ей по мужу женщинъ, обыкновенно жена брата, снимаетъ съ ея лица покровъ, чѣмъ какъ бы выражается согласіе семьи невѣсты на бракъ. Этотъ фактъ сопровождается пляской и приношеніемъ молодой всякихъ подарковъ, имѣющихъ, повидимому, въ данномъ случаѣ то же значеніе, какое имѣетъ у нѣмцевъ «утренній даръ» (Morgengabe), этотъ платежъ за дѣвственность.

Бракъ въ Пшавіи дозволенъ только между лицами, принадлежащими къ разнымъ родамъ. Эгзогамія здѣсь соблюдается съ такой строгостью, что достаточно факта принадлежности матери невѣсты къ одному роду съ женихомъ, чтобы сдѣлать бракъ невозможнымъ.

Хотя семья пшавовъ построена на началахъ строгой моногаміи, но безплодіе жены и боязнь остаться безъ потомства, вызываемая религіозными мотивами, въ частности угрозой вѣчнаго скитальничества въ загробной жизни,—причина тому, что бездѣтный супругъ съ согласія своей жены нерѣдко беретъ въ домъ любовницу. Прижитыя въ такомъ союзѣ дѣти считаются законными и наслѣдуютъ наравнѣ съ послѣдними. Безплодіе можетъ сдѣлаться также поводомъ къ отпущенію жены мужемъ, сопровождаемымъ передачей ей сполна всего ея личнаго имущества, ея «сатавно», и уплатой ей сверхъ того особаго вознагражденія въ размѣрѣ пяти коровъ (самтцунебро). Обыкновеннѣйшимъ, впрочемъ, исходомъ является усыновленіе; оно невозможно въ семьѣ въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть законныя дѣти мужскаго пола. Такъ какъ дочери не наслѣдницы, то въ семьѣ, не имѣющей мужскаго потомства, дозволяется усыновленіе внука отъ дочери, нерѣдко даже самого зятя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зять переселяется въ домъ родителей жены, становится членомъ ея семьи, наглядымъ проявленіемъ чего служитъ перемѣна фамиліи. Усыновленіе зятя, по словамъ пшавовъ, явленіе новѣйшаго времени, съ которымъ народъ донынѣ не вполнѣ примирился, почему во

многихъ селеніяхъ родственники, дорожа своей долей участія въ наслѣдствѣ, стараются удалить такого зятя-пріемыша, извѣстнаго подъ прозвищемъ «зедситзе». Нерѣдко послѣ десятилѣтняго пребыванія въ семьѣ и участія въ ея трудѣ, «зедситзе» безъ всякаго вознагражденія изгоняется изъ селенія. Неудивительно поэтому, если многіе зятья стараются предотвратить возможность такого исхода переводомъ на свое имя всей собственности дыма при посредствѣ дарственныхъ и продажныхъ записей.

Я сказалъ уже, что женщина въ Пшавіи не наслѣдница; имущество покойника переходитъ въ одной лишь мужской линіи. Такъ какъ раздѣлы крайне рѣдки, то факта такъ называемаго открытія наслѣдства въ большинствѣ случаевъ не бываетъ, имущество и по смерти отца по прежнему остается въ рукахъ семьи. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ когда слѣдуетъ дѣлежъ, дѣлежъ этотъ производится поровну между дольщиками. Все съѣстное распредѣляется по числу лицъ обоего пола, при чемъ беременная женщина получаетъ, сверхъ своей части, еше корыто хлѣба на долю будущаго ребенка. Старикамъ выдѣляется нужное на покрытіе расходовъ по ихъ погребенію и обезпечивается годичное содержаніе; чаще всего отецъ получаетъ равную долю съ сыновьями и селится у одного изъ нихъ по своему выбору. Холостые получаютъ на покрытіе свадебныхъ издержекъ; недавно женившійся братъ—ружье, шашку и лошадь. Завѣдующій хозяйствомъ «мамакаци» не получаетъ ничего лишняго противъ другихъ членовъ; иное дѣло — старшій сынъ, которому за старшинство полагается придатокъ, величиной въ пять коровъ. Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей до раздѣла, причитающаяся ему доля наслѣдства переходитъ къ оставленному имъ потомству. Отказъ отъ наслѣдства, освобождающій у насъ какъ извѣстно отъ долговъ, заключенныхъ наслѣдодателемъ, въ Пшавіи неизвѣстенъ. Останется ли послѣ смерти должника имущество или не останется, — обязанность платежа его долговъ переходитъ на потомство.

Наименѣе выработанной стороной юридическихъ обычаевъ пшавовъ является ихъ договорное право. Причину этого понять не трудно, если вспомнить родовыя основы ихъ быта, почти

полное отсутствіе личной собственности и идущаго на личное обогащеніе труда. Ученіе о широкомъ господствѣ формализма въ древнемъ договорномъ правѣ едва ли найдетъ въ бытѣ пшавовъ много фактовъ для своего подтвержденія. Кромѣ рукобитія, мы не встрѣчаемъ другихъ способовъ заключенія договоровъ, да и само оно не является чѣмъ то неизбѣжнымъ. Договоръ, заключенный безъ рукобитія, дѣйствителенъ, если на лицо были свидѣтели. Изъ отдѣльныхъ способовъ заключенія договоровъ не безъинтересныя архаическія черты представляетъ залогъ или такъ называемый «гирау». Въ Пшавіи доселѣ сохранился хорошо извѣстный въ древней Грузіи порядокъ пользованія кредиторомъ заложенной ему землею до момента уплаты долга. Такая черта приближаетъ грузинско-пшавскій гирау къ nantissement древне-французскаго права, которое, въ отличіе отъ современной ипотеки, переносило на кредитора право временнаго пользованія заложенной ему вещью. Что касается до отдѣльныхъ видовъ договоровъ, то обращаетъ на себя вниманіе рѣдкость дареній, объясняемая нераспространенностью частной собственности и запрещеніемъ отчуждать семейную иначе, какъ въ пользу церкви, и широкое распространеніе безвозмездной ссуды, наемъ земли съ половины и вознагражденіе баранщиковъ уступкой имъ части приплода, обыкновенно сорока шестимѣсячныхъ барашковъ.

Продолжительное дѣйствіе русскихъ уголовныхъ законовъ въ Пшавіи причина тому, что въ народной памяти всего менѣе воспоминаній о порядкѣ преслѣдованія и наказанія преступниковъ, но изъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось собрать на этотъ счетъ, не трудно придти къ заключенію, что и въ этомъ отношеніи обычай пшавовъ является прямымъ выводомъ изъ тѣхъ родовыхъ порядковъ, какіе составляли и донынѣ составляютъ основу ихъ быта. Подобно другимъ горцамъ нашего Кавказа, они преслѣдовали въ преступленіи прежде всего причиненный имъ матеріальный вредъ. Отсюда то послѣдствіе, что умышленное убійство не отличаемо было отъ случайнаго, а покушеніе оставалось безъ наказанія. Родственная солидарность сказывалась въ фактѣ преслѣдованія преступника всѣмъ родомъ потерпѣвшаго. Кровная вражда прекращалась не ранѣе,

какъ послѣ уплаты виновнымъ особаго выкупа, величина котораго достигала при убійствѣ размѣра 360 барановъ, а при увѣчьяхъ однообразно 16 коровъ. Отмѣтимъ ту любопытную черту, что въ числѣ ищущихъ кровомщенія, при отсутствіи другихъ родственниковъ, встрѣчается и дядя по матери. Платежъ, дѣлаемый убійцей, не устраняетъ необходимости особыхъ приношеній со со стороны его рода роду убитаго. Эти приношенія состоятъ обыкновенно изъ трехъ быковъ, такого же числа барановъ и одной сабли; только половина платимой убійцею виры идетъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ, остальная часть поступаетъ ко всему роду [1]). Характеръ матеріальнаго вреда, который въ глазахъ пшавовъ былъ неразрывно связанъ съ понятіемъ преступленія, причина тому, что не всѣ дѣйствія, нынѣ признаваемыя преступными, носили этотъ характеръ въ ихъ глазахъ. Словесныя обиды и побои не считались наказуемыми дѣйствіями. Возмездіемъ за раненіе служилъ платежъ, обыкновенно коровами. при чемъ большая или меньшая важность ранъ и соотвѣтственно бóльшій или меньшій размѣръ слѣдующаго за нихъ платежа исключительно зависѣлъ отъ величины оставленнаго пораненіемъ рубца. По заживленіи раны, ее выкладывали пшеничными зернами и этимъ путемъ опредѣляли число платимыхъ поранителемъ коровъ: каждому зерну соотвѣтствовала одна корова. Кровная месть, исключительно примѣнимая въ случаяхъ убійствъ. увѣчій и прелюбодѣяній, не грозила похитителю чужой собственности, который отвѣчалъ только своимъ имуществомъ. Обычай требовалъ возвращенія двойной или семерной стоимости украденаго, смотря по тому, произведено ли было воровство съ поля или изъ дому. Послѣднее считалось болѣе тяжкимъ преступленіемъ, такъ какъ было связано съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужое жилище.

При господствѣ родовыхъ отношеній и воззрѣній на преступное дѣяніе, какъ на матеріальный ущербъ, наносимый однимъ родомъ другому, не удивительно, если преступныя дѣйствія, совершенныя въ родственной средѣ, оставляемы были безъ по-

---

[1]) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I. ч. 2, стр. 304.

слѣдствій. Сыно-убійца, какъ и отце-убійца не могли сдѣлаться предметомъ мести, такъ какъ въ противномъ случаѣ роду предстояло бы понесть новую потерю, не вознаградивъ прежней. Старики могли еще припомнить нѣсколько случаевъ, въ которыхъ убійцы близкихъ родственниковъ продолжали жить въ родственной средѣ, преслѣдуемые презрѣніемъ окружающихъ. Нельзя видѣть исключенія изъ этого правила — въ обычаѣ, въ силу котораго мужъ рѣзалъ носъ прелюбодѣйной женѣ, такъ какъ изувѣченіе жены всегда сопровождалось изгнаніемъ ея изъ дому, т.-е. разрывомъ семейнаго общенія. Правило, по которому прелюбодѣи и соблазнители подлежали кровной мести, терпѣло у пшавовъ исключеніе въ томъ случаѣ, когда виновными являлись односельчане—родственники. Мѣсто убійства въ этомъ случаѣ занимало прекращеніе всякаго общенія и нерѣдко истребленіе личной собственности. Этотъ исходъ, впрочемъ, не былъ неизбѣженъ, такъ какъ виновному не возбранялось откупиться, устроивъ угощеніе всему селенію.

Полная независимость родовъ, отсутствіе объединяющей ихъ политической власти, — неблагопріятныя условія для развитія постоянныхъ органовъ правосудія. Самосудъ, составляющій обыкновенную характеристику такой стадіи общественнаго развитія, не терпитъ у пшавовъ инаго ограниченія, кромѣ того, какой можетъ быть установленъ путемъ сдѣлки, добровольно заключенной враждующими сторонами. Проектъ такой сдѣлки вырабатывается обыкновенно лицами, заслужившими довѣріе обоихъ противниковъ и получившихъ на то спеціальное полномочіе: такихъ лицъ называютъ посредниками; ихъ рѣшенія носятъ скорѣе факультативный, чѣмъ обязательный характеръ, отъ сторонъ зависитъ привести ихъ въ исполненіе или вернуться къ прежнему самосуду. Такой именно характеръ носитъ судебная организація пшавовъ. Тяжущіеся, одинаково въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, обращаются къ выбору посредниковъ или такъ называемыхъ «шуакаци», обыкновенно въ числѣ одного или двухъ съ каждой стороны. Если посредники разойдутся во мнѣніяхъ, то имъ предоставляется совмѣстно выбрать новаго посредника; на чьей сторонѣ окажется его голосъ, за той остается побѣда. Постановленный большинствомъ голосовъ приговоръ объяв-

ляется сторонамъ, которыя въ случаѣ недовольства имъ могутъ выбрать новыхъ посредниковъ, сдѣлать новую попытку къ примиренію, или же, при нежеланіи и неуспѣхѣ, вернуться къ прежнему самоуправству. Въ томъ случаѣ, если стороны изъявили готовность подчиниться приговору—посредники обыкновенно требовали назначенія поручителей (хельсмочи деба), въ числѣ отъ двухъ до 12 человѣкъ; ими отнюдь не могли быть родственники тяжущихся.

Посредники, одинаково призванные къ рѣшенію гражданскихъ и уголовныхъ тяжбъ, сами опредѣляли способы къ раскрытію судебной истины, руководствуясь при этомъ большей или меньшей важностью правонарушенія и установившимся издревле обычаемъ. Видную роль въ судебныхъ доказательствахъ играли у пшавовъ религіозныя испытанія или такъ называемыя «ордаліи». Въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ прибѣгали къ слѣдующему способу раскрытія истины: въ котелъ съ кипящей водой бросали подкову, которую обвиняемый долженъ былъ вынуть собственноручно; если на рукѣ не оказывалось обжога, невинность его считалась установленной и наоборотъ. Самый порядокъ производства этой водной ордаліи указываетъ, съ одной стороны, на ея архаичность, а съ другой—на общность съ тою, о которой говорится въ законникѣ грузинскаго царя Вахтанга. Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ стариннымъ обычаемъ, внесеннымъ въ законодательный сборникъ и сдѣлавшимся затѣмъ общимъ для всей Грузіи. Только что описанный видъ судебныхъ испытаній не исключаетъ у пшавовъ возможности обращенія къ другимъ менѣе тяжкимъ; подъ ними я разумѣю—тѣ разнообразныя символическія дѣйствія, которыя обнимаются общимъ наименованіемъ присяги. Эта присяга требуется не отъ одного только отвѣтчика. Въ случаѣ уголовнаго характера дѣла отвѣтчикъ даже вовсе не присягаетъ, мѣсто его занимаетъ большее или меньшее число родственниковъ, исключительно мужчинъ, которые, смотря по выбору истца, клянутся то тѣмъ или другимъ образомъ (хати), то именемъ царицы Тамары и ея сына Лаши. Еще распространенные въ обыденной жизни виды клятвъ: свѣтомъ зажженнаго огня, матерью земли, шеей быка, хлѣбомъ, приносимымъ въ жертву бараномъ (клятва пастуховъ),

именемъ старшаго брата (клятва дѣвушекъ), именемъ дѣтей (клятва замужней женщины) — на судѣ издавна вышли изъ употребленія. Нерѣдко посредники требуютъ, чтобы присяга была принесена въ самомъ капищѣ; но будетъ ли она дана на мѣстѣ или въ святилищѣ, обрядъ ея совершенія остается одинъ и тотъ же. Въ то время какъ присягающій произноситъ освященыя обычаемъ слова, хевсбери медленно выливаетъ изъ чаши содержащееся въ ней пиво, произнося при этомъ: «пусть подобно этому пиву разольется или разсѣется родъ присагающаго въ томъ случаѣ, если онъ говоритъ неправду».

Въ старые годы въ дѣлахъ, вызывающихъ кровомщеніе, свидѣтельскія показанія не допускались. Причина слабой выработанности въ древнемъ процесѣ этого общераспространеннаго нынѣ вида судебныхъ доказательствъ легко объясняется тѣмъ соображеніемъ, что всякое свидѣтельство, клонящееся ко вреду частнаго лица, приравнивается древнимъ правомъ къ тѣмъ матеріальнымъ ущербамъ, послѣдствіемъ которыхъ является кровно-родовая месть. Не удивительно поэтому, если готовыхъ свидѣтельствовать противъ убійцъ не оказывалось, и посредникамъ приходилось искать другихъ способовъ установленія судебной истины. Но если свидѣтельство не допускается пшавскими обычаями въ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ случаяхъ, то оно весьма употребительно при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ и легкихъ проступковъ. Вліяніе Моисеева законодательства черезъ посредство христіанства и каноническаго права сказалось въ требованіи, чтобы число свидѣтелей было не менѣе двухъ. Зависимое же положеніе женщинъ сдѣлалось причиной того, что ихъ свидѣтельство допускаемо было лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда на лицо не оказывалось мужчинъ.

—

Мы бы могли закончить сказаннымъ этнографическій очеркъ пшавовъ, если бы въ ихъ быту нельзя было отмѣтить явленій, которыя стоятъ въ прямомъ противорѣчіи и съ родовыми основами ихъ быта, и съ господствующимъ у нихъ культомъ предковъ - агнатовъ. Эти явленія иллюстрируютъ исключительное положеніе, занимаемое нынѣ въ средѣ горцевъ пшавской жен-

щиной, и въ нашихъ глазахъ не допускаютъ другаго объясненія, кромѣ того, что періоду развитія агнатическаго рода предшествовало въ Пшавіи господство рода материнскаго или когнатическаго.

Начнемъ съ описанія обыденныхъ жизненныхъ явленій, которыми обрисовывается положеніе пшавской женщины.

Въ воззрѣніяхъ мужчинъ на женщинъ проглядываютъ какъ бы слѣды недавней еще вражды и того презрительнаго отношенія, какое побѣдителю внушаетъ побѣжденный имъ противникъ. Хотя и въ меньшей степени, чѣмъ у хевсуръ, женщина у пшавовъ считается существомъ нечистымъ. Въ періодъ менструацій ее загоняютъ на недѣлю въ хлѣвъ. Беременная женщина запирается въ особыя плетенки, устраиваемыя за предѣлами деревни и извѣстныя подъ названіемъ «кохи»; здѣсь она рожаетъ ребенка безъ всякой посторонней помощи. И въ остальное время жизни женщина не стоитъ на равной ногѣ съ мужчиной; такъ, напримѣръ, жена не смѣетъ назвать своего мужа по имени. Даже въ клятвахъ замужнихъ женщинъ имя мужа никогда не упоминается: наоборотъ, въ свидѣтели истины призывается братъ или сынъ. Мы видѣли уже, что женщины не допускаются къ исполненію обязанностей соприсяжниковъ—этихъ древнѣйшихъ по времени свидѣтелей, и что въ новѣйшее даже время свидѣтельство ихъ принимается только при невозможности достигнуть установленія судебной истины инымъ путемъ.

Въ прямомъ противорѣчіи съ такимъ уничиженнымъ положеніемъ женщины стоитъ предоставленная ей въ значительной мѣрѣ степень свободы, какъ имущественная, такъ и личная. Мы имѣли уже случай говорить о первой; она выражается въ существованіи особаго вида частной собственности, частью пріобрѣтенной личнымъ трудомъ, частью перешедшей отъ матери — «сотавно», или личнаго капитала, не только у замужнихъ женщинъ, но и у дѣвушекъ. Что касается личной свободы женщинъ, то она продолжается до брака и прекращается съ момента перехода изъ подъ родительскаго крова въ жилище мужа. Свобода эта сказывается въ правѣ каждой дѣвушки выбрать изъ среды аульной молодежи своего «цацалу» или нареченнаго брата, который не только сопровождаетъ ее повсюду, но и съ вѣдома

родителей спитъ съ ней на одной постели. Встрѣчи молодыхъ парней и дѣвушекъ обыкновенно происходятъ на особыхъ вечеринкахъ, напоминающихъ великорусскія посидѣлки и южнорусскія вечерницы; названіе ихъ «самхто», что въ переводѣ значитъ «приношеніе въ жертву». Вечеринки эти продолжаются долго за полночь и нерѣдко оканчиваются тѣмъ, что молодые люди, не расходясь по домамъ, ложатся спать попарно. Названіе «обѣдни или жертвоприношенія», какое носятъ эти сборища, даетъ намъ право сблизить ихъ съ тѣми религіозными празднествами, которыя происходятъ ежегодно подъ наименованіемъ лашароба (праздники въ честь Лаши) вблизи Лашарисджвари, капища, посвященнаго Лаши. Отношеніе половъ на этомъ праздникѣ, говоритъ г. Саслани, болѣе чѣмъ свободное. То религіозное представленіе, какое сынъ Тамары вызываетъ въ фантазіи пшавовъ, поражаетъ смѣшеніемъ христіанскихъ и языческихъ понятій. Съ одной стороны, Лаша является какимъ-то замѣстителемъ святаго Георгія. такъ что пшавы нерѣдко именуютъ его Лаша-Георгій; съ другой стороны, это представитель какого-то вакхическаго культа. Преданіе говоритъ о немъ, какъ о любителѣ женщинъ, лишившемся праваго глаза во время одного изъ своихъ любовныхъ похожденій. О самомъ праздникѣ въ одной изъ народныхъ пѣсенъ поется, что многія красавицы поскачутъ на лашаробу, сидя на сѣрыхъ коняхъ. Если прибавить ко всему сказанному, что не одни пшавы сходятся на это торжество, но и жители всѣхъ сосѣднихъ съ ними мѣстностей, и что въ древности страна, занимаемая этими горцами, считалась страной амазонокъ, сходившихся ежегодно съ Гаргаренами на вершинѣ одной горы и проводившими съ ними около мѣсяца, то предположеніе, что въ праздникѣ, устанавливаемомъ въ честь Лаши, слѣдуетъ видѣть остатокъ того гетеризма, какой издревле связывали съ преданіемъ объ амазонкахъ, не покажется невѣроятнымъ.

Отношенія цацальства, проявляющіяся на самхто или вечерницахъ общеніе половъ и покровительствуемый религіей гетеризмъ—все это явленія одного и того же порядка. Правда въ современной Пшавіи половое сожительство цацалъ считается позорнымъ, и дѣти, происходящіе отъ него обыкновенно уби-

ваются. Но въ пѣсняхъ, несомнѣнно болѣе древнихъ чѣмъ всѣ эти предписанія обычая, отношеніе цацалъ рисуется отношеніями любовниковъ. «Небо чистое и ясное, заря утренняго солнца, источникъ живой воды протекающій по золотому руслу, поетъ пшавецъ въ своемъ обращеніи къ цацали, — дай мнѣ насытится удовольствіемъ, дай мнѣ возможность провесть семь дней и семь ночей съ тобой». Отношенія, обнимаемыя понятіемъ цацлобы, сдѣлались источникомъ цѣлаго ряда лирическихъ поэмъ, изъ которыхъ однѣ отличаются значительнымъ цинизмомъ, а другія изобилуютъ поэтическими образами и широкимъ полетомъ фантазіи [1]). При всей ихъ оригинальности, только что отмѣченные факты въ жизни пшавовъ не представляютъ собой какого то исключительнаго явленія. Извѣстно какимъ распространеніемъ пользовался и пользуется среди не однихъ дикарей, но и народовъ древняго Востока, классической Греціи и Рима, такъ называемый религіозный гетеризмъ [2]). О существованіи въ современной Россіи безпорядочнаго сожитія на посидѣлкахъ мы уже упоминали. Наконецъ не далѣе, какъ въ Швейцаріи, въ кантонахъ Граубюнденъ и Аппенцель, могутъ быть отмѣчены явленія довольно близкія къ тѣмъ, которыя были указаны нами въ бытѣ пшавовъ. Въ законодательныхъ памятникахъ перваго изъ этихъ кантоновъ, относящихся

1) «Юноша любилъ дѣвушку за моремъ, каждый вечеръ онъ отправлялся за ней вплавь, уподобляясь рыбѣ; пока онъ плылъ, она держала въ рукахъ свѣтильникъ, по направленію котораго онъ и направлялъ свой путь. Рано утромъ вышелъ я на улицу, вся деревня о чемъ то говорила; юношу поглотила пучина и надъ нимъ теперь бушевало море. Одна старуха съ душой собаки сидѣла и бранилась. Я узналъ въ ней мать невѣсты, которая, зная что дочь ожидаетъ любовника, погасила свѣтильникъ, такъ что пловецъ не могъ найти дороги. Такого горя не могла перенести дѣвушка и, не дождавшись друга, сама бросилась въ море. Волны выбросили на берегъ два трупа, надъ ними выросъ камышъ, а на камышъ сѣлъ беркутъ и радовался богатой поживѣ».—Только что приведенныя мною лексы записаны мною со словъ г. Рабикова, обязательно принявшаго на себя трудъ перевода.

2) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ моемъ сочиненіи «Первобытное право», выпускъ второй, глава I.

къ XVI вѣку [1]), мы встрѣчаемъ запрещеніе такъ называемыхъ Kilbenen, своего рода вечеринокъ, при чемъ основаніемъ къ ихъ отмѣнѣ приводится практикуемый на нихъ развратъ. Свободное отношеніе юношей и дѣвушекъ, сдѣлавшееся источникомъ особаго обычая, такъ называемаго Kilchgang или открытаго хожденія молодаго человѣка на ночь къ выбранной имъ подругѣ, нѣкогда общее во всей алеманской Швейцаріи, доселѣ сохранилось въ Аппенцелѣ, гдѣ оно является источникомъ цѣлаго цикла лирическихъ пѣсенъ [2]).

Итакъ, то свободное отношеніе половъ, о которомъ говорятъ намъ пшавскіе обычаи, какъ не представляющее въ себѣ ничего исключительнаго, должно найти себѣ общее объясненіе. Такое объясненіе можетъ быть дано ему только подъ тѣмъ условіемъ, если мы допустимъ сравнительно позднее происхожденіе брака у пшавовъ и первоначальное господство у нихъ матріархата. Такое предположеніе вполнѣ мирится и съ недавно еще державшимся у нихъ обычаемъ похищать невѣстъ, при чемъ похититель, подобно новоголландскому дикарю, обязанъ былъ, слѣдуя обычаю, вступить немедленно въ обладаніе своей жертвой,—и съ наружной холодностью, съ которой супруги обязаны обращаться другъ съ другомъ въ присутствіи чужихъ, и съ запрещеніемъ женѣ называть имя мужа—пережитокъ той эпохи, когда такое дѣйствіе являлось фактически невозможнымъ,—и съ легкостью, съ которой незаконныя дѣти, прижитыя съ любовницей, вступаютъ въ права законныхъ.

Въ эту внѣбрачную эпоху, старшій родственникъ по матери, обыкновенно ея братъ, игралъ по отношенію къ дѣтямъ ту самую роль, какая впослѣдствіи выпала на долю мужа. Мы видимъ по этому подтвержденіе нашей гипотезы о материнствѣ древнихъ пховелей въ томъ фактѣ, что и по настоящее время, въ случаѣ убійства, дядя по матери можетъ требовать отъ убійцы особаго платежа, размѣръ котораго достигаетъ иногда

---

[1]) Они обнародованы Мооромъ подъ заглавіемъ Die Landrechte von Graubünden.

[2]) См. Сборникъ этихъ пѣсенъ, изданный Розбахомъ и помѣщенный имъ въ одномъ изъ номеровъ Alemania за 76 годъ.

220 барановъ [1]). Въ своей совокупности всѣ эти факты, не смотря на ихъ отрывочность, производятъ цѣльное впечатлѣніе и упрекъ въ ихъ неубѣдительности можетъ быть оставленъ безъ отвѣта [2]).

---

[1]) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ стр. 304, томъ I, гл. II.

[2]) Одинъ изъ недавнихъ моихъ критиковъ, г. Стояновъ («Юридич. Вѣстн.», Октябрь 1887 г.), разбирая мой взглядъ на существованіе материнства у осетинъ, находитъ мои данныя и не многочисленными и не вполнѣ убѣдительными; въ доказательство онъ приводитъ тотъ фактъ, будто бы я опираю свою гипотезу исключительно на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: на обычаѣ—дѣлать подарокъ отъ лица жениха ближайшему родственнику невѣстиной матери, и на запрещеніи дѣтямъ называть виновникомъ ихъ рожденія именемъ отца. Такой упрекъ заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, что мой критикъ отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ тѣмъ главамъ, которыя посвящены семейному и наслѣдственному праву. Существованіе левирата, дозволенной обычаемъ ссуды жены, широкое развитіе наложничества и терпимости къ незаконнымъ дѣтямъ, наконецъ отдѣльные факты наслѣдственнаго права,—вотъ тѣ данныя, на на которыхъ, и помимо приведенныхъ моимъ критикомъ, поддерживается мною гипотеза материнства у осетинъ.

ГЛАВА III.

Народное право хевсуръ и тушинъ.

Въ первой части настоящаго труда мнѣ приходилось не разъ касаться характерныхъ особенностей народной миѳологіи и домашняго обихода хевсуръ и тушинъ. И тѣ, и другіе послужили для меня въ значительной степени основаніемъ къ построенію гипотезы объ иранскомъ вліяніи на Кавказѣ; а подробности хевсурскаго погребальнаго ритуала въ связи съ устройствомъ ихъ древнихъ усыпальницъ сдѣлали мою догадку въ высшей степени вѣроятной. Я имѣлъ также случай касаться родоваго устройства хевсуръ и тушинъ, той строгой экзогаміи, какой придерживаются ихъ роды, экономическаго, религіознаго и административнаго значенія, какое придается имъ народнымъ обычаемъ, и той тѣсной связи, въ какой родовое устройство стоитъ къ рекомендуемому Авестой и доселѣ практикуемому хевсурами и тушинами культу фравашей или геніевъ, патроновъ, которыми они надѣляютъ не только каждую отдѣльную семью и родъ, но и предметы видимой природы: солнце, землю, горы и т. п.

Въ настоящее время мы ограничимъ нашу задачу изученіемъ однихъ юридическихъ обычаевъ хевсуръ и тушинъ, не упуская въ то же время изъ виду тѣхъ религіозныхъ и общественныхъ основъ, на которыхъ развились эти обычаи. Мы займемся прежде всего вопросомъ о томъ, какія особенности представляетъ строй хевсурской и тушинской семьи и постараемся отмѣтить въ ней

нѣкоторыя архаическія черты. Тушинская и хевсурская семья представляетъ собою типъ несравненно болѣе древній, чѣмъ пшавская; Начать съ того, что многоженство доселѣ удержалось въ средѣ тушинъ и разводъ или вѣрнѣе одностороннее отпущеніе жены мужемъ пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, что рѣдко можно встрѣтить мужчину, который бы не отпустилъ отъ себя одной или нѣсколькихъ сожительницъ. Легкость, съ которой тушины добываютъ своихъ женъ, въ значительной мѣрѣ объясняетъ собой фактъ частаго повторенія разводовъ. Дѣвушекъ не похищаютъ, за нихъ не платятъ калыма. Женихъ получаетъ невѣсту изъ рукъ родителей и ограничивается производствомъ въ ея пользу подарка, цѣнностью не свыше пятнадцати рублей.

У хевсуръ также встрѣчаются одиночные случаи двоеженства, хотя и очень рѣдко. Поводомъ къ нимъ служитъ, почти исключительно, безплодіе первой жены, которая при взятіи въ домъ новой обыкновенно не покидаетъ жилища своего мужа и остается, наоборотъ, главной хозяйкой въ его домѣ. У хевсуръ сохранился еще обычай похищенія невѣстъ, которыхъ они крадутъ обыкновенно въ періодъ мѣсячныхъ очищеній, когда женщина, слѣдуя обычаю, остается одна по цѣлымъ днямъ въ особо устроенной для того плетенкѣ. Если дѣло о похищеніи оканчивается миромъ,— женихъ платитъ родителямъ невѣсты выкупъ, отвѣчающій понятію калыма и обыкновенно состоящій изъ большаго или меньшаго числа коровъ,—отъ 20 до 40.

При разводѣ, вызванномъ по винѣ мужа, жена, буде она провела въ его домѣ болѣе двухъ лѣтъ, получаетъ извѣстную долю имущества въ слѣдующемъ размѣрѣ: изъ числа коровъ, равнаго числу проведенныхъ совмѣстно лѣтъ жизни, дѣлается вычетъ за два года, такъ что прожившая напримѣръ 6 лѣтъ получаетъ 4 коровы, а 8 лѣтъ—6. Причина такого вычета объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что молодая не сразу переходитъ на жительство въ домъ мужа и проводитъ первые четыре—шесть мѣсяцевъ, нерѣдко даже цѣлый годъ при своей роднѣ. Хевсуры придерживаются въ этомъ отношеніи слѣдующаго порядка: послѣ привода невѣсты въ домъ родителей жениха, она цѣлыхъ трое сутокъ проводитъ исключительно въ обществѣ женщинъ, избѣгая всячески свиданій съ своимъ будущимъ мужемъ; по истеченіи

этого срока она возвращается къ своимъ роднымъ въ сопровожденіи родителей и родственниковъ жениха. По ея возвращеніи устраивается пиръ, на который женихъ не смѣетъ явиться. Проведши въ домѣ родителей полгода, нерѣдко также и болѣе этого, и избѣгая по прежнему всякихъ свиданій съ своимъ суженымъ, невѣста въ сопровожденіи брата и отца возвращается въ домъ мужа и имѣетъ съ нимъ сожитіе, не иначе однако какъ тайкомъ и ночью при ближайшемъ посредничествѣ матери жениха.

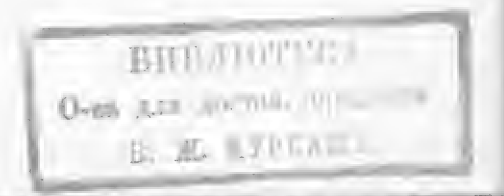
Браку у хевсуръ обыкновенно предшествуетъ сватовство, заключаемое между малолѣтними черезъ особаго посредника (марджигали) и состоящее въ передачѣ родителямъ невѣсты особаго задатка, которымъ служитъ или кастетъ на пальцѣ (веули), формою своею напоминающій кольцо, или поясъ.

Свадьба слѣдуетъ на разстояніи десятка и болѣе лѣтъ послѣ сватовства. Хевсуры не имѣютъ обыкновенія вступать въ браки въ ранней молодости. Избѣгая чрезмѣрнаго размноженія населенія, для котораго страна ихъ не въ состояніи доставить необходимаго пропитанія, они и по вступленіи въ супружество прибѣгаютъ къ искуственнымъ пріемамъ съ цѣлью воспрепятствовать забеременію. Роды въ ранней молодости считаются позоромъ для женщины. Подробности свадебнаго ритуала, общаго у хевсуръ съ тушинами, заслуживаютъ быть отмѣченными по связи ихъ съ культомъ домашняго очага и по той первенствующей роли, какую играетъ въ нихъ мать. Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которые проходятъ между сватовствомъ и бракомъ, родители жениха заботятся о поддержаніи добрыхъ отношеній съ родителями невѣсты; средствомъ для этого служатъ ежегодно возобновляемые подарки. Въ первые дни, слѣдующіе за новомъ годомъ, родители жениха посылаютъ въ домъ невѣсты «опрѣснокъ счастья» (бедисквера), получающій свое названіе отъ того, что по немъ гадаютъ о будущемъ счастьи или несчастьи молодыхъ. Если заготовленный наканунѣ новаго года опрѣснокъ поднялся въ этотъ день — это означаетъ, что семья молодыхъ пойдетъ въ гору, и наоборотъ.

Когда настанетъ время для празднованія свадьбы, женихъ посылаетъ двухъ неродственныхъ ему лицъ въ домъ невѣсты. Ихъ сопровождаютъ также нѣкоторые изъ родственниковъ жe

ниха, которые берутъ съ собою по меньшей мѣрѣ три барана и три тунги водки или пива.

Если въ селеніи невѣсты окажется покойникъ, отецъ жениха закалываетъ въ его честь барана; сверхъ того одного барана рѣжутъ въ капищѣ того селенія, изъ котораго берется невѣста. Такими дѣйствіями родъ жениха какъ бы вымаливаетъ себѣ прощеніе у семейныхъ и родовыхъ патроновъ невѣсты за отнятіе ея у ея рода. Остальные бараны рѣжутся въ домѣ невѣсты и идутъ на угощеніе собранныхъ въ немъ гостей. Когда окончится пиршество, невѣсту снаряжаютъ въ путь. Во время слѣдованія къ дому родителей жениха, невѣсту охраняетъ приставленная къ ней стража изъ среды ея родственниковъ, извѣстная подъ прозвищемъ «макары». На полпути невѣсту встрѣчаютъ посланные женихомъ родственники, которые угощаютъ всю ея свиту принесеннымъ съ собою пивомъ. У порога дома жениха тушины обыкновенно кладутъ шашку, черезъ которую невѣста должна переступить. У тѣхъ же тушинъ невѣсту обводятъ вокругъ очага, при чемъ сопровождающій ее родственникъ жениха ударяетъ кинжаломъ по висящей надъ очагомъ цѣпи, точь въ точь какъ это имѣло и доселѣ имѣетъ мѣсто въ средѣ осетинъ. Оба обряда не соблюдаются болѣе на хевсурской свадьбѣ. Мѣсто ихъ занимаютъ слѣдующія характерныя дѣйствія, указывающія на выдающуюся роль, которую мать играетъ въ устройствѣ семейнаго счастья своего сына. При приближеніи невѣсты, отецъ жениха, какъ и самъ женихъ, не только не спѣшатъ ей на встрѣчу, но обязаны еще, подчиняясь требованію обычая, скрыться отъ глазъ пришельцевъ, какъ бы заявляя тѣмъ, что они не принимали никакого участія въ присвоеніи своему роду дѣвушки—чужеродки; наоборотъ, мать жениха встрѣчаетъ невѣсту у самаго порога, беретъ ея правую руку своею правой рукой и произноситъ при этомъ: «да будетъ для нашего дома твой приходъ счастіемъ». Невѣста стоитъ во все это время съ открытымъ лицомъ, держа голову наклоненной къ землѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, мать жениха сажаетъ невѣсту на скамью рядомъ съ собою, беретъ затѣмъ немного муки и посыпаетъ ею голову невѣсты, говоря: «расцвѣтай и приноси плодъ; какъ на растеніи бываетъ много цвѣтовъ, пусть столько же у тебя бу-

деть дѣтей». Подражая отсутствующему у хевсуръ при заключеніи брака христіанскому священнику, мать подымаетъ глаза къ небу, протягиваетъ свои руки надъ головою невѣсты въ знакъ благословенія и произноситъ: «Господи благослови жениха и невѣсту и не дай мнѣ разскаиваться въ томъ, что сынъ мой женился».

Хевсуры и пшавы одинаково требуютъ отъ суженыхъ сохраненія дѣвственности до брака и возвращаютъ родителямъ тѣхъ невѣстъ, которыя оказались не цѣломудренными.

Въ своихъ бракахъ они строго придерживаются, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, началъ экзагаміи, при чемъ родство по матери ставится на одну доску съ родствомъ по отцу и считается въ тѣхъ же степеняхъ препятствіемъ къ браку. Что брачные запреты не вызваны вліяніемъ христіанства, слѣдуетъ изъ того, что свойство не играетъ никакой роли при бракѣ, такъ что два брата въ правѣ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ. Терпимость не распространяется, однако, на браки съ вдовами умершихъ братьевъ. Извѣстный осетинскому и чеченскому праву левиратъ противорѣчитъ обычаю хевсуръ и тушинъ.

Приданаго, кромѣ платья, невѣста обыкновенно не приноситъ. Въ противность тому, что доселѣ имѣетъ мѣсто въ Грузіи, мужъ не дѣлаетъ ей подарка въ первое утро, слѣдующее за бракомъ. Утренній даръ неизвѣстенъ тушинамъ и хевсурамъ и подарокъ за первый звукъ голоса, какъ называютъ его грузины, т. е. за первыя произнесенныя женою слова (хмисгаса-цеми), совершенно отсутствуетъ въ ихъ быту.

Въ отличіе отъ осетинъ и плоскостныхъ грузинъ, хевсуры и тушины рѣдко когда живутъ очень большими семьями; составъ ихъ двора обыкновенно не превышаетъ четырехъ или пяти паръ. Къ этимъ совмѣстно живущимъ родственникамъ доселѣ примѣнимо слѣдующее положеніе законника Вахтанга, которое по собственному сознанію законодателя является не болѣе, какъ записью вѣками установившагося обычая: «пока братья не раздѣлены—и печаль, и радость, и выгода, и невыгода, и потеря, и пріобрѣтеніе, и жалованное, и отнятое—все общее между ними [1])».

---

[1]) Сборникъ Законовъ Вахтанга VI, статья 109.

Въ силу признанія этого начала общности семейнаго имущества, глава семьи, отецъ, не можетъ распоряжаться землями и движимостью иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ своего двора. То «Beispruchsrecht», какое средневѣковое право Германіи признавало за полноправными членами одного двора съ продавцомъ, извѣстно и современному обычаю хевсуръ и тушинъ. Оно примѣняется не только къ продажамъ, но и къ залогу. Отчужденное или заложенное отцомъ имущество въ томъ случаѣ, если на совершеніе сдѣлки не было испрошено согласія сыновей, должно быть возвращено обратно. Вообще отчужденіе земли бываетъ рѣдко, но еще рѣже случаи въ которыхъ кто либо рѣшится совершить отчужденіе висящей надъ очагомъ цѣпи. Хевсуры въ особенности же тушины почитаютъ ее не менѣе осетинъ и признаютъ величайшимъ оскорбленіемъ для семьи похищеніе ея чужеродцемъ. Древнѣйшимъ порядкомъ землевладѣнія, одинаково въ Хевсуретіи и Тушетіи, надо признать землевладѣніе заимочное. Въ спорахъ изъ за границъ между селеніями и частными лицами весьма часто дѣлаются ссылки на то, что не только дѣды и прадѣды, но и прадѣды прадѣдовъ пользовались, какъ своей собственностью, землею, нынѣ состоящей въ общинномъ владѣніи [1]). Частная собственность, какъ показываетъ и самое названіе ея «ахо» (очистка земли, обращеніе подъ обработку), имѣла своимъ источникомъ заимку. Родовая теорія собственности едва ли гдѣ можетъ найти лучшую иллюстрацію себѣ, какъ въ Хевсуретіи, въ которой почти не встрѣчается ровныхъ поверхностей и самое бо́льшее плато, по вычисленію г. Мачабели, не заключаетъ въ себѣ болѣе 40 десятинъ въ окружности. На горныхъ скатахъ, заваленныхъ камнями, хевсурамъ приходилось устраивать искусственныя нивы и луга и пріобрѣтать собственность въ полномъ смыслѣ слова трудомъ своихъ рукъ и въ потѣ лица, «labore ac sudore», по выраженію нѣмецкихъ и французскихъ дипломовъ и частныхъ грамотъ седьмаго и восьмаго столѣтія. Удобная для обработки площадь при всемъ томъ представляла собою весьма ничтожную часть всей занятой народомъ площади.

---

[1]) Адатскія судебныя рѣшенія 1885 года.

Горныя пастбища и лѣса оставались въ общинномъ владѣніи не отдѣльныхъ хуторовъ или сопелей и не отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а цѣлыхъ родовыхъ группъ. Это обстоятельство давало возможность каждому роду выдѣлять часть состоявшей въ его владѣніи собственности на покрытіе издержекъ родоваго культа. Одну изъ оригинальнѣйшихъ сторонъ обычнаго права хевсуръ составляетъ существованіе этихъ посвященныхъ родовому патрону или, какъ выражаются хевсуры, родовому образу (хати) земель. Каждый хевсуръ, говоритъ г. Мачабели, называетъ себя рабомъ или крѣпостнымъ того или другого святаго, въ частности—того. культа котораго придерживается его родъ. «Члены рода вмѣстѣ съ тѣмъ и члены особаго союза, напоминающаго собою французскую «fabrique» или приходъ, владѣющій опредѣленнымъ участкомъ церковной земли. Члены этого союза носятъ названіе «могандзури», что въ переводѣ означаетъ хранители имущества (очевидно того, которое предназначено для покрытія издержекъ родоваго культа). Князь Эристовъ сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности объ этихъ имуществахъ и объ отношеніи, въ какомъ стоятъ къ нимъ члены рода—могандзури.

Могандзури имѣютъ построенныя на общія средства своихъ членовъ молельни (капища) въ честь родоваго бога, называемаго ими «сатемо-хати». Каждая молельня—«капище», имѣетъ богатое имущество, движимое и недвижимое, называемое «сахато» (имуществомъ образа). Къ недвижимой собственности «сахато» относятся всѣ постройки молелень. Нѣтъ ни одной молельни, которая не имѣла бы пахотныхъ полей и земельныхъ угодій, называемыхъ «сахато-мицеби»—землями образа. Къ движимости же относятся всѣ серебряныя вещи, посуда и утварь, необходимыя для варки общественнаго пива (луди) и для общественныхъ обѣдовъ, какъ то: котлы, чашки, миски, ковши, ложки и проч. Все движимое и недвижимое имущество образа считается нераздѣльной собственностью всѣхъ могандзуровъ даннаго образа или, что все равно, всѣхъ домохозяевъ рода или селенія. Завѣдываніе имуществомъ образа поручается особымъ выборнымъ деканозамъ, руцесамъ, дастурамъ, шультамъ и др.

Большая часть лѣсныхъ участковъ образа («сахато») расположена въ самой деревнѣ или близь ея. Такой лѣсъ сейчасъ же

можно отличить отъ другихъ высотою его деревьевъ. Къ лѣсу образа никто не дерзаетъ приблизиться, боясь гнѣва «хати» (образа). Когда лошадь или рогатая скотина случайно заходила въ лѣсъ, хозяинъ не считалъ себя въ правѣ войти въ него и помочь животному выбраться на дорогу. Бѣдное животное погибало съ голоду и падаль долгое время распространяла зловоніе по всей деревнѣ.

Пахатные участки («сахато») засѣваются исключительно ячменемъ, спеціально назначаемымъ для варки общественнаго пива. Обработка такихъ полей производится коллегіально всѣми «могандзурами». Такая общинная работа называется «сахато-нади» и «сатемо-нади». Этой работой завѣдуютъ выборные, «шульты», которые опредѣляютъ время ея производства и отводятъ каждому его полосу для оранки и посѣва. Общая работа заканчивается общей трапезой [1]). Въ Тушетіи, по свѣдѣніямъ собраннымъ мною въ селеніи Чонтіо, въ старые годы пахотная земля состояла въ частной собственности, покосы же при деревняхъ — въ общемъ владѣніи. Пастбища служили общимъ выгономъ одной или нѣсколькихъ деревень, при чемъ размѣры пользованія каждаго домохозяина не были опредѣлены. Съ 1878 года возникли, повторяемые каждые пять лѣтъ, передѣлы пахотной земли. Свободно дѣлаемыя дотолѣ на общинномъ пастбищѣ заимки оставлены въ рукахъ ихъ временныхъ владѣльцевъ срокомъ на три года, по истеченіи которыхъ поступаютъ въ число подлежащихъ передѣлу общинныхъ земель.

Въ обществѣ, въ которомъ земля состоитъ въ совмѣстномъ обладаніи цѣлыхъ родовъ и семейныхъ общинъ, договорное право, очевидно, не можетъ отличаться большимъ развитіемъ. Неудивительно по этому, если въ Хевсуретіи и Тушетіи договорное право является слабо выработаннымъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы и эта сфера юридической жизни картвельскихъ горцевъ не представляла своего рода интереса. Историкъ права и сравнительный этнографъ оцѣнятъ все значеніе, какое имѣетъ господствующій у хевсуровъ и тушинъ формализмъ при заключеніи сдѣлокъ. Консенсуальные договоры совершенно отсутствуютъ въ

---

[1]) Эристовъ. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ.

системѣ ихъ народнаго права. Силу и значеніе имѣютъ только договоры реальные, заключаемые путемъ передачи самой вещи, и формальные, требующіе совершенія извѣстнаго символическаго дѣйствія. Этимъ дѣйствіемъ является тотъ же актъ рукобитія, какой мы встрѣчаемъ у осетинъ и о которомъ въ средѣ иранскихъ народностей заходитъ рѣчь еще въ священныхъ книгахъ Авесты. Рукобитіе можетъ замѣнить, впрочемъ, присяга лица, принимающаго на себя вытекающее изъ договора обязательство. Рукобитіе считается настолько рѣшающимъ актомъ при заключеніи договора, что если бы впослѣдствіи и оказалось, что одна изъ договаривающихся сторонъ виновна въ подмѣнѣ проданной, положимъ, вещи,—договоръ не теряетъ своей силы. Нѣкоторые виды сдѣлокъ сопровождаются особыми символами. Такъ, на память о состоявшейся между двумя селеніями или хуторами сдѣлкѣ ставится камень во дворѣ капища. При заключеніи договора займа, кредиторъ беретъ за ухо присутствующихъ при сдѣлкѣ одного или двухъ свидѣтелей и говоритъ имъ при этомъ: «помните, что такой то занялъ у меня деньги». Этотъ обычай тѣмъ болѣе интересенъ, что напоминаетъ собою тѣ пощечины, какими нѣмецкіе крестьяне Штиріи надѣляютъ для памяти своихъ дѣтей при возстановленіи спорной межи, и то шуточное, разумѣется, сѣченіе мальчиковъ на границѣ земельныхъ участковъ только что вышедшихъ изъ спора, примѣры котораго представляетъ намъ обычное право нашихъ крестьянъ. При отчужденіи земельной собственности обычаи хевсуръ требуютъ выхода обѣихъ сторонъ, т. е. продавца и покупателя въ отчуждаемое поле. Вступивъна участокъ, продавецъ, въ присутствіи по меньшей мѣрѣ одного свидѣтеля, показываетъ покупателю на участокъ ногой и ударяетъ за тѣмъ ею о землю, приговаривая: «да послужитъ покупка этой земли на счастье тебѣ». Безъ выхода въ поле и совершенія только что описаннаго акта традиціи, продажа не считалась дѣйствительной.

Особенность хевсурскаго договорнаго права составляетъ между прочимъ то обстоятельство, что вытекающія изъ сдѣлокъ обязательства никогда не теряютъ своей силы. Хевсурамъ неизвѣстно понятіе исковой давности, какъ неизвѣстна имъ и давность владѣнія. Въ моихъ рукахъ было нѣсколько дѣлъ, въ

которыхъ долговое обязательство предъявлялось на разстояніи 200 лѣтъ со времени его заключенія. Приведу для примѣра одно изъ нихъ, какъ наиболѣе характерное. Мужъ похоронилъ жену не съ должнымъ почетомъ и издержками; возникло своего рода obligatio ex delicto. На разстояніи 200 лѣтъ родъ жены продолжаетъ еще требовать отъ рода мужа суммы, равной тѣмъ издержкамъ, которыя должны были быть и не были сдѣланы. Судъ ни мало не отвергаетъ этой просьбы и не далѣе, какъ въ 1881 году, присуждаетъ праправравнуковъ уплатить 30 рублей за упущеніе сдѣланное ихъ прапрапрадѣдомъ [1]).

Переходя къ отдѣльнымъ видамъ договоровъ, мы отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что дареніе, все равно при жизни, какъ и на случай смерти (завѣщаніе), не считалось дозволеннымъ для того, кто имѣлъ потомство. Причина такого запрета очевидно лежитъ въ семейномъ характерѣ собственности у горцевъ. Такъ какъ движимыя вещи могли быть и въ личномъ обладаніи, то не удивительно если на нихъ не распространялось только что упомянутое запрещеніе. Надѣленіе капищъ или хати рогами убитыхъ туровъ и оленей, рѣдко когда болѣе цѣнными предметами, совершается и въ наши дни безпрепятственно. Въ связи съ семейнымъ характеромъ собственности и вытекающей отсюда невозможностью единоличнаго отчужденія ея стоитъ обычай не усыновлять никого, кромѣ родственниковъ и то лишь въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ. Къ усыновляемому, по правилу, должна перейти собственность усыновителя, а это обстоятельство очевидно заставляетъ ближайшихъ наслѣдниковъ не относиться безразлично къ этому акту, какъ могущему повлечь за собою уменьшеніе ихъ долей. Въ обществѣ, живущемъ подобно хевсурскому или тушинскому условіями натуральнаго хозяйства, мѣна ни чѣмъ существенно не отличается отъ купли.

Платежъ совершается не рѣдкими въ странѣ денежными знаками, а всѣмъ тѣмъ, въ чемъ продавецъ чувствуетъ нужду, какъ то: коровами, волами, баранами, оружіемъ, мѣдными котлами и тому подобное.

1) Адатскія судебныя рѣшенія за 1881 годъ.

При отчужденіи земли соблюдалось право предпочтительной покупки въ пользу родственниковъ и сосѣдей. Продавецъ предлагаетъ отчуждаемый имъ участокъ сперва членамъ одного съ нимъ рода, а затѣмъ членамъ одного съ нимъ селенія. При отказѣ съ ихъ стороны, онъ воленъ былъ продать землю постороннему покупателю. Разъ отчужденный участокъ не могъ уже вернуться снова въ родъ продавца въ силу такъ называемаго родоваго выкупа. Retrait lignager французскихъ кутюмовъ неизвѣстно горцамъ Грузіи, какъ неизвѣстно имъ и право сосѣдскаго выкупа или такъ называемое «Vicinenrecht».

Заемъ имущества принимаетъ у хевсуръ и тушинъ троякую форму: 1) даровой ссуды, зерномъ для посѣва, рабочимъ скотомъ и молочными продуктами, обыкновенно на опредѣленный срокъ. При не возвращеніи ссуженнаго въ условленное сторонами время взыскивается штрафъ въ размѣрѣ $^1/_5$ взятаго въ ссуду имущества. На ряду съ безвозмезднымъ займомъ или что тоже ссудою, хевсурамъ и тушинамъ извѣстенъ былъ также 2) заемъ возмездный, обыкновенно изъ 30% въ годъ. Въ ихъ быту встрѣчается также еще слѣдующій видъ долговаго права: въ замѣнъ процентовъ кредиторъ пользуется доходомъ отъ даннаго ему должникомъ имущества, которое въ тоже время служитъ ему обезпеченіемъ въ уплатѣ долга или залогомъ. Это тотъ самый «гирау», отвѣчающій понятію nantissement древне-французскаго права, о которомъ говорятъ древніе законы Арменіи и Грузіи. Дача на храненіе отличается хевсурскимъ обычаемъ отъ займа въ томъ смыслѣ, что не сообщаетъ права на пользованіе вещью и возлагаетъ обязанность вернуть самый предметъ, а не его имущественный «эквивалентъ». За ущербъ причиненный вещи хозяина вознаграждало лицо, принявшее ее на храненіе,—каждый разъ по особой оцѣнкѣ. Не возвращеніе вещи горскій обычай, слѣдуя предписаніямъ грузинскаго законника, приравниваетъ къ кражѣ, почему и налагаетъ на лицо, виновное въ немъ, то же наказаніе, что и на вора, присуждая его къ возвращенію duplum, т. е. двойной цѣнности украденнаго. Хевсурамъ и тушинамъ одинаково извѣстны наемъ личный и имущественный. Особенность личнаго найма у горцевъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ бралъ на себя не только обязательство кормить наймиста, но и

одѣвать и обувать его. Договоры съ пастухами представляютъ нѣкоторыя особенности: получившій стадо овецъ или рогатаго скота пастухъ присоединяетъ его къ своему собственному и вознаграждается за свой трудъ молочными продуктами, поступающими отъ коровъ и козъ обоихъ стадъ; что же касается до приплода, то онъ распредѣляется между пастухомъ и лицомъ его нанявшимъ по числу головъ, какимъ владѣетъ въ отдѣльности каждый.

Наемъ имущественный принимаетъ обыкновенно форму половничества. Получивъ годовой урожай, арендаторъ вычитаетъ изъ него количество затраченнаго на посѣвъ зерна и даетъ собственнику половину остающагося. На практикѣ это обыкновенно сводится къ платежу въ его пользу одной трети урожая. Подъ понятіе товарищескаго договора можно подвести, пожалуй, раздѣлъ добычи между охотниками. Шкура и голова достается по обычаю лицу, убившему звѣря, мясо же дѣлится по ровну между всѣми участниками охоты. Того же правила придерживаются и при рыбной ловлѣ: такъ, при уловѣ лососины, голова достается тому, кто взялъ лосося, прочее же мясо его дѣлится по ровну. Тогда какъ въ Грузіи товарищество заключается и для совмѣстной оранки, по причинѣ обработки земли тяжелыми плугами съ впряженными въ нихъ 6, 10 парами быковъ,—въ Хевсуретіи и Тушетіи, въ которыхъ земля воздѣлывается не плугомъ, а сохою съ парной запряжкой, встрѣчаются только случаи впряженія въ общую соху по одному быку каждымъ изъ соединившихся двухъ воздѣлывателей; при этомъ желѣзныя части плуга покупаются обоими товарищами совмѣстно. Къ числу извѣстныхъ хевсурамъ и тушинамъ договоровъ надо отнести еще договоръ довѣренности, заключаемый также путемъ рукобитія. Довѣритель не отвѣчаетъ за дѣйствія довѣреннаго, выходящія за предѣлы даннаго ему полномочія.

При заключеніи всѣхъ вышеизложенныхъ договоровъ допускается возможность солидарной отвѣтственности лицъ, принявшихъ на себя извѣстное обязательство. Тотъ, кто первый уплатитъ по такому обязательству, пріобрѣтаетъ право требовать съ товарищей причитающейся съ нихъ доли.

Договоры обезпечиваются задаткомъ, поручительствомъ, зало-

гомъ съ правомъ пользованія кредитора; но гипотека, не сопровождающаяся правомъ пользованія, не извѣстна.

Оригинальную черту представляетъ у хевсуръ порядокъ обезпеченія долга путемъ поручительства. Отъ кредитора зависитъ возможность обязанности поручителя на любаго изъ членовъ одного съ должникомъ рода. Это право стоитъ очевидно въ связи съ началомъ родовой солидарности и вытекающимъ отсюда взаимнымъ поручительствомъ родственниковъ другъ за друга. Но въ этомъ одномъ слѣдуетъ видѣть характерную особенность хавсурскаго «мзевальства». Она лежитъ въ томъ, что лицо уплатившее чужой долгъ пріобрѣтаетъ по отношенію къ должнику тѣ же права, какими собственникъ украденнаго пользуется по отношенію къ вору. Я имѣю въ виду право требовать съ лица, заключившаго долгъ, сумму въ два раза превышающую размѣръ занятаго. Если должникъ и на этотъ разъ уклоняется отъ платежа, выбранный кредиторомъ поручитель въ свою очередь обращаетъ требованіе на третье лицо, которое тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право получить съ должника не двойную, а четверную сумму его долга. Г. Худадовъ приводитъ для иллюстраціи этого страннаго обычая слѣдующій поразительный случай. «Одинъ изъ богатыхъ хевсуръ эрцейской долины, Георгій Бисплаури, говоритъ онъ, разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ 12 тому назадъ, два его двоюродныхъ брата по дорогѣ къ святому купили у одного хевсура ягненка за 1 р. 20 к.; одинъ изъ нихъ заплатилъ причитавшіяся съ него 60 коп., но другой, не имѣя при себѣ денегъ, обѣщался отдать черезъ годъ. Слова, однако, онъ не сдержалъ. Кредиторъ выбралъ мзевали, тотъ — другаго, другой — третьяго и т. д.; черезъ 12 лѣтъ 60 коп. первоначальнаго долга превратились въ 60 коровъ, т. е. 600 рублей. По поводу этого обычая, такъ заканчиваетъ г. Худадовъ свое интересное сообщеніе, и сложилась у народа пословица, что «даже пометъ ссуженный скотины превращается въ цѣнное животное» [1]).

Наслѣдованіе семейнаго имущества можетъ послѣдовать въ Хевсуретіи и при жизни отца, который въ этомъ случаѣ присоединяетъ къ своей долѣ еще столько имущества, сколько необходимо для покрытія издержекъ его погребенія. Всего же чаще

[1]) Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, стр. 21.

раздѣлъ слѣдуетъ послѣ смерти отца, при чемъ въ полномъ соотвѣтствіи съ родовыми порядками и проводимымъ ими началомъ неотчуждаемости семейной собственности чужеродцамъ. Дочери и вообще родственники по женской линіи ничего не получаютъ. Это правило въ послѣднее время обходится нерѣдко путемъ усыновленія зятя, который, по смерти тестя не оставившаго сыновей, братьевъ и племянниковъ, вступаетъ въ исключительное обладаніе въ открывшемся наслѣдствѣ. Вдова, остающаяся въ домѣ покойнаго, получаетъ полное содержаніе отъ его наслѣдниковъ. Той же, которая предпочтетъ вернуться къ собственной роднѣ или вступить въ новый бракъ, дѣлается выдѣлъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и при разводѣ, т. е. за каждый годъ, проведенный ею въ супружествѣ, по одной коровѣ, за исключеніемъ перваго, большую часть котораго она, по обычаю, проводитъ въ собственной семьѣ. Къ наслѣдованію собственно призываются одни родственники мужчины въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва сыновья, внуки и вообще нисходящіе. затѣмъ братья, племянники и всѣ вообще боковые родственники. Отецъ не наслѣдуетъ въ имуществѣ отдѣленнаго при жизни сына. Когда на лицо не окажется и отдаленнѣйшихъ мужскихъ родственниковъ, что, разумѣется, бываетъ весьма рѣдко, выморочное имущество достается въ общую собственность той деревни, того сопеля, членомъ котораго былъ покойникъ. Между братьями наслѣдство дѣлится на равныя доли, но старшему полагается извѣстный добавочный платежъ: лошадь или сабля. При смерти одного изъ сыновей, его долю получаютъ совмѣстно съ оставшимися въ живыхъ внуки наслѣдодателя. Изъ чего слѣдуетъ, что право представительства по наслѣдству допускается обычаями хевсуръ. Незаконныя дѣти не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, а изъ всѣхъ видовъ фиктивнаго родства одно усыновленіе даетъ право на наслѣдованіе.

Побратимство же или посестримство, заключаемое питьемъ изъ одной чаши съ опущенными въ нее стружками серебра, такъ же мало принимается въ разсчетъ, какъ и молочное родство. Въ случаѣ малолѣтства забота о сохраненіи имущества ввѣряется брату матери и эта подробность заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ пережитокъ эпохи матріархата.

Уголовное право хевсуръ и тушинъ доселѣ построено на началахъ кровнаго возмездія. Участіе въ немъ принимаютъ не только родственники по отцу, но и дяди убитаго со стороны матери—новая черта, указывающая на нѣкогда господствовавшіе у нихъ порядки матріархата. Дядя по матери даже играетъ первенствующую роль въ кровомщеніи. На нихъ падала обязанность раззорять домъ ближайшаго родственника убійцы, обыкновенно его брата. Никто послѣ материнскихъ дядей не высказывалъ своего согласія на примиреніе; ихъ прощеніе покупалось не иначе, какъ уплатой имъ особаго выкупа за кровь. По увѣренію извѣстнаго хевсурскаго грамотѣя Бердія, дядямъ по матери производился въ такомъ случаѣ такой же платежъ, какъ и всему роду убитаго. Кровная месть у хевсуръ прекращается не раньше, какъ по истеченіи года слѣдовавшаго за убійствомъ, и не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если родственники согласятся простить убійцу и помириться со всѣмъ его родомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ грузинскаго закона убійца со всею его семьею обязанъ удалиться изъ своего мѣстожительства и провести этотъ годъ въ изгнаніи. Это обстоятельство не мѣшало родственникамъ убитаго направлять кровомщеніе противъ рода убійцы до тѣхъ поръ, пока этому роду не приходило на мысль избавить себя отъ дальнѣйшихъ репресалій платежомъ извѣстнаго выкупа, обыкновенно состоявшаго изъ пятилѣтняго быка и двухъ мѣдныхъ котловъ. Полученіе его не лишало родственниковъ жертвы права дальнѣйшаго преслѣдованія убійцы и его ближайшихъ родныхъ до двоюродныхъ братьевъ включительно. Если не родъ, то семейная община по прежнему оставались въ отвѣтѣ. По прошествіи года убійца со своими братьями тайно пробирался къ «хати» или святилищу мстящаго рода, совершалъ здѣсь приношеніе вещами и съѣстными припасами и отдавалъ себя подъ покровительство родоваго патрона. Родныхъ убитаго оповѣщали о томъ, что «хати» принялъ убійцу и братьевъ его подъ свое покровительство. Родъ убитаго тотчасъ же снаряжался какъ бы въ походъ; въ панцыряхъ съ оружіемъ въ рукахъ собирались родственники на сходку. «Кровь за кровь» объявляли они посланному убійцею вѣстовщику, нѣсколько минутъ продолжалось молчанье, затѣмъ,

снисходя къ просьбѣ убійцы, они заявляли о своемъ согласіи принять выкупъ. Затѣмъ весь родъ направлялся въ тотъ сопель, въ которомъ имѣлъ свое мѣстопребываніе убійца. Размѣстившись на крышѣ одного изъ домовъ, они спрашивали членовъ враждебнаго имъ рода: «даете ли удовлетвореніе или нѣтъ? Даемъ, слѣдовалъ отвѣтъ; послѣ этого устраивался пиръ, издержки котораго покрывали родственники убійцы. За пиромъ объявляли о размѣрѣ выкупа. Самое взиманіе его доселѣ принимаетъ въ Хевсуретіи форму регулируемаго обычаемъ самоуправства. Двумъ самымъ отчаяннымъ молодцамъ изъ рода убитаго поручается «гробованіе», т. е. захватъ имущества, принадлежащаго ближайшимъ родственникамъ убійцы. Захваченная собственность не должна была превышать положеннаго обычаемъ выкупа, размѣръ котораго равнялся 416 баранамъ.

Только въ одномъ случаѣ примиреніе могло воспослѣдствовать и безъ платежа, именно въ томъ, когда знахарь или знахарка, «кадаги», торжественно заявятъ, что тотъ или другой больной изъ рода убитаго неизбѣжно умретъ, если убійца не будетъ прощенъ. Послушные его голосу мстители призывали въ этомъ случаѣ убійцу и говорили ему: «прощаемъ тебя и да будетъ это извѣстно и народу и хати, не ворвемся къ тебѣ въ домъ, не остановимъ тебя на дорогѣ. Пусть домъ твой и ложе твое принадлежатъ впредь тебѣ». Не безъинтересную черту хевсурскаго адата составляетъ то обстоятельство, что во все время, пока не послѣдуетъ примиренія, родственники убійцы обязаны были поминать душу покойнаго ежегоднымъ закланіемъ барана. Этотъ фактъ, въ связи съ приношеніемъ совершаемымъ въ честь родоваго патрона, раскрываетъ предъ нами религіозный характеръ мести, характеръ обязательства падающаго на живущихъ родственниковъ по отношенію къ усопшимъ и отъ котораго никто не можетъ освободить кромѣ самихъ усопшихъ и ихъ лучшаго представителя родоваго патрона.

Кровная месть и замѣняющій ее выкупъ обязательны во всѣхъ случаяхъ убійствъ, все равно будутъ ли они умышленными, неосторожными или случайными, совершенными по напередъ начерченному плану или въ актѣ необходимой обороны. Самое большее, если съ неосторожнаго убійцы довольствовались взысканіемъ половины крови.

Въ отличіе отъ осетинъ и сванетовъ, которые освобождаютъ отъ платежа крови лицъ виновныхъ въ отце-сыно или братоубійствѣ, очевидно на томъ основаніи, что самому себѣ родъ мстить не можетъ, хевсуры облагаютъ братоубійцу особымъ платежомъ въ пользу дѣтей убитаго, или, при его бездѣтности, въ пользу брата оставленной убитымъ вдовы. Эта подробность въ связи съ тѣмъ фактомъ, что, при убійствѣ жены мужемъ, плата за кровь поступаетъ къ ея брату, а при его отсутствіи къ дядѣ убитой со стороны матери, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ тому, что материнство нѣкогда извѣстно было хевсурамъ. Въ Тушетіи платежъ за убійство равняется 60 коровамъ. Отцеубійство и братоубійство не преслѣдуются ни кровной местью, ни требованіемъ композиціи, но отцеубійцу вмѣстѣ съ его семьею выгоняютъ изъ аула и онъ проводитъ въ изгнаніи три или четыре года подъ рядъ. Уголовные обычаи тушинъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ хевсурскихъ. Въ убійствѣ тушины подобно хевсурамъ преслѣдуютъ не злой умыселъ, а матеріальный вредъ. Отсюда общая имъ съ хевсурами наказуемость покушеній и подстрекательствъ, отсутствіе у нихъ всякаго понятія объ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствахъ. Отсюда же возможность вмѣненія ими такихъ дѣйствій, какъ убійство въ дракѣ, совершенное семилѣтнимъ мальчикомъ надъ его товарищемъ [1]).

Особенность тушинъ составляевъ развѣ то, что кровная месть осуществляестя у нихъ гораздо рѣже и что убійство оканчивается обыкновенно платежемъ выкупа въ 60 коровъ за кровь христіанина, и 30 за кровь мусульманина (дагестанца).

Плата за убійство одинаково у хевсуръ и тушинъ является масштабомъ, по которому измѣряется размѣръ вознагражденія за всѣ прочіе виды преступленій. Въ противность сдѣланному Вахтангомъ—распространенія на случаи разрытія могилъ тѣхъ же взысканій, какія слѣдуютъ за убійства (статья 50 законовъ Вахтанга),—хевсуры и тушины доселѣ требуютъ съ виновныхъ въ нихъ тотъ же выкупъ въ размѣрѣ 60 коровъ, что и съ убійцъ.

---

1) Нѣсколько случаевъ подобнаго рода приведены въ книгѣ судебныхъ рѣшеній адатскаго аульнаго суда за 83 годъ.

Обольщеніе дѣвушки, сопровождаемое причиненіемъ ей насилія, ведетъ у нихъ къ тому же платежу, впрочемъ только тогда, если дѣвушка забеременитъ, а обольститель не пожелаетъ на ней жениться. Кастрація также приравнивается къ убійству въ томъ смыслѣ, что требуетъ одинаковаго съ нимъ выкупа. Что касается до прочихъ случаевъ увѣчья, то за отсѣченіе руки, все равно — правой или лѣвой, а равно и ноги, за выколъ глаза и отсѣченіе уха, полагается половина того платежа, что и за убійство. Пальцы рукъ оцѣниваются слѣдующимъ образомъ: большой — въ 5 коровъ, указательный — въ 4, средній — въ 3, безымянный—въ 2 и мезинецъ—въ 1. Выбитые зубы сопровождаются платежомъ 1 коровы. Что касается до ранъ, то г. Худадовъ приводитъ слѣдующія подробности объ ихъ относительной оцѣнкѣ: 1) раны черепа съ обнаженіемъ мозга—16 коровъ, съ раздробленіемъ кости и отхожденіемъ осколковъ — 5 коровъ, съ небольшой трещиной—3 коровы. 2) Раны на лбу надъ бровью— 3 барана. 3) За раны на лицѣ размѣръ вознагражденія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: если рана расположена на покрытой волосами части лица, то берутъ пшеничныя и ячменныя зерна и располагаютъ ихъ въ ранѣ, одни продольно, другіе поперечно; затѣмъ берутъ общее число умѣстившихся зеренъ, отбрасываютъ $^{2}/_{3}$ ихъ и считаютъ оставшіяся зерна; числомъ послѣднихъ и опредѣляется размѣръ вознагражденія въ коровахъ. Если же рана расположена на голой части лица или на носу, то вмѣсто озимой пшеницы берутъ яровую (дика) и отбрасываютъ не двѣ трети, а только одну треть. 4) Рана уха, если она вмѣщаетъ ячменное зерно, оплачивается 9 коровами. 5) Наконецъ раны, расположенныя ниже поясницы и выше колѣнъ, такъ называемыя раны безчестія, оплачиваются 9 коровами [1]).

Въ отличіе отъ другихъ горцевъ Кавказа, хевсуры и тушины не обнаруживаютъ большой жестокости по отношенію если не къ главной виновницѣ прелюбодѣянія, то къ ея соучастнику. Убійство его никогда не оставляется безъ послѣдствій, какъ это имѣетъ мѣсто въ Дагестанѣ.

---

1) Худадовъ, стр. 17 и 18.

Оскорбленный мужъ обыкновенно довольствуется платежомъ ему нѣсколькихъ барановъ и вымѣщаетъ всю свою злобу на вѣроломной женѣ. По обычаю, онъ въ правѣ ее убить, но обыкновенно онъ только прогоняетъ ее изъ своей сакли и рѣжетъ ей носъ. Послѣднее наказаніе грозило въ прежнее время всякой женщинѣ, покинувшей по собственному выбору жилище мужа. Почти всѣ виды преступленій противъ имущества: грабежъ, воровство, святотатство и мошенничество подводятся хевсурами и тушинами подъ понятіе кражи, точь въ точь какъ это было нѣкогда въ Римѣ съ такъ называемымъ furtum. Отвѣтственность, падающая на похитителя чужой собственности, опредѣляется согласно правиламъ, выраженнымъ въ законахъ Вахтанга. Хозяинъ въ правѣ требовать съ похитителя въ семеро противъ цѣнности украденнаго. Книги для записи аульныхъ рѣшеній весьма часто ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ подобнаго рода приговорами; но они же говорятъ намъ и о случаяхъ, въ которыхъ размѣръ платежа не превышаетъ двойной цѣнности украденнаго, того duplum, какого, слѣдуя постановленіямъ римскаго права, требовали отъ вора армянскіе законы, а за ними и постановленія грузинскаго царя Бека [1]).

Судоустройство хевсуръ и тушинъ стоитъ еще на первоначальной ступени посредничества; стороны выбираютъ каждая одного медіатора, которые, при невозможности достигнуть единогласія, ставятъ отъ себя новаго посредника и вручаютъ ему право постановки рѣшенія. Что касается до системы примѣняемыхъ посредниками доказательствъ, то оно ничѣмъ существенно не отличается отъ той, какую мы встрѣчаемъ у осетинъ. Письменные документы ей совершенно неизвѣстны, свидѣтельскія показанія въ ходу лишь въ послѣднее время. Въ то же время ордаліи вышли изъ употребленія и важнѣйшимъ средствомъ къ установленію судебной достовѣрности является соприсяга родственниковъ и сосѣдей отъ 4 — 12, смотря по важности дѣла, и присяга отвѣтчика, еще сохраняющая вполнѣ характеръ символическаго дѣйствія, близкаго по своей природѣ къ ордаліи. Символы, употребляемые при клятвенномъ заявленіи истины на судѣ, весьма разнообразны, такъ, напримѣръ, въ случаѣ подо-

[1]) Сборникъ законовъ Вахтанга, стр. 109, статья 63.

зрѣнія въ убійствѣ—12 родственниковъ обвиняемаго выходятъ въ Хевсуретіи на могилу убитаго и надрѣзавъ себѣ ухо настолько глубоко, чтобы кровь могла течь изъ него на могилу, произносятъ слѣдующее заклинаніе: «да сдѣлаемся мы рабами покойника, если убійство совершено нашимъ родственникомъ». Въ Тушетіи извѣстенъ тотъ же видъ присяги, но въ нѣсколько измѣненной формѣ. Родственники убитаго ведутъ подозрѣваемаго въ убійствѣ на могилу покойника, дѣлаютъ надрѣзъ на его ухѣ и, когда кровь начнетъ капать на могилу, заставляютъ его произнесть то же заклинаніе, что и въ Хевсуретіи.

Пробѣгая рѣшенія сельскихъ судовъ Хевсуретіи, мы на каждомъ шагу наталкиваемся на весьма разнообразные способы принесенія присяги. Такъ въ одномъ спорѣ о границахъ обвиняемый дѣлаетъ свое показаніе, обращаясь лицомъ къ капищу или «хати», а присягающіе вмѣстѣ съ нимъ 4 человѣка прикладываютъ первые два свои руки къ его плечамъ, а слѣдующіе за ними свои руки къ плечамъ первыхъ. Въ другомъ спорѣ, также о границахъ, на этотъ разъ между двумя деревнями, совершается слѣдующая церемонія: двое человѣкъ изъ шести берутъ: одинъ саблю въ руки, другой серебряную чашку изъ капища, четыре остальныхъ идутъ за ними и становятся на спорной границѣ.

Отъ обвиняемаго въ прелюбодѣяніи требуется принятіе присяги на образѣ, а отъ лицъ, доказывающихъ принадлежность имъ земельнаго участка — обхожденіе спорныхъ межъ съ церковнымъ знаменіемъ, съ большой церковной чашей и обнаженной шашкой.

Весьма распространеннымъ и въ высшей степени любопытнымъ видомъ судебной присяги одинаково въ Хевсуретіи и въ Тушетіи является та, которая приносится надъ кошкою. Обвиняемый въ прелюбодѣяніи и убійствѣ, нерѣдко даже въ воровствѣ, беретъ палку и, ударяя ею по кошкѣ, говоритъ: «пусть эта кошка будетъ посвящена моимъ покойникамъ (или точнѣе пускай она пойдетъ моимъ покойникамъ) если я говорю неправду». Чтобы понять смыслъ и значеніе этой присяги, надо имѣть въ виду, что, согласно религіознымъ вѣрованіямъ Авесты, часть которыхъ доселѣ продолжаетъ держаться въ Хевсуретіи въ формѣ народныхъ суевѣрій, кошка считается порожденіемъ Аримана

или злаго начала и потому существомъ нечистымъ. Посвятить ее покойникамъ равнозначительно поэтому оскверненію ихъ; такое дѣйствіе не можетъ пройти безслѣдно для потомка, такъ какъ души усопшихъ мстительны и жестоки. Лжеприсягателя ожидаетъ поэтому неминуемо возмездіе.

Та же приверженность, по крайней мѣрѣ, въ старые годы къ культу Авесты, является источникомъ существованія въ Хевсуретіи еще слѣдующаго вида присяги: собаку, это посвященное Ормузду животное, убиваютъ, послѣ чего она становится жилищемъ злыхъ духовъ. Надъ трупомъ собаки заставляютъ произнесть клятву, смыслъ которой составляетъ посвященіе покойникамъ этого, сдѣлавшагося нечистымъ, предмета.

Подобнаго рода присяга связываетъ совѣсть хевсура или тушина въ большей степени, чѣмъ всѣ остальныя. Не удивительно поэтому, если къ ней прибѣгаютъ и въ случаяхъ несудебныхъ, съ цѣлью заставить, напримѣръ, то или другое лицо уплатить за должника слѣдуемую кредитору сумму. Присяга эта такъ страшна, что, желая избѣжать болѣе тяжкихъ послѣдствій, несчастный мзевамъ, скрѣпя сердце, уплачиваетъ долгъ своего родственника. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ и къ другому средству принужденія. Во дворѣ избраннаго кредиторомъ мзевамъ набрасываютъ груду камней, произнося при этомъ проклятіе всему его роду, въ томъ случаѣ, если онъ не уплатитъ долга. Груда остается неразобранной до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ платежа.

Самоуправство, постепенно вытѣсненное изъ жизни хевсуръ и тушинъ развитіемъ посредничества и введеніемъ системы выкуповъ за преступленія, доселѣ продолжаетъ держаться въ случаяхъ воровства. Человѣкъ, у котораго украли лошадь или рогатый скотъ, можетъ захватить у вора равноцѣнный предметъ и пользоваться имъ до возвращенія украденнаго. Такой порядокъ не болѣе какъ пережитокъ весьма распространеннаго нѣкогда въ Грузіи грабованія. Французскіе путешественники XVII вѣка, и въ числѣ ихъ Таверніе, сообщаютъ намъ о немъ слѣдующія подробности: хозяинъ въ правѣ отнять у вора, а кредиторъ у должника столько имущества, сколько нужно для удовлетворенія ихъ претензій. Въ случаѣ недостачи, они въ правѣ

продать вора или должника, жену и дѣтей его и вознаградить себя изъ вырученной такимъ образомъ суммы [1]).

Что грабованіе не ограничивалось въ старые годы въ Грузіи исключительно случаями воровства, слѣдуетъ изъ того, что одна изъ статей составленнаго царемъ Георгіемъ въ серединѣ XIV вѣка сборника грузинскихъ законовъ и обычаевъ еще говоритъ о преслѣдованіи этимъ порядкомъ лица, виновнаго въ прелюбодѣяніи.

Въ случаѣ похищенія жены, сколько бы мужъ въ теченіе года не пожогъ и не отнялъ у похитителя, хотя бы даже выше слѣдуемаго ему удовлетворенія, не ставится ему въ счетъ. Единственное невыгодное послѣдствіе такого образа дѣйствій—то, что мужъ въ этомъ случаѣ долженъ удовольствоваться половиной установленнаго обычаемъ выкупа. (Законы царя Георгія, ст. 21).

Въ XVIII вѣкѣ царь Вахтангъ рѣшительно вооружается противъ допускаемаго обычаемъ самоуправства, говоря: кто бы какую претензію не имѣлъ на другого не вправѣ похищать или задерживать у себя его собственность (ст. 173). Обычаи хевсуръ и тушинъ доказываютъ, что въ горныхъ мѣстностяхъ благія пожеланія грузинскаго реформатора остались мертвой буквой.

Мы закончимъ этотъ очеркъ обычнаго права наиболѣе отсталыхъ, можетъ быть, народностей Грузіи указаніемъ на тѣ зачатки политическаго устройства, какія представляютъ собою въ Тушетіи высшіе, по отношенію къ родовымъ, союзы «темъ» и ихъ федерація. Тогда какъ въ Хевсуретіи общественное устройство не пошло далѣе образованія независимыхъ другъ отъ друга самоуправныхъ родовъ, въ Тушетіи постепенно установилась слѣдующая политическая организація. Отдѣльные роды соединились въ четыре высшія административныя единицы, извѣстныя подъ наименованіемъ «темъ»:—Цовское, Гомецарское, Перикительское и Чаглинское. Въ отличіе отъ родовъ темы являлись территоріальными союзами. Номинально, всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя, признавали надъ собою власть кахетинскаго моурава, но на самомъ дѣлѣ они оставались болѣе или менѣе независимы, и только общая опасность заставляла ихъ по временамъ

[1]) Tavernier. Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier... Paris 1676, v. I, ch. IX, p. 322.

принимать общія рѣшенія на сходахъ уполномоченныхъ отъ темъ, сходахъ, мѣстомъ собранія которыхъ было селеніе Гели. Каждая тема подраздѣлялась на второстепенные округи, во главѣ которыхъ стояли лишенные всякой религіозной власти выборные административные чиновники, хевсбери. Къ этимъ административнымъ дѣленіямъ отчасти пріурочивалось и устройство высшей и низшихъ инстанцій посредническаго суда. Тогда какъ споры между частными лицами продолжались рѣшаться назначаемыми самими сторонами посредниками, а споры между селеніями определяемыми хевсбери старикам, по одному или нѣсколько отъ каждой тяжбы, споры, возникавшія между темами или членами разныхъ темъ, рѣшались въ Гелѣ выборными отъ темъ судьями. Этихъ судей было 12 и каждой темѣ представлялся выборъ одной четвертой части этого числа.

ОТДѢЛЪ II.

ГОРЦЫ ДАГЕСТАНА.

ГЛАВА I.

Адатъ и Шаріатъ.

Почти всѣ вопросы гражданскаго права разбираются и судятся въ Дагестанѣ на основаніи Шаріата и одни только споры уголовнаго характера рѣшаются по адату. Процессуальное право также имѣетъ своимъ источникомъ Шаріатъ. Тѣмъ не менѣе, если не говорить о вещномъ и обязательственномъ правѣ, всѣ стороны юридической жизни Дагестана сохраняли еще недавно и сохраняютъ и теперь слѣды всесторонняго регулированія ихъ обычаемъ. Правда, многое, что составители сборниковъ дагестанскихъ адатовъ относятъ къ области обычнаго права, на самомъ дѣлѣ имѣетъ источникомъ Шаріатъ. Укажемъ хотя бы на весьма распространенную въ Дагестанѣ форму судебной присяги, извѣстной подъ наименованіемъ хатунъ-талахъ. Присяга эта состоитъ въ торжественномъ заявленіи, что присягающій дастъ разводъ своей женѣ, не требуя возвращенія затраченной на ея покупку суммы, въ томъ случаѣ, если его показанія окажутся ложными. Этотъ видъ присяги принадлежитъ, какъ доказалъ это Робертсонъ Смисъ [1]), къ числу коренныхъ обычаевъ аравитянъ. Законодательство Магомета только восприняло его въ свою систему, точно также какъ оно сдѣлало это по отношенію къ кров-

---

[1]) Kinship in Early Arabia, стр. 77; см. также Kohler. ueber das Vorislamitische Recht der Araber, Zeitschs. für die Vergl. Rechtsiv. 8 B., Heft 1888, стр. 246 и 251.

ной мести и другимъ не менѣе первобытнымъ юридическимъ порядкамъ. Присяга хатунъ-талахъ считается въ Дагестанѣ самымъ сильнымъ видомъ присяги. Если у дагестанца нѣсколько женъ,—онъ обязанъ при произнесеніи присяги указать съ какой именно онъ намѣренъ развестись въ томъ случаѣ, если его заявленіе окажется противорѣчащимъ истинѣ. Отпущеніе жены съ уплаченнымъ при вступленіи съ нею въ бракъ «кебиномъ» — таково послѣдствіе въ противность истинѣ принесенной присяги.

Нельзя также считать порожденіемъ обычая тотъ весьма оригинальный порядокъ, въ силу котораго каждый разъ, когда убійца неизвѣстенъ, родственникамъ въ числѣ 50-ти человѣкъ предоставляется указать на любое лицо, какъ на виновника убійства. Лицо, на которое надетъ подозрѣніе родственниковъ жертвы, можетъ освободить себя отъ отвѣтственности не иначе, какъ поставивъ 50 очистниковъ или свидѣтелей изъ людей, близкихъ ему по крови [1]). Обычай этотъ, извѣстный подъ арабскимъ наименованіемъ «казама», принадлежитъ къ числу тѣхъ стародавнихъ обычаевъ Аравіи, которые оставлены были въ силѣ религіознымъ законодателемъ мусульманъ [2]). Нельзя также считать исключительно дагестанскимъ тотъ порядокъ, по которому впервые обработанная кѣмъ либо земля становится собственностью воздѣлывателя.

Г. Гольдцигеръ показываетъ, что такое правило извѣстно было искони туземному населенію Аравіи, откуда и проникло въ юридическіе трактаты отдѣльныхъ мусульманскихъ школъ [3]).

---

[1]) Въ рукописномъ сборникѣ адатовъ Андійскаго округа (Технуцальское общество) мы читаемъ: если найдено будетъ мертвое тѣло или сильно раненный, не могущій объясниться, то достаточно заявленія 50-ти родственниковъ, заявленія, дѣлаемаго подъ присягой, что ихъ родственникъ убитъ такимъ-то, для того, чтобы лицо, на которое пало подозрѣніе, признано было виновнымъ. Обвиненному предоставляется однако очистить себя отъ обвиненія присягой 50-ти собственныхъ родственниковъ.

[2]) См. Goldziher. Muhamedanisches Recht in Theorie und Wirklichkeit Zeitschrift für Vergleichende Rechts Wissenschaft, 8 Band, III Heft, 1889, стр. 412.

[3]) Это правило принадлежитъ къ числу такихъ, которыя одинаково признаются и сунитами и шіитами. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ его напр. Query: Quiconque en l'absence de l'imam défriche une des ter-

Не восходя до этого отдаленнаго источника, нѣкоторые изъ дѣйствующихъ въ Дагестанѣ обычаевъ, которые собиратели адатовъ относятъ къ народному праву, на самомъ дѣлѣ обязаны своимъ происхожденіемъ писаному законодательству мусульманъ.

Для примѣра укажу хотя бы на то обстоятельство, что число свидѣтелей, которое въ случаяхъ убійствъ и прелюбодѣяній должно быть поставлено обвинителемъ, на основаніи адатовъ кюринскаго округа,—то самое, какое Шаріатъ и, въ частности, ученіе Шафаи требуетъ въ подобныхъ же случаяхъ, а именно: четыре человѣка. Во всѣхъ остальныхъ уголовныхъ дѣлахъ адатъ, опять таки заодно съ Шаріатомъ, довольствуется двумя свидѣтелями.

И въ области вещнаго права, такой на первый взглядъ народный институтъ, какъ право предпочтительной покупки земли родственниками или выкупъ ими поступившей уже въ продажу недвижимой собственности, о которомъ упоминаютъ, напримѣръ, адаты ташкихъ обществъ, гунибскаго округа, находятъ объясненіе себѣ въ признаваемомъ Шаріатомъ правѣ родоваго выкупа (chaafeh). Уничтоженіе въ кюринскомъ округѣ договоровъ, въ которыхъ не означена съ точностью цѣна проданнаго, какъ и всѣхъ тѣхъ, при заключеніи которыхъ скрыты были отъ покупщика недостатки продаваемаго предмета, говоритъ также не о существованіи между туземцами особаго обычая на этотъ счетъ, а о строгомъ соблюденіи или началѣ обязательственнаго права Шаріата [1]).

Если, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, многое, что считается въ Дагестанѣ продуктомъ туземнаго обычая, имѣетъ на самомъ дѣлѣ источникомъ писанное право, то изъ этаго не слѣдуетъ однако, чтобы народныя юридическія воззрѣнія совершенно исчезли изъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ, какъ мы сказали выше, Шаріатъ одержалъ побѣду надъ адатомъ. Даже

res vacantes en acquvert la propriété quoique forcement il n'en ait pas reçu l'autorisation. Toute terre vacante appartient de préférence à celui qui la défriche. (Quéry. Recueil des lois concernant les musulmans schyites, т. II, стр. 237—239).

[1]) См. Islamitisches Obligationen und Pfandrecht von Prof. D-r I. Kohler въ Zeitschrift für Vergleichende Rechts Wissenschaft. 6 B., II Heft. 1886 г., 335—Южно-Дагестанскіе адаты, стр. 14 и 15.

въ процессуальномъ правѣ, насквозь проникнутомъ началами Шаріата, вліяніе адата можетъ быть отмѣчено, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что важнѣйшую роль въ системѣ судебныхъ доказательствъ играютъ въ Дагестанѣ не письменные документы и свидѣтельскія показанія, а присяга и соприсяга. Первые два вида доказательствъ, вполнѣ признаваемые Шаріатомъ, такъ мало отвѣчаютъ народнымъ юридическимъ воззрѣніямъ туземцевъ, что во многихъ мѣстностяхъ Дагестана они допускаются въ суды лишь подъ условіемъ подкрѣпленія ихъ присягой и соприсягой. Такъ, напримѣръ, въ кюринскомъ округѣ письменные документы пріобрѣтаютъ силу и значеніе только тогда, когда подписавшіе ихъ свидѣтели подтвердятъ присягой справедливость всего того, что значится въ документѣ. Въ томъ же округѣ показанія вызывающаго сомнѣніе свидѣтеля подкрѣпляются присягой одного или нѣсколькихъ изъ ближайшихъ его родственниковъ по выбору противника [1]).

Въ Даргинскомъ округѣ свидѣтели еще такъ мало отвѣчаютъ тому понятію, какое мы связываемъ съ ними нынѣ, что ихъ показанія принимаются только въ томъ случаѣ, когда эти свидѣтели являются односельцами того лица, поведеніе котораго они свидѣтельствуютъ [2]).

При родовомъ характерѣ дагестанскихъ поселеній требованіе, чтобы показанія дѣлаемы были непремѣнно односельцами, указываетъ на то, что институтъ свидѣтелей не успѣлъ еще обособиться вполнѣ отъ сходнаго во многомъ съ нимъ, но предшествующаго ему во времени института соприсяжниковъ.

Причина, препятствующая развитію института свидѣтелей въ обществѣ, еще живущемъ началами родоваго быта и практикующемъ кровное возмездіе всякому, кто причинитъ роду матеріальный ущербъ, слѣдовательно и тому, чьи показанія клонятся къ обвиненію одного изъ родовичей, съ наглядностью выступаетъ въ томъ древнѣйшемъ сводѣ дѣйствующаго въ Дагестанѣ права, какое представляютъ намъ Постановленія Кайтагскаго Уцмія Руслема. «По чьимъ доносамъ убитъ будетъ каплы,

1) См. Южно-дагестанскіе Адаты, стр. 1 и 2.
2) См. Адаты Даргинскаго округа, стр. 7.

т. е. лицо пролившее кровь, того, значится въ этихъ постановленіяхъ, считать кровнымъ врагомъ. Если родственники убитаго каплы убьютъ подобнаго доносчика, то кровь его считать безвозмездной». Она должна погибнуть «какъ свалившаяся съ дерева груша», читаетъ мы въ болѣе близкой къ первоначальному тексту дербентской рукописи этого сборника. Но если донесшій на убійцу подлежитъ кровомщенію и кровь его зачитается за кровь убитаго, то удивительно ли, что свидѣтельское показаніе, какъ самостоятельный видъ доказательства, еще совершенно отсутствуетъ въ сводѣ Рустема, и мѣсто свидѣтелей занимаютъ въ немъ соприсяжники —родственники въ разномъ числѣ, смотря по важности преступленія. И въ наши дни адаты Кайтага, какъ и всего вообще даргинскаго округа, знаютъ еще институтъ соприсяги въ его первичной формѣ—показанія, дѣлаемаго ближайшими родственниками той стороны, на которую падаетъ бремя доказательствъ, т. е. смотря по обстоятельствамъ, отчасти также по выбору суда, отвѣтчика или истца.

Когда при назначеніи соприсяжниковъ отвѣтчикъ скроетъ ближайшихъ родственниковъ и къ присягѣ допущены будутъ дальнѣйшіе, то этого одного достаточно для признанія его вины [1]).

Если и въ наше время адатъ существенно вліяетъ еще на характеръ процессуальныхъ дѣйствій, то тѣмъ болѣе въ предшествующія столѣтія. Сила и значеніе его сказывались, между прочимъ, въ допущеніи противорѣчащаго Шаріату порядка насильственнаго захвата, производимаго самимъ потерпѣвшимъ изъ имущества обидчика. Такой захватъ встрѣчается въ правѣ всѣхъ вообще народностей, переходящихъ или только что перешедшихъ отъ родовой къ государственной формѣ общежитія. «Книга древняго закона ирландцевъ» («Сенхусъ» «Моръ») почти все цѣло посвящена описанію порядка его производства. Упоминанія о немъ можно найти и въ древнѣйшемъ правѣ салическихъ франковъ, и въ древнѣйшихъ религіозныхъ сводахъ индусовъ, и въ первыхъ по времени памятникахъ славянскаго права.

Въ сводѣ Рустема имущественный захватъ выступаетъ еще

---

[1]) См. Адаты даргинскаго округа, стр. 10.

въ своей наиболѣе архаической формѣ—захвата, примѣняемаго къ имуществу не одного лишь неисправнаго должника, но и любаго изъ членовъ одного съ нимъ рода. «Шикиль», другими словами насильственный захватъ имущества, дозволяется направить противъ всякаго, кто не отдѣлился отъ своего тохума или рода. Отвѣчать своимъ имуществомъ за правонарушенія родственниковъ составляетъ такую же обязанность для членовъ тохума, какъ и отвѣчать своею жизнью за убійства, насилія и другія вызывающія месть дѣйствія тѣхъ же родственниковъ. Члены рода связаны между собой круговой порукой. Но поддержаніе ея возможно только подъ условіемъ предоставить имъ свободу выключать изъ тохума лицъ, поведеніе которыхъ ежечасно можетъ сдѣлаться для нихъ источникомъ потери жизни и имущества. Отсюда слѣдующій обычай: если родственники замѣтятъ коголибо въ дурныхъ поступкахъ, то должны убить его, въ противномъ случаѣ обязаны отвѣчать за его поведеніе. Солидарность между членами тохума, отвѣтственность каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго, необходимо вызываютъ требованіе полнаго единогласія въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Поэтому одна изъ статей сборника постановляетъ: Всѣ должны говорить единогласно; кто же будетъ противорѣчить обществу, того домъ разрушить и самого изгнать. Кто желаетъ уклониться отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него фактомъ принадлежости къ тохуму, и въ томъ числѣ отъ отвѣтственности личной и имущественной за лицъ одного съ нимъ рода, тотъ долженъ открыто выступить изъ рода. Для такого выхода требуется офиціальное заявленіе, какъ тохуму, такъ и уцмію. Получивъ отъ послѣдняго письменное разрѣшеніе, лицо, желающее порвать свою связь съ тохумомъ, отправляется въ селеніе Кара-Корестъ, гдѣ въ мечети прочитывается увольняющій его изъ рода приказъ уцмія. Кто добился выхода изъ рода, жертвуетъ на мечеть войлокъ и вбиваетъ на память о случившемся гвоздь въ одинъ изъ поддерживающихъ ея сводъ столбовъ. На выступившаго изъ рода легализированное самоуправство или шикиль распространенъ быть не можетъ. Не подлежатъ ему также слѣдующія лица: кади или судья, гоушъ или исполнитель его приказаній, своего рода судебный приставъ, нарочный, старикъ и ученикъ (при мечети).

Кромѣ отвѣтственности цѣлымъ родомъ кодексу Рустема извѣстна еще отвѣтственность всѣмъ сельскимъ обществомъ, примѣнимая въ частности къ случаямъ неуплаты долга. Кто беретъ шикиль съ жителей нашего общества, съ тѣхъ и намъ брать, значится въ этомъ сборникѣ. То же положеніе подробнѣе развито въ дербентской рукописи. «Если кто изъ другого общества долженъ деньги или что нибудь изъ имущества и отъ уплаты откажется, кредиторъ имѣетъ право взять шикиль съ того общества, гдѣ живетъ должникъ; но если кто либо изъ жителей общества будетъ тому препятствовать силой, виновный подвергается штрафу въ 100 денегъ (грошей). Кто схватитъ кредитора съ шикилемъ, подвергается такому же взысканію. Кто не позволитъ кредитору взять шикиль и взамѣнъ того пообѣщаетъ взыскать съ должника слѣдуемый кредитору долгъ, а на самомъ дѣлѣ обѣщанія не исполнитъ, того силою заставляютъ взыскать долгъ съ должника».

Отвѣтственность селеній въ случаяхъ «шикиля» объясняется всего легче тѣмъ соображеніемъ, что въ составъ ихъ входили первоначально семьи одного тохума, подлежавшія какъ таковыя родовому самоуправству. Сельская община и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, унаслѣдовала права и обязанности рода.

Самоуправство легально, если направлено противъ родственниковъ отвѣтчика или членовъ одной съ нимъ общины, и то лишь тогда, когда ими не являются лица спеціально изъявшія себя отъ круговой отвѣтственности путемъ формальнаго выхода изъ рода, принятія должностей кади и чоуша, избранія ученой профессіи или достиженія старческаго возраста. Таковы ограниченія самоуправства по отношенію къ лицамъ, на которыхъ его дѣйствіе можетъ быть распространено.

Посмотримъ теперь, каковы его ограниченія по отношенію къ мѣсту совершенія.

Шикиль не можетъ быть произведенъ въ мѣстности безлюдной, такъ какъ первое условіе его законности—завѣдомость или публичность того насильственнаго акта, которымъ онъ выражается.

За взятый въ безлюдномъ мѣстѣ «шикиль» виновный долженъ платить обиженному въ десять разъ болѣе противъ взя-

таго имъ,—стоитъ въ рукописи г-на Комарова. Наоборотъ, съ того, кто не позволитъ взять шикиля внутри селенія, брать штрафъ сто кари хабцалику (хабцаликъ — легкая бумажная ткань, а кари — мѣра длины). Если кто будетъ убитъ при поимкѣ шикиля, стоитъ въ дербентской рукописи, виновникъ убійства подлежитъ за его кровь взысканію семи діатовъ или выкуповъ въ пользу родственниковъ убитаго».

Не всѣ предметы одинаково могутъ сдѣлаться объектомъ захвата. Чтобы остаться въ предѣлахъ законности шикиль не долженъ быть направляемъ на стада и табуны, несомнѣнно потому, что они могутъ быть составлены изъ скота и лошадей, принадлежащихъ разнымъ тохумамъ и селеніямъ одного и того же округа или магала. Это обстоятельство и имѣетъ въ виду дербентская рукопись. «Если табунщикъ убьетъ или ранитъ кого либо при поимкѣ изъ табуна «шикиля», общество того магала, къ которому принадлежитъ селеніе и самый табунъ, отвѣчаетъ за кровь убитаго, а не табунщикъ, такъ какъ послѣдній впалъ въ преступленіе изъ за интереса общества». Самоуправство же законно въ томъ только случаѣ, когда обиженный направляетъ его исключительно на имущество одного съ обидчикомъ тохума. Отсюда слѣдующее постановленіе: кто возметъ шикиль изъ стада — платитъ сто кари хабцалику. Въ сферѣ вещнаго, а тѣмъ болѣе обязательственнаго права вліяніе обычая крайне слабо. И все же можно указать на постановленія, прямо противорѣчащія Шаріату и неимѣющія другаго источника, кромѣ адата. Укажемъ, напримѣръ, на тотъ фактъ, что во многихъ обществахъ Дагестана существуетъ запрещеніе выселяться изъ одного аула въ другой. Ничего подобнаго такому запрещенію въ Шаріатѣ найти нельзя. Источникъ его всецѣло лежитъ въ родовомъ устройствѣ туземцевъ. Не желая терять своего наличнаго состава, родъ обставляетъ выходъ изъ него всякими трудностями. Кто оставитъ родовое поселеніе, или, что тоже, аулъ, тотъ теряетъ принадлежащую ему землю вполнѣ или отчасти, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ хваршинскомъ обществѣ андійскаго округа: «кто изъ жителей оставитъ свою деревню и перейдетъ на жительство въ другое мѣсто, обязанъ оставить въ пользу аула, въ которомъ

онъ жилъ, лучшее свое пахатное поле такого размѣра, чтобы на немъ можно было посѣять шесть мѣръ хлѣба» [1]).

Та же родовая исключительность является источникомъ другого правила. Чужая скотина не должна быть принимаема на пастбище аула, такъ какъ пастбище это составляетъ общее достояніе всѣхъ населяющихъ аулъ родственниковъ. Правило это соблюдается даже въ такихъ аулахъ, въ которыхъ поселены рядомъ нѣсколько тохумовъ. Сельская община въ этомъ случаѣ является наслѣдницей ранѣе ея возникшихъ порядковъ родоваго владѣнія. Запрещенія, о которыхъ идетъ рѣчь, однохарактерны съ тѣми, какія мы находимъ во многихъ общинахъ Германіи и Швейцаріи, въ которыхъ на «альменду» и «альпу» допускается скотъ однихъ «гражданъ» (bürger), т. е. лицъ принадлежащихъ къ фамиліямъ первыхъ поселенцевъ. Въ Тессинѣ это право признано въ каждой общинѣ съ небольшимъ числомъ семей, которыя въ свою очередь являются отдѣлившимися вѣтвями одного «родоваго поселенія» или семейной общины.

Съ порядками общинно-родоваго владѣнія и хозяйства стоитъ также въ связи доселѣ уцѣлѣвшій въ Дагестанѣ Flurzwang или обязательный порядокъ сѣвооборота. Всѣ хозяйственныя работы должны быть производимы въ разъ навсегда установленные сроки, о наступленіи которыхъ всенародно объявляется по утрамъ съ вершины минаретовъ. Фрукты и виноградъ не должны быть срываемы, даже собственникомъ, ранѣе положеннаго обычаемъ срока. Для контроля установленъ слѣдующій оригинальный порядокъ. «Тамъ, гдѣ существуютъ виноградные сады, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ гунибскаго округа, ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права снимать кистей до извѣстнаго срока, т. е. пока не послѣдуетъ разрѣшенія на то общества. Если же будетъ замѣчено, что въ какомъ нибудь саду сорванъ виноградъ, старшина и его помощники, «карты», дѣлаютъ строгій розыскъ. Если виновный не будетъ открытъ, всѣхъ жителей выводятъ изъ деревни въ поле. Женщины помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ на значительномъ разстояніи. Никто не въ правѣ вернуться домой, не совершивъ предварительно есте-

[1]) Рук. сб. адатовъ андійскаго округа.

ственнаго отправленія въ присутствіи начальства. У кого найдутъ зерна, тотъ платитъ въ штрафъ двухъ быковъ».

Не трудно вывести изъ всего сказаннаго то заключеніе, что отмѣняющія Шаріатъ постановленія адата стоятъ въ непосредственной связи съ самыми основами общественнаго быта дагестанскихъ племенъ и въ частности съ ихъ родовой организаціей. Тѣ области права, которыя всего ближе соприкасаются съ соціальнымъ строемъ туземцевъ, а ими несомнѣнно слѣдуетъ признать право уголовное, право семейное и наслѣдственное, соотвѣтственно болѣе другихъ и отражаютъ на себѣ вліяніе народныхъ началъ права. Современное значеніе обычая и его отношеніе къ писанному закону не могутъ быть поэтому выяснены иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго знакомства съ характеромъ родовой организаціи Дагестана и изученія въ отдѣльности какъ той области права, въ которой законъ и обычай доселѣ оспариваютъ другъ у друга первенство (я разумѣю право семейное и наслѣдственное), такъ и той, въ которой обычаю удалось пока сохранить за собою если не безусловное господство, то во всякомъ случаѣ рѣшительное преобладаніе (сфера уголовныхъ отношеній).

Такимъ образомъ послѣдующее изложеніе само собою распадается на три главы: первая о родовомъ устройствѣ Дагестана, вторая о семьѣ и наслѣдованіи, третья о кровной мести и замѣняющихъ ее платежахъ.

ГЛАВА II.

Родовое устройство Дагестана.

Знатоки Дагестана, въ числѣ ихъ генералъ Комаровъ, насчитываютъ въ немъ до 28 языковъ, развѣтвляющихся на множество нарѣчій. Если признать это число даже преувеличеннымъ и перенесть въ группу нарѣчій нѣкоторые народные говоры, признанные Комаровымъ за самостоятельные языки, то все же получится цифра 18 для населенія, едва перешагнувшаго за полмилліона [1]). Между плоскостной и нагорной частью Дагестана эти говоры распредѣляются такимъ образомъ, что на первую, съ населеніемъ отъ 80 до 100 т., приходится всего пять языковъ, а на вторую цѣлыхъ тринадцать. Ни одна изъ на-

[1]) По указаніямъ Услара и самого Комарова нѣкоторыя изъ тѣхъ народностей, которыя выдѣлены ими въ самостоятельныя группы, употребляютъ говоръ, хотя и непонятный ихъ сосѣдямъ, но представляющій съ языкомъ послѣднихъ нѣкоторое филологическое сродство: языкъ аргинцевъ, напр., близокъ къ языку аварцевъ, а хваршинцевъ къ дидойскому; каратинцы, ахваки, богулолъ и идери по той же причинѣ должны быть сближены между собою; даргинцы, кайтахцы и кубачинцы, табасаранцы и агулы, кюринцы, рутульцы и цахурцы образуютъ не 8, а всего на всего 3 филологическія единицы (сравни Сб. св. о Кавк. Горцахъ, вып. VIII — Составъ населенія Дагестанской области. Н. В.). Нечего и говорить, что эту классификацію отнюдь нельзя считать окончательной, такъ какъ къ изученію дагестанскихъ говоровъ приступлено весьма недавно, и пока обслѣдовано сколько нибудь обстоятельно два или три изъ нихъ, не болѣе.

родностей, населяющихъ каспійское побережье, не можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ, которыя налагали бы на страну свой особый отпечатокъ, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ составѣ населенія и другихъ кавказскихъ областей [1]. Того же нельзя сказать о нагорной части; за исключеніемъ чеченцевъ, которыхъ насчитываютъ не болѣе 500, ни одно изъ племенъ, входящихъ въ составъ ея населенія, не попадается внѣ Дагестана и закатальскаго округа, этого оторваннаго отъ него куска, занятаго аварскимъ племенемъ и покоренной имъ тюркской (муганлы) и грузинской народностью (ингелойцы) [2].

Въ самомъ нагорномъ Дагестанѣ бо́льшая или меньшая пестрота этнографическаго состава каждой отдѣльной мѣстности обусловливается большей или меньшей тѣснотою долинъ. «Почти въ каждой котловинѣ, говоритъ г. Комаровъ, въ каждомъ отдѣльномъ ущельи, огражденномъ скалистыми хребтами и выходящемъ къ быстрой и глубокой рѣкѣ, живетъ особое племя, часто неимѣющее ни малѣйшаго сходства или родства съ сосѣдними племенами; тамъ же, гдѣ горы становятся доступнѣе, разнообразіе племенъ уменьшается, за то увеличиваются численность каждаго и пространство, на которомъ оно живетъ» [3]. Въ виду сказаннаго цитируемый нами писатель дѣлитъ нагорный Дагестанъ на двѣ половины, изъ которыхъ одну представляютъ бассейны рѣкъ, образующихъ по сліяніи рѣку Сулакъ, а другую—все восточное нагорье до самой Каспійской плоскости. Закатальскій округъ по физическимъ условіямъ мѣстности

[1]) Я разумѣю кумыковъ и ногайцевъ, встрѣчаемыхъ нами на С.-В. Кавказѣ, татаръ и татовъ, изъ которыхъ первые составляютъ главный элементъ населенія Елисаветпольской губерніи, а вторые встрѣчаются въ окрестностяхъ Баку; наконецъ горскихъ евреевъ, разсѣянныхъ по всему Кавказу.

[2]) Все населеніе закатальской области, по переписи 1873 года, равняется 64 тысячамъ, изъ которыхъ 3 лезгинъ, а 2 мунгаловъ и грузинъ (См. об. св. о Кавк. горцахъ, вып. IX). Такъ какъ по переписи 1871 г. населеніе Дагестанской области указано въ 449,534 человѣка, то мы не ошибемся, признавъ, что слишкомъ полмилліона выражаютъ собою цифру населенія во всемъ Дагестанѣ (считая въ томъ числѣ и закатальскій округъ).

[3]) См. VIII т. Записокъ Кавказ. Отд. Геогр. Общ., статью Комарова «Народонаселеніе Дагестанской области».

могъ бы быть отнесенъ ко второй половинѣ, но по этнографическому составу скорѣе принадлежитъ къ первой. Удобнѣе поэтому выдѣлить его въ особую группу. Въ западной части нагорнаго Дагестана, представляющей котловину, изрѣзанную скалистыми хребтами на множество мелкихъ ущелій, при населеніи въ 160 тысячъ человѣкъ, мы встрѣчаемъ по меньшей мѣрѣ десять самостоятельныхъ языковъ и соотвѣтственно такое же число племенъ: аварцы, анды, каратинцы, чамалалъ, дидойцы, капучинцы, гунзалъ, ботлихцы, лаки и чеченцы. Въ восточной, отличающейся широкими долинами и доступными круглый годъ горными проходами, при населеніи въ 132 съ лишнимъ тысячи, мы насчитываемъ всего 3 вполнѣ отличныхъ другъ отъ друга языка и племени—даргинскій, табасаранскій и кюринскій. Наконецъ въ закатальскомъ округѣ, при населеніи въ 56 тысячъ, мы находимъ три языка и три народности: лезгинъ, муганлы и ингелойцевъ.

Мы дѣлали пока предположеніе, что каждому языку соотвѣтствуетъ только одно племя; но исторія показываетъ, что нѣсколько народностей иногда принимали общій языкъ; а если такъ, то мы принуждены даже отказаться отъ мысли когда либо съ точностью опредѣлить число племенъ, въ разное время заселившихъ собою Дагестанъ, тѣмъ болѣе, что всякая попытка рѣшить этотъ вопросъ путемъ антропологическихъ измѣреній представляется рѣшительно невозможной въ виду того, что въ одной и той же мѣстности и нерѣдко въ одномъ и томъ же аулѣ встрѣчаются самые разнообразные типы. Необходима поэтому не малая доза фантазіи для того, чтобы видѣть въ андахъ напр. повальное сходство съ евреями и говорить въ примѣненіи къ нимъ о какомъ-то «воинствующемъ израилѣ», тогда какъ достаточно побывать на базарѣ, чтобы встрѣтиться съ лицами, одинаково напоминающими и грузинъ, и армянъ, и татаръ, и чеченцевъ, всего же чаще невызывающими въ нашей памяти никакихъ воспоминаній—въ виду своей рѣзкой оригинальности [1]).

---

[1]) Нельзя отрицать того, что между дидойцами грузинскій типъ встрѣчается часто. Такой фактъ объясняется весьма просто тѣмъ обстоятель-

Пестрота этнографическаго состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызываетъ въ насъ предположеніе, что и юридическіе обычаи, которымъ слѣдуютъ горцы, должны отличаться большимъ разнообразіемъ, такъ что представляется возможность говорить о цѣломъ рядѣ правовыхъ системъ, пріуроченныхъ каждая къ отдѣльной народности и являющихся выраженіемъ особенностей ея національнаго духа. Сравнительное изученіе приводитъ однако къ совершенно противоположному выводу. Вмѣсто нѣсколькихъ мы имѣемъ передъ собою только одну юридическую систему; частности ея, разумѣется, весьма далеко расходятся у отдѣльныхъ народностей; но общія и основныя положенія одинаково проникаютъ собою обычаи аваровъ и андовъ, лаковъ и капучинъ, даргинцевъ и табасаранцевъ и т. д. Этотъ фактъ, обоснованіемъ котораго служитъ все послѣдующее изслѣдованіе, является новымъ подтвержденіемъ той мысли, которая была впервые высказана мною въ монографіи, озаглавленной «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи». Не филологическимъ сродствомъ, а общностью условій, сказано было въ ней, опредѣляется сходство учрежденій двухъ или болѣе, нерѣдко разноплеменныхъ, народностей. Проходя общія стадіи развитія, народности эти вырабатываютъ независимо другъ отъ друга одинаковыя правовыя нормы [1]).

Каковы же, спрашивается, въ Дагестанѣ эти общія бытовыя условія, вызывающія возможность единства юридическихъ нормъ? Во главѣ ихъ я поставлю повсемѣстное господство въ средѣ горцевъ родовой организаціи, извѣстной подъ наименованіемъ «тухумной». Эта организація самымъ фактомъ своего существованія вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ обычаевъ и обрядовъ, какъ-то: обычай кровной мести и родоваго возмездія, соприсяжничество родственниковъ на судѣ, серьезныя ограниченія права раздѣловъ и отчужденія, исключеніе женщинъ отъ наслѣдованія или меньшее противъ мущинъ участіе ихъ въ немъ

ствомъ, что, занимая пограничныя съ Грузіей долины, дидойцы брали изъ нея много плѣнниковъ, которыхъ или продавали на сторону, или селили въ своей средѣ.

1) Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи. Москва 1880 года, стр. 15—21.

и т. п. Эти явленія встрѣчаются въ бытѣ дагестанскихъ горцевъ въ такой же степени, какъ и въ бытѣ осетинъ, кабардинцевъ, горскихъ татаръ, чеченцевъ, кумыковъ, сванетовъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, т. е. любаго изъ племенъ сѣвернаго и южнаго склона кавказскаго хребта. Вотъ почему обычное право всѣхъ вообще горцевъ носитъ характеръ чего-то цѣльнаго и единаго, независимо отъ различія расъ, языковъ и религій.

Поэтому первымъ шагомъ къ уясненію характера дагестанскихъ адатовъ является детальное изученіе родовой организаціи горцевъ; въ ней, а не въ чемъ иномъ, лежитъ дѣйствительный источникъ всѣхъ особенностей ихъ обычнаго права.

При крайнемъ разнообразіи происхожденія, наглядно выступающемъ, какъ я сказалъ, въ различіи языковъ и нарѣчій, жители Дагестана представляютъ повсюду сходныя бытовыя черты. Изучая ихъ, мы становимся лицомъ къ лицу, если не съ первоначальныхъ проявленіемъ гражданственности, то, по крайней мѣрѣ, съ той ея стадіей, которая обнимается понятіемъ агнатическаго рода. Причины, о которыхъ было говорено мной въ предшествующей главѣ, давно искоренили въ средѣ дагестанцевъ тѣ переживанія матернитета и когнатическаго рода, какія представляетъ донынѣ бытъ сосѣднихъ съ ними племенъ—тушиновъ, пшавовъ, хевсуръ и чеченцевъ. Только на правахъ простой гипотезы позволимъ мы себѣ выставить то предположеніе, что въ немногихъ кубачинскихъ родахъ, которые слывутъ подъ названіемъ «опороченныхъ» и соотвѣтственно этому не пользуются равнымъ съ другими родами уваженіемъ, слѣдуетъ видѣть пережитокъ такихъ материнскихъ родовъ. Преданіе приписываетъ ихъ основаніе женщинамъ-плѣнницамъ. По воззрѣніямъ кубачинцевъ, нуженъ цѣлый рядъ поколѣній, чтобы смыть это прирожденное пятно позора [1]).

Если не говорить объ этомъ одиночномъ фактѣ, по самой своей природѣ допускающемъ разныя толкованія, то мы при-

[1]) Свѣдѣнія о существованіи этихъ опороченныхъ родовъ получены мною изъ оффиціальныхъ документовъ (см. записку о Китагѣ, Уркарахское наибство). Онѣ собраны поручикомъ Сотниковымъ.

нуждены будемъ сказать, что общественный строй дагестанскихъ народностей опирается всецѣло на агнатическое родство. Самымъ рѣшительнымъ проявленіемъ этого факта служитъ то обстоятельство, что родственники со стороны матери въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда послѣдняя не принадлежитъ къ роду мужа, считаются лицами посторонними—чужеродцами; на нихъ не распространяется начало родовой солидарности. Племянникъ не въ правѣ сдѣлаться мстителемъ въ случаѣ убійства его дяди по матери, точно такъ же, какъ на него не падаетъ обязанность участвовать въ платежѣ за кровь, пролитую любымъ изъ родственниковъ съ материнской стороны. Соотвѣтственно этому, конечно, и родъ матери не имѣетъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ отмщенію направленныхъ противъ племянника обидъ или въ платежѣ виръ за наносимыя ему обиды.

Обстоятельство, болѣе другихъ содѣйствующее обособленности дагестанскихъ родовъ, составляетъ полное господство въ ихъ средѣ эндогаміи; этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что ничего подобнаго ему мы не находимъ у сосѣднихъ съ Дагестаномъ горцевъ. Пшавы, хевсуры и тушины—безусловные приверженцы экзогаміи. Бракъ на отдаленнѣйшей даже родственницѣ по отцу не дозволяется ихъ обычаемъ. Граничащіе съ сѣвера чеченцы, какъ и всѣ магометане, не считаютъ дозволеннымъ только бракъ на сестрѣ, матери или дочери и безразлично относятся къ экзогамическимъ союзамъ; но ни у кого, кромѣ жителей Дагестана, мы не находимъ того предписанія, что въ бракъ слѣдуетъ вступать исключительно съ женщинами собственнаго рода, что такой бракъ почетнѣе, что принадлежность къ роду надо предпочесть и богатству, и общественному положенію невѣсты [1]). Объяснять господство эндогаміи характеромъ распространеннаго въ Дагестанѣ религіознаго ученія, которое, какъ

[1]) Изъ тѣхъ оффиціальныхъ документовъ, которые имѣются у насъ въ рукахъ, видно однако, что въ плоскостномъ Дагестанѣ это послѣднее предписаніе начинаетъ соблюдаться съ меньшей строгостью: въ Кубачахъ, напримѣръ, отдаютъ уже предпочтеніе общественному положенію и состоятельности, и при невозможности найти дѣвушки, которая въ этихъ двухъ отношеніяхъ являлась бы вполнѣ равной жениху въ собственномъ родѣ, не уступаютъ передъ мыслью о бракѣ на чужеродкѣ.

извѣстно, также исключительно, также враждебно всякому смѣшенію съ разноплеменной кровью, какъ и еврейское—мнѣ кажется невозможнымъ. Религіозная исключительность могла бы объяснить только тотъ фактъ, что жители Дагестана не женятся на дѣвушкахъ сосѣднихъ христіанскихъ племенъ. Она безсильна открыть намъ источникъ тѣхъ запрещеній, въ силу которыхъ односельчане и единовѣрцы, принадлежащіе къ разнымъ родамъ, не въ правѣ вступать между собою въ брачные союзы. Эндогамія должна быть отнесена поэтому къ числу тѣхъ явленій въ жизни изучаемыхъ нами народностей, которыя предшествовали по времени самому появленію мусульманства и не одного только мусульманства, но и того, быть можетъ, только оффиціально признававшагося христіанства, существованіе котораго въ былое время въ Дагестанѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Я не вижу возможности дать другое объясненіе факту происхожденія эндогаміи среди жителей Дагестана, какъ отнесши ее на счетъ тѣхъ иранскихъ вліяній, какія задолго до появленія, какъ христіанства, такъ и мусульманства испытало на себѣ каспійское побережье Кавказа. Хорошо извѣстно, что эндогамія составляетъ характерную особенность тѣхъ народностей, которыя являлись послѣдователями Авесты, что она была въ полномъ ходу въ средѣ древнихъ персовъ и доселѣ продолжаетъ встрѣчаться между исповѣдующими культъ Зороастра персами Индіи [1]).

Самая архаичность эндогамическихъ предписаній указываетъ на то, что онѣ должны были встрѣтить въ современномъ намъ быту благопріятныя условія для своего удержанія. Въ чемъ же, спрашивается, состояли эти условія?

Намъ придется начать наше объясненіе нѣсколько издалека. Оффиціальныя свѣдѣнія о бытѣ дагестанскихъ родовъ рисуютъ ихъ намъ строгими охранителями цѣлостности, какъ имущественнаго, такъ и личнаго состава рода. Проявленіемъ перваго является исключительность родоваго землевладѣнія. При затрудненіи земельныхъ отчужденій въ пользу чужеродцевъ, при допущеніи посторонняго человѣка къ владѣнію землей лишь

[1]) См. Hovelacque L' Avesta. Paris, 1880, стр. 464—4.

послѣ принятія его въ родовую среду, отчужденіе женщины—этой доходной статьи—этой преимущественной работницы, хотя бы путемъ выдачи ея въ замужество члену чужаго рода, было бы явнымъ противорѣчіемъ. Насколько родовые союзы въ Дагестанѣ дорожатъ сохраненіемъ цѣлостности своего наличнаго состава доказываетъ тотъ фактъ, что у большинства населяющихъ этотъ край народностей добровольный выходъ изъ рода не дозволяется обычаемъ. Такъ о кюринскомъ округѣ, въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ окружнымъ начальникомъ г. Цвѣтковымъ въ 1869 году, значится: «никому отдѣляться отъ тухума или рода не дозволяется». И то же, въ другихъ только выраженіяхъ, сообщаетъ намъ о Кайтагѣ г. Сотниковъ, прибавляя, что такой поступокъ считается актомъ безчестнымъ. О Табасарани тотъ же г. Сотниковъ сообщаетъ: «до сихъ поръ не было примѣра добровольнаго отдѣленія отъ тохума, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что самому выйти изъ рода нельзя или, вѣрнѣе, что такой поступокъ позоренъ». Въ даргинскомъ округѣ, по словамъ г. Попова, даже самъ тохумъ или родъ не имѣетъ права исключать изъ своей среды позорящихъ его членовъ. Все, что можетъ быть сдѣлано, сводится къ заявленію о дурномъ поведеніи такого лица начальству и выставленію его имени въ мечети. Изъ тохума—значится въ цитируемомъ нами оффиціальномъ документѣ—«и такой человѣкъ никогда не выходитъ». Что касается до южно-дагестанскихъ округовъ, то въ одномъ только цахурскомъ возможенъ переходъ изъ одного рода въ другой. Въ ахтинскомъ и рутульскомъ, какъ значится буквально въ оффиціальныхъ данныхъ, «такой переходъ не допускается подъ опасеніемъ вражды заинтересованныхъ въ немъ тохумовъ или родовъ». Обыкновенно оставляемый тохумъ уговариваетъ лицо, желающее его покинуть, не дѣлать этого. Случается, что при упорствѣ прибѣгаютъ къ угрозамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и къ убійству. Вообще же до этого рѣдко доходятъ, благодаря участію всего сельскаго общества, которое почти всегда бываетъ на сторонѣ тохума, къ которому принадлежитъ недовольный, и уговариваетъ его не оставлять свой тохумъ. Если родъ всячески старается задержать готовыхъ его покинуть членовъ, то, съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ большую го-

товность принять въ свою среду каждаго желающаго. «Отказа въ подобныхъ случаяхъ, значится въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, не бываетъ, какъ потому, что каждый тохумъ заботится объ увеличеніи числа своихъ членовъ, такъ и потому, что такой отказъ считается дѣломъ предосудительнымъ». Принимаемыми вновь членами, какъ общее правило, являются уцѣлѣвшіе остатки вымершихъ тохумовъ. «Безпрепятственный переходъ одиночнаго лица и даже нѣсколькихъ семействъ изъ тохума въ тохумъ, въ предѣлахъ одного и того же селенія, сообщаютъ не разъ цитируемые нами документы, допускается въ томъ только случаѣ, когда одинъ изъ тохумовъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было случайностей крайне умалится въ наличномъ составѣ и незначительные остатки его пожелаютъ примкнуть къ одному изъ другихъ имѣющихся въ селеніи тохумовъ». Обычай, одинаково дѣйствующій въ ахтинскомъ и рутульскомъ обществахъ, требуетъ при этомъ, чтобы тотъ тохумъ, къ которому присоединяются остатки другаго, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ наличности 40 членовъ.

Если принять во вниманіе всѣ только что приведенные факты, обычай не выдавать замужъ за чужеродцевъ получитъ естественное объясненіе въ вполнѣ понятномъ желаніи рода сохранить цѣлость какъ личнаго, такъ и имущественнаго своего состава. Наше объясненіе причинъ удержанія эндогаміи въ Дагестанѣ находитъ косвенное подтвержденіе и въ тѣхъ отступленіяхъ, какія терпитъ это правило въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ обществахъ. Въ Самурскомъ округѣ, напр., при общемъ запрещеніи браковъ съ чужеродцами, какъ исключеніе дозволяется брачное общеніе между жителями Ахты и зависимыхъ отъ него селеній, но не иначе, какъ подъ условіемъ уплаты каждый разъ тому роду, изъ котораго бралась невѣста, особаго выкупа, извѣстнаго подъ наименованіемъ «барху» (размѣромъ три рубля). Здѣсь отступленіе, очевидно, допускается потому, что отъ брака съ подчиненными родами ахтинцы не несутъ того ущерба для цѣлости наличнаго и имущественнаго состава своихъ тохумовъ, какой бы они несли въ томъ случаѣ, если бы эти роды были такими же самостоятельными и независимыми, какими являются ихъ собственные. Но и здѣсь исключительное право рода на

входящихъ въ его составъ женщинъ сказывается въ обычаѣ имущественнаго его вознагражденія за понесенныя утраты. Помимо этого извѣстны и другіе случаи отступленія отъ эндогаміи, вызываемые трудностью ея практическаго осуществленія. Роды, число членовъ которыхъ незначительно, при строгомъ проведеніи эндогаміи, легко могли бы натолкнуться на тѣ запрещенія, какія магометанство устанавливаетъ по отношенію къ кровосмѣшенію. Отсюда необходимость болѣе снисходительнаго отношенія къ бракамъ, заключаемымъ членами такихъ родовъ съ женщинами чужеродками. Но обычай эндогаміи обнаруживаетъ всю свою жизненность въ томъ фактѣ, что желающій вступить въ бракъ обыкновенно заботится объ усыновленіи его родомъ невѣсты, и, сдѣлавшись такимъ образомъ ея родственникомъ, вступаетъ затѣмъ съ нею въ согласный съ обычаемъ эндогамическій союзъ.

Господство агнатическаго принципа въ родовой организаціи Дагестана сближаетъ ее во многомъ съ тою, какую въ историческую эпоху ихъ существованія представляютъ намъ арійскія народности. Въ тѣхъ постановленіяхъ, какими дагестанскій обычай обставляетъ порядокъ выхода изъ родоваго общенія, напримѣръ, не трудно замѣтить аналогію съ постановленіями Салической правды или древнихъ скандинавскихъ источниковъ права; точно такъ же, какъ въ положеніи, занимаемомъ родовымъ старѣйшиной, можно найти сходство съ тѣмъ, какое принадлежало начальникамъ gentes въ древнемъ Римѣ. Небезынтересно поэтому познакомиться въ деталяхъ съ разными сторонами родовой организаціи Дагестана. И при отсутствіи филологическаго сродства и такъ называемаго «единства происхожденія», обычаи народностей, стоящихъ на одинаковой ступени развитія, могутъ нерѣдко навести на аналогіи и сдѣлаться источникомъ новыхъ гипотезъ, объясняющихъ темные и плохо истолкованные факты древнѣйшаго права арійцевъ.

Начнемъ съ приведенія самыхъ названій, которыми жители Дагестана обозначаютъ существующую въ ихъ средѣ родовую организацію. Наиболѣе распространеннымъ является слово «тохумъ», или «тухумъ». Имъ выражаютъ понятіе рода, какъ общее правило: и въ Табасарани, и въ Кайтагѣ, и въ даргинскомъ

округѣ, и въ кюринскомъ, и во всѣхъ горныхъ аулахъ, занятыхъ лезгинской народностью. По происхожденію своему слово «тухумъ»—лезгинское. Ахтинцы, рутульцы и цахурцы нерѣдко замѣняютъ его другими терминами, въ частности терминомъ «халаданъ» или «ханаданъ». Въ Кайтагѣ употребительны слѣдующія обозначенія рода: «эвлетъ» (слово арабскаго происхожденія), «джинсъ» и «ковнъ» (оба адербиджанскіе термины), «табунъ» (на языкѣ кайтагскомъ), «тайпа» (по кумыкски), наконецъ, «ухтци» и «уртши». Послѣднее названіе особенно употребительно въ Кубачахъ и другихъ селеніяхъ верхняго Кайтага. Тѣ же выраженія въ ходу у кубачинцевъ при передачѣ понятія толпы или большаго скопища народа [1]).

На вопросъ о томъ, какія лица входятъ въ составъ тухума, обычаи дагестанцевъ даютъ разный отвѣтъ. Всѣ они согласны въ томъ, что членами такого союза могутъ быть только родственники со стороны отца; разногласіе возникаетъ по вопросу, до какой степени надо считать родство. Большинство мѣстныхъ обычаевъ высказывается въ томъ смыслѣ, что для принадлежности къ тухуму степень родства не имѣетъ значенія: всѣ родственники по отцу одинаково члены его рода. Но попадаются и такіе обычаи, по которымъ, какъ, напримѣръ, по кубачинскимъ, принадлежность къ тухуму прекращается съ наступленіемъ гдѣ четвертой, гдѣ пятой, гдѣ седьмой и восьмой, а гдѣ и десятой степени родства; такъ, напримѣръ, въ Кара-Кайтагѣ, Урчимули, Терэкеме и Башлахъ счетъ родства идетъ только до пятаго колѣна, въ гимбрійскомъ обществѣ до шестаго, въ Кубачахъ до седьмаго, въ шурконскомъ до восьмаго, а въ деревняхъ верхняго Кайтага, какъ общее правило, до девятаго. Исключеніе болѣе отдаленныхъ родственниковъ сказывается прежде всего въ томъ, что при убійствѣ одного изъ нихъ тохумъ не становится мстителемъ, «не ищетъ его крови»; и наоборотъ, въ случаѣ убійства членомъ тохума какого нибудь посторонняго лица родственники дальше извѣстнаго колѣна не отвѣчаютъ,

[1]) Факты эти почерпнуты изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, въ частности, изъ двухъ записокъ о тухумахъ, составленныхъ для коммиссіи по разслѣдованію сословныхъ правъ туземцевъ; онѣ были сообщены мнѣ г. Вейденбаумомъ.

не участвують въ платежѣ выкупа; этотъ фактъ уже самъ по себѣ указываетъ источникъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается счетъ родства въ нѣкоторыхъ тохумахъ. Подобно тому какъ въ законахъ англовъ кровавая месть ограничивается одними «возможными наслѣдниками», которыми считаются родственники въ извѣстныхъ только степеняхъ родства, подобно тому какъ въ Русской Правдѣ, насколько можно судить по тексту ея первой статьи, отдаленнѣйшіе родственники не могли быть мстителями,—такъ точно въ Дагестанѣ въ интересахъ охраненія мира и порядка, родовая месть сосредоточивается всецѣло въ рукахъ ближайшихъ родственниковъ. Ихъ участіе въ отмщеніи кровныхъ обидъ, какъ нагляднѣйшее проявленіе узъ родства — причина тому, что со временемъ на нихъ однихъ начинаютъ смотрѣть какъ на родственниковъ; всѣ же остальные не признаются болѣе членами рода или тохума [1]).

Переходимъ къ другимъ сторонамъ родоваго быта дагестанскихъ горцевъ. Къ числу тѣхъ открытыхъ вопросовъ, какіе представляетъ намъ начальная исторія права, необходимо долженъ быть отнесенъ вопросъ объ источникѣ родовой организаціи. Патріархальная теорія, рисующая намъ родъ какимъ-то развѣтвленіемъ единаго ствола, представляемаго семьею родоначальника, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальнымъ господствомъ материнтета. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы допустимъ фактъ вычисленія родства исключительно по женской линіи,— а этотъ фактъ слишкомъ хорошо установленъ, чтобы возбуждать еще сомнѣніе,—невольно долженъ возникнуть вопросъ: откуда было взяться тому общему прародителю, какого необходимо предполагаетъ ученіе о семьѣ-ячейкѣ и о родѣ—ея развѣтвленіи? Не давая матеріала для построенія новой теоріи происхожденія

---

1) Въ кубачинскомъ обществѣ, заселенномъ, по преданію, выходцами съ Запада, не то греческими, не то романскими рабдоими, счетъ родства оканчивается седьмой степенью включительно. Это обстоятельство невольно вызываетъ въ памяти постановленіе римскаго права, которымъ счетъ родства также ограниченъ семью колѣнами. Не видѣть ли въ этомъ новое подтвержденіе тому, что эти такъ называемые «френги» были выходцами изъ странъ, въ которыхъ дѣйствовало римское право, быть можетъ, изъ основанной крестоносцами Латинской Имперіи?

родовыхъ порядковъ, бытовыя условія дагестанскихъ тохумовъ представляютъ новыя данныя въ пользу той мысли, что существованіе рода вовсе не связано съ фактомъ происхожденія всѣхъ его членовъ отъ общаго родоначальника. Чтобы убѣдиться въ этомъ познакомимся съ тѣми названіями, какими обозначаютъ себя отдѣльные роды Дагестана, а также и съ источникомъ происхожденія этихъ названій. Начать съ того, что не всѣ роды носятъ генетическія наименованія; многіе принимаютъ тѣ или иныя прозвища, смотря по характеру ихъ занятій [1]), или по мѣсту произхожденія [2]); особенно часты такіе случаи въ нижней Табасарани. Происхожденіе нѣкоторыхъ родовыхъ названій, по сообщенію г. Цвѣткова, совсѣмъ необъяснимо. Большинство тохумовъ впрочемъ обозначается именемъ того или иного лица, но съ этимъ лицомъ не всегда связывается представленіе о родоначальникѣ. Имъ признается, обыкновенно, знаменитѣйшій изъ предковъ, лицо, прославившее родъ или своею храбростью, или благочестіемъ, или мудростью. Такъ, напримѣръ, объ Акушахъ оффиціальныя данныя сообщаютъ намъ буквально слѣдующее: «родовыхъ названій здѣсь тохумы не имѣютъ, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое пріобрѣло почему либо извѣстность въ народѣ. Его именемъ они величаютъ себя до тѣхъ поръ, пока изъ ихъ рода не выступитъ новый, еще болѣе извѣстный «герой». Въ Кубачахъ первый по значенію тохумъ носитъ имя Акайлы-Али. Кубачинцы вовсе не считаютъ его своимъ родоначальникомъ; онъ только наиболѣе выдающійся изъ ихъ предковъ, стяжавшій громкую извѣстность въ походѣ аварскаго хана на Грузію. Другой изъ кубачинскихъ родовъ—Ядья-Абакаръ—еще менѣе можетъ быть приводимъ въ доказательство того, что роды всегда носятъ названіе своихъ основателей,

1) Для примѣра укажемъ на одинъ изъ кубачинскихъ auловъ Кута-Гассалъ; первое слово обозначаетъ собою замокъ къ ружью, а Гассалъ—имя извѣстнаго золотыхъ дѣлъ мастера.

2) Въ бывшемъ кюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Куркентъ, населяющій его родъ носитъ названіе Легераръ, такъ какъ составленъ выходцами изъ кубинской деревни Легеръ. Точно такъ же родъ Кураръ въ селеніи Нютюкъ заимствовалъ свое названіе отъ имени тюринскаго аула Кураръ, выходцами котораго считаютъ себя члены названнаго рода.

такъ какъ по преданію прародительницей этого тохума считается плѣнная грузинка.

Въ названіяхъ нѣкоторыхъ ауловъ сохранилось воспоминаніе о томъ, что изъ ихъ среды выбирались весьма часто тѣ или иныя должностныя лица; такъ напримѣръ тохумъ Кадиляръ въ селеніи Курахъ носитъ это названіе потому, что изъ него, какъ общее правило, тюринскіе ханы выбирали своихъ кадіевъ. Другіе роды носятъ неопредѣленное названіе родовъ шейха, т. е. благочестиваго человѣка. Охота, съ которой тохумы производятъ усыновленіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ семействъ, сама уже является препятствіемъ къ принятію того положенія, что родъ отличается единствомъ кровнаго состава. И такъ способъ обозначенія родовъ въ Дагестанѣ и тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о смѣшанности личнаго состава нѣкоторыхъ изъ нихъ, нимало не препятствуютъ примѣненію къ исторіи происхожденія дагестанскихъ тохумовъ той новѣйшей теоріи, защиту которой мы взяли на себя въ первомъ выпускѣ нашего труда о первобытномъ правѣ. Примѣры шотландскихъ клановъ и родовыхъ союзовъ раджпутовъ навели насъ на мысль о возможности искусственнаго происхожденія такихъ союзовъ. Вокругъ выдающагося вождя группируется большее или меньшее число не всегда родственныхъ между собою семей, которыя на разстояніи немногихъ поколѣній уже считаютъ себя его потомствомъ. Въ культѣ этого миѳическаго предка они находятъ то объединяющее начало, которое замѣняетъ для нихъ единство крови. Эти новѣйшія наблюденія сдѣлали возможнымъ оживленіе теоріи, высказанной еще Нибуромъ, по которой роды считаются продуктомъ не естественнаго, а искусственнаго процесса. Мнѣ неизвѣстно существованіе въ древнѣйшей исторіи грековъ, славянъ и германцевъ фактовъ, которые шли бы въ разрѣзъ съ такимъ толкованіемъ генезиса родовыхъ союзовъ.

Другой не менѣе важный вопросъ, разрѣшеніе котораго мы попытаемся найти въ изученіи родовой организаціи дагестанскихъ тохумовъ, есть вопросъ о положеніи родоваго старѣйшины. Изученіе семейной организаціи древняго Рима съ ея широко выработанной властью главы семейства надъ домочадцами причина тому, что и родовую организацію обыкновенно пред-

ставляли себѣ построенной на принципѣ единовластія, на началахъ строгаго и безусловнаго подчиненія всѣхъ родственниковъ единому наслѣдственному главѣ. Лишь въ послѣднее время историки римскаго права принуждены были сознаться, что источники ни мало не оправдываютъ такого воззрѣнія. Одинъ изъ новѣйшихъ романистовъ слѣдующимъ образомъ передаетъ тотъ взглядъ на римскаго родоначальника, установленію котораго всего больше способствовалъ Іерингъ. Римскій родъ, говоритъ онъ, имѣетъ республиканскую организацію, сами члены рода, gentiles, участвуютъ въ выработкѣ извѣстныхъ постановленій и оказываютъ другъ другу помощь и содѣйствіе. Мы слышимъ, правда, о существованіи особаго родоваго старшины (princeps gentis), но одинъ уже тотъ фактъ, что въ историческую эпоху не встрѣчается единоличнаго руководства родомъ и что, наоборотъ, семья представляетъ типъ всемогущей отеческой власти, не позволяетъ намъ видѣть въ этомъ princeps подобія монарха или библейскаго патріарха. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ взглядомъ, я замѣчу, что и въ другихъ законодательствахъ, какъ, напримѣръ, въ германскомъ или славянскомъ, нельзя найти подтвержденія монархической организаціи родовъ.

Обычное право дагестанскихъ народностей даетъ новыя доказательства республиканскаго устройства родовыхъ союзовъ. Слова Тацита «duces ex virtute sumunt» (вождей назначаютъ за ихъ доблесть), если только подъ этими вождями разумѣть родовыхъ старѣйшинъ, находятъ себѣ полную иллюстрацію въ дагестанскихъ родовыхъ порядкахъ. Изъ оффиціальныхъ данныхъ мы узнаемъ, что выборъ обыкновенно рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому изъ членовъ тохума сдѣлаться его главой.

«Каждый тохумъ, читаемъ мы въ одной изъ записокъ составленныхъ русскими администраторами по показаніямъ мѣстныхъ жителей, имѣетъ своего главу; званіе это достигается путемъ свободнаго выбора, но часто бываетъ и наслѣдственнымъ; вообще же въ главы тохума выбирается лицо, славящееся энергіей, добропорядочностью, краснорѣчіемъ и хлѣбосольствомъ. Если наслѣдникъ умершаго главы соотвѣтствуетъ сказаннымъ условіямъ, то онъ безспорно становится его преемникомъ; въ особенности въ томъ случаѣ, если два, три по-

колѣнія уже пользовались наслѣдственно этимъ вліяніемъ; въ такомъ случаѣ нерѣдко бываетъ и такъ, что при несовершеннолѣтіи прямаго наслѣдника, съ согласія юноши и только до момента его возмужалости, званіе главы предоставляется одному изъ достойныхъ представителей духовнаго званія. Если при этомъ оказывается нѣсколько конкуррентовъ, то преимущество отдается тому, на чьей сторонѣ оказывается перевѣсъ заслугъ предковъ. Такого порядка держатся въ бахтинскомъ обществѣ, рутульскомъ и цахурскомъ. Однохарактерныя данныя имѣются о порядкѣ пріобрѣтенія должностей старѣйшинъ и въ кюринскомъ обществѣ.

Главою тохума не всегда считается здѣсь старшій въ родѣ; въ большинствѣ случаевъ главенство пріобрѣталось и пріобрѣтается богатствомъ, умомъ, и другими личными качествами. Тѣ же порядки существовали и существуютъ доселѣ въ Табасаранѣ. Въ Кайтагѣ главою тохума считается старѣйшій по лѣтамъ или тотъ, кто умнѣе; случается нерѣдко, что старшій въ родѣ знаетъ обычаи хуже, чѣмъ иной молодой, почему къ послѣднему чаще и обращаются за совѣтомъ и больше его слушаются».

Если отъ вопроса о томъ, какъ замѣщалась должность начальниковъ тохумовъ, мы перейдемъ къ изученію правъ этихъ старѣйшинъ, то оффиціальные документы не оставятъ насъ на этотъ счетъ въ неизвѣстности и категорически подтвердятъ тотъ взглядъ, что авторитетъ старѣйшинъ далеко не представлялъ собой характера единодержавія, что ихъ приказанія имѣли болѣе нравственное, чѣмъ юридическое значеніе. Въ ахтинскомъ обществѣ и сосѣднемъ съ нимъ рутульскомъ и цахурскомъ мы узнаемъ на этотъ счетъ слѣдующее: «глава тохума есть лицо, которому каждый изъ членовъ обязанъ сообщить обо всемъ случившемся, и къ которому онъ долженъ обращаться за совѣтомъ, даже въ дѣлахъ семейныхъ. Если случится, что обращавшійся къ главѣ за совѣтомъ поступитъ затѣмъ вопреки его мнѣнію, то дѣлу обыкновенно не дается дальнѣйшаго хода. Въ немногихъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто обратное, глава тохума дѣлаетъ виновному выговоръ; если же послѣдствіемъ уклоненія отъ совѣта будетъ какой нибудь существенный вредъ, старѣйшина наказываетъ виновнаго выговоромъ и побоями; кромѣ на-

казанія, налагаемаго на него старѣйшиной, виновный подвергается презрѣнію всего тохума. Наконецъ, высшей мѣрой наказанія является изгнаніе изъ среды рода. Примѣры тому извѣстны въ ахтинскомъ и рутульскомъ обществахъ, въ цахурскомъ же обществѣ подобнаго рода наказанія не знаютъ». Таковы краски, какими рисуется намъ положеніе родоваго старѣйшины въ самомъ южномъ изъ дагестанскихъ обществъ. А вотъ тѣ данныя, которыя на этотъ счетъ мы имѣемъ изъ кюринскаго и табасаранскаго округовъ. «Главенство, кромѣ почета и уваженія (такъ записано г. Цвѣтковымъ со словъ мѣстныхъ жителей) не соединено ни съ какими правами. Если, въ рѣдкихъ случаяхъ, личности съ сильнымъ характеромъ распоряжались почти деспотически своимъ тохумомъ, то въ большинствѣ случаевъ за его главою признавалось только право дать совѣтъ и наставленіе. Поведеніе, несогласное съ такимъ совѣтомъ, не имѣло другаго послѣдствія, кромѣ общаго неодобренія». «Мнѣніе главы тохума, сообщаетъ г. Сотниковъ, спрашиваютъ, когда нужно женить сына или выдать дочь замужъ; при убійствахъ и пораненіяхъ глава тохума устраиваетъ примиреніе и угощеніе. Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ слѣдитъ за поведеніемъ членовъ тохума, наставляетъ ихъ или дѣлаетъ имъ выговоры. Если членъ тохума не послушается его совѣта, старѣйшина не принимаетъ противъ него никакихъ мѣръ; такъ было прежде, такъ продолжается и до сихъ поръ. Въ другихъ дагестанскихъ обществахъ власть старѣшинъ сказывается еще съ меньшей силой, въ особенности же въ тѣхъ, въ которыхъ существовала организованная центральная власть».

Общій выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать на основаніи этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, слѣдующій: родовой старѣйшина въ Дагестанѣ—не болѣе, какъ первый между равными; родовая организація, такимъ образомъ, болѣе приближается къ республиканскому, нежели къ монархическому типу.

Спрашивается теперь, какой характеръ носятъ отношенія членовъ между собой? другими словами, въ чемъ сказывается начало родоваго единства?

Родъ въ Дагестанѣ, какъ и повсюду, союзъ какъ личный, такъ и имущественный. Каждый изъ совершеннолѣтнихъ чле-

новъ его участвуетъ наравнѣ съ остальными въ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ родъ является такъ или иначе заинтересованнымъ на правахъ ли союза личнаго или имущественнаго.

Какъ личный союзъ, родъ возрастаетъ не только путемъ естественнаго нарожденія новыхъ поколѣній, но и путемъ случайнаго включенія въ свою среду лицъ и семействъ, ищущихъ съ нимъ общенія. Увеличивая свой составъ путемъ усыновленія, онъ въ то же время сокращаетъ его, изгоняя въ немногихъ крайнихъ случаяхъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, дальнѣйшее общеніе съ которыми можетъ сдѣлаться для него источникомъ всякихъ бѣдствій. Усыновленіе чужеродцевъ и изгнаніе отдѣльныхъ членовъ изъ собственной среды,—таковы тѣ двѣ стороны родовой самодѣятельности, съ которыми намъ предстоитъ теперь познакомиться.

Мы видѣли, что, какъ общее правило, родъ въ Дагестанѣ весьма охотно обращается къ усыновленію, такъ что отказъ въ немъ не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе. Что же предшествуетъ, спрашивается, этому отказу? Достаточно ли единоличнаго рѣшенія главы рода, или необходимо согласіе большинства входящихъ въ составъ его членовъ. О самостоятельномъ рѣшеніи главы рода въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи; необходимо согласіе родовичей, но въ какомъ числѣ должны быть послѣдніе для того, чтобы рѣшеніе ихъ пріобрѣло обязательный характеръ? Небезъинтересную черту первобытнаго права представляетъ тотъ фактъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, большинство далеко не играетъ той роли, которая принадлежитъ ему нынѣ. Обычай требуетъ общаго согласія. «Liberum veto» или право любаго изъ членовъ польскаго сейма своимъ протестомъ сдѣлать недѣйствительнымъ всякое рѣшеніе большинства—уцѣлѣвшій остатокъ этого архаическаго порядка. Не удивительно поэтому, если мы находимъ ее и въ обычаяхъ дагестанскихъ горцевъ. На практикѣ это единогласіе достигается далеко не съ такимъ трудомъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, особенно въ такомъ вопросѣ — какъ вопросъ о принятіи новаго члена. Жизнь на распашку, т. е. во очію передъ всѣми, какую мы встрѣчаемъ на родовой ступени общежитія, не дѣлаетъ изъ поведенія отдѣльнаго индивида секретъ

незначительнаго меньшинства. Всѣ и каждый имѣютъ возможность знать о ней, и такъ какъ всѣ родовичи равно заинтересованы въ увеличеніи наличнаго состава тохума, то необходима завѣдомо дурная репутація, чтобы не быть принятымъ въ члены рода или быть удаленнымъ изъ тохума. «Изгнаніе изъ рода, читаемъ мы въ оффиціальныхъ данныхъ, можетъ состояться только въ силу общаго постановленія главы тохума и всѣхъ членовъ его. Впрочемъ, почти не бываетъ примѣра, чтобы любое мнѣніе старѣйшины не было поддержано всѣми членами». Съ усыновленіемъ связывается необходимо совершеніе извѣстнаго обряда, которымъ новый членъ выражаетъ готовность тѣснаго общенія съ усыновившей его средой. У тѣхъ народностей и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ родовой и домашній культъ сохранили еще прежнюю жизненность, совмѣстное жертвоприношеніе обыкновенно является первымъ дѣйствіемъ новаго члена, символомъ его вступленія въ родовой союзъ. Но въ Дагестанѣ, въ которомъ магометанство искоренило всѣ подобнаго рода вѣрованія, обрядъ усыновленія ограничивается производствомъ наипростѣйшей церемоніи, въ которой совмѣстная молитва и угощеніе играютъ главную роль. Лицо, вновь вступающее въ тохумъ, обязано устроить пиршество всѣмъ членамъ усыновляющаго его рода. Только при полной имущественной несостоятельности усыновляемаго издержки угощенія принимаетъ на себя самъ родъ; когда кончится пиршество, наиболѣе почетное изъ духовныхъ лицъ на немъ присутствующихъ, начинаетъ громко произносить слова молитвы, испрашивая у Бога здоровья и благоденствія вновь избранному члену и высказывая желаніе, чтобы онъ жилъ съ тохумомъ въ добромъ согласіи. Во все продолженіе молитвы, присутствующіе держатъ обѣ руки протянутыми съ ладонями обращенными вверхъ, по направленію къ небу, произнося неоднократно «аминь». Когда молитва будетъ прочтена, всѣ въ одинъ голосъ произносятъ первую главу корана. Знаніе ея наизусть обязательно для всѣхъ мусульманъ. Вытерши себѣ лицо обѣими ладонями—символъ, выражающій передачу ниспосланной Аллахомъ благодати—присутствующіе начинаютъ поздравлять другъ друга съ вступленіемъ въ ихъ среду новаго члена. Пріемышъ надѣляется домомъ,

усадебной землей и всѣми принадлежностями самостоятельнаго хозяйства на средства всего тохума.

Удаленіе изъ тохума того или другаго изъ его членовъ также обставлено цѣлымъ рядомъ формальностей, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый актъ; всѣ эти формальности направлены къ одной цѣли, къ тому, чтобы оповѣстить о рѣшеніи тохума всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, дабы тѣмъ всенародно и публично сложить съ рода ту отвѣтственность, какая падаетъ на него въ случаѣ преступнаго поведенія исключаемаго члена. Собравшись вмѣстѣ, родственники послѣ долгихъ совѣщаній составляютъ особую бумагу на имя лица, съ которымъ порываютъ общеніе; ходячее названіе ея «зорконъ-когатъ». Содержаніе ея, приблизительно, слѣдующее: «мы, родственники такого-то тохума, отдѣляемъ отъ себя такого-то за его дурное поведеніе; что бы съ этой поры ни случилось съ нимъ, мы за это не отвѣчаемъ; буде его кто убьетъ или онъ кого, мы за кровь не платимъ и крови искать не будемъ. Обворуютъ его или онъ самъ кого ограбитъ, мы ни платить, ни искать платежа не намѣрены. Если останется послѣ него какое имущество, мы на это имущество никакихъ правъ не предъявимъ; наоборотъ, и онъ намъ не наслѣдникъ. Отнынѣ онъ не можетъ входить въ составъ нашего тохума, въ удостовѣреніе чего мы, присягнувъ на святомъ коранѣ, прилагаемъ къ сей бумагѣ свои пальцы. Родственники такой-то и такой». Эту бумагу отдѣляемый родственникъ долженъ прибить къ дверямъ мечети, пожертвовавъ ей при этомъ случаѣ коврикъ. Прибиваніе «зорконъ-когата» производится въ присутствіи свидѣтелей, которые также получаютъ каждый по коврику. Тохумъ въ свою очередь несетъ въ пользу мечети нѣкоторыя издержки, онъ долженъ подарить ей однолѣтняго быка. Не во всемъ Дагестанѣ встрѣчается обычай исключенія изъ тохума порочнаго члена. Чтобы избѣжать такого дѣйствія, кубачинцы, напримѣръ, предпочитали убить оскорбляющаго ихъ честь родственника. Обыкновенными поводами къ исключенію, помимо участія въ убійствахъ, воровствахъ и другихъ преступленіяхъ, бываютъ: или передача изгоняемымъ членомъ постороннему тохуму содержанія секретныхъ постановленій, принятыхъ на общей сходкѣ,

или позорное попустительство, съ которымъ виновный, не смотря на неоднократное напоминанiе ему о томъ, допускаетъ любовную связь своей жены съ постороннимъ лицомъ, въ особенности же съ чужеродцемъ. Рѣдко когда поводомъ къ изгнанiю является упорное невниманiе къ совѣтамъ главы рода и желанiе во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться собственнымъ мнѣнiемъ или мнѣнiемъ лицъ постороннихъ тохуму.

Я сказалъ уже о томъ, что добровольный выходъ изъ тохума — большинствомъ дагестанскихъ обществъ вовсе не допускается; но тамъ, гдѣ какъ исключенiе такой фактъ возможенъ, лицо, покидающее родъ, обязано сдѣлать угощенiе своимъ родственникамъ или, по крайней мѣрѣ, заплатить имъ выкупъ, для чего всего чаще слѣдуетъ отдача тохуму трехлѣтняго быка. Въ южной Табасарани мы встрѣчаемъ слѣдующiй способъ обойти запрещенiе касательно выхода изъ тохума. Лицо, недовольное своимъ родомъ, забравши предварительно свое имущество, отдавало себя подъ покровительство отдѣльнаго лица или цѣлаго тохума. Это извѣстно было подъ наименованiемъ «отдачи себя на жизнь и смерть». Отдѣлившiйся такимъ порядкомъ, хотя и продолжалъ владѣть по прежнему своимъ имуществомъ, но терялъ право на его отчужденiе; если послѣ его смерти не было наслѣдниковъ мужскаго пола, имущество его всецѣло становилось собственностью покровителя; въ противномъ же случаѣ наслѣдники, получивъ имущество, становились къ покровителю въ тѣ же отношенiя, въ какихъ былъ наслѣдодатель. Изгнанные изъ тохума, подобно лицамъ добровольно покидавшимъ его, прибѣгали къ такой передачѣ себя на жизнь и смерть.

Познакомившись съ порядкомъ вступленiя и выхода изъ тохума, мы перейдемъ въ настоящее время къ разсмотрѣнiю тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовали члены подобныхъ союзовъ. Взаимная помощь въ несчастiяхъ, выражавшаяся въ платежѣ милостыни неимущимъ членамъ рода, въ доставленiи, какъ мы видѣли, усадьбы и домашней утвари вновь принимаемымъ членамъ и т. п., не имѣла обязательнаго характера и скорѣе являлось факультативной. Иное дѣло та помощь, которую каждый членъ рода въ правѣ былъ ожидать въ тѣхъ случаяхъ, когда

становился жертвой преступленія или нуждался въ судебной поддержкѣ и защитѣ. Институты кровной мести, договорнаго поручительства и судебнаго соприсяжничества развились въ Дагестанѣ на почвѣ этихъ родовыхъ отношеній.

Въ сферѣ экономическихъ отношеній дагестанскій тохумъ, подобно германскому или кельтическому роду, съ самаго начала имѣлъ характеръ имущественнаго союза, другими словами—земельной общины. Процессъ дифференцированія въ значительной степени коснулся его въ наше время. Землевладѣльческими единицами, какъ общее правило, являются большія и малыя семьи. Нераздѣльный характеръ сохранили лишь пастбища и лѣса, и то далеко не повсюду. Къ тому же общинное владѣніе удержало свой родовой характеръ лишь въ тѣхъ, сравнительно немногихъ селеніяхъ, которыя сплошь заняты семьями одного и того же рода. Въ большинствѣ ауловъ отношенія сосѣдства успѣли уже занять мѣсто отношеній кровнаго родства, и право посылать скотъ на горы и рубить лѣсъ для топлива и построекъ обусловливается не столько рожденіемъ, сколько мѣстомъ жительства. Отъ прежняго родоваго единства удержалась одна въ высшей степени характерная черта, напоминающая собою нѣмецкій Flurzwang и наводящая на мысль о самомъ источникѣ его происхожденія. Я разумѣю тотъ фактъ, что сельско-хозяйственныя занятія, въ особенности во время уборки хлѣба и сбора винограда, регулируются начальствомъ, въ родовыхъ обществахъ старѣйшиной, въ сельскихъ старшиной. Съ минарета, тамъ гдѣ онъ имѣется, всего же чаще съ крыши стоящаго на возвышенности дома, въ страдную пору выкрикиваютъ по утрамъ распредѣленіе дневныхъ работъ. Контроль за точнымъ соблюденіемъ подобнаго рода предписаній ведется самый строгій.

Пока продолжалась ихъ независимость дагестанскіе тохумы играли выдающуюся роль въ военное время. Родовая солидарность сказывалась въ Дагестанѣ въ томъ фактѣ, что, подобно древнимъ германцамъ, населяющія его народности сражались «generatim», т. е., образуя родовые отряды; любопытныя подробности на этотъ счетъ имѣемъ мы о цахурскомъ обществѣ: когда на войну шелъ одинъ какой либо тохумъ, значится въ

не разъ цитированной нами запискѣ о тохумахъ, начальство надъ нимъ принадлежало его главѣ или же лицу, уполномоченному главою; если же шли два или три тохума, то они имѣли столько же и начальниковъ; буде же на войну выходили всѣ тохумы или большинство ихъ, то старѣйшины тохумовъ обыкновенно обращались къ выбору одного общаго предводителя «векиля», которому затѣмъ безпрекословно подчинялось все ополченіе. Когда войны пріобрѣтали такой обще-народный характеръ, зажиточные тохумы помогали обыкновенно бѣднѣйшимъ пріобрѣсти оружіе, амуницію и продовольствіе на время похода.

Общія рѣшенія, какихъ требовало завѣдываніе интересами родоваго благосостоянія и родовой защиты, постановлялись тохумами на общихъ сходахъ, собираемыхъ обыкновенно ихъ старѣйшинами. На всѣхъ такихъ сходахъ глава рода занималъ первое мѣсто, хотя бы въ числѣ присутствующихъ были и лица, старшія по возрасту; только передъ ученымъ «эфендіемъ» родовой начальникъ долженъ былъ стушеваться даже въ томъ случаѣ, если духовнымъ лицомъ будетъ членъ другаго аула.

Хотя роды и составляютъ доселѣ основу общественнаго быта дагестанскихъ горцевъ, но ихъ существованіе не мало не исключаетъ группировки населенія въ обширныя общины съ слободскимъ и хуторскимъ порядкомъ населенія. Общинъ родовыхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ бы все населеніе принадлежало къ одной и той же кровной группѣ, мы въ настоящее время въ Дагестанѣ не встрѣчаемъ. Попадаются хутора, заселенные исключительно семьями одного какого нибудь тохума. Но въ такихъ многолюдныхъ центрахъ, какъ Кухумъ, напримѣръ, или Гератъ, Ахты, Кубачи, бокъ о бокъ живутъ члены разныхъ тохумовъ. Этотъ фактъ необходимо долженъ былъ вызвать къ жизни образованіе, наряду съ родовой, особой сельской администраціи, сложившейся, повидимому, по типу первой. Подобно тому, какъ тохумъ имѣетъ своего старѣйшину и свои родовыя собранія, такъ точно община имѣетъ своего старшину и свой общинный сборъ, къ участію въ которомъ призываются всѣ совершеннолѣтніе мужскаго пола. Фактъ позднѣйшаго происхожденія общиннаго устройства, по мѣрѣ естественнаго или искус-

ственнаго скучиванія нѣсколькихъ тохумовъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, съ наглядностью выступаетъ изъ того обстоятельства, что старѣйшина селенія нерѣдко выбирается исключительно изъ членовъ одного какого нибудь рода, какъ бы велико ни было число послѣднихъ въ округѣ. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Хивъ, въ южной Табасарани, родъ Сейдаръ одинъ обладалъ правомъ наслѣдственнаго занятія должности старшины, точно такъ же какъ въ селеніи Кандикъ родъ Аксакалляръ. Въ кюринскомъ ханствѣ мы встрѣчаемся съ такими же точно порядками. Главный куракскій старшина постоянно выбирался изъ рода Мирчіанъ, гельнскій—изъ рода Кабуляръ. Тохумъ Бурганъ одинъ поставлялъ старшинъ въ селеніе Циаль, а Бейбутъ—въ селеніе Хутаръ. Если бы не боязнь утомить вниманіе читателя дальнѣйшими примѣрами, я могъ бы привести однохарактерные факты изъ другихъ мѣстностей Дагестана. Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ живетъ нѣсколько одинаково многолюдныхъ и могущественныхъ тохумовъ, вмѣсто одного старшины мы встрѣчаемъ отъ двухъ до тридцати,—такъ, напримѣръ, во всемъ Кайтагѣ; сказанное, впрочемъ, слѣдуетъ принять съ той оговоркою, что въ ряду старшинъ первенствующее значеніе принадлежало меньшинству трехъ-четырехъ человѣкъ, которые обыкновенно одни предсѣдательствовали на народныхъ сходкахъ.

Мѣста народныхъ собраній напередъ разъ навсегда были установлены. Вѣче собиралось обыкновенно въ окрестностяхъ главнаго поселенія или же вблизи мечети, особенно прославленной своей древностью или богатствомъ. Названіе, подъ которымъ старшины были извѣстны жителямъ отдѣльныхъ селъ, довольно разнообразны. Наиболѣе употребительными являются термины «кевхи» и «кадіи». Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ не было родовыхъ начальниковъ, на должность старшины попадали исключительно въ силу избранія; но при этомъ во многихъ мѣстахъ сохранялось правило, что кандидатомъ можетъ быть только членъ двухъ, трехъ или болѣе выдающихся тохумовъ, въ другихъ же выборъ являлся неограниченнымъ. Избранный обязанъ былъ вступить въ должность подъ страхомъ раззоренія всего его имущества. Характерный примѣръ этому представляетъ намъ практика акушинскихъ выборовъ, въ которой въ старые годы попадаются случаи,

когда избиратели прямо объявляли назначеннымъ ими кадіямъ, что при отказѣ они раззорятъ ихъ дома. Акушинцы помнятъ одинъ случай, когда приступлено было даже къ выполненію угрозы и страхъ полнѣйшаго раззоренія одинъ заставилъ избраннаго уступить. Наряду съ старшинами мы встрѣчаемъ въ дагестанскихъ обществахъ еще второстепенныхъ должностныхъ лицъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ «картовъ», «мангушей» или «чаушей» и «тургановъ», не говоря уже о приходскомъ духовенствѣ: «муллахъ» или «будунахъ», также избираемыхъ цѣлымъ обществомъ или «джамаатомъ». Въ даргинскомъ округѣ, въ которомъ упомянутые мною администраторы встрѣчаются одинаково во всѣхъ обществахъ, существуютъ слѣдующія правила касательно порядка ихъ назначенія. Карты избираются срокомъ на одинъ годъ изъ почетнѣйшихъ лицъ, притомъ извѣстныхъ только фамилій. Въ большихъ селеніяхъ число ихъ доходитъ до четырехъ. «Мангуши» же, какъ и «тургаки», назначаются по очередному наряду изъ всѣхъ рѣшительно фамилій безъ исключенія срокомъ на одинъ годъ. Какъ общее правило, сельскіе старшины съ административными функціями соединяли и судебныя, но ихъ юрисдикція ограничивалась разборомъ однихъ лишь мелкихъ тяжбъ, въ важныхъ же уголовныхъ или гражданскихъ случаяхъ, стороны предпочитали обращаться къ избираемымъ ими посредникамъ. Въ одномъ только даргинскомъ обществѣ мы встрѣчаемся съ постоянными судьями. Ими являются упомянутые нами «карты», туземное названіе которыхъ «шила-халатэ». Приговоры, постановляемые ими, обыкновенно подъ предсѣдательствомъ кадія, не считались однако окончательными; повѣрка ихъ была предоставлена особымъ лицамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «джамаатла-халатэ» и избираемымъ въ томъ же числѣ, что и карты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда состоявшійся приговоръ казался имъ неправильно постановленнымъ, эти своего рода кассаціонные судьи собирали народный сходъ (джамаатъ) и объявляли ему о неправильныхъ дѣйствіяхъ картовъ; въ случаѣ принятія ихъ мнѣнія, слѣдовало назначеніе съ виновныхъ штрафа, отставленіе ихъ отъ должности и выборъ новыхъ лицъ на ихъ мѣсто. Въ отличіе отъ кадіевъ и картовъ, мангуши и тургаки были исключительно административными чиновниками; первые

своего рода судебными приставами, вторые — полицейскими и финансовыми агентами.

Экономическая сторона жизни мало затрогивалась только что описанной административной организацией. Роды и нераздѣльныя семьи одни являлись субъектами имущественныхъ правъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ воздѣлываемой земельной площади; что же касается до пастбищъ и лѣсовъ, то изъ родовыхъ они постепенно перешли въ общинные, вмѣстѣ съ тѣмъ и родовые распорядки, опредѣлявшіе время производства сельскихъ работъ, пріобрѣли характеръ общинныхъ и стали приводиться въ исполненіе сельскими властями. Въ завѣдываніи тѣхъ же властей сосредоточилось распредѣленіе между жителями повинностей, и въ томъ числѣ дорожной, и производство всякаго рода правительственныхъ сборовъ, часть которыхъ шла на вознагражденіе сельской администраціи, далеко, впрочемъ, не повсюду, такъ какъ во многихъ округахъ мѣстныя должности носили характеръ почетной и даровой службы.

Въ тѣхъ частяхъ Дагестана, которыя имѣли своихъ хановъ и султановъ, сельскія общины, подъ названіемъ то джамаатовъ, то магаловъ, состояли въ непосредственной зависимости отъ центральной власти, которая рѣдко когда обращалась къ назначенію особыхъ наибовъ или начальниковъ надъ нѣсколькими округами и обыкновенно входила непосредственно въ сношеніе съ сельскимъ старшиной. Въ вольныхъ общинахъ процессъ развитія государственности не ограничился, впрочемъ, созданіемъ только что описанной нами общинной организаціи. Общины не сохраняли всегда полной независимости другъ отъ друга. Древнѣйшему и обыкновенно могущественнѣйшему аулу удавалось, путемъ нерѣдко молчаливо заключенныхъ союзовъ, взять на себя руководительство судьбами сосѣднихъ съ нимъ обществъ, и въ этомъ случаѣ сельскій старшина этого аула принималъ на себя предводительство въ военныхъ походахъ и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ право судебнаго разбирательства и внѣ предѣловъ общины; послѣднее, впрочемъ, каждый разъ лишь по ходатайству сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ Акушахъ кадій главнаго аула во время войны принималъ на себя начальство и надъ ополченіемъ сосѣднихъ четырехъ обществъ; отъ ихъ имени онъ

объявлялъ войну и заключалъ миръ, при чемъ рѣшенія на этотъ счетъ постановлялись сходами отъ всѣхъ пяти даргинскихъ обществъ. Тотъ же кадій имѣлъ право подвергнуть личному разбирательству тѣ или другіе споры, возникавшіе не только между отдѣльными общинами, но и между частными лицами; въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо было открыто выраженное желаніе самихъ спорящихъ. На ряду съ вольными союзами общинъ мы встрѣчаемъ въ Дагестанѣ и такія, которымъ предшествовалъ фактъ насильственнаго подчиненія болѣе могущественнымъ auламъ болѣе слабыхъ. Въ такихъ случаяхъ между бывшими врагами устанавливались опредѣленныя обязательтельства: покровительства и заступничества—съ одной стороны, подчиненія и платежа—съ другой. Наиболѣе характерный примѣръ такихъ отношеній представляютъ тѣ, которыя существовали между Ахтами и цѣлымъ рядомъ сосѣднихъ съ ними обществъ самурскаго округа. Зависимость послѣднихъ сказывалась и въ обложеніи нѣкоторыми повинностями въ пользу жителей Ахтовъ и въ подчиненіи военному и отчасти гражданскому руководительству со стороны главнаго аула.

Привиллегированное положеніе ахтинцевъ прежде всего сказывалось въ правѣ требовать отъ подчиненныхъ имъ ауловъ такъ называемой «пахты», т. е. обязательнато угощенія, ежегодно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Число ахтинскихъ гостей не должно было превышать 50 человѣкъ; никто, впрочемъ, не имѣлъ права продлить своего пребыванія болѣе 24 часовъ. Другія преимущества ахтинцевъ состояли въ томъ, что при выдачѣ своихъ дочерей замужъ за жителей одного изъ одиннадцати подчиненныхъ имъ селеній, весь аулъ получалъ особый платежъ, размѣромъ въ три рубля, такъ называемый «барху». Въ случаѣ убійства ахтинца, за его кровь взимался платежъ въ два раза большій противъ того, какой слѣдовалъ за кровь жителя подчиненнаго селенія. Ахты въ свою очередь несли обязательство военной защиты по отношенію къ одиннадцати союзнымъ съ ними обществамъ, взамѣнъ чего послѣднія обязаны были во время войны подчиняться руководительству ахтинскихъ начальниковъ, въ лицѣ сорока аксакаловъ, поставляемыхъ тохумами по одному отъ каждаго, и занимавшихъ свою должность на-

слѣдственно въ прямой нисходящей линіи. И въ мирное время эти старшины сохраняли извѣстныя права по отношенію къ населенію граничащихъ съ Ахтами обществъ. Они наблюдали за своевременнымъ взносомъ церковной десятины и настаивали на томъ, чтобы въ гражданскихъ и уголовныхъ спорахъ окончательныя рѣшенія постановляемы были исключительно ахтинскими посредниками. Приблизительно въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и Ахты, стояло къ сосѣднимъ съ нимъ селеніямъ рутульское общество, «аксакалы» котораго завѣдывали до нѣкоторой степени какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ управленіемъ далеко за предѣлами Рутула, требовали отъ жителей подчиненныхъ селеній не только отправленія «пахты», но и ежегоднаго платежа въ свою пользу по одному барану съ дыма.

ГЛАВА III.

Семейное и наслѣдственное право Дагестана.

Семейное и наслѣдственное право Дагестана регулируется, какъ мы сейчасъ увидимъ, скорѣе писанымъ закономъ (шаріатомъ), нежели обычаемъ (адатомъ). Характеръ брачнаго союза и способъ его заключенія; личныя и имущественныя отношенія супруговъ, разводъ и временное расторженіе супружеской жизни, взаимныя отношенія родителей и дѣтей; опека, наслѣдованіе и порядокъ раздѣла наслѣдства—все это опредѣляется въ Дагестанѣ правилами шаріата.

Ошибочно было бы однако отрицать всякое вліяніе обычая въ занимающей насъ сферѣ. Обрядовая сторона институтовъ семейнаго и наслѣдственнаго права регулируется имъ по преимуществу. Въ свадебномъ ритуалѣ доселѣ удержались слѣды пережитыхъ бракомъ фазисовъ развитія. Мало этого. Въ тѣхъ случаяхъ когда писанное право по своей выработанности и законченности становится въ Дагестанѣ въ противорѣчіе съ все еще развивающимися и потому не вполнѣ еще опредѣлившимися институтами, на помощь писаному закону является обычай или адатъ. Особенно наглядно выступаетъ эта восполняющая роль обычая въ вопросѣ о завѣщаніяхъ. Съ одной стороны, писаному праву завѣщаніе извѣстно, какъ нѣчто отличное отъ даренія; съ другой, народная жизнь не выставила условій, благопріятныхъ обособленію завѣщанія. Въ виду такого несоотвѣт-

ствія закона съ жизнью, кадіи примѣняютъ къ завѣщаніямъ тѣ требованія, какія законъ выставляетъ по отношенію къ дареніямъ. Вліяніе обычая сказывается, такимъ образомъ, въ подведеніи подъ законъ такихъ случаевъ, которые не имѣлись имъ въ виду.

Все это станетъ яснѣе, разъ мы перейдемъ къ изученію отдѣльныхъ нормъ. Матеріаломъ для этого послужатъ тѣ данныя, которыя намъ пришлось почерпнуть частью изъ разспроса мѣстныхъ жителей, частью изъ записи судебныхъ рѣшеній и того, что ошибочно принимаемо было за обычай составителями сборниковъ народныхъ адатовъ. Сопоставляя эти данныя съ предписаніями шаріата, мы въ состояніи будемъ выяснить ту роль, какую въ ихъ образованіи играло, съ одной стороны, писаное, а съ другой — народное право, иначе говоря — законъ и обычай.

Начнемъ прежде всего съ вопроса о бракѣ. Дагестанская семья — семья полигамическая, болѣе, впрочемъ, въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Какъ и повсюду на Востокѣ, скажу болѣе, — какъ во всѣхъ обществахъ, живущихъ условіями натуральнаго хозяйства — многоженство есть роскошь, доступная для немногихъ. Во всемъ магометанскомъ мірѣ оно чаще встрѣчается въ городахъ, нежели въ селахъ, въ купеческихъ скорѣе, чѣмъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Въ Дагестанѣ оно положительно составляетъ исключеніе. Шаріатъ, безъ различія сектъ, допускаетъ одновременное сожитіе съ четырьмя женами; но даже весьма зажиточная дагестанская семья рѣдко когда заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ женъ. Легкость разводовъ, о которой мы будемъ имѣть случай говорить далѣе, доставляетъ, впрочемъ, возможность желающимъ часто мѣнять своихъ сожительницъ. Въ нравахъ Дагестана — не столько имѣть одновременно нѣсколькихъ женъ, сколько переходить отъ однихъ женъ къ другимъ [1]). Практика дагестанскихъ судовъ знаетъ только одинъ видъ брака, а именно — постоянный союзъ супруговъ. Но тоже можно сказать

[1]) Правило, запрещающее мусульманамъ имѣть болѣе 4-хъ женъ одновременно, между прочимъ, высказывается и «Путеводителемъ правовѣрныхъ», глава 35, и Абу-Ходжей (франц. переводъ Кейзера, 1839 г.).

и о писаномъ правѣ. Школа Шафіи не допускаетъ, подобно Шіитамъ, временнаго брака [1]) или такъ называемой «Мота», этого уцѣлѣвшаго остатка предшествовавшихъ Магомету формъ свободныхъ отношеній между полами [2]). Послѣдствіемъ такого воззрѣнія является подведеніе «внѣбрачнаго сожитія» подъ категорію преступныхъ дѣйствій одинаково для женщины и для мужчины. Въ сборникахъ адатовъ мы неоднократно встрѣчаемъ правила въ родѣ слѣдующаго: «за прелюбодѣйную связь взыскивается штрафъ въ пользу джамаата или селенія съ мужчины и съ женщины по семи быковъ; при этомъ, все равно, будетъ ли въ связи замужняя или незамужняя женщина» (Адаты Акушинскаго Общества). Тотъ же штрафъ, только въ меньшемъ размѣрѣ (4 и 3 быковъ), взыскивается съ мужчинъ обвиняемыхъ въ внѣбрачномъ сожитіи и въ мекегинскомъ и ураххинскомъ обществахъ. Въ мугинскомъ обществѣ штрафъ опредѣленъ въ деньгахъ, счетомъ 12 рублей. Въ сюрингскомъ и усишинскомъ— онъ падаетъ до 3-хъ [3]). Перечисленныя общества принадлежатъ всѣ къ даргинскому округу. Но вотъ примѣры штрафовъ, взимаемыхъ за внѣбрачное сожитіе и въ другихъ дагестанскихъ округахъ: Магалъ Гомринскій—штрафъ въ два быка въ пользу общества или джамаата. Селеніе Башлы—штрафъ въ 10 быковъ (оба селенія принадлежатъ къ кайтаго-табахаранскому округу) [4]).

Говоря объ аварскихъ обществахъ сѣвернаго Дагестана, г-нъ Львовъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе: за похищеніе и сожитіе съ дѣвушкой или вдовой требуется въ пользу джамаата штрафъ, называемый «ца-хисъ» (буквально зубъ—мѣняющій), т. е. скотину въ томъ возрастѣ, когда первые зубы выпадаютъ и смѣняются новыми [5]).

---

1) Minhads, v. II, p. 319. Le contrat de mariage ne peut se former à terme.

2) См. Wilken. Das Matriarchat bei den Araben. Chardin. Voyage en Perse, изд. 1811, т. II, стр. 225.—Chinon. Relations nouvelles de Levent

3) См. сборникъ адатовъ даргинскаго округа дагестанской области.

4) См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, въ Сб. Св. о Кавк. Горц., вып. VIII.

5) См. Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ Горцевъ Аварскаго Племени. Н. Львова. Сб. Св. о Кавк. Горц., в. III.

Прибавимъ, что всѣ эти штрафы взыскиваются независимо отъ тѣхъ платежей, которые слѣдуютъ родителямъ и родственникамъ соблазненной дѣвушки или женщины, и ни мало не устраняютъ для виновнаго необходимости временнымъ оставленіемъ аула укрыться отъ кровной мести оскорбленнаго имъ рода или тохума.

Не допуская иного сожитія, кромѣ постояннаго брака, практика дагестанскихъ судовъ признаетъ за обольщенной и забеременѣвшей дѣвушкой или вдовой право силою ворваться въ домъ ея соблазнителя, родить въ немъ ребенка и тѣмъ принудить его взять ее себѣ въ жены [1]). Вступившій въ бракъ тѣмъ самымъ освобождается отъ обязанности платить штрафъ въ пользу джамаата.

Во всѣхъ этихъ предписаніяхъ дѣйствующее право Дагестана является вполнѣ солидарнымъ съ тѣми принципами, какихъ придерживаются мусульманскіе законовѣды школы Шафаи. Оно буквально воспроизводитъ предписаніе Мингаджа, запрещающаго постороннимъ мужчинамъ подымать покровъ съ лица женщины и приравнивающаго прикосновеніе къ ея рукѣ или тѣлу къ числу столь же недозволенныхъ дѣйствій [2]) и потому считаетъ дѣйствіями, равносильными насильственному увозу, тѣ случаи, когда молодой человѣкъ позволитъ себѣ схватить дѣвушку за руку или приложить свои пальцы къ ея груди. «Случается, говоритъ г-нъ Омаровъ, что юноша, напавшій на дѣвушку, отыметъ у нея платокъ, схватитъ ее за руку или за грудь и потомъ удалится. Это называется «поймать дѣвушку» и имѣетъ равносильное значеніе съ похищеніемъ. Виновный подвергается

---

[1]) См. отвѣты на первые 11 отдѣловъ программы для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Башира Далгата 1887 (рукопись куплена у автора Этнограф. отдѣломъ Общества естествознанія въ Москвѣ, стр. 20).

[2]) La loi défend à un individu mâle et majeur de regarder les parties honteuse d'une femme libre, majeure et étrangère, dèpense qui dans des circonstances ordinaires d'étend au visage et aux mains. Le défense de regarder implique celle de toucher (Minhädj-at-talibin. Le guide des zélés croyants texte arabe et traduction francaise par. L. W. C. Van den Berg. Batavia. 1885. VI, livre XXXIII, p. 313 et 315.

тѣмъ же опасностямъ и взысканіямъ, какимъ бы могъ подлежать при похищеніяхъ» [1]).

Г-нъ Львовъ объясняетъ намъ источникъ такого народнаго воззрѣнія, говоря: мусульманинъ не долженъ трогать женщины даже пальцемъ. Нечаянное прикосновеніе мужа къ голой рукѣ его жены считается оскверненіемъ и налагаетъ на обоихъ супруговъ обязанность совершить передъ молитвою новое омовеніе [2]).

То же вліяніе шаріата сказывается въ характерѣ тѣхъ требованій, какія горецъ предъявляетъ отъ невѣсты. «Надо по преимуществу брать въ жены дѣвственницъ съ безспорной генеалогіей», другими словами—хорошаго рода, читаемъ мы въ «Путеводителѣ правовѣрныхъ». «Различіе въ состояніи не можетъ считаться основаніемъ къ признанію брака не равнымъ», значится въ немъ въ другомъ мѣстѣ [3]). Изъ оффиціальныхъ документовъ, сообщенныхъ мнѣ г-номъ Вейденбаумомъ, легко прійти къ заключенію, что «чистота крови» есть то качество, которое всего выше цѣнится доселѣ въ дагестанской невѣстѣ, по крайней мѣрѣ, въ нагорной части, тогда какъ въ низовой и въ частности въ такихъ богатыхъ аулахъ, какъ Кубачи, уже начинаютъ давать предпочтеніе состоятельности. Экономическія причины, желаніе обезпечить себѣ хорошихъ работницъ, побуждаетъ дагестанцевъ отступать не разъ отъ требованія брать женъ съ «хорошей генеалогіей» и устраивать, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ браковъ своихъ сыновей съ женщинами низкаго происхожденія, но хорошими работницами. «Между зажиточными туземцами, говоритъ г-нъ Львовъ объ аварцахъ, существуетъ обычай женить своихъ сыновей независимо отъ заключеннаго ими прежде брака съ приличной ихъ званію дѣвушкой, на женщинахъ низшаго сословія, одинаково—дѣвицахъ и вдовахъ. Хотя такіе браки совершаются по всѣмъ правиламъ шаріата, который обязуетъ мужа къ исполненію супружескаго долга по от-

[1]) Какъ живутъ Лаки, статья Абдулла Омарова. Сб. св. о кавк. горц. вып. IV, стр. 21.

[2]) Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени. Сб. св. о кавк. горц., вып. III, стр. 21.

[3]) Minhadj. VI, p. 333.

ношенію ко всѣмъ своимъ женамъ одинаково, но отцы стараются внушить сыновьямъ мысль о неприличности ихъ сожитія съ такими женщинами. Браки съ ними обыкновенно совершаются безъ огласки и не сопровождаются никакимъ торжествомъ. Такія жены, взятыя для того чтобы служить работницами въ семьѣ, извѣстны туземцамъ подъ названіемъ «чара-хорабъ», «кхо-буххарабъ», что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ— безталанная, безпомощная. «Дѣти, рожденные отъ такихъ женщинъ, не должны, по мнѣнію нѣкоторыхъ, прибавляетъ г-нъ Львовъ, быть причисляемы къ тѣмъ семьямъ, въ которыхъ они родились». Эта черта заслуживаетъ особаго вниманія. Она сближаетъ положеніе дагестанскихъ женъ работницъ и происходящаго отъ нихъ потомства съ «имянными женами осетинъ и ихъ дѣтьми кавдасардами». Вся разница между дагестанскими и осетинскими порядками въ томъ, что послѣдніе не сдерживаются закономъ въ извѣстныхъ рамкахъ, тогда какъ вторые представляются лишь слабымъ остаткомъ нѣкогда существовавшаго, но отмѣненнаго шаріатомъ обычая. Имянная жена осетинъ—не болѣе, какъ жена по имени, сожитіе съ которой далеко не обязательно; она можетъ быть даже временно уступлена другому, но съ обязательствомъ, что дѣти, ею рожденные, всегда будутъ считаться дѣтьми ея мужа. Дагестанская жена-работница—жена въ полномъ смыслѣ слова; уступка ея другому въ временное сожитіе считалась бы позоромъ для мужа; но это не мѣшаетъ тому, что послѣдній смотритъ на нее скорѣе какъ на работницу, чѣмъ на подругу, и не всегда соблюдаетъ по отношенію къ ней требованія шаріата о равномѣрномъ раздѣлѣ брачнаго ложа со всѣми женами по очереди. Жена-работница потому является въ Дагестанѣ полноправною женою, что шаріатъ не знаетъ, какъ мы видѣли, временныхъ браковъ, тогда какъ осетинскій обычай, плохо сдерживаемый писанымъ правомъ, вполнѣ допускаетъ ихъ. Различіемъ въ положеніи матерей обусловливается различіе и въ положеніи дѣтей. Потомство номулусъ или имянной жены въ Осетіи не принадлежитъ къ числу наслѣдниковъ, а напротивъ—составляетъ часть наслѣдуемаго семьею имущества. Наоборотъ, дѣти отъ дагестанскихъ женщинъ-работницъ—полноправные наслѣдники, такъ какъ та-

ковыми законъ признаетъ всѣхъ, кто рожденъ въ бракѣ. Но память о стародавнемъ обычаѣ, во всемъ согласномъ съ осетинскимъ, сохранилась въ мнѣніи тѣхъ, которые думаютъ, что потомство жены-работницы не равноправно съ потомствомъ другихъ женъ.

Сила обычая сказывается въ Дагестанѣ еще въ одномъ требованіи, котораго не знаетъ и съ которымъ можно сказать борется шаріатъ; я разумѣю то, чтобы невѣста была изъ одного рода или «тохума» съ женихомъ. Тогда какъ шаріатъ въ числѣ препятствій къ браку выставляетъ близкое родство [1]), дагестанскій обычай требуетъ заключенія брака преимущественно съ членами того же тохума, что и женихъ. «Брачный союзъ горцы предпочитаютъ заключать между близкими родственниками и однофамильцами», говоритъ объ аварцахъ г-нъ Львовъ [2]). Подъ упоминаемыми имъ однофамильцами слѣдуетъ разумѣть членовъ одного рода или тохума, такъ какъ другихъ фамильныхъ обозначеній въ Дагестанѣ не встрѣчается. Браки съ родственницами признаются болѣе почетными, и обязательство брать женъ изъ собственнаго рода настолько строго соблюдается, что, при невозможности найти подходящую для него невѣсту въ собственномъ родѣ, женихъ требуетъ, чтобы избранная имъ чужеродка подверглась предварительно усыновленію со стороны его рода и затѣмъ уже вступаетъ съ нею въ бракъ [3]).

Вотъ какими соображеніями объясняютъ обыкновенно жители Дагестана свое пристрастіе къ бракамъ съ женщинами одного съ ними тохума,—преимущество, которое въ наши дни перешло съ тохума на занимаемое имъ селеніе, все равно будетъ ли въ этомъ селеніи имѣть свое мѣстожительство одинъ или нѣсколько родовъ. «Пойти невѣстѣ изъ своего аула замужъ въ другой аулъ считается «порокомъ»: она этимъ унижаетъ какъ себя, такъ и односельцевъ своихъ, такъ какъ дастъ предпочтеніе

---

1) Il faut choisir par préférence pour épouse une vierge qui n'est pas trop proche parente de son mari (Minhadj. VII, p. 313. Livre 33).

2) Сб. св. о кавк. горц., вып. III, стр. 18.

3) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ оффиціальныхъ данныхъ, сообщенныхъ мнѣ г-номъ Вейденбаумомъ.

чужому аулу надъ своимъ собственнымъ, а между тѣмъ каждое селеніе считаетъ себя благороднѣе и выше сосѣдей. Жениху также нельзя брать невѣсты въ чужомъ аулѣ изъ опасенія обидѣть тѣмъ дѣвицъ собственнаго селенія. Если молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ изъ чужаго селенія, что на самомъ дѣлѣ случается рѣдко, то дѣтей, происшедшихъ отъ такого брака, въ случаѣ недовольства ими и какъ бы желая ихъ обезчестить, называютъ именемъ того селенія, изъ котораго взята была ихъ мать. При нежеланіи отдать дѣвушку замужъ въ чужой аулъ принимается также во вниманіе и то, что въ немъ ей придется плохо, такъ какъ въ чужомъ аулѣ у нея нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей, которые бы при случаѣ могли подать ей защиту. Отдать дочь въ чужой аулъ это значитъ почти навсегда разстаться съ нею. На что мнѣ дочь, если она не можетъ придти ко мнѣ во всякое время, когда только захочетъ; на что она мнѣ, если не можетъ посѣщать меня въ болѣзни и старости, говоритъ обыкновенно мать» [1]).

Таковъ въ толкованіи самихъ дагестанцевъ источникъ существующей между ними эндогаміи. Остается еще рѣшить таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что причины, по которымъ бракъ съ односельчанками является болѣе желательнымъ, настолько общаго характера, что онѣ необходимо вызвали бы на всемъ Кавказѣ обычай, однохарактерный съ дагестанскимъ, а между тѣмъ всѣ горцы Кавказа, въ противность дагестанскимъ, придерживаются какъ разъ обратнаго правила и берутъ своихъ женъ изъ чужихъ родовъ и ауловъ, однимъ словомъ придерживаются началъ экзогаміи въ такой же мѣрѣ, въ какой горцы Дагестана практикуютъ эндогамію. Сказанное примѣнимо въ частности и къ чеченцамъ, и къ хевсурамъ, и къ тушинамъ, и къ кистинамъ, т. е. ко всѣмъ ближайшимъ сосѣдямъ дагестанцевъ. Всѣ они признаютъ бракъ на родственницахъ, хотя бы отдаленныхъ, за преступленіе и позоръ. Какія же причины могли вызвать въ дагестанскихъ горцахъ совершенно иное отношеніе къ такимъ бракамъ? Рѣшеніе

[1]) Баширъ Далгатъ. Отвѣты на первые 11 отдѣловъ программы по собир. св. о юрид. обычаяхъ, стр. 12.

этому вопросу даетъ мнѣ кажется тотъ фактъ, что, по словамъ арабскихъ лѣтописцевъ, до распространенія ислама, жители Дагестана были «езидами», т. е., какъ я показалъ это въ первомъ томѣ настоящаго труда, послѣдователями того религіозно-нравственнаго ученія, выразителемъ котораго является Авеста. Бракъ на родственницѣ не только не воспрещенъ, но, наоборотъ, рекомендуется священной книгой Ирана; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если мы встрѣчаемъ его и въ средѣ жителей Дагестана.

Они настолько, впрочемъ, соблюдаютъ требованія шаріата, что не распространяютъ правила о дозволительности браковъ съ родственницами на браки съ сестрами, дочерьми и тетками. Но съ двоюродными сестрами, какъ и съ племянницами, бракъ по обычаю считается дозволеннымъ [1]), тогда какъ по шаріату эти родственницы также входятъ въ число запрещенныхъ степеней родства. Со времени Шамиля, благопріятствовавшаго, какъ мы видѣли выше, торжеству шаріата надъ адатомъ, браки между родственниками сдѣлались значительно рѣже [2]).

Взглядъ, какой въ плоскостной части Дагестана народъ начинаетъ высказывать на подобные браки, характеризуется г-номъ Далгатомъ въ слѣдующихъ чертахъ: «дагестанскіе родители не одобряютъ ихъ, такъ какъ раздѣляютъ убѣжденіе, что, отдавши дочь замужъ за родственника, они не расширятъ своихъ связей, тогда какъ, при замужествѣ ихъ дочери въ чужомъ родѣ, они пріобрѣтутъ для себя въ членахъ его новыхъ союзниковъ, а это обстоятельство имѣетъ въ ихъ глазахъ громадное значеніе въ виду распространеннаго въ народѣ обычая кровной мести, при чемъ чѣмъ кто больше имѣетъ близкихъ ему людей, тѣмъ для него лучше. Они говорятъ также, что при бракѣ родственниковъ наступленіе развода послужило бы поводомъ къ ссорамъ

[1]) Г-нъ Далгатъ упоминаетъ о возможности женитьбы на родной племянницѣ и двоюродной сестрѣ; такіе браки даже приняты отчасти, говоритъ онъ (стр. 32).

[2]) Г-нъ Далгатъ совершенно извращаетъ факты, приписывая шаріату доброжелательное, а адату враждебное отношеніе къ бракамъ съ родственницами и говоря: «до введенія шаріата не было обычая жениться на близкихъ родственницахъ» (рук. эт. отд., стр. 30).

и несогласіямъ родственниковъ между собою и рано или поздно породило бы разрывъ въ цѣломъ родѣ, а этого дагестанцы, разумѣется, стараются по возможности избѣжать [1]).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями шаріата дѣйствующее право Дагестана приравниваетъ къ физическому родству родство молочное и запрещаетъ браки между родственниками по молоку въ тѣхъ же степеняхъ, что и между родственниками по крови [2]).

Опять таки согласно съ шаріатомъ оно не допускаетъ браковъ съ свойственницами, такъ что жены одного и того же мужа, напримѣръ, не могутъ быть между собою сестрами [3]). Запрещеніе свойства не мѣшаетъ однако брату вступить въ супружество съ сестрой его невѣстки.

Заключеніе брака съ дѣвственницами, какъ мы видѣли выше, спеціально рекомендуется шаріатомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ дѣйствующій въ Дагестанѣ обычай предоставляетъ мужу прогнать изъ дому жену, которая оказалась бы лишенной дѣвственности до брака. Въ даргинскомъ округѣ въ обычаѣ стрѣлять изъ револьвера для оповѣщенія того, что новобрачная не оправдала увѣренности жениха въ ея цѣломудріи, и тѣ же порядки доселѣ соблюдаются въ шамхальствѣ тарковскомъ и ханствѣ мехтулинскомъ. Въ закатальскомъ округѣ, наоборотъ, выстрѣлъ молодаго супруга означаетъ дѣвственность новобрачной. Гораздо меньшее значеніе придаютъ физическимъ признакамъ дѣвственности горскіе аулы Дагестана, основываясь на томъ, что эти признаки могутъ быть потеряны помимо всякой вины со стороны дѣвицы, благодаря непосильнымъ работамъ и въ особенности благодаря необходимости лазить по скаламъ и перепрыгивать пропасти [4]).

[1]) Далгатъ, рукоп., стр. 31.

[2]) La parente de lait, читаемъ мы у Minhadj, est une cause de prohibition comme la parente proprement dite et cette prohibition l'étend aux mêmes degres. On peut légalement èpouser la nourrice de son frère ou de ses petits enfants, la mère du la fille de la nourricè de ses propres enfants (VII, titre II du livre XXXIII Section I des Mariages prohibés, стр. 339 и 340).

[3]) Ср. Minhadj, livre XXXIII, titre II, стр. 340.

[4]) Далгатъ, стр. 82. Львовъ, стр. 30.

Разъ будетъ дознано, что новобрачная потеряла цѣломудріе до перехода въ жилище мужа, послѣдній пріобрѣтаетъ право прогнать ее безъ всякаго вознагражденія и съ удержаніемъ принесеннаго ею приданаго.

Бракъ на вдовахъ считается менѣе почетнымъ и сопровождается поэтому меньшими торжествами. Какъ и у другихъ горцевъ, такъ и у дагестанцевъ въ обычаѣ заключать браки съ вдовою покойнаго брата, но тогда какъ у чеченцевъ, напримѣръ, эти браки носятъ почти обязательный характеръ, у дагестанцевъ они являются факультативными. Болѣе строгое соблюденіе шаріата, который ни мало не рекомендуетъ подобныхъ союзовъ,—ближайшая причина тому, что левиратъ или деверство представляется намъ въ Дагестанѣ со всѣми признаками вымирающаго обычая.

Рѣшающую роль въ выборѣ жениха играетъ воля отца невѣсты. Женщина не должна вступать въ бракъ по собственному выбору, учатъ законовѣды школы Шафаи. Отецъ вправѣ распорядиться ея рукою, но лишь въ томъ случаѣ, если она еще дѣвственница. Потеря цѣломудрія прекращаетъ свободу отца въ выборѣ мужа для дочери. Поэтому вдова сама выбираетъ себѣ супруга и вправѣ уклониться отъ замужества съ братомъ покойнаго. Постановляя все это, Путеводитель ревнителей вѣры прибавляетъ, однако, по адресу отцовъ совѣтъ не располагать рукою дочери, не узнавъ предварительно ея желаній [1]).

Всѣ эти предписанія въ Дагестанѣ въ полной силѣ. При отсутствіи отца, рукою дѣвушки располагаетъ, хотя и менѣе неограничено, тотъ родственникъ, которому предоставлена опека надъ нею. «Одинъ только отецъ имѣетъ право выдать дочь замужъ противъ ея желанія, читаемъ мы въ адатахъ самурскаго округа; прочіе же родные и веколи (т. е. опекуны) не имѣютъ этого права, такъ что засватанная при жизни отца дѣвушка можетъ по смерти его отказаться отъ замужества съ тѣмъ женихомъ, съ которымъ она была обручена» [2]). Въ аварскомъ округѣ, го-

---

[1]) Minhadj. Livre XXXIII, section IV, VII, p. 321 et 322.

[2]) Адаты Южно-Дагестанскаго общества, стр. 72 (вып. VIII, Сб. Св. о Кавк. Горц.).

ворить г-нъ Львовъ, заключающій брачную сдѣлку дибиръ посылаетъ къ невѣстѣ двухъ человѣкъ, которымъ поручаетъ узнать, согласна ли она добровольно выйти замужъ и довѣряетъ-ли она своему веколю совершить обрядъ бракосочетанія. Неисполненіе этой формальности относительно совершеннолѣтней невѣсты дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ [1]). Въ кази-кумухскомъ округѣ мнѣ приводили примѣры, когда невѣста, выданная замужъ ея веколемъ, признавалась свободной отъ брачныхъ узъ, въ виду доказаннаго несогласія ея на бракъ и принужденія силой. Если невѣста вовсе не имѣетъ родныхъ, а также когда родственникъ, безъ согласія котораго она не вправѣ выходить замужъ, находится въ отлучкѣ, на разстояніи двухдневнаго пути отъ дома, тогда мѣстный мулла (извѣстный у аварцевъ подъ названіемъ дибиръ) располагаетъ рукою дѣвушки и можетъ отдать ее замужъ за выбраннаго ею жениха [2]).

Переходя къ изученію порядка заключенія брака, остановимся прежде всего на переживаніи стариннаго обычая увода, несогласнаго съ духомъ шаріатскаго ученія, но настолько еще жизненнаго, что борьба съ нимъ является одной изъ постоянныхъ заботъ русскихъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь-же постоянной причиной внутреннихъ несогласій и кровавыхъ междуусобій горскихъ семействъ и тохумовъ.

Уводъ въ той формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ его нынѣ, есть крайнее средство, къ которому обращается отверженный женихъ для того, чтобы овладѣть любимой имъ дѣвушкой. Женихъ подкарауливаетъ невѣсту въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, овладѣваетъ ею силой, тащитъ въ напередъ приготовленное убѣжище и немедленно безчеститъ ее. Дѣлается это съ цѣлью, чтобы ни дѣвушка, ни ея родители не могли отказать похитителю въ ея рукѣ. Друзья жениха обыкновенно охраняютъ входъ въ саклю и должны по обычаю давать пропускъ въ нее одному старшинѣ. Послѣдній, узнавъ о случившемся, спѣшитъ на помощь похищенной, разводитъ молодыхъ людей и каждаго порознь отсылаетъ къ наибу или приставу. За уводъ налагается пеня или на одного похитителя, если не было пред-

[1]) Львовъ, стр. 25.

[2]) Львовъ, стр. 22.

варительнаго сговора между молодыми людьми, или на обоихъ, въ случаѣ такого сговора, при этомъ принимается въ разсчетъ, слышенъ ли былъ крикъ дѣвушки или нѣтъ. Отсутствіе крика признается доказательствомъ ея согласія. Буде родные похищенной настигнутъ похитителя во время увоза, дѣло кончается рѣзней, изъ которой виновный въ увозѣ невсегда выходитъ живымъ. Но если родные узнаютъ о случившемся уже послѣ обезчещенія дѣвушки похитителемъ, они волей не волей даютъ согласіе на бракъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не послѣдуетъ такого согласія, сдѣлавшій увозъ присуждается уплатить оскорбленной имъ семьѣ штрафъ. Трехгодовалый быкъ, называемый «хавдусанъ», таковъ обыкновенный размѣръ этого штрафа. Предметомъ похищенія чаще всего бываетъ никому еще не засватанная дѣвушка, такъ какъ въ противномъ случаѣ похитителю пришлось бы ждать мести и отъ того рода, къ которому принадлежитъ женихъ [1]). Похищеніе невѣсты не считается позоромъ; наоборотъ, оно признается подвигомъ и ставится въ заслугу.

На ряду съ увозомъ дѣйствующее право Дагестана ставитъ насъ лицомъ къ лицу и съ другой столь же старинной формой заключенія брачнаго союза—съ куплей невѣсты ея женихомъ.

Шаріатъ въ толкованіяхъ законовѣдовъ школы Шафаи смотритъ на бракъ, какъ на *формальный договоръ*, дѣйствительный лишь подъ условіемъ произнесенія отцомъ невѣсты и женихомъ опредѣленныхъ, напередъ установленныхъ формулъ. Эти формулы выражаютъ, съ одной стороны, готовность отдать дочь замужъ и получить за нее выкупъ, а съ другой—принять ее въ жены [2]) и уплатить этотъ выкупъ. Требованія шаріата въ точности соблюдаются дагестанскими муллами. «Соединивъ правыя руки жениха и лица, дѣйствующаго отъ имени невѣсты (ея векиля), мулла обращается прежде всего къ представителю невѣсты съ слѣдующей разъ навсегда установленной формулой:

[1]) См. статью Абдулла Амарова, какъ живутъ Лаки (4 вып. Сб. Св. о Кавк. Горц., стр. 20.—Далгатъ (рук., стр. 41), касательно увоза, практикуемаго въ Даргонскомъ округѣ.—Львовъ—объ увозѣ у Аварцевъ, (вып. III, стр. 20).

[2]) Minhadj, VII, стр. 318 и 381.

Съ помощью и съ соизволенія Божія и по пути, указанному пророкомъ, за столько то денегъ (называетъ условленную сумму) отдаешь ли ты свою дочь этому человѣку (указываетъ на жениха).—Слѣдуетъ отвѣтъ: за столько то денегъ отдаю свою дочь такому то.—Тогда мулла дѣлаетъ подобное же обращеніе къ жениху, замѣняя только слово даешь словомъ берешь-ли?—Женихъ повторяетъ условную формулу, вводя въ нее слово беру. Троекратно слѣдуетъ повтореніе присутствующими освященныхъ обычаемъ формулъ. По окончаніи обряда, мулла читаетъ молитву, благословляющую новобрачныхъ, и читаетъ первую главу корана («фатиха») [1]). Таковъ порядокъ какого придерживаются въ частности въ своихъ бракосочетаніяхъ аварцы, употребляющіе въ примѣненіи къ нему терминъ «магари-тле», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «заключеніе брачнаго торга». Этотъ фактъ, въ связи съ упоминаніемъ о деньгахъ за которые представитель невѣсты соглашается отдать ее жениху, даетъ повидимому право говорить о дагестанскомъ бракѣ, какъ о куплѣ и ставить его на одну линію съ браками, заключаемыми въ Кабардѣ, Чечнѣ, Осетіи и на протяженіи всей вообще кавказской цѣпи горъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана бракъ потерялъ уже характеръ реальной купли и что платежъ, дѣлаемый женихомъ, имѣетъ не болѣе какъ символическое значеніе и легко можетъ быть опущенъ вовсе. «Суны, читаемъ мы въ Путеводителѣ ревнителей вѣры, рекомендуютъ выговаривать при заключеніи супружества опредѣленный брачный даръ, но крайней нужды въ этомъ не имѣется» [2]).

Слѣдуя этому правилу одни народности Дагестана требуютъ уплаты женихомъ брачнаго дара, другіе освобождаютъ его отъ этой обязанности. У аварцевъ платежъ этотъ, какъ мы сейчасъ видѣли, еще въ полномъ ходу. Въ Южно-Дагестанскихъ

---

1) Львовъ, стр. 25.

2) Minhadj, livre XXXIV. Du don nuptial. Section III. Lorsqu'une femme demande à son tuteur de la donner en mariage sons don nuptial, et que celui ci refuse, par conséquent le don nuptial offert par Ie mari, on bien lorsqu'il n'en stipule point, on considere un pareil acte, comme une libéralité parfaitement lègale.

обществахъ до 1862 года отецъ или ближайшій родственникъ получалъ плату за невѣсту, которая извѣстна была подъ наименованіемъ «полъ-пули». Размѣръ ея въ кюринскомъ округѣ равнялся 60 рублямъ. Въ Табасарани величина его зависѣла отъ соглашенія и колебалась между 100 и 400 рублей [1]). Въ Безантѣ, Гидатлѣ и Кази-Кумухѣ женихъ не производитъ никакого платежа въ пользу родителя невѣсты [2]). То же должно быть сказано и объ аулахъ, входящихъ въ составъ даргинскаго округа [3]).

Но если плата за невѣсту постепенно выходитъ изъ употребленія, то того же нельзя сказать о другомъ видѣ платежа, который женихъ скорѣе гарантируетъ, нежели выдаетъ невѣстѣ. Я разумѣю платежъ, извѣстный подъ наименованіемъ «кебинъ-хакъ» и еще чаще «мачаръ»; онъ всего ближе подходитъ по характеру къ французскому «doir». Назначеніе его служить обезпеченіемъ тому, что въ случаѣ развода отпущенная мужемъ жена не останется безъ средствъ къ жизни. Въ казикумухскомъ и даргинскомъ округахъ «магаромъ» служитъ обыкновенно выдѣляемый женихомъ участокъ земли, цѣною въ 50, 100 и даже двѣсти рублей [4]). Капучинцы производятъ платежъ магара деньгами и понижаютъ размѣры его до двадцати и даже десяти рублей, тогда какъ табасаранцы подымаютъ его до сорока [5]). Въ аварскомъ округѣ размѣръ магара неопредѣленъ разъ навсегда и неизмѣнно, а соразмѣряется съ достаткомъ соединяющихся бракомъ семействъ [6]).

Весьма любопытную черту представляетъ уцѣлѣвшій во многихъ мѣстностяхъ Дагестана обычай замѣнять плату за невѣсту обязательствомъ выдать за ея родственника дѣвушку изъ семьи жениха. «Если мужчина», читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ сѣверной Табасарани, «сватая дѣвушку изъ другаго семейства,

---

1) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ въ Сборникѣ Свѣдѣній о Кавк. Горц., вып. VIII, стр. 15 и 32.

2) Свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстахъ.

3) Рукопись г-на Далгата, стр. 116.

4) Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ.

5) Южно-Дагестанскіе Адаты, вып. VIII, Сб. Св. о Кавк. Горц., стр. 32.

6) Львовъ, стр. 30.

условился въ свою очередь выдать за кого нибудь изъ членовъ того семейства свою сестру или дочь, то въ такомъ случаѣ «ноль-пули» (плата за невѣсту) не платится. Подобнаго рода обмѣнъ называется «башъ-баша». Случается, что при такомъ обмѣнѣ женщинъ одна взрослая, а другая малолѣтняя. въ такомъ случаѣ мужчина, женившійся на взрослой, доплачиваетъ условленную сумму денегъ тому семейству. изъ котораго она взята. Если два семейства взаимно обручили своихъ дочерей и одна изъ обрученныхъ умретъ до совершенія свадебнаго договора, женихъ можетъ требовать, чтобы взамѣнъ ея дали другую изъ того же семейства; если умретъ и другая, то онъ вправѣ требовать третью. Четвертой онъ уже требовать не можетъ. зато сохраняетъ право на возвращеніе обратно платы за невѣсту или нолъ-пули [1]).

Обычай обмѣна невѣстъ далеко не стоитъ въ противорѣчіи съ предписаніями шаріата. Шафаитскіе законовѣды считаютъ его дозволенымъ. «Брачное соглашеніе двухъ семействъ подъ условіемъ взаимности должно быть признано правильнымъ», читаемъ мы въ «Путеводителѣ ревнителей вѣры» [2]).

Заключенію брачнаго соглашенія муллою предшествуетъ сватовство. Оно можетъ состояться даже тогда, когда женихъ и невѣста находятся оба въ младенческомъ возрастѣ. Право засватывать своихъ малолѣтнихъ дѣтей признается шаріатомъ за отцомъ, отнюдь однако не за родственникомъ, исполняющимъ обязанности опекуна [3]). Такое различіе прямо вытекаетъ изъ того. что отецъ не связанъ волею дочери при устройствѣ ея судьбы. тогда какъ всякій другой родственникъ не можетъ отдать невѣсты замужъ иначе, какъ съ ея согласія. Сватанье малолѣтнихъ доселѣ въ ходу между дагестанцами. Мнѣ

[1]) Сб. Св. о Кавк. Горц., вып. VIII, стр. 31 и 72 (Адаты самурскаго округа).

[2]) Un mariage rèciproque est parfaitement règulier, si la valeur de la virginité n'est pas mise en ligne de comete (Minhadj, VII, p. 319).

[3]) Le père peut disposer à son grai de la main de sa fille sans demander son consentement, quelque soit l'âge de celle-ci, pourvu qu elle soit encore vierge.... Les agnats collatéraux comme le frère germain ou consangvin et l'oncle paternel ne peuvent d'aucune facon promettre la main d'une fille en bas age (Minhadj, VII, стр. 322).

приводили примѣры его одинаково и въ аварскомъ, и въ даргинскомъ округахъ. Переговоры съ отцомъ невѣсты ведетъ не самъ женихъ, который, по словамъ Омарова, даже не можетъ показаться на глаза невѣстѣ въ присутствіи ея родителей, а уполномоченное имъ лицо,—не сваха, а сватъ. Пришедъ въ домъ, сватъ начинаетъ переговоры съ слѣдующей общепринятой фразы по адресу родителей невѣсты: просимъ васъ сдѣлаться отцемъ и матерью такому то человѣку (называетъ имя жениха). Если предложеніе принимается родителями, то съ ихъ стороны слѣдуетъ отвѣтъ: «инша-аллахъ», что въ переводѣ означаетъ: «если угодно будетъ Богу». Получивъ такимъ образомъ согласіе лицъ, отъ которыхъ зависитъ судьба невѣсты, уполномоченный немедленно приступаетъ къ переговорамъ о размѣрѣ даваемаго невѣстѣ приданнаго, о величинѣ магара или кебина, которымъ женихъ берется обезпечить свою будущую жену [1]).—Таковъ порядокъ, какого въ дѣлѣ сватовства придерживается аварецъ; а вотъ какъ, по описанію г. Долчата заключается въ даргинскихъ аулахъ предварительный уговоръ между семьями жениха и невѣсты. «Сватовство», пишетъ этотъ мѣстный уроженецъ (родомъ изъ аула Урахи), «продолжается часто пятнадцадь и даже двадцать лѣтъ и распадается на восемь самостоятельныхъ актовъ. Первымъ по времени является то, что даргинцы называютъ терминомъ «сукпи». Отъ жениха отправляется какая нибудь женщина къ родителямъ дѣвушки; для того, чтобы испросить ихъ согласіе на сватовство, женщина эта старается выставить жениха съ особенно выгодной стороны и перечисляетъ всѣ его качества. Родители дѣвушки обязаны по этикету дѣлать видъ, что имъ трудно разстаться съ дочерью, ссылаются на то, что она еще слишкомъ молода и требуютъ, чтобы имъ дали время на размышленіе. Нѣсколько дней спустя они даютъ свое согласіе. Тогда начинается второй актъ сватовства, по имени «сукпикари». Онъ состоитъ въ томъ, что женихъ, пользуясь дозволеніемъ сватать невѣсту и желая ей быть пріятнымъ, посылаетъ въ подарокъ платки, кольца, одежду и подчасъ—деньги,—всего смотря по состоянію. Всѣ эти подарки до-

---

1) Львовъ, стр. 21 и 22.

ставляетъ невѣстѣ прежняя сваха. Разъ они приняты,—«слово считается скрѣпленнымъ». Рѣшающимъ актомъ въ дѣлѣ сватовства является вступленіе матери жениха въ домъ родителей невѣсты съ четырьмя большими хлѣбами и однимъ барaномъ. Этотъ подарокъ очень часто замѣнялся такъ называемымъ «чуду», т. е. большимъ пирогомъ съ сыромъ. Мать жениха везетъ также невѣстѣ пару одеждъ, большой мѣдный тазъ и кольца,—одно серебряное, а другое золотое. Кольца эти невѣста тутъ же надѣваетъ себѣ на пальцы. Родители невѣсты отдариваютъ пришедшихъ къ нимъ гостей двумя хлѣбами, зарѣзаннымъ бараномъ, платками и мелкими монетами. Нѣсколько времени спустя, невѣсту ведутъ къ родителямъ жениха, которые дарятъ ей по этому случаю платокъ, кольца, серьги и посуду. Самъ женихъ отсутствуетъ во время пріема. Опять на разстояніи нѣсколькихъ дней, жениха приводятъ къ невѣстиной роднѣ, при чемъ обычай требуетъ, чтобы невѣста не показывалась ему на глаза. Справляютъ пирушку, одариваютъ женихову свиту платками и выносятъ ей зарѣзаннаго барана. Четвертый актъ сватовства извѣстенъ подъ названіемъ «хинки архуллъ» и состоитъ въ посылкѣ женихомъ въ домъ невѣсты двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ—родственниковъ и родственницъ—съ хлѣбными лепешками (хинки), съ парою платья для невѣсты, съ тушею убитаго барана, съ шестью огромными хлѣбами и большимъ чугуннымъ котломъ, вѣсомъ не менѣе шестнадцати фунтовъ, служащимъ для приготовленія лепешекъ. Посланные получаютъ на этотъ разъ отъ родителей невѣсты два шелковыхъ платка и два пояса изъ ластика,—первое предназначается для женщинъ, второе—для мужчинъ. Кромѣ того родители невѣсты посылаютъ чрезъ посланныхъ ожерелье изъ какихъ либо камней сестрѣ жениха. Снова по прошествіи нѣкотораго времени происходитъ пятый актъ сватанья. Женихова родня посылаетъ невѣстѣ конопли, изъ которой она должна соткать настилки для своего будущаго жилища. Эту коноплю или несутъ на своихъ спинахъ родственники и родственницы жениха, или доставляетъ на подводѣ (арбѣ) братъ его, который въ благодарность получаетъ платокъ и поясъ. Два—три года проходятъ нерѣдко между такой посылкой конопли и слѣдую-

щимъ по времени актомъ сватовства, состоящимъ въ отправкѣ невѣстѣ 30—40 и болѣе бараньихъ шкуръ, или, вмѣсто нихъ, девяти—десяти или болѣе барановъ; этотъ подарокъ доставляетъ, смотря по обстоятельствамъ, родственникъ или родственница жениха, одариваемые каждый разъ платкомъ или поясомъ. Снова, на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, двое мужчинъ и двѣ женщины отправляются со стороны жениха съ подарками къ невѣстѣ. На этотъ разъ подарки состоятъ изъ 1 живаго и 1 мертваго барана, 6 большихъ хлѣбовъ, трехъ одеждъ, изъ которыхъ одна шелковая, и большаго куска матеріи. Пришесшіе, кромѣ угощенія, ничего не получаютъ. Заключительный актъ сватанья непосредственно предшествуетъ самой свадьбѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что отъ 3-хъ до 10 родственниковъ жениха отправляются въ домъ невѣсты приготовлять «халву» и берутъ для этой цѣли съ собою 6 фунтовъ масла и одну мѣру муки. Родители невѣсты прибавляютъ провизіи отъ себя и приступаютъ затѣмъ къ совмѣстному приготовленію «халвы» или такъ называемой аурушу.

Приготовляютъ аурушу обыкновенно вечеромъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней недѣли: вторникъ, среду или четвергъ. Со всѣхъ сторонъ созываютъ родственниковъ, пируютъ день или два и, затѣмъ, немедля далѣе, посылаютъ къ кадію или судьѣ двухъ довѣренныхъ лицъ отъ невѣсты, которые, встрѣтившись съ уполномоченными жениха, рукобитьемъ заключаютъ, какъ указано выше, брачную сдѣлку» [1]. Я остановился подробно на перечисленіи отдѣльныхъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается сватовство, по слѣдующей причинѣ: далеко не всѣ изъ нихъ являются простыми актами вѣжливости и ухаживанья. Нѣкоторые носятъ ясно выраженный юридическій характеръ. Такое именно значеніе имѣетъ фактъ передачи матерью жениха опредѣленныхъ обычаемъ подарковъ невѣстѣ. Эти подарки играютъ здѣсь ту же роль, какая въ древнемъ германскомъ правѣ принадлежитъ свадебному задатку (arrha). Сдѣлка считается заключенной и нарушеніе ея одной изъ сторонъ ведетъ за собою опредѣляемую обычаемъ личную и имущественную отвѣтствен-

[1] Долгатъ, стр. 62—68.

ность. Если неисполненіе послѣдуетъ со стороны невѣсты, женихъ легко можетъ обратиться къ публичному ея опозориванію, средствомъ къ чему служитъ отрѣзаніе у ней косы, отнятіе платка или другой принадлежности туалета. «Въ лѣтнее время, говоритъ г. Омаровъ, представляется много удобствъ парнямъ, желающимъ отомстить дѣвицѣ или родителямъ ея за оскорбленіе, нанесенное отказомъ выдать ее замужъ. Въ народѣ считается высшею местью и кровною обидою отрѣзать косу у дѣвушки или отнять что либо изъ ея одежды. Это дѣлается воровскимъ образомъ, ночью. Лѣтомъ, когда всѣ спятъ на крышахъ, легко бываетъ подобраться тайкомъ къ намѣченной жертвѣ. На слѣдующій день оскорбитель объявляетъ всенародно о томъ, что сдѣлано было имъ ночью, послѣ чего спѣшитъ запереться у себя въ домѣ и принимаетъ мѣры для защиты своей жизни отъ родственниковъ дѣвушки. И не напрасно, такъ какъ ближайшая родня оскорбленной считаетъ долгомъ отомстить за ея позоръ. Она окружаетъ домъ виновника обиды, стрѣляетъ въ окна и производитъ, можно сказать, формальную осаду его жилища, которое получаетъ прозваніе «держимаго» (т. е. обороняемаго) дома. Сельское общество заботится о томъ, чтобы покончить дѣло миромъ и начинаетъ поэтому съ того, что приказываетъ зарѣзать быка, принадлежащаго виновнику, и употребить въ пищу его мясо. Затѣмъ принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить родителей дѣвушки къ выдачи ея замужъ за оскорбителя. Въ случаѣ согласія, вражда оканчивается съ момента замужества. Въ противномъ же случаѣ, дѣвушка, сдѣлавшаяся жертвою оскорбленія, теряетъ въ обществѣ репутацію честной дѣвушки и никто не рѣшается взять ее въ жены». «Какъ же жениться на дѣвушкѣ, опозоренной односельчаниномъ? Вѣдь ея прежній женихъ станетъ смѣяться и напоминать при случаѣ о ея позорѣ», говоритъ обыкновенно горская молодежь [1]).

На ряду съ этими личными послѣдствіями, отказъ въ рукѣ засватанной уже дѣвушки влечетъ для ея родителей и имущественную отвѣтственность. Они обязаны бываютъ возвратить

[1]) Абдулла Омаровъ: «Какъ живутъ Лаки» (4 вып. Сб. Св., стр. 2)

всѣ полученные ими отъ жениха подарки. Въ нѣкоторыхъ аулахъ неисполненіе брачнаго обѣщанія по своимъ послѣдствіямъ приравнивается даже къ «воровству» въ томъ широкомъ значеніи, какое придаетъ ему римское право, и согласно этому родители невѣсты присуждаются къ возвращенію вдвое всего полученнаго ими отъ жениха. Если причиной несостоявшагося замужества является засватавшій дѣвушку, обязательство возврата подарковъ падаетъ на него и на его родню. Во всѣхъ случаяхъ одинаково сельское общество на правахъ штрафа требуетъ съ виновнаго, чтобы онъ поставилъ ему на угощеніе мясо одного быка [1]).

Мы перейдемъ теперь къ описанію свадебнаго ритуала, нѣкоторыя черты котораго сохранили «переживанія» пройденныхъ бракомъ стадій развитія.

Въ основаніе нашего описанія мы положимъ тѣ свѣдѣнія, какія на этотъ счетъ даютъ намъ г. Далгатъ и г. Львовъ,—первый изъ даргинскаго, второй—изъ аварскаго округа. Совпаденіе сообщаемыхъ ими подробностей указываетъ на общность свадебнаго ритуала на протяженіи всего Дагестана.

По заключеніи брачной сдѣлки передъ кадіемъ уполномоченными сторонами лицами,—сдѣлки, въ которой рукобитье является рѣшающимъ моментомъ, женихъ отправляетъ четырехъ человѣкъ за невѣстой,—двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ,—обыкновенно родственниковъ. Невѣстина родня также выбираетъ изъ своей среды четырехъ человѣкъ. Ими являются два дяди и двѣ тетки—одна по отцу, другая—по матери; первые два получаютъ названіе «спутниковъ» (вархкани), вторыя двѣ именуются «наквурцанти», т. е. «лицами, берущими невѣсту за руки». Въ даргинскомъ округѣ невѣста ожидаетъ прихода жениховыхъ пословъ въ жилищѣ своихъ родителей, въ аварскомъ—въ домѣ кого либо изъ родственниковъ. Вошедши въ домъ, уполномо-

---

[1]) См. Адаты акушинскаго общества, § 120, Адаты мекечинскаго общества, § 129.—Адаты урахинскаго общества, § 152 (всѣ перечисленные аулы — даргинскаго округа). См. также Адаты южно-дагестанскихъ обществъ (вып. 8 Сб. Св.), кюринскаго округа (стр. 13), Сѣверной Табасарани (стр. 32). Въ Каракайтагѣ нарушившая обѣщаніе невѣста платитъ втрое противъ полученныхъ ею подарковъ (стр. 46).

ченные жениха троекратно приглашають невѣсту сопровождать ихъ въ домъ ея будущаго мужа. Поѣздъ невѣсты трогается съ мѣста обыкновенно вечеромъ. Въ закатальскомъ округѣ, по свѣдѣніямъ лично мною собраннымъ, лошадь, на которой сидитъ невѣста, обязательно ведетъ подъ уздцы ея дядя по матери. Во все время шествія невѣсту держутъ за руки сопровождающіе ее двѣ тетки. Почти на каждомъ поворотѣ толпа аульныхъ юношей загораживаетъ путь свадебной процессіи и не даетъ ей пропуска раньше, какъ по полученіи угощенія. Изъ оконъ домовъ сыпятъ на невѣсту муку пшеничную, что̀ означаетъ, говоритъ г. Далгатъ, пожеланіе брачущимся «счастья, столь же чистаго, какъ бросаемая въ нихъ мука». «Встрѣченная во дворѣ жениха родственниками и родственницами его, новобрачная останавливается, ожидая приглашенія войти въ домъ. Въ это время къ ней подходитъ мать новобрачнаго, держа въ рукахъ тарелку съ медомъ; обмокнувъ въ нее палецъ, она мажетъ губы новобрачной и проситъ ее войти въ домъ».

Новобрачная, не обращая вниманія на приглашеніе, остается на прежнемъ мѣстѣ, облизывая губы, намазанныя медомъ; это означаетъ, что она желаетъ получить какой нибудь подарокъ, прежде чѣмъ переступить за порогъ дома своего мужа. Тогда къ ней подводятъ какую нибудь крупную скотину и надрѣзываютъ послѣдней ухо, въ знакъ того, что скотина поступаетъ въ собственность новобрачной. Если невѣста не одобритъ дѣлаемый ей подарокъ, она продолжаетъ стоять во дворѣ, не трогаясь съ мѣста. Тогда выводятъ ей новую скотину и повторяютъ при этомъ прежній обрядъ надрѣзыванія уха. Послѣ новаго приглашенія, невѣста, привѣтствуемая поздравленіями, пѣснями и выстрѣлами, входитъ въ саклю. Нерѣдко бываетъ, что спрятанный за дверью женихъ наноситъ входящей въ его домъ женѣ три легкихъ удара по спинѣ — символъ пріобрѣтаемой имъ власти. У самого порога постилаютъ коверъ, на который при входѣ и должна вступить молодая. Этотъ коверъ вслѣдъ затѣмъ выносятъ на дворъ; за одинъ конецъ его хватаются домочадцы, за другой — аульная молодежь; каждая сторона тянетъ его къ себѣ, стоя у воротъ двора. Если перетянетъ толпа юношей, стоящихъ за воротами, то коверъ уносятъ,

разстилають его на крышѣ сосѣдней сакли и располагаются на немъ кругомъ, въ ожиданіи угощенія, которое приноситъ имъ родня молодого. На невѣсту при входѣ ея въ домъ сыпятъ муку—новое пожеланіе ей счастья и довольства, угощаютъ медомъ, какъ бы пророча ей сладость ея сожитія съ мужемъ и, посадивъ на заготовленное напередъ мѣсто, ставятъ у ногъ ея котелъ, въ награду за то, что она согласилась вступить въ права домохозяйки. Объ обхожденіи невѣстой очага ея новаго жилища мнѣ довелось слышать только въ одномъ изъ горныхъ ауловъ, сосѣднихъ къ Грузіи. Во все время брачной процессіи и слѣдующаго за ними пиршества лицо невѣсты остается покрытымъ. Только около полуночи братъ новобрачной приходитъ снять повязку съ ея лица, при чемъ получаетъ подарокъ, который въ кази-кумухскомъ округѣ извѣстенъ подъ названіемъ «ляжпикуку» и считается выкупомъ за право открытія лица [1]). Покровъ снимается не ранѣе, какъ послѣ того, какъ молодая отправится въ отведенную для супруговъ комнату, куда вслѣдъ затѣмъ вбѣгаетъ пировавшая на свадьбѣ молодежь. Она кидается на постель, приготовленную для новобрачныхъ, и старается смять ее. Этотъ обрядъ извѣстенъ подъ названіемъ «вуруи вагисъ», что значитъ топтать постель. Кто первымъ кинется на постель, тому даютъ аурушу или мучной халвы. При входѣ жениха всѣ удаляются и молодыхъ оставляютъ съ глазу на глазъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана и въ частности—въ самурскомъ округѣ уцѣлѣлъ еще слѣдующій обычай. «У дверей комнаты, занятой молодыми, становятся два родственника жениха, которые на слѣдующее утро должны отнести родственникамъ невѣсты простыню съ брачнаго ложа,—какъ вещественный признакъ сохраненной ею до брака дѣвственности» [2]).

Въ самый день свадьбы или на слѣдующій вечеръ устраивается пирушка для мужской родни невѣсты. На ней отецъ жениха заявляетъ, какую долю своего имѣнія онъ выдѣляетъ вступившему въ бракъ сыну. Въ этомъ выдѣлѣ нѣтъ ничего обязатель-

---

1) Свѣдѣнія собранныя на мѣстѣ. О роли, какую въ свадьбѣ играетъ братъ невѣсты, г. Далгатъ говоритъ слѣдующее: Братъ невѣсты снимаетъ повязку съ ея лица, за что ему дается шелковый поясъ.

2) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ (вып. VIII Сб. Св., стр. 72).

наго; тѣмъ не менѣе онъ встрѣчается часто. Отдѣльно отъ мужчинъ пируютъ и женщины, при чемъ издержки падаютъ каждый разъ на родню жениха. На разстояніи нѣкотораго времени, не позже одного мѣсяца со времени празднованія свадьбы, невѣстина родня устраиваетъ пиръ для жениховой родни. Когда гости начнутъ расходиться, кто нибудь изъ приглашенныхъ громогласно ставитъ отцу вопросъ: что вы даете за невѣстой? Отецъ опредѣляетъ размѣръ приданаго, говоритъ, какой участокъ земли онъ отводитъ своей дочери, при чемъ послѣдній исчисляется вархами,—каждая въ двѣнадцатую часть десятины; минимальнымъ размѣромъ приданаго, по крайней мѣрѣ въ даргинскомъ округѣ, считается двѣ вархи или $^1/_6$ десятины. Вмѣстѣ съ землею, отецъ обѣщаетъ дочери корову, буйволицу и прочій скотъ. Надѣленіе невѣсты приданымъ въ Дагестанѣ не обязательно. О невѣстѣ, не получившей ничего кромѣ движимости, говорятъ въ Гидарелѣ, что въ приданое ей пошла подушка. Изъ присутствующихъ на свадьбѣ и сопровождающихъ ея пиршествахъ ближайшая родня жениха получаетъ отъ невѣсты въ подарокъ, мужчины—пояса, женщины—платки. И тѣ, и другіе хранятся на память.

Въ только что воспроизведенномъ описаніи дагестанской свадьбы не мало чертъ глубокаго архаизма. Отмѣтимъ прежде всего роль, какую играетъ въ ней аульная молодежь. Останавливая поѣздъ невѣсты и требуя выкупа, присваивая себѣ коверъ, на который она вступила при переходѣ черезъ порогъ ея будущаго жилища, наконецъ, вторгаясь въ брачную комнату и овладѣвая на время приготовленною въ ней постелью, односельчане какъ бы заявляютъ о какихъ-то правахъ на выдаваемую замужъ невѣсту. Какія же могутъ быть эти права? Чтобы открыть ихъ источникъ, надо привлечь на помощь обычное право тѣхъ народностей, которыя, подобно австралійскимъ камилароямъ или американскимъ ирокезцамъ, признаютъ существованіе, если не комунальнаго брака, то брака по группамъ. т. е. предоставляютъ права супруговъ по отношенію къ той или иной дѣвушки цѣлой категоріи лицъ, связанныхъ между собою единствомъ прозвища или топежа. Когда индивидуальный бракъ беретъ верхъ надъ этимъ сожитіемъ по группамъ,—

старинныя права членовъ послѣднихъ сказываются въ предоставляемой имъ возможности добрачнаго сожитія съ выходящей замужъ невѣстой или полученія выкупа за предполагаемый отказъ отъ пользованія подобнымъ правомъ. Примѣры того и другаго представляетъ намъ брачное право нѣкоторыхъ народностей Азіи и Австраліи, между прочимъ—такъ тщательно изученнаго Годитомъ племени Курней [1]). Въ самомъ Дагестанѣ предшествующее браку сожитіе дѣвушекъ съ молодыми людьми ихъ аула болѣе не встрѣчается. Какъ на исключеніе, надо смотрѣть на тѣ порядки, какіе г. Пржевальскому удалось наблюдать въ мѣстности, называемой Цунта-Ахвахъ и расположенной въ предѣлахъ гимбрійскаго округа. Обычай, въ силу котораго незамужнія дѣвушки и парубки, собравшіеся на вечеринку, ложатся спать попарно,—обычай о которомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи г. Пржевальскій [2]), тѣмъ болѣе любопытенъ, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ является единственнымъ переживаніемъ въ Дагестанѣ предшествующаго супружеству гетеризма.

На ряду съ отдаленными слѣдами регулируемаго обычаемъ внѣбрачнаго сожитія, дагестанскій свадебный ритуалъ представляетъ намъ и другую особенность той отдаленной эпохи, которая извѣстна подъ наименованіемъ эпохи патріархата. Я разумѣю ту роль, какую въ «дедукціи» или приводѣ невѣсты въ домъ ея будущаго супруга и въ снятіи съ нея покрывала передъ брачной постелью играетъ родня со стороны ея матери и въ частности—ея дядя,—тотъ самый дядя, который, по словамъ Тацита, окруженъ былъ у древнихъ германцевъ не меньшимъ почетомъ, нежели отецъ.

Въ связи съ выдающейся въ Дагестанѣ ролью материнской родни невѣсты заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что отецъ жениха почти не принимаетъ участія ни въ сватовствѣ, ни въ обрученіи; наоборотъ, мать жениха постоянно выдвигается вне-

1) Сравни «Первобытное право», вып. II, а также лекціи, читанныя мною въ Стокгольмѣ по приглашенію Лоренскаго фонда. Лекціи эти изданы подъ заглавіемъ: Evolution de la famille et de la propriété. Stockholm. 1890 г.

2) Статья г. Пржевальскаго отпечатана въ Вѣстникѣ Европы конца 80 годовъ.

редъ: сватовство заключается собственно ею, такъ какъ изъ ея рукъ получаются подарки, имѣющія, какъ мы видѣли, значеніе свадебнаго задатка. Та же мать идетъ на встрѣчу невѣстѣ при вступленіи ея во дворъ жениха. Не отецъ, а мать подноситъ невѣстѣ сосудъ съ медомъ и держитъ ее за руки въ то время, когда она переступаетъ впервые порогъ своего новаго жилища. Все это, вмѣстѣ взятое, весьма характерно и переноситъ насъ въ эпоху, когда когнатическое родство считалось главнѣйшимъ, когда мать и ея братъ, вмѣстѣ взятые, замѣняли для сына его отца и агнатическихъ родственниковъ. Что эта эпоха должна быть отнесена въ Дагестанѣ къ далекому прошлому, въ этомъ убѣждаетъ насъ то высокое значеніе, какое въ наши дни играетъ въ немъ власть отца,—этого неограниченнаго повелителя надъ судьбою дочери,—и то обстоятельство, что вся родовая организація Дагестана построена на родствѣ въ мужской линіи, а не въ женской.

Къ числу архаическихъ чертъ дагестанской свадьбы необходимо отнести также, какъ я полагаю, тотъ фактъ, что невѣста не раньше соглашается переступить порогъ супружескаго жилища, какъ получивъ подарокъ, которымъ, какъ мы видѣли, обыкновенно является скотъ. Переходъ подъ кровъ мужа означаетъ готовность отдаться ему. Эта готовность покупается супругомъ путемъ дѣлаемаго имъ подарка. Что этотъ подарокъ имѣетъ именно то значеніе, какое я придаю ему, слѣдуетъ изъ его сопоставленія съ другими подарками, поводъ къ которымъ даетъ свадьба. Мы видѣли выше, что «полъ-пули» представляетъ собою, подобно «калыму», выкупъ у отца его власти надъ невѣстой, что «кебинъ» имѣетъ свое опредѣленное значеніе— имущественнаго обезпеченія на случай развода. Наконецъ, подарки, дѣлаемые женихомъ невѣстѣ во все время сватовства, отвѣчаютъ частью понятію того предбрачнаго дара, какой дѣлаемъ былъ брачущимся, напримѣръ, въ древней Германіи, какъ это слѣдуетъ изъ словъ Тацита, частью понятію свадебнаго задатка (arrha), на подобіе того, о какомъ говорятъ варварскіе законы. Платежъ скотомъ, дѣлаемый невѣстѣ въ моментъ вступленія ея въ жилище мужа, не можетъ быть подведенъ ни подъ одну изъ перечисленныхъ нами категорій подарковъ; онъ

отвѣчаетъ отличной отъ другихъ потребности. Необходимое условіе для его полученія—дѣвственность невѣсты. Нѣтъ этой дѣвственности—и самый подарокъ не имѣетъ мѣста. Вотъ почему его не дѣлаютъ въ случаѣ женитьбы на вдовѣ. Вотъ почему, при доказанномъ нецѣломудріи новобрачной, прогоняемая мужемъ жена обязана къ возмѣщенію этого подарка наравнѣ съ остальными. Все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ думать, что въ подаркѣ, дѣлаемомъ невѣстѣ передъ порогомъ ея новаго жилища, слѣдуетъ видѣть ничто иное, какъ оплату ея дѣвственности; но если такъ, то придется сказать, что жителямъ Дагестана извѣстно то, что германцы называютъ «утреннимъ даромъ» или «morgengabe». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такой платежъ, какъ я старался показать это въ моемъ «Первобытномъ правѣ», отнюдь не составляетъ особенности одного германскаго законодательства [1]) и въ частности пользуется большимъ распространеніемъ въ средѣ магометанскихъ народностей.

Враждебность мусульманства ко всему, что хотя издали напоминаетъ собою культъ предковъ [2]), объясняетъ намъ причину, по которой обхожденіе очага новобрачной далеко не во всѣхъ дагестанскихъ аулахъ является необходимымъ актомъ свадьбы.

Отношенія супруговъ. Мусульманскіе законовѣды единогласно признаютъ за мужемъ права властелина по отношенію къ женѣ, такъ какъ всѣ одинаково отправляются въ своихъ толкованіяхъ отъ слѣдующаго положенія Корана: «Жены должны какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности, а мужья поступать съ ними справедливо; власть надъ женами принадлежитъ мужьямъ» [3]). Послѣдователи шафаинскаго толка вводятъ въ понятіе этой власти право мужа не только наставлять свою жену, но и исправлять ее временнымъ заключеніемъ въ комнатѣ и нанесеніемъ ей ударовъ. Достаточнымъ основаніемъ къ этому при-

[1]) См. «Первобытное право», выпускъ II, послѣдняя глава.—Tornau. Le droit musulman, стр. 98 и 99.

[2]) См. статью, озаглавленную Du culte des ancètres chez les Ancien Arabes и помѣщенную въ Revue de l'histoire des religion.

[3]) Коранъ, гл. II, стихъ 230 французскаго перевода.

знается неповиновеніе, другими словами—неисполненіе воли мужа [1]). Но если за мужемъ признается власть надъ женою, то на него же возлагаются и извѣстныя обязанности по отношенію къ ней, изъ—важнѣйшая обязанность содержать жену, т. е. доставлять ей жилище, пищу и одежду.

Обоюдность обязанностей при ежечасной возможности нарушенія ихъ одной изъ сторонъ предполагаетъ случайное вмѣшательство судебной власти и въ частности—посредническаго суда въ интересахъ поддержанія или возстановленія временно нарушеннаго мира и согласія между супругами. «Мингадэнъ» прямо упоминаетъ о немъ, говоря: «если мужъ и жена станутъ возводить одинъ на другаго взаимныя обвиненія, судья, не довольствуясь увѣщаніемъ, назначаетъ заслуживающее довѣрія лицо для разслѣдованія причинъ несогласій, разспроса сторонъ и принятія на будущее время мѣръ къ устраненію раздоровъ». Разъ эти раздоры примутъ угрожающій характеръ, слѣдуетъ назначить двухъ посредниковъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть родственникомъ мужа, а другой—родственникомъ жены. Эти посредники соглашаются насчетъ условій временнаго отпущенія мужемъ жены или окончательнаго развода супруговъ [2]).

Въ тѣхъ мусульманскихъ обществахъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ магометанскихъ аулахъ Осетіи, продолжаетъ держаться жизнь сообща большими семьями или дворами,—власть мужа находитъ ограниченіе во власти старшаго въ домѣ владыки. Но въ Дагестанѣ, гдѣ такія большія семьи рѣдки и гдѣ каждый старается устроиться своимъ дворомъ, власть мужа на практикѣ почти безгранична. Говоря объ аварцахъ, г-нъ Львовъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе жены въ ихъ средѣ. «Мужчина смотритъ на женщину, какъ на рабочій скотъ. Выбирая себѣ жену, онъ имѣетъ въ виду, чтобы дѣвушка или женщина была крѣпкой, дородной, а главное—нелѣнивой, не съ тѣмъ однако разсчетомъ, чтобы имѣть отъ нея здоровыхъ дѣтей, а для того, чтобы будущая его жена могла исполнять всѣ работы по хозяйству дома, въ полѣ, въ саду и прочее. Горецъ

[1]) Minhadj, livre XXXV, section II (VII, стр. 407).
[2]) Minhadj, глава 35, раздѣлъ II.

никогда не рѣшится ослабить свою деспотическую власть надъ женою. Если мужъ и любитъ жену,—она всетаки играетъ у него роль слуги, заслужившаго расположеніе господина, пользующагося его лаской и всегда готовою восхищаться шутливо-строгимъ обхожденіемъ съ ней властелина. Если же женѣ не удалось заслужить благосклонности своего сожителя, послѣдній обходится съ нею хуже, чѣмъ съ рабой [1]). Холопка стоила отъ 250 до 300 рублей: если съ ней обходились дурно, рисковали потерять ее навсегда; она могла убѣжать, съ женою же можно развестись и замѣнить ее другою, почти ничего не теряя. Положеніе жены, не любимой мужемъ, возмутительно. Вѣчное рубище покрываетъ ея тѣло; пренебреженіе мужа, безпрестанная брань и частые побои, недостатокъ и безъ того скудной пищи. ежедневный тяжкій трудъ, недостатокъ отдыха—все это изнуряетъ и состариваетъ ее преждевременно. Хорошо, если несчастная имѣетъ родственниковъ, которые могутъ уговорить ея тирана развестись съ ней, взявъ въ свою пользу ея кебинъ. Если же у нея нѣтъ такихъ защитниковъ, тогда она, скрѣпя сердце, покоряется своей участи, а мужъ, женившись на другой и получивъ отъ нея сына, обращаетъ первую жену въ служанку ея молодой соперницы. Повиновеніе безпрекословное велѣніямъ мужа—высшая добродѣтель горянки. Въ своихъ проповѣдяхъ, говоритъ г-нъ Львовъ, дибири стараются внушить горянкамъ, что главная ихъ обязанность — всячески угождать мужьямъ или, какъ горцы выражаются, «служить имъ». Г-нъ Львовъ, проведшій нѣкоторое время въ плѣну у аварцевъ, разсказываетъ, что по четвергамъ имѣли аварцы обыкновеніе собирать женщинъ въ главной мечети для слушанія проповѣдей, сочиненныхъ на текстъ: «женщины сотворены для мужчинъ» (Коранъ, глава XXX, стихъ 20).

Не отъ одного мужа приходится терпѣть дагестанской женѣ. Молодая супруга вступаетъ въ домъ родителей мужа въ качествѣ помощницы свекрови; послѣдняя сваливаетъ на нее всѣ работы въ домѣ, помыкаетъ ею, какъ рабою, и заставляетъ ее

[1]) Свѣдѣнія, сообщаемыя г-номъ Львовымъ, относятся къ тому времени, когда въ Дагестанѣ еще допускалось рабство.

испытывать тѣ же притѣсненія, какимъ сама подвергалась въ дни молодости. Добрая мать подстрекаетъ сына, чтобы онъ обходился съ женою такъ же сурово, какъ бывало отецъ его нѣкогда обходился съ нею. Эти совѣты не пропадаютъ даромъ и всего чаще исполняются буквально [1]).

Народныя поговорки какъ нельзя лучше выражаютъ приниженное положеніе дагестанской женщины, говоря: «Существуетъ одинъ Богъ въ мірѣ, а второй Богъ — мужъ для жены». Въ народѣ, говоритъ г-нъ Далгатъ о жителяхъ даргинскаго округа, существуетъ убѣжденіе, что мужъ полновластный господинъ по отношенію къ женѣ. Приходится нерѣдко слышать, что «если женѣ не дать узнать свойствъ плети, она загордится и сядетъ на шею мужу».

Мужъ всегда вправѣ наказать проступокъ жены плетью, но наказывать ее онъ долженъ втихомолку, а не на улицѣ; послѣднее считалось бы позоромъ для него самого. Насколько распространенъ въ Дагестанѣ обычай учить жену ударами по спинѣ можно судить по слѣдующей ходячей здѣсь остротѣ: «въ саклю приходитъ сосѣдъ и, видя на стѣнѣ двѣ плети, спрашиваетъ, на что тебѣ столько плетей, вѣдь у тебя всего на всего одна лошадь?—Одна плеть отвѣчаетъ хозяинъ служитъ мнѣ для усмиренія лошади, а другая для усмиренія жены».— Когда совмѣстная жизнь сдѣлается невыносимой, жена подчасъ убѣгаетъ отъ мужа и ищетъ пріюта въ домѣ своихъ родныхъ. Но если мужъ не согласится дать ей ни временнаго отпуска, ни постояннаго развода, жена должна вернуться къ мужу и родители не должны ея укрывать. Въ противномъ случаѣ, мужъ считалъ бы себя вправѣ прибѣгнуть къ силѣ и пустить въ ходъ противъ родителей жены то самое средство, къ какому обычаи кавказскихъ горцевъ позволяютъ обращаться при неисполненіи стороной принятаго ею обязательства. Я разумѣю обычай грабежа, извѣстный у осетинъ и сосѣднихъ съ ними народностей подъ названіемъ барантованія, а въ Дагестанѣ подъ именемъ «гепекиля» и представляющій, какъ я показалъ выше,

1) Львовъ. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени.

рѣшительную аналогію съ легализированнымъ самоуправствомъ древнекельтическаго и славянскаго, въ томъ числѣ польскаго права. До послѣдняго времени, говоритъ г-нъ Далгатъ, родственники лица, которому не желали вернуть жены, слѣдуя обычаю, ловили изъ стада той части аула, въ которой скрылась убѣжавшая супруга, трехъ быковъ и немедленно рѣзали ихъ въ пищу. Чтобы избѣгнуть подобнаго самоуправства на будущее время родители спѣшили вернуть бѣглянку ея законному господину.

При всемъ произволѣ, какой характеризуетъ собою личныя отношенія мужа къ женѣ, отношенія эти не вполнѣ избѣгаютъ контроля частью семейныхъ властей, частью властей общественныхъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда женатые сыновья живутъ совмѣстно съ отцомъ и дѣдомъ, и тотъ, и другой вправѣ останавливать черезъ чуръ грубую расправу мужей съ женами.

Когда побои мужа ничѣмъ не вызваны или сопровождаются членовредительствомъ, родители обиженной супруги обращаются къ кадію и требуютъ его вмѣшательства. Сама жена рѣдко когда лично приноситъ жалобу на мужа, такъ какъ общественное мнѣніе дурно относится къ той, которая призываетъ чужихъ людей къ вмѣшательству въ домашнія отношенія. Кадій или лично разбираетъ жалобу, поданную на мужа, или предоставляетъ дѣлать это назначаемымъ имъ посредникамъ (маслагатное рѣшеніе). Кадій вправѣ сдѣлать мужу выговоръ и даже подвергнуть его временному задержанію.

Кромѣ побоевъ, поводомъ къ жалобѣ можетъ служить неисполненіе мужемъ обязанности супружескаго сожитія или оставленіе жены на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если мужъ, при обычномъ теченіи жизни, обязанъ воздерживаться отъ побоевъ, которые имѣли бы своимъ послѣдствіемъ увѣчье или смерть жены, то въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, при доказанной невѣрности, онъ вправѣ убить жену. Прежде такія убійства считались дозволенными и тогда, когда мужъ узнавалъ объ оказанной ему невѣрности по слухамъ; въ настоящее время русскія власти признаютъ убійство жены мужемъ безнаказаннымъ только тогда, когда мужъ

самъ лично сдѣлался свидѣтелемъ измѣны. Вообще, по словамъ г. Далгата, положенiе дагестанской женщины сдѣлалось болѣе защищеннымъ съ момента подчиненiя страны русскимъ властямъ. Окружные начальники (наибы) на практикѣ допустили возможность жалобъ на мужа, какъ со стороны родни невѣсты, такъ и отъ нея самой. Они не разъ подвергали мужей тюремному заключенiю за незаслуженно-жестокое обращенiе съ женами или побуждали ихъ дать имъ разводъ [1]).

Имущественныя отношенiя мужа и жены въ Дагестанѣ построены, согласно правиламъ шарiата, на началѣ раздѣльности. Пока продолжается совмѣстная жизнь супруговъ, это начало не выступаетъ съ большой рѣзкостью, такъ какъ благодаря личной власти мужа надъ женою и его опекѣ надъ нею, распоряженiе ея имуществомъ возможно для жены лишь съ согласiя мужа, а хозяйственное завѣдыванiе обыкновенно всецѣло сосредоточивается въ рукахъ одного мужа, какъ домовладыки. Но при расторженiи брака разводомъ, принципъ раздѣльности выступаетъ во очiю въ правѣ разведенной требовать отъ мужа возвращенiя сполна принесеннаго ею имущества. Тотъ же принципъ выступаетъ и въ случаѣ прекращенiя брака смертью жены, особенно бездѣтной, такъ какъ по исключенiи въ пользу мужа положенной закономъ доли, имущество покойницы всецѣло поступаетъ въ руки ея родныхъ. Таковы принципы, общiя всѣмъ школамъ мусульманскихъ юристовъ, но одни проводятъ ихъ съ большею, другiе съ меньшею рѣзкостью и послѣдовательностью. Такъ, напримѣръ, законовѣды школы Абу Ганифы и Малика признаютъ за женою нѣсколько большую самостоятельность въ распоряженiи ея имуществомъ. Она можетъ и безъ согласiя мужа позволить себѣ отчужденiе одной трети его. Шафаитское право не знаетъ такой свободы и безусловно подчиняетъ контролю мужа всякое распоряженiе, дѣлаемое женою по отношенiю къ ея имуществу. Отправляясь отъ той мысли, что при управленiи мужемъ имуществомъ жены легко можетъ послѣдовать смѣшенiе въ одну массу принесенной каждымъ

[1]) Отвѣты на первые 11 отдѣловъ программы для собранiя юридическихъ обычаевъ. Башира Далгата 1887 г., стр. 99—115.

изъ супруговъ собственности, оно высказывается за раздѣлъ пополамъ въ случаѣ прекращенія брака того прироста, какой накопленъ будетъ супругами во время ихъ сожитія. Но такой дѣлежъ пополамъ долженъ воспослѣдовать лишь въ томъ случаѣ, когда нельзя опредѣлить, къ какому изъ двухъ имуществъ, мужнинному или женинному, приростъ этотъ долженъ быть отнесенъ. Такимъ образомъ въ раздѣлѣ пополамъ накопленнаго совмѣстно достатка нельзя видѣть частичное проявленіе принципа общности имуществъ супруговъ, а только уступку необходимости, признаніе невозможности инымъ, болѣе точнымъ образомъ опредѣлить дѣйствительный приростъ женинаго имущества. Познакомившись съ общимъ характеромъ тѣхъ принциповъ, которые управляютъ отношеніями супруговъ по имуществу, посмотримъ какое примѣненіе они находятъ въ дагестанской практикѣ.

Въ составъ женинаго имущества входятъ въ Дагестанѣ: 1) дѣлаемые женихомъ подарки, какъ во время сватовства, такъ и предъ вступленіемъ невѣсты въ его жилище (утренній даръ), 2) приданое, даваемое ей родителями, которое въ свою очередь распадается на «кладку» и собственно приданое. Первое накопляется матерью чуть не съ рожденія дочери; въ составъ его входятъ: одежда, украшенія, постель и часть домашней утвари. Это приданое доставляется въ домъ жениха за нѣсколько часовъ до привода невѣсты. Собственно приданое состоитъ обыкновенно изъ участка земли, выдѣляемаго невѣстѣ отцомъ въ размѣрѣ отъ 1 до 6 вархъ земли, т. е. отъ $^1/_{12}$ до $^1/_2$ десятины, и изъ скота, чаще всего—молочнаго. Тогда какъ о кладкѣ не дѣлается никакой письменной записи, размѣръ приданаго отмѣчается кадіемъ въ особомъ составляемомъ имъ актѣ. Когда приданое отвѣчаетъ по своимъ размѣрамъ величинѣ той доли наслѣдства, на которую дочь вправѣ разсчитывать, отецъ требуетъ отъ выдаваемой имъ въ замужество дочери заявленія насчетъ отказа ея отъ всякого дальнѣйшаго выдѣла. Это заявленіе отмѣчается кадіемъ въ томъ самомъ актѣ, въ которомъ указанъ составъ полученнаго приданаго; 3) отдѣльное имущество жены обнимаетъ собою также то, что извѣстно подъ наименованіемъ магара, т. е. платежа, не столько производи-

маго на самомъ дѣлѣ женихомъ въ пользу невѣсты, сколько выговариваемаго ей въ брачномъ контрактѣ и поступающаго въ ея пользу въ случаѣ прекращенія супружества по волѣ мужа. Платежъ этотъ, размѣръ котораго регулируется каждый разъ мѣстнымъ обычаемъ и состоятельностью жениха, извѣстенъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана подъ общераспространеннымъ въ средѣ мусульманъ названіемъ кебина; такъ, напримѣръ, въ самурскомъ округѣ; 4) въ составъ женинаго имущества входятъ также дѣлаемые невѣстѣ подарки по случаю вступленія ея въ бракъ; наконецъ 5) всякое имущество, которое можетъ достаться ей по наслѣдству, и 6) все, что будетъ пріобрѣтено ею трудомъ ея рукъ, безъ помощи принадлежащаго мужу капитала, какъ, напримѣръ, доходъ отъ пряжи и т. п.

Женинымъ имуществомъ завѣдуетъ мужъ. Отчуждать его онъ не можетъ иначе, какъ съ ея согласія. За всѣ растраты, сдѣланныя имъ безъ вѣдома жены, онъ отвѣчаетъ собственнымъ имуществомъ. Разъ объ этихъ затратахъ дойдетъ до свѣдѣнія жены, она вправѣ сдѣлать кадію заявленіе о томъ, что они произведены безъ ея согласія и въ такомъ случаѣ мужъ обязанъ возмѣстить ихъ. По обязательствамъ, заключеннымъ мужемъ безъ ея вѣдома и одобренія, жена не отвѣчаетъ. Право завѣщательнаго распоряженія и право представительства собственныхъ имущественныхъ интересовъ на судѣ вполнѣ признано за женою. Въ случаѣ развода по обоюдному согласію или по винѣ мужа, онъ возвращаетъ женѣ ея имущество [1]). То, что накоплено мужемъ съ помощью всего состоящаго въ его завѣдываніи капитала, т. е. какъ его собственнаго, такъ и женинаго, поступаетъ въ случаѣ прекращенія брака разводомъ или смертью жены въ раздѣлъ на двѣ равныя части; изъ этихъ частей одна присоединяется къ жениному имуществу, другая считается принадлежащей одному мужу. Изъ правила о раздѣлѣ пополамъ сдѣланныхъ совмѣстно накопленій дѣлается исключе-

[1]) Если мужъ предложитъ женѣ разводъ, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ верхняго Кайтага, онъ обязанъ заплатить записанный ей кебинъ, отдать все то, что было имъ при сватовствѣ отослано невѣстѣ и все то, что она принесла въ домъ мужа при замужествѣ.

ніе для прироста, доставляемаго скотомъ. Если скотъ принадлежитъ женѣ, его приростъ всецѣло поступаетъ въ ея пользу [1]).

Перейдемъ теперь къ порядку прекращенія брачнаго сожитія. Шафаитское право, какъ и вообще мусульманское, знаетъ, помимо смерти одного изъ супруговъ, два такихъ порядка: временное отпущеніе жены мужемъ и разводъ. Повторенное три раза временное отпущеніе по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ уподобляется разводу въ томъ смыслѣ, что, какъ и при разводѣ, новое сожитіе супруговъ становится невозможностью; для того, чтобы мужъ могъ взять обратно ту женщину, которая до развода была его женою, необходимо, чтобы она предварительно сдѣлалась женою другого лица и, получивъ отъ него разводъ или овдовѣвъ за его смертью, высказала согласіе на новый бракъ съ первымъ своимъ супругомъ [2]). Мужъ во всякое время можетъ развестись съ своей женой, но въ этомъ случаѣ обязанъ вернуть ей сполна принадлежащее ей имущество. Жена только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ вправѣ требовать у кадія развода: 1) когда мужъ не можетъ отправлять своихъ супружескихъ обязанностей, 2) когда онъ зараженъ прилипчивою болѣзнью, 3) когда онъ по бѣдности не можетъ содержать жены [3]). Не во всѣхъ, впрочемъ, аулахъ при-

---

[1]) Сравни правило, выраженное въ Мингаджѣ: когда дѣло идетъ о приращеніяхъ, имѣющихъ самостоятельное существованіе (s'il s'agit d'accroissements ayant une existence séparée de l'objet principal), они по праву достаются женѣ (c'est la femme qui en profite. Minhadj, т. II, стр. 391.

[2]) L'époux qui a répudié sa femme d'une manière revocable, a le droit de la reprendre. Le droit de retour à l'union conjugale existe seulement si la répudiation n'est pas la troisième (Minhadj, livre XXXVIII, VII, p. 470 и 471).

[3]) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ: самурскій округъ (стр. 72), Верхній Кайтагъ, селеніе Башлы (стр. 63), Сѣверная Табасарань (стр. 32), Далгатъ о разводѣ въ даргинскомъ округѣ. Въ послѣднемъ, если основаніемъ къ недовольству жены мужемъ является его неспособность къ брачному сожитію, кадій уполномочиваетъ двухъ стариковъ во очію убѣдиться въ этой неспособности. Неспособность къ супружескому сожитію обыкновенно приписывается жителями Дагестана вліянію наговора, сдѣланнаго кѣмъ либо изъ враговъ мужа въ моментъ заключенія брака. Воззрѣніемъ на импотенцію, какъ на послѣдствіе чаръ, объясняется, что

знается за женою такое право. Во многихъ разводъ считается одностороннимъ преимуществомъ мужа. «Жена, значится въ Сборникѣ адатовъ магаловъ «Ганкъ, Гантъ и Мзора» въ Верхнемъ Кайтагѣ, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права требовать отъ мужа развода» [1]). Въ такихъ аулахъ женѣ не иначе удается достигнуть прекращенія супружеской связи, какъ уступивши мужу вполнѣ или отчасти принадлежащій ей по праву кебинъ или магаръ, а также приданое. Въ Терекеме—покинувшая мужа жена, сверхъ потери кебина и всего принесеннаго ею имущества, обязана еще при разводѣ уплатить своему супругу двадцать пять рублей такъ называемаго «пешманъ-пули» [2]). Въ одномъ случаѣ возвращеніе женинаго имущества не обязательно для мужа,—когда поводомъ къ разводу является невѣрность жены. Въ старые годы прелюбодѣйная жена не нуждалась въ разводѣ, такъ какъ ее убивалъ или мужъ, или собственные ея родственники [3]). Въ настоящее время, когда убій-

---

при составленіи брачной сдѣлки жители Дагестана озабочены тѣмъ, чтобы, кромѣ поставленныхъ сторонами свидѣтелей, не присутствовало лицъ постороннихъ. Такъ какъ чары могутъ потерять свою силу при обращеніи къ извѣстнымъ пріемамъ, то неспособность къ супружескому сожитію, по обычаямъ дагестанцевъ, не ведетъ непосредственно къ разводу, а только къ временному отпущенію жены; только въ томъ случаѣ, если послѣ новаго испытанія, сдѣланнаго на разстояніи извѣстнаго срока, мужъ окажется не въ силахъ исполнить debitum conjugale, кадій произноситъ разводъ. Горцы вѣрятъ, говоритъ г. Львовъ, что между ними есть злые люди, которые желая испортить новобрачнаго при чтеніи супружескаго обѣта лишаютъ его всякаго значенія, произнося шепотомъ «это ложь, это неправда», при этомъ злоумышленникъ завязываетъ на ниткѣ столько узловъ, сколько заключается словъ въ произносимой дибиромъ формулѣ, или вытягиваетъ пальца на три кинжалъ изъ ноженъ и вкладываетъ его снова въ ножны, повторяя такой актъ послѣ каждаго слова, произносимаго дибиромъ. Такое заклинаніе извѣстно у горцевъ подъ наименованіемъ «буххи» (завязываніе). Неспособность къ сожитію происходитъ отъ него. Но отъ него можно избавиться съѣвши совмѣстно съ женою три круто сваренныхъ яйца съ написанной на нихъ молитвой. Лѣченіемъ подобнаго рода занимаются учащіеся при мечетяхъ (стр. 25).

[1]) Адаты южно-дагест. общ.; стр. 41.

[2]) См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 51.

[3]) См. адаты даргинскаго округа; кази-кумухскіе, гунибскіе и авар-

ства женъ мужьями сдѣлались рѣже, благодаря вмѣшательству властей, удержаніе женинаго имущества является нерѣдко вознагражденіемъ мужу за нанесенную ему обиду. Въ одномъ положеніи съ прелюбодѣйной женой стоитъ и женщина, потерявшая свою дѣвственность до брака. Мужъ прогонялъ ее съ позоромъ, удерживая за собою принесенное ею имущество; опозоренные же ея поведеніемъ родители обыкновенно умерщвляли виновную. Разводъ каждый разъ совершается у кадія и носитъ характеръ формальнаго акта, въ которомъ произнесеніе извѣстныхъ словъ считается обязательнымъ [1]). Нѣкогда распространенный въ средѣ жителей Дагестана культъ домашняго очага оставилъ свой слѣдъ въ требованіи, доселѣ соблюдаемомъ въ нѣкоторыхъ южныхъ аулахъ, чтобы жена, покидающая въ силу развода общій съ мужемъ кровъ, развѣяла на вѣтеръ имѣющійся въ домѣ пепелъ [2]).

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ тѣхъ отношеній, какія существуютъ въ Дагестанѣ между родителями и дѣтьми. Эти отношенія въ такой же, если не въ большей степени регулируются началами шаріата, какъ и отношенія супружескія. Слѣдуя требованіямъ шаріата, дагестанцы считаютъ своими дѣтьми только законное потомство [3]). Незаконнымъ дѣтямъ рѣдко оставляютъ жизнь; ихъ убиваетъ при рожденіи сама мать или ея родня. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда забеременѣвшая дѣвушка скроется въ домѣ своего соблазнителя и родитъ въ немъ ребенка, признаніе отца, сопровождаемое женитьбой, узаконяетъ незаконнорожденнаго. Въ случаѣ наговора, дозволяется лицу, несправедливо обвиняемому въ сожительствѣ, очистить себя отъ подозрѣнія, подкрѣпляя собственныя показанія присягою сорока родственниковъ. Это послѣднее правило имѣетъ своимъ источникомъ не писанное право, а обычай. Законъ ма-

скіе адаты, записанные мною въ бытность мою въ Дагестанѣ содержатъ въ себѣ однохарактерныя постановленія.

[1]) См. Minhadj; глава XXXVI.

[2]) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, стр. 41. Магалы Ганкъ-Гаптъ и Мзора.

[3]) Незаконные дѣти не допускаются къ наслѣдованію по ученію Шафаи, говоритъ г-нъ Торнау, стр. 111 его Droit Mus.

гометанъ ограничивается заявленіемъ, что признаніе со стороны родителей есть достаточное доказательство законности [1]).

Наряду съ естественнымъ потомствомъ, дагестанцы допускаютъ также искусственное, источникомъ котораго является усыновленіе. Но институтъ этотъ мало развитъ въ ихъ средѣ. Особенныхъ обрядовъ, напоминающихъ тѣ, какіе мы встрѣчаемъ у другихъ горцевъ Кавказа, напримѣръ, осетинъ, какъ то: прикосновенія къ груди жены усыновителя или къ собственной его груди, дагестанцы не знаютъ.

Въ виду привиллегированнаго положенія, какое мужчины занимаютъ въ дагестанскомъ обществѣ, не мудрено, если въ этой странѣ особенно дорожатъ рожденіемъ мальчиковъ. Одно изъ обычныхъ пожеланій. дѣлаемыхъ женою мужу, по словамъ Львова, «да родится у тебя сынъ» [2]). Рожденіе сына подымаетъ значеніе жены въ глазахъ мужа и вызываетъ зависть въ ея подругахъ. У даргинцевъ—кто первый извѣститъ отца о рожденіи у него сына получаетъ подарокъ; а дочери — простую благодарность [3]). При родахъ отецъ не долженъ присутствовать. Онъ видитъ впервые новорожденнаго нѣсколько недѣль спустя, когда родильница вполнѣ успѣетъ оправиться и перестанетъ быть «нечистой»—представленіе источникъ котораго быть можетъ кроется еще въ тѣхъ воззрѣніяхъ на физическую нечистоту недавно разрѣшившихся отъ бремени женщинъ, выразителемъ котораго является Авеста [4]). Дѣтоубійства, подобнаго тому, съ какимъ встрѣчаемся въ южной Осетіи и въ Сванетіи въ примѣненіи къ новорожденнымъ дѣвушкамъ, мы въ Дагестанѣ не встрѣчаемъ. Шаріатъ считаетъ дѣтоубійство квалифицированнымъ видомъ убійства, и общественное мнѣніе горцевъ относится къ нему съ большою строгостью.

Но это не значитъ, чтобы отецъ и вообще семья не имѣли права на жизнь позорящаго ихъ ближайшаго родственника. Мы видѣли уже, что женщину, потерявшую невинность до брака,

---

1) Tornau. Le droit musulman. Paris, 1860, стр. 110.

2) Домашняя жизнь дагестанскихъ горцевъ, стр. 31, примѣчаніе.

3) Далгатъ, стр. 128.

4) См. мою статью Iranian culture in the Caucasus въ English Archaeological Review за 1888 годъ, іюнь мѣсяцъ.

обыкновенно убивала ея родня, что та же судьба постигала нерѣдко прелюбодѣйную жену, прогнанную, но пощаженную ея мужемъ. Въ случаѣ убійствъ, совершенныхъ въ родственной средѣ, убійца нерѣдко умерщвляемъ былъ близкими ему по крови лицами.

Не обращаясь къ убійству, отецъ, впрочемъ, всего чаще прибѣгалъ къ публичному отреченію отъ недостойнаго въ его глазахъ сына. Обрядъ этого отреченія состоялъ въ слѣдующемъ. Въ присутствіи народа, собравшагося въ мечети, отецъ забивалъ гвоздь въ одинъ изъ ея столбовъ и произносилъ при этомъ освященныя обычаемъ слова, которыми высказывалось его намѣреніе не считать болѣе такое-то лицо своимъ сыномъ. Отреченіе имѣетъ то юридическое послѣдствіе, что освобождаетъ отца отъ отвѣтственности за дѣйствія сына и, въ частности, за дѣлаемые имъ долги.

Нечего и говорить, что право исправлять своихъ дѣтей не только убѣжденіями, но и ударами, вполнѣ признано за отцомъ. Никто не можетъ контролировать того употребленія, какое отецъ дѣлаетъ изъ принадлежащей ему власти надъ дѣтьми: ни кадій, ни общественная власть аула. Въ немногихъ уцѣлевшихъ еще большихъ семьяхъ дѣдъ можетъ остановить отца, злоупотребляющаго своей карательной властью. Это право непосредственно вытекаетъ изъ того главенства, какое признается за нимъ въ подобной семьѣ.

Кормить, одѣвать, защищать въ опасности, учить правиламъ вѣры, заставлять молиться и совершать омовенія—таковы болѣе нравственныя, чѣмъ юридическія обязанности родителей къ дѣтямъ.

Рядомъ съ ними шаріатъ признаетъ за дѣтьми обязанность содержанія престарѣлыхъ родителей и погребенія усопшихъ. Это обязательство имѣетъ уже чисто юридическое значеніе. Родители, не получающіе отъ дѣтей пропитанія, въ правѣ обратиться въ судъ кадія, который можетъ принудить дѣтей къ выполненію ихъ обязанности. Содержаніе, опредѣляемое родителямъ по суду въ аулахъ даргинскаго округа, состоитъ по меньшей мѣрѣ въ слѣдующемъ: при квартирѣ и отопленіи—двѣнадцать вархъ хлѣбнаго зерна въ годъ, т. е. столько, сколько

нужно для того, чтобы засѣять одну десятину. Если у отца окажется нѣсколько сыновей,—обязанность содержанія должна падать на всѣхъ поочередно. Если кромѣ сыновей, имѣются и дочери,—участіе ихъ въ поддержаніи жизни отца и матери вполовину меньше того, какое признается за сыновьями. Отсюда то послѣдствіе, что, если родители попеременно живутъ у своихъ дѣтей, сынъ обязанъ кормить ихъ вдвое больше, чѣмъ дочь. Это правило стоитъ въ связи съ постановленіемъ шаріата, по которому доля дочери въ наслѣдствѣ вполовину меньше той, которая причитается сыну.

Отецъ не долженъ принуждать сына къ женитьбѣ, но онъ вправѣ, какъ мы видѣли, выдать насильно дочь замужъ, соблюдая, впрочемъ, при этомъ тѣ требованія, какія шаріатъ выставляетъ по отношенію къ законности брака,—я разумѣю принадлежность жениха къ числу мусульманъ суннитовъ, способность его къ брачному сожитію, отсутствіе у него бо̀льшаго числа женъ, противъ того, какое полагается по закону, а также отсутствіе препятствующихъ заключенію брака заразительныхъ болѣзней.

По выдачѣ замужъ, дочь освобождается отъ родительской власти и переходитъ во власть мужа. Точно также и сынъ, по основаніи собственной семьи, выходитъ изъ подъ власти отца. Пятнадцати или шестнадцатилѣтній возрастъ обыкновенно требуется отъ брачущагося, почему этотъ же возрастъ весьма часто является для сына возрастомъ совершеннолѣтія и связаннаго съ нимъ полноправія. Отецъ не обязанъ дѣлать сыну выдѣла при жизни, но въ Дагестанѣ весьма распространенъ обычай передавать въ случаѣ дряхлости веденіе хозяйства женатому сыну. Если сыновей нѣсколько, отецъ дѣлаетъ между ними раздѣлъ имущества при жизни. При этомъ раздѣлѣ принимается въ разсчетъ, какіе сыновья уже женаты, а какіе еще холосты, какія дочери замужемъ, а какія еще въ дѣвицахъ, у кого изъ сыновей родители выбираютъ свое будущее мѣстожительство и кто долженъ похоронить въ случаѣ смерти. Холостымъ сыновьямъ дѣлается надбавокъ, облегчающій имъ вступленіе въ бракъ; незамужнимъ дѣвушкамъ полагается приданое, не свыше размѣра причитающейся имъ доли съ наслѣдства. Выданныя замужъ и надѣленныя приданымъ дочери ничего не

получаютъ. Тотъ же сынъ, который возьметъ на себя издержки по содержанію и погребенію родителей, надѣляется большей частью имущества противъ другихъ. О тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ на практикѣ ведетъ дагестанскій обычай передачи имущества дѣтямъ при жизни подъ условіемъ содержанія, г. Львовъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности: «сдѣлавшись хозяевами, дѣти начинаютъ оказывать родителямъ полное пренебреженіе. Непечатная брань, побои и различныя оскорбленія переносятся стариками съ безсильнымъ ропотомъ. Стариковъ не сажаютъ съ собою за столъ, особенно когда въ домѣ имѣется гость, не обмываютъ и не обшиваютъ. Чего-чего только не натерпятся родители на старости лѣтъ» [1]).

Произволъ, съ какимъ отецъ распоряжается судьбою сына или дочери до ихъ совершеннолѣтія и брака, встрѣчаетъ ограниченіе, разъ дѣло касается распоряженія принадлежащимъ дѣтямъ имуществомъ. Источникомъ такого имущества не можетъ быть личный заработокъ дѣтей, такъ какъ все пріобрѣтенное неотдѣленнымъ членомъ семьи считается собственностью ея владыки—отца. Имъ можетъ быть даръ, сдѣланный родственникомъ, напримѣръ дѣдомъ. По отношенію къ такому имуществу отецъ имѣетъ только права опекуна; онъ отвѣчаетъ за его растрату и не можетъ произвесть его отчужденія. Если вслѣдъ за совершеннолѣтіемъ и вступленіемъ въ бракъ сынъ отдѣлится отъ отца, все пріобрѣтенное сыномъ составляетъ уже его исключительную собственность. Буде сынъ выкупитъ отчужденное отцомъ имущество, имущество это становится собственностью выкупившаго. Такъ какъ семейные раздѣлы вошли въ обычай сравнительно недавно, то не удивительно, если по вопросу объ отвѣтственности родителей за долги дѣтей обычай не вполнѣ еще сложился. При совмѣстной жизни большими семьями, долги дѣтей считаются долгами родителей. Переживаніемъ семейной общины является поэтому до селѣ невышедшая изъ употребленія практика—привлекать отцовъ къ отвѣтственности за долги сыновей. Чтобы избавиться отъ такой отвѣтственности, у отца нѣтъ другаго средства, какъ произвести

[1]) Домашняя жизнь дагестанскихъ горцевъ, стр. 17.

публичное отреченіе въ описанныхъ мною выше условіяхъ. Въ старые годы мѣсто отреченія занимало изгнаніе и даже умерщвленіе по рѣшенію семейнаго совѣта [1]).

Права родительской власти съ существенными, впрочемъ, ограниченіями и при болѣе бдительномъ контролѣ со стороны судовъ осуществляются по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ и ихъ родственниками—опекунами. Насколько права этихъ опекуновъ (векилей) меньше правъ отцовъ, можно судить по тому, напримѣръ, что опекунъ не можетъ какъ мы видѣли выдать замужъ опекаемой имъ дѣвушки, иначе какъ съ ея согласія. Онъ не въ правѣ также взять на себя выборъ невѣсты для малолѣтняго. Имущество лица, состоящаго подъ опекой, не можетъ подвергнуться отчужденію иначе, какъ съ разрѣшенія кадія и въ случаѣ, когда такого отчужденія потребуютъ интересы опекаемаго. Опека въ Дагестанѣ обыкновенно осуществляется ближайшимъ родственникомъ по отцу или тѣмъ на кого онъ укажетъ въ своемъ завѣщаніи, рѣдко когда она предоставляется матери—вдовѣ. При ея вторичномъ замужествѣ вдова лишается опеки [2]).

Порядокъ наслѣдованія всецѣло опредѣляется правилами шаріата. «Путеводитель ревнителей вѣры» или Мингаджъ устанавливаетъ по отношенію къ нему слѣдующіе руководящіе принципы, которые находятъ себѣ буквальное примѣненіе въ дагестанской юридической практикѣ. I. Къ наслѣдованію призываются одновременно отецъ и мать, сынъ и дочь и оставшійся въ живыхъ супругъ. Наличность этихъ наслѣдниковъ устраняетъ всѣхъ остальныхъ [3]), каждый изъ нихъ наслѣдуетъ только

---

[1]) Далгатъ, стр. 127 и 141, а также свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ, преимущественно въ Кази-Кумухѣ и Гунибѣ. См. также постановленія Кайтакскаго Уцмія Рустема (I т. сб. св. о кавк. горцахъ).

[2]) Далгатъ. Отвѣты на § 16-й программы.

[3]) Le père, le fils et l'époux ne sont jamais exclus de la succession. Le fils du fils du un autre descendant agnat est exclu par le fils du un descendant agnat à un plus proche degréserait ce dans une autre ligne, mais l'éxclusion d'un ascendant agnat peut seulement avoir lieu par un autre ascendant agnat à un plus proche degré dans la même ligne. La fille, la mère et l'épouse ne sont exclues par personne. Minhadj, livre 28, section III.

въ извѣстной долѣ имущества. При наличности всѣхъ перечисленныхъ наслѣдниковъ: $^1/_8$ имущества идетъ женѣ, $^1/_4$ мужу, $^1/_6$ отцу и та же часть матери, за неимѣніемъ ихъ дѣду и бабкѣ; остатокъ дѣлится между сыномъ и дочерью такимъ образомъ, что часть сына въ два раза больше части дочери. II. Если у покойника нѣтъ ни восходящихъ родственниковъ, ни супруги, сынъ наслѣдуетъ все имущество. Но если у него наслѣдницей только дочь, доля ея все же не больше половины оставленнаго имъ состоянія; а если двѣ или болѣе дочерей, то совмѣстно онѣ наслѣдуютъ только двѣ трети имущества, остальное же дѣлится между братьями и сестрами покойнаго; тѣ же доли достаются внучкамъ и сестрамъ, когда онѣ заступаютъ мѣсто отсутствующихъ дочерей. III. При неимѣніи нисходящихъ и восходящихъ, оставшійся въ живыхъ супругъ наслѣдуетъ половину имущества, а супруга четвертую часть. При отсутствіи нисходящихъ супруга и мать получаютъ одну треть, а отецъ остальныя двѣ трети. IV. Въ равной степени родства, мужчина всегда получаетъ въ два раза больше противъ женщины. V. Въ одной и той же линіи ближайшая степень устраняетъ дальнѣйшую. VI. Право представленія не извѣстно, племянники не наслѣдуютъ при дядѣ, внукѣ и при сынѣ. VII. Дѣти дочери не наслѣдуютъ, если на лицо имѣются дѣти сына [1]). VIII. Согласно древнѣйшему толку школа Шафаи ограничивала право наслѣдованія слѣдующими категоріями родственниковъ: a) сыномъ, b) внукомъ, c) отцомъ, d) дѣдомъ, e) братомъ, f) племянникомъ, g) дядей, i) двоюроднымъ братомъ, k) супругомъ и соотвѣтственно тѣми же степенями родственниковъ въ женской линіи. Не было ихъ на лицо, имущество становилось выморочнымъ и какъ таковое переходило въ казну. То же имѣло мѣсто и въ томъ случаѣ, когда наличные наслѣдники не могли забрать всего имущества, такъ какъ право наслѣдованія ихъ было ограничено только частью его [2]). Это

[1]) Minhadj, livre XXVIII. Tornau, Droit musulman, стр. 259. Далгатъ, семейные дѣлежи по смерти отца.

[2]) La doctrine primitive de notre rite n'appelait point à la succession les cognats et même, selon cette doctrine les héretiers indiques dans le Coran ne pouvaient jamais obtenir plus que leurs potrons de terminées.

правило не находитъ болѣе примѣненія въ большинствѣ странъ, занятыхъ послѣдователями шафиитскаго ученія, но оно доселѣ въ точности соблюдается въ Дагестанѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ разбора доставленныхъ намъ свѣдѣній о порядкѣ наслѣдованія, какого придерживаются жители аула Урахи, расположеннаго въ даргинскомъ округѣ.

«Если, говоритъ г. Далгатъ въ своихъ отвѣтахъ на посланные ему запросы, у умершаго нѣтъ ни жены, ни дѣтей, то наслѣдниками являются—его братья и сестры, а за отсутствіемъ ихъ—сыновья и дочери братьевъ или внуки и внучки. Нѣтъ и ихъ на лицо,—имущество переходитъ къ обществу» [1]).

Ни майората, ни минората въ Дагестанѣ не знаютъ, какъ неизвѣстенъ также раздѣлъ наслѣдства между сыновьями, со-

Il en résultait qu a'defaut d'autres ayants droit, l'excédant de la succession devoit toujours échoir à l'Etát. On appelle cognats tous les parents et parentes, exception faite des heretiers légitimaires (Minhadj, т. II, стр. 225).

[1]) Для сравненія съ только что приведенными положеніями шаріата, я приведу слѣдующія извлеченія изъ записки г. Далгата: «Если по смерти отца осталось четыре сына и три дочери, то сыновья получаютъ по двѣ части, а дочери по одной». Если сверхъ сыновей и дочерей, у покойника осталась жена, отецъ и мать, наслѣдство дѣлится такъ: $1/6$ получаетъ дѣдъ, $1/6$ бабка, $1/8$ женѣ, все же остальное дѣлится между дѣтьми, при чемъ сыновья получаютъ вдвое болѣе чѣмъ дочери. Если по смерти отца сыновей вовсе не осталось, то все имущество дѣлится между дочерьми его, ихъ бабушкой и дѣдушкой по отцу, матерью ихъ, сестрами и братьями умершаго; а если у умершаго братьевъ и сестеръ вовсе нѣтъ, то—племянники и племянницы. Если у умершаго осталась только одна дочь, то она получаетъ половину всего наслѣдства, а остальное дѣлится между прочими дальнѣйшими родственниками. Осталось же у него нѣсколько дочерей, то имъ всѣмъ вмѣстѣ отдается $2/3$ всего имущества *), а остальное идетъ на прочихъ наслѣдниковъ. Мужъ послѣ бездѣтной жены получаетъ $1/2$, а при дѣтяхъ $1/4$. Бездѣтная вдова изъ имущества мужа получаетъ $1/4$, а имѣющая дѣтей $1/8$. Если у умершаго нѣтъ ни жены, ни дѣтей, то ему наслѣдуютъ его родители, братья и сестры. Внукъ не наслѣдуетъ, если у умершаго остались сыновья или дочери (т. е. право представительства въ этомъ случаѣ неизвѣстно). Не наслѣдуетъ также и племянникъ, если у покойнаго есть братья.

*) Торнау ошибается, когда говоритъ, что шафииты допускаютъ раздѣлъ всего наслѣдства между дочерьми, когда послѣднія единственныя

образно тому, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ накопленіи общаго имущества [1]).

Шаріатъ высказывается въ пользу равнаго раздѣла наслѣдства между лицами въ равной степени родства, и это правило терпитъ въ Дагестанѣ лишь тѣ ограниченія, какія вызываются желаніемъ дать излишекъ неженатому сыну на предстоящую свадьбу или незамужней дочери на приданое.

Впрочемъ, и этотъ излишекъ назначается лишь тогда, когда раздѣлъ имѣетъ мѣсто при жизни или происходитъ на основаніи духовнаго завѣщанія.

Завѣщательное право.

Законовѣды школы Шафаи установляютъ различіе между правомъ даренія при жизни (нугру) и на случай смерти (васіетъ). Первое не ограничено, второе не должно превышать трети имущества. Въ отличіе отъ другихъ толковъ, школа Шафаи признаетъ за родителемъ и вообще за восходящими родственниками право взять назадъ сдѣланный ими даръ, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если послѣдній не перешолъ еще въ собственность третьяго лица [2]). Лицо, находящееся при смерти, не вправѣ распорядиться болѣе, какъ третью своей собственности. Буде же оно выздоровѣетъ, распоряженіе его считается не дѣйствительнымъ. Но опасно больной можетъ сдѣлать дареніе всего, чѣмъ владѣетъ; дареніе остается въ силѣ даже въ томъ случаѣ, если бы онъ вскорѣ затѣмъ умеръ, но не отъ той болѣзни, которою страдалъ въ то время, когда дареніе было сдѣлано [3]).

Приведенные принципы надо имѣть въ виду при объясненіи

наслѣдницы. Minhadj постановляетъ какъ разъ обратное: дочерямъ достаются $^2/_3$, а остальная треть идетъ государству.

[1]) Такъ называемое трудовое начало въ раздѣлѣ наслѣдства, существованіе котораго и въ нашей крестьянской средѣ мнѣ кажется весьма сомнительнымъ (сравни Первобытное право, вып II), не извѣстно ни шаріату, ни дѣйствующему праву Дагестана. Я не прочь думать, что оно вообще извѣстно только нѣкоторымъ изъ нашихъ народолюбцевъ.

[2]) Minhadj, livre XXIV. Tornau. Droit musulman стр. 182, 183, 187.

[3]) Minhadj, кн. 29, section III.

того порядка, какого жители Дагестана обыкновенно придерживаются въ своихъ распоряженiяхъ на случай смерти. Эти распоряженiя не столько являются завѣщанiями, сколько дарениями. Они касаются поэтому нерѣдко болѣе чѣмъ трети принадлежащей лицу собственности, подчасъ всего его имущества. Если отецъ распорядится своимъ состоянiемъ и умретъ раньше третьяго дня со времени составленiя о томъ письменной записи, распоряженiе его не признается имѣющимъ законную силу [1]. Обыкновенно желающiе завѣщать свое имущество заявляютъ въ составленномъ ими письменномъ актѣ, что распорядились имъ за три дня до кончины. Они не рѣшаются назначить болѣе продолжительнаго, напримѣръ, годоваго срока между составленiемъ завѣщанiя и смертью, такъ какъ въ противномъ случаѣ лицо, въ пользу котораго сдѣлано распоряженiе, могъбы принудить дарителя къ уступкѣ ему еще при жизни выговореннаго въ его пользу имущества.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ завѣщанiемъ, а съ дарениемъ при жизни, что и дѣлаетъ возможнымъ распоряженiе этимъ путемъ одинаково всякой движимостью и недвижимостью въ произвольномъ притомъ размѣрѣ. Названiе, подъ которымъ извѣстны подобныя мнимыя завѣщанiя — «Нузру». Форма, какой обязательно слѣдуетъ придерживаться при ихъ составленiи, сама указываетъ на то, что въ нихъ надо видѣть не завѣщанiе, а даренiе. Нельзя, говоритъ г-нъ Далгатъ, написать: «по моей смерти все мое имущество должно перейти къ сыну»;—выраженный въ такой формѣ актъ не имѣлъ бы силы; а слѣдуетъ писать: «я теперь же передаю сыну все мое имущество». — По ученiю мусульманскихъ юристовъ не одной лишь школы Шафаи, завѣщанiя имѣютъ силу не потому, что они изложены на письмѣ, а потому, что воля завѣщателя можетъ быть засвидѣтельствована двумя по меньшей мѣрѣ лицами мужскаго пола, которымъ онъ передъ смертью открылъ свои намѣренiя [2]. Неудивительно поэтому, если въ Дагестанѣ, въ которомъ арабская письменность хотя и болѣе

[1] Далгатъ. — Отвѣтъ на 14 § программы для собиранiя свѣдѣнiй о юридическихъ обычаяхъ.

[2] Tornau. Le droit musulman. стр. 188.

распространена, чѣмъ въ другихъ частяхъ Кавказа, тѣмъ не менѣе все же не составляетъ общаго достоянія,—замѣнявшія завѣщаніе «Нузру», или распоряженіе имуществомъ при жизни, были не письменными, а устными [1]). Только со времени водворенія русскихъ въ Дагестанѣ, по прямому настоянію начальства, устныя завѣщанія стали уступать мѣсто письменнымъ. Въ наше время составленіемъ ихъ завѣдуетъ кадій и состоящіе при немъ судьи-помощники. Но правило о дѣйствительности завѣщаній только подъ условіемъ передачи воли покойнаго двумъ лицамъ мужскаго пола продолжаетъ держаться по прежнему въ требованіи, чтобъ письменный актъ, излагающій волю дарителя, былъ скрѣпленъ подписью двухъ свидѣтелей. Никакихъ особыхъ душеприкащиковъ завѣщатель не назначаетъ. Ихъ обязанности исполняютъ свидѣтели совмѣстно съ обоюднаго согласія.

Завѣщателями могутъ быть одинаково мужчина и женщина. Въ отличіе отъ другихъ толковъ, послѣдователи Шафаи не требуютъ, чтобы завѣщатель былъ совершеннолѣтнимъ [2]); необходимо только одно, чтобы онъ имѣлъ самостоятельное, отдѣльное отъ отца имущество; а такъ какъ невыдѣленный сынъ такого имущества не имѣетъ, то въ Дагестанѣ онъ лишенъ возможности дѣлать завѣщаніе.

Такъ какъ въ Дагестанѣ мѣсто завѣщанія занимаетъ дареніе и такъ какъ дарить можно только въ собственность, то понятнымъ становится происхожденіе слѣдующаго правила: лицо, передающее кому либо свое имущество, не можетъ стѣснить его воли въ распоряженіи этимъ имуществомъ, выставляя, напримѣръ, требованіе, чтобы часть имущества пошла на покрытіе издержекъ по похоронамъ, на свадьбу или въ приданное дочери, или иной родственницы завѣщателя.

Путемъ такихъ дареній при жизни, «нузру» исполняютъ

[1]) Обрядъ совершенія нузру не требуетъ никакихъ формальностей, кромѣ простаго произнесенія передъ двумя свидѣтелями или передъ кадіемъ нѣсколькихъ словъ о томъ, что такимъ-то передано по нузру такое-то имѣніе такому-то (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., вып. V.— Горская лѣтопись, стр. 5.).

[2]) Tornau, стр. 187

то же назначеніе, какое въ другихъ странахъ принадлежитъ завѣщанію; дагестанскій отецъ въ состояніи измѣнить тотъ порядокъ раздѣла имущества, какой установленъ законодательствомъ о наслѣдованіи. Онъ можетъ дать дочерямъ равныя съ сыновьями доли или совершенно обойти ихъ и передать все имущество своимъ внукамъ, сыновьямъ дочери. Онъ можетъ также обдѣлить сестру въ пользу ея сына-племянника и на самомъ дѣлѣ весьма часто дѣлаетъ это. Онъ можетъ дать долю въ наслѣдствѣ при живыхъ сыновьяхъ внуку, отецъ котораго умеръ до открытія наслѣдства, т. е. установить въ ихъ пользу право представленія, но онъ можетъ также искусственно создать майоратъ или единонаслѣдіе,—одарить одного изъ своихъ сыновей, все равно—старшаго ли, средняго, или младшаго или обойти всѣхъ ихъ и оставить все дочерямъ.

Важнѣйшіе авторитеты шафіитскаго толка единогласно высказываются въ пользу дѣйствительности всѣхъ подобнаго рода распоряженій по нузру. Одинъ изъ нихъ Нашири задается вопросомъ, законенъ ли нузру въ пользу одного изъ дѣтей и въ ущербъ остальнымъ и отвѣчаетъ, что законенъ. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Ибнъ-Ходжа. Другой шафіитскій законовѣдъ Рамали говоритъ: «мы видимъ на опытѣ, что нѣкоторыя лица дѣлаютъ пожертвованія въ пользу дѣтей мужскаго пола или внуковъ съ цѣлью лишить дочерей наслѣдства—и, по моему мнѣнію, это можно считать позволительнымъ». Уже упомянутый нами Нашири высказывается также въ пользу признанія дѣйствительнымъ нузру, которымъ дочь передала бы сполна всю свою собственность дѣтямъ, не взирая на право наслѣдованія въ немъ отца [1]).

Легко понять въ какую коллизію должно было вступить право распоряженія собственностью по нузру съ правами законныхъ наслѣдниковъ. Секретарь Шамиля, Амиръ-Ханъ, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ намъ послѣдствія, къ какимъ вела неограниченная свобода дѣлать подобнаго рода «нузры». Зажиточный человѣкъ, не имѣвшій дѣтей, говоритъ онъ, охотно

[1]) См. Полемику дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по нузру.—Сборникъ свѣдѣній о Кавказ. горц., вып. V, стр. 15, 25 и 27.

отдавалъ по нузру все свое имѣніе матери, дочери или женѣ, не оставляя ничего родственникамъ мужскаго пола—братьямъ, дядямъ и т. д. — Жители Дагестана охотно обращались къ «нузрамъ» еще и съ другою цѣлью — избѣжать платежа причитающагося съ нихъ долга. «Когда, говоритъ Амиръ-Ханъ, кто-нибудь присуждаемъ былъ къ удовлетворерію другаго изъ своего имущества, онъ спѣшилъ сдѣлать (заднимъ числомъ конечно) нузръ въ пользу одного изъ своихъ родственниковъ или жены, другими словами переводилъ имѣніе на чужое имя [3]).

Чтобы защитить права законныхъ наслѣдниковъ и сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее злоупотребленіе нузрами со стороны недобросовѣстныхъ должниковъ, Шамиль, на правахъ имама, собралъ въ Аваріи съѣздъ дагестанскихъ ученыхъ и предложилъ имъ принять мѣры къ ограниченію права дѣлать «нузры». Два основанія могли быть выдвинуты противъ безусловной свободы подобныхъ распоряженій. Во 1-хъ, то, что въ одномъ изъ «гедисовъ», или изреченій Магомета, записанныхъ его современниками, пророкъ высказывается открыто противъ обездоливанія однихъ законныхъ наслѣдниковъ въ пользу другихъ. Услышавъ однажды отъ одного изъ окружавшихъ его желаніе дать одному сыну больше другаго, Магометъ замѣтилъ, что не желалъ бы быть свидѣтелемъ такого акта» [4]). Отсюда возможность такого заключенія: нузръ не долженъ служить средствомъ къ обходу порядка законнаго наслѣдованія.

2) Но противъ неограниченной свободы нузровъ можно было выставить и ту цѣль, которая на первыхъ порахъ вызвала ихъ къ жизни — а эта цѣль была не иная, какъ дать богоугодное употребленіе своему имуществу, почему старинные законовѣды шафаитскаго толка и вводятъ въ понятіе нузра, «желаніе угодить Богу». Выраженіе «для Бога», т. е. чтобы сдѣлать угодное Богу, обыкновенно, хотя и не всегда, сопровождаетъ поэтому способъ распоряженія имуществомъ по нузру [5]).

1) Ibid. Письмо Амиръ-Хана къ князю Джорджадзе, начальнику сѣвернаго Дагестана отъ 20 мая 1870 г.

2) Tornau. Le droit musulman, стр. 183.

3) Шафаитскіе авторитеты признаютъ дѣйствительность нузра и тогда,

Но обращеніе къ нузру съ цѣлью избѣжать платежа долга или лишить наслѣдника его законной доли, очевидно не могутъ быть подведены подъ категорію дѣйствій, дѣлаемыхъ изъ желанія угодить Богу. Оба основанія къ ограниченію свободы распоряженій по нузру выдвинуты были Шамилемъ въ его обращеніи къ дагестанскимъ законовѣдамъ: «Если человѣкъ, сказалъ онъ, впродолженіе семидесяти лѣтъ идетъ по стопамъ вошедшихъ въ рай и поступитъ затѣмъ противно закону въ своемъ завѣщаніи, то онъ будетъ осужденъ въ будущей жизни и войдетъ въ адъ. Кто лишитъ кого-либо доли наслѣдства, установленной Богомъ, того Богъ лишитъ наслѣдства въ раю. Нѣтъ нузра тамъ, гдѣ есть преступленіе заповѣди Божіей—только то можетъ считаться нузромъ (нузръ буквально значитъ обѣтъ), посредствомъ чего человѣкъ надѣется увидать Лицо Божіе» [1]). Дагестанскіе ученые высказались въ пользу отмѣны нузровъ и допущенія ихъ только въ слѣдующемъ случаѣ, когда нузръ, по выраженію Амиръ-Хана, совершается съ цѣлью угодить Богу, какъ, напримѣръ, нузръ, дѣлаемый въ пользу внука, отецъ котораго умеръ не получивъ наслѣдства, съ тою цѣлью, чтобы дяди его не воспользовались всѣмъ наслѣдствомъ.

Отмѣна неограниченной свободы дѣлать нузры признана была уже многими изъ современниковъ Шамиля «лучшимъ его дѣломъ»; но она далеко не примирила съ собою и въ наши дни всѣхъ дагестанскихъ законовѣдовъ. Одни послѣдователи «таррикага» открыто заявляютъ себя приверженцами того воззрѣнія, что, «если побудительныя причины нузра не будутъ заключаться въ желаніи совершить дѣло, угодное Богу, а, напротивъ, въ желаніи пресѣчь наслѣдство или лишить заимодавца возможности получить долгъ, нузръ долженъ считаться недѣйствительнымъ» [2]).

Особый видъ распоряженій на случай смерти составляютъ въ

когда въ немъ отсутствуютъ выраженія «для Бога или по закону его». (Ibid., стр. 11).

[1]) Ibid, стр. 39. См. также о Низамѣ Шамиля (Сб. св. о кавк. горц., вып. II, стр. 5 и 18).

[2]) Мнѣніе Мухаммедъ Тагира Карахскаго—кадія дагестанскаго народнаго суда. (Ibid, стр. 24). Противоположный взглядъ представленъ въ наши дни акушинскимъ ученымъ Аджисъ-Али.

Дагестанѣ, какъ и во всемъ мусульманскомъ мірѣ, такъ называемые «вакуфы» или «вакфы», т. е. «пожертвованіе» собственнаго имущества въ пользу родственника или чужеродца, но такъ, чтобы надѣляемый имѣлъ лишь право пользованія, а не собственности. Путемъ вакуфовъ производится передача имущества въ наслѣдственное владѣніе—отъ сына къ внуку и далѣе въ прямой нисходящей линіи. Данное въ вакуфъ имущество не можетъ подвергнуться отчужденію. По своему юридическому характеру, вакуфы приближаются къ англійскимъ «entacls», а также къ «нашимъ заповѣднымъ имѣніямъ». Законовѣды школы Шафаи въ отличіе отъ другихъ считаютъ возможнымъ установленіе такихъ вакуфовъ какъ на недвижимую, такъ и на движимую собственность. Рядомъ съ свѣтскими вакуфами существуютъ и духовныя. Обыкновенный порядокъ надѣленія мечетей землями есть установленіе въ ихъ пользу такихъ вакуфовъ. Съ помощью ихъ имущество можетъ быть также навсегда предназначено для служенія бѣднымъ, иначе говоря, для цѣлей благотворительности. Вакуфы могутъ быть также установляемы въ пользу «сосѣдей». Подъ сосѣдями, говоритъ Мингаджъ, слѣдуетъ разумѣть жителей сорока дворовъ, расположенныхъ во всѣхъ направленіяхъ—постановленіе, которое, очевидно, не слѣдуетъ принимать буквально, а какъ выраженіе той мысли, что всѣ жители одного съ дарителемъ общества считаются его сосѣдями. Дагестанцы даютъ такое именно толкованіе только что приведенному тексту и, прилагая его на практикѣ, нерѣдко съ помощью установленія вакуфа оставляютъ въ пользу аула, гдѣ они жили, тотъ или другой участокъ пахотной земли или луга, который съ этого момента становится общей собственностью всего села.

ГЛАВА IV.

Уголовное право Дагестана.

Кровная месть.

Ни одна сфера правовой жизни Дагестана не представляетъ доселѣ такого широкаго господства обычая, какъ уголовная, а между тѣмъ ни въ одной вліяніе шаріата не могло бы быть и на самомъ дѣлѣ не является болѣе благотворнымъ. Воздѣйствіе его на адатъ не только въ состояніи оказать, но и оказало уже при имамахъ свое смягчающее вліяніе, если не совершеннымъ устраненіемъ, то по крайней мѣрѣ существеннымъ ограниченіемъ начала родоваго самосуда и кровнаго возмездія, а также проведеніемъ въ народное право чуждаго ему воззрѣнія, что преступность лежитъ не столько въ матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ частному лицу, семьѣ или роду тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, сколько въ злой волѣ виновника. Шаріату обязаны жители Дагестана, какъ мы сейчасъ увидимъ, первоначальнымъ установленіемъ въ ихъ средѣ ученія объ умыслѣ, о пособничествѣ и покушеніи, объ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, о простыхъ и квалифицированныхъ видахъ преступленій, о случаѣ и неосторожности. Самое понятіе наказанія, какъ чего-то отличнаго отъ частнаго возмездія и частнаго вознагражденія, не имѣетъ въ этой странѣ иного источника. Восполняя постановленія адата, шаріатъ впервые призналъ характеръ преступности за дѣйствіями, соверше-

ніе которыхъ не связано съ матеріальнымъ вредомъ, но зловредность которыхъ сказывается въ оскорбленіи ими религіознаго и нравственнаго чувства. Преступленія противъ вѣры, а также нѣкоторые изъ видовъ преступленій противъ нравственности всецѣло созданы имъ однимъ.

Объясненіе тому, что, при всей своей противуположности съ адатомъ, шаріатъ все же въ состояніи былъ привить отдѣльнымъ народностямъ Дагестана многія изъ основныхъ чертъ своего ученія, надо искать, по нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что это ученіе не идетъ непосредственно въ разрѣзъ съ обычаемъ, а представляетъ только позднѣйшую ступень въ его развитіи. Вѣрность этого положенія въ примѣненіи къ гражданскому праву вѣроятно будетъ признана тѣми, кто прочелъ предшествующія главы настоящаго труда. Напомнимъ здѣсь только для примѣра совпаденіе мусульманскаго закона и дагестанскаго обычая по такимъ вопросамъ, какъ существо брачнаго договора, власть мужа и отца, самостоятельность женинаго имущества, одностороннее право мужа на отпущеніе жены и на разводъ съ нею, допущеніе одного порядка законнаго наслѣдованія и подведеніе завѣщанія подъ категорію простыхъ дареній. Существованіе такого же совпаденія основныхъ началъ шаріата и адата въ области уголовнаго права должно еще быть доказано и къ этому именно доказательству мы и приступимъ въ настоящее время.—Народный обычай Дагестана стоитъ доселѣ на ступени частнаго возмездія за преступленія. Но того же начала придерживается и шаріатъ и въ частности распространенное въ Дагестанѣ ученіе Шафаи. Отправляясь отъ толкованія одного изъ приписываемыхъ пророку изрѣченій:—кто испыталъ огорченіе,—расправляется самъ и воздаетъ за зло равнымъ зломъ,—магометанскіе законовѣды единогласно признаютъ, что жизнь лица пролившаго кровь принадлежитъ родственникамъ его жертвы въ силу такъ называемой кровной мести (kesos) [1]. «Путеводитель ревнителей» (Мингаджъ) допускаетъ личное возмездіе во всѣхъ случаяхъ умышленныхъ преступленій. Но онъ требуетъ, чтобы размѣръ при-

[1]) Tornau: Le droit musulman, стр. 300.

чиняемаго преступнику вреда былъ бы равенъ полученному отъ него: за смерть отомщается смертью же, за пораненіе—раною одинаковой длины, ширины и глубины съ тою, какая была нанесена. Народный обычай допускаетъ замѣну «крови» платежемъ, но тоже дѣлаетъ и шаріатъ. По неумышленнымъ преступленіямъ, согласно своду Навави, отвѣтственность сводится къ платежу одного лишь «діэта» или выкупа [1]).

Итакъ, кровная месть и платежъ выкупа—начала равно присущія какъ народному обычаю, такъ и писаному закону мусульманъ. Все уголовное право ихъ представляетъ не болѣе, какъ послѣдовательное примѣненіе начала равнаго возмездія, иначе говоря—того jus talionis, источникъ котораго Магометъ нашелъ въ законодательствѣ Моисея.

Неудивительно послѣ этого, если, отправляясь отъ одной и той же основной точки зрѣнія, шаріатъ и адатъ обнаруживаютъ ту способность взаимнаго проникновенія, которой совершенно лишено чуждое бытовымъ условіямъ Кавказа русское законодательство. Современный обычай дагестанскихъ горцевъ уже настолько проникся началами шаріата, что изслѣдователю на каждомъ шагу приходится ставить себѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ тотъ или другой адатъ есть продуктъ самостоятельнаго юридическаго творчества народа или простое отраженіе постановленій писанаго права. Для сужденія объ этомъ недостаточно одного присутствія проводимыхъ имъ правилъ въ трактатахъ мусульманскихъ законовѣдовъ. Писаное право, какъ мы видѣли, отправляется отъ тѣхъ же началъ, что и обычное, и потому совпаденіе частныхъ нормъ того и другаго не является невозможнымъ. Единственный надежный критерій въ данномъ случаѣ есть тотъ, какой даетъ намъ сравнительно-историческое изученіе исходныхъ моментовъ въ развитіи уголовнаго права вообще. Обращеніе къ нему потребуетъ паралельнаго изученія древнихъ законодательствъ и современныхъ обычаевъ, насколько тѣ и другія заключаютъ въ себѣ переживанія того отдаленнаго періода гражданственности, при которомъ совершалось зарож-

---

[1]) См. «Отвѣтственность за убійство и пораненіе по шаріату» въ сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VIII.

деніе основныхъ юридическихъ понятій—и въ томъ числѣ понятія преступленія и наказанія. Этой эпохой, какъ извѣстно, была эпоха родоваго быта. Слѣдовательно, въ законахъ и обычаяхъ обществъ, живущихъ родовыми союзами, надлежитъ намъ искать указаній на счетъ характерныхъ чертъ древнѣйшаго уголовнаго права, а эти черты въ своей совокупности и послужатъ намъ критеріемъ при опредѣленіи народныхъ началъ и позднѣйшихъ заимствованій изъ писанаго права, какія представляютъ современные уголовные адаты Дагестана.

Исторія уголовнаго права, какъ мы сейчасъ сказали, открывается эпохою господства родовыхъ сообществъ. Будутъ ли эти сообщества устроены на началѣ материнскаго родства, или на началѣ агнатическомъ, они равно являются какъ личными, такъ и имущественными союзами. Владѣніе сообща соединяется въ нихъ нерѣдко съ общинной эксплуатаціей имущества и съ совмѣстной жизнью ближайшихъ родственниковъ, образующихъ изъ себя большую нераздѣльную семью.

Совмѣстная жизнь съ родственниками, при общности производства и потребленія, причина тому, что въ эпоху господства кровныхъ отношеній индивидуализмъ — явленіе неизвѣстное. Ни одно дѣйствіе, могущее имѣть юридическія послѣдствія, не совершается отдѣльнымъ лицомъ безъ вѣдома его близкихъ: дѣлаетъ ли частный человѣкъ какое либо заявленіе на судѣ, онъ подтверждаетъ свою клятву клятвою своихъ родственниковъ; вступаетъ ли онъ въ бракъ, онъ отъ тѣхъ же родственниковъ ждетъ уплаты слѣдуемаго за невѣсту калыма или помощи при ея увозѣ; его охота на животныхъ и людей — единственно извѣстная ему занятія—также производятся не особнякомъ, а при участіи и поддержкѣ со стороны его единокровныхъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, являются ежечасными свидѣтелями его дѣяній, и по отношенію къ нимъ выступаютъ если не въ ролѣ прямыхъ подстрекателей и пособниковъ, то по крайней мѣрѣ въ ролѣ попустителей и укрывателей. Это обстоятельство побуждаетъ одного изъ древнѣйшихъ кодификаторовъ юридическихъ обычаевъ Дагестана (я разумѣю кайтагскаго уцмія Рустема-Хана), включить въ свой сборникъ, между прочимъ, слѣдующее характерное постановленіе: «если родственники замѣтятъ кого либо

въ дурныхъ поступкахъ, — они должны его убить; въ противномъ случаѣ отвѣчаютъ за все противузаконно имъ содѣянное» [1]). При томъ тѣсномъ общеніи, какое связываетъ между собою членовъ одного кровнаго союза, неудивительно, если ихъ сообщество, въ частности, является союзомъ круговой поруки, при которой всѣ отвѣчаютъ за одного и всѣ одинаково извлекаютъ свои выгоды изъ того, что сдѣлано каждымъ членомъ въ отдѣльности. Отсюда тотъ необходимый выводъ, что преступное дѣйствіе, совершенное однимъ изъ родни, даетъ право мстить всѣмъ и каждому изъ его членовъ, и что, съ другой стороны, матеріальный вредъ, причиненный одному, считается вредомъ причиненнымъ всѣмъ, и всѣмъ одинаково даетъ право на месть. Въ древнихъ сводахъ, одной изъ задачъ которыхъ является замѣна мести выкупами, нельзя уже встрѣтить указаній на право рода убитаго обратить свою месть на любаго изъ членовъ одного съ обидчикомъ кровнаго союза. Но память о немъ продолжаетъ держаться въ требованіи, чтобы, въ случаѣ бѣгства виновника убійства, причитающаяся съ него вира была выплачена потерпѣвшему роду оставшимися на лицо родственниками бѣглеца.

Въ кельтическихъ и скандинавскихъ источникахъ можно найти не одинъ фактъ для иллюстраціи этой мысли. Въ одномъ изъ сборниковъ судебныхъ рѣшеній ирландскихъ посредниковъ или брегоновъ мы читаемъ: «вся семья преступника подлежитъ преслѣдованію; вся семья обязана совершить платежъ, причитающійся за преступленіе въ случаѣ бѣгства преступника», а подъ семьею разумѣется, какъ видно далѣе изъ того же текста, не малая, а большая семья, въ составъ которой входятъ братья и отецъ. Нѣтъ ея на лицо, продолжаетъ цитируемый нами источникъ, отвѣтственность падаетъ на дальнѣйшихъ родственниковъ, проходя черезъ всѣ тѣ группы родства, какія признаетъ ирландское право [2]).

[1]) Текстъ этого сборника помѣщенъ ген. Комаровымъ въ приложеніи къ его статьѣ: адаты и судопроизводство по нимъ (стр. 87), вып. I, сб. св. о кавк. горц.

[2]) «Every family is suable. Every family is liable to pay after the evasion of a criminal; when he has no «deirbhfine» division, the «ta-

Въ древнѣйшемъ шведскомъ правѣ и въ частности въ правѣ вестроготовъ отвѣтственность за убійство со стороны всего рода и не только отеческаго, но и материнскаго, сказывается въ томъ, что на ряду съ «arvaebot», пенею платимою самимъ преступникомъ, оно признаетъ еще такъ называемый «aettarbot», въ платежѣ которой наравнѣ съ наслѣдникомъ убійцы участвуютъ три родственника со стороны отца и такое же число родственниковъ со стороны матери [1]). Участіе отцовской и материнской родни въ платежѣ выкупа извѣстно также древнему датскому праву [2]), а что оно было общимъ правиломъ у всѣхъ вообще древнихъ германцевъ, это слѣдуетъ изъ хорошо извѣстнаго текста Тацита: получаетъ вознагражденіе за убійство, а, слѣдовательно, соотвѣтственно и платитъ его весь дворъ (universa domus) [3]), а также изъ того, что у Саксовъ въ отмщеніи участвовали родственники до седьмой степени включительно [4]).

Въ обычномъ правѣ горскихъ народностей Кавказа отвѣтственность всѣхъ родственниковъ за преступленіе, совершенное однимъ изъ ихъ среды, продолжала держаться до послѣдняго времени во всей своей архаичности. Говоря это, я разумѣю, что месть могла быть направлена противъ любаго изъ членовъ одного съ обидчикомъ рода. Съ особенной наглядностью этотъ фактъ выступаетъ въ бытѣ черкесовъ кубанской области, у которыхъ, не далѣе, какъ въ 1849 году, по словамъ барона Сталя, въ случаѣ убійства, «родъ мститъ роду, аулъ—аулу» [5]). Въ на-

dibhfine» division bears it (theliability), oran iarfine division (Of the judgment of every crime) Ancient laws of Ireland, VIV, 243. Объясненіе терминовъ, выражающихъ различныя группы родственниковъ см. у Skene. History of the Kingdom of Alban, т. III и у Dareste. Etudes d'histoire du droit, стр. 373.

1) Lois de Vestrogotie, trad. Beauchet, livre II (Revue hist. de droit français et etranger, Mars-Avil, 1887, n. 2, p. 216).

2) L'amende du meurtre, говорятъ Dareste, se paye en trois fois, mais le coupable ne supporte qu'un tiers de chaque paiement. Les deux autres, tiers sont fournis, l'un par les parents paternels, l'autre par les parents maternels. Reciproquement l'amende payee ne profite que pour un tiers au plus proche heretier du defunt (Dareste, p. 315).

3) Tacitus. Germania, cap. 21.

4) Lex Saxonum, II, 6.

5) Леонтовичъ. Адаты кавказскихъ горцевъ, т. I, стр. 165

стоящее время «кровью за кровь отвѣчаетъ только семейство убійцы». Въ концѣ прошлаго столѣтія кровомщеніе носило точно такой же родовой характеръ и у осетинъ, какъ видно изъ слѣдующаго показанія Рейнегса, не разъ посѣтившаго занимаемыя этой народностью ущелья: «Слѣдуя старинному обыкновенію, семья потерпѣвшаго ищетъ возмездія и осуществляетъ его не рѣдко на отдаленнѣйшемъ родственникѣ убійцы (bis ins tausendste glied, читаемъ мы въ текстѣ) [1]. По адатамъ чеченцевъ, родственникамъ убитаго равно предоставляется убить въ отмщеніе самого убійцу или какого-либо изъ его родственниковъ [2]. Ингуши допускаютъ примѣненіе кровной мести къ роднымъ братьямъ, дядямъ и племянникамъ убійцы, но исключительно по мужской линіи [3].

Въ связи съ только что приведенными фактами становится понятнымъ, что чѣмъ больше число лицъ, которыхъ адатъ признаетъ подлежащими кровомщенію или такъ называемыми канліями, чѣмъ ближе онъ стоитъ къ признанію родоваго характера возмездія, тѣмъ большее право имѣемъ мы утверждать, что въ его постановленіяхъ слѣдуетъ видѣть буквальное отраженіе народныхъ началъ, свойственныхъ всякому обществу переживающему родовой періодъ своего развитія. Но въ этомъ отношеніи обычаи отдѣльныхъ дагестанскихъ обществъ значительно рознятся между собою. Тогда какъ въ магалахъ Ганкъ, Ганшъ и Мюра, расположенныхъ въ Верхнемъ Кайтагѣ, число родственниковъ, подлежащихъ наравнѣ съ убійцею кровомщенію обиженнаго рода, достигаетъ цифры семи человѣкъ [4], въ Каракайтагѣ число ихъ не превышаетъ четырехъ [5], въ Сѣверной Табасарани—трехъ [6], въ Магалѣ Гамринскомъ и селеніи Башлы—одного [7], а въ самурскомъ округѣ родовому возмездію подвергается исключительно одинъ виновникъ преступленія [8].

1) Reineggs, I-er B, S. 221.
2) Леонтовичъ. Адаты, т. II, стр. 93.
3) Ibid., стр. 148.
4) Адаты южно-даг. обществъ (сб. св. о Кавк. горц., в. VIII. стр. 23).
5) Ibid., стр. 42.
6) Ibid., стр. 30.
7) Ibid., стр. 51.
8) Ibid., стр. 63.

Перечисленные нами аулы принадлежатъ безразлично къ числу южно-дагестанскихъ обществъ. Въ даргинскомъ округѣ можно отмѣтить не меньшее разнообразіе въ рѣшеніи вопроса, кто на ряду съ виновнымъ можетъ быть объявленъ канліемъ или подлежащимъ кровомщенію. Всего чаще шесть ближайшихъ родственниковъ лица, виновнаго въ убійствѣ или увозѣ женщинъ, объявляются «канлы» и въ отличіе отъ преступника, признаваемаго главнымъ канліемъ (башъ-канлы), именуются малъ или иль-канлы. Право же кровомщенія признается въ этомъ случаѣ за всѣми родственниками убитаго [1]). Но въ акутинскомъ, микахинскомъ и мучинскомъ обществахъ виновный въ убійствѣ одинъ дѣлается канлы и никакого малъ-канлы не назначается [2]). Въ урахлинскомъ обществѣ число малъ-канлы равняется тремъ, при чемъ ими могутъ быть и женщины, если онѣ принадлежатъ къ ближайшимъ родственницамъ преступника; если послѣдній женатъ, первой въ число малъ-канлы назначается жена [3]). Въ цахурскомъ же обществѣ «вмѣстѣ съ преступникомъ считается канлы и все семейство его, живущее въ одномъ съ нимъ домѣ; оно подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго наравнѣ съ самимъ убійцею» [4]).

Переходя къ горскимъ ауламъ Дагестана, мы въ аулахъ андійскаго округа и нѣкоторыхъ селеніяхъ унцукульскаго общества (гунибскаго округа) встрѣчаемся съ правиломъ, по которому все семейство убійцы, наравнѣ съ нимъ, попадаетъ въ канлы [5]). Въ казикумухскомъ округѣ вмѣстѣ съ убійцею въ канлы входитъ одинъ ближайшій родственникъ [6]). Въ аварскихъ же, дидайскихъ и капучинскихъ обществахъ, а также на протяженіи всего закатальскаго округа, отвѣтственность убійцы

1) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, выпускъ 7, стран. 15 и 16.

2) Ibid., стр. 34, 47, 61.

3) Ibid., стр. 85.

4) Ibid., стр. 113.

5) Сборникъ адатовъ гунибскаго округа въ рукописи, сохраняемой при окружномъ управленіи. Сборникъ адатовъ, существующихъ между жителями андійскаго округа (1865 г.) въ рукописи.

6) Сборникъ адатовъ казикумухскаго округа (1865 г.), въ рукописи.

уже является чисто личной и въ канлы выходитъ поэтому онъ одинъ [1]).

Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мщенію наравнѣ съ виновнымъ подлежитъ и опредѣленное адатомъ число его родственниковъ, остальное родство не вполнѣ освобождается отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ кровникамъ. «Въ селеніи Башлы, принадлежащемъ къ кайтагскому округу, до тѣхъ поръ пока убійца не уплатитъ, на правахъ задатка, такъ называемаго «шаріатъ-ахча», въ размѣрѣ трехъ рублей тридцати копѣекъ», т. е. не приступитъ къ частичному выполненію obligatio et delicto, «родственники убитаго вправѣ убить перваго встрѣчнаго родственника убійцы» [2]). Въ Сѣверной Табасарани, пока не будетъ указано какія лица должны идти въ канлы вмѣстѣ съ преступникомъ; «всѣ члены одного съ нимъ тохума или рода, безъ различія степеней, не должны показываться на глаза родственникамъ того, кто сдѣлался жертвою преступленія, подъ опасеніемъ быть убитыми» [3]). Когда же состоится выборъ лицъ, идущихъ въ канлы, всѣ остальные родственники убійцы обязаны прочесть «фатиха» (первую главу корана).

Въ этихъ фактахъ трудно не видѣть указанія на то, что первоначально кровомщенію, наравнѣ съ прямымъ виновникомъ преступленія, подлежали въ Дагестанѣ и всѣ члены одного съ нимъ рода.—Какія же, спрашивается, причины вызвали постепенное ограниченіе этого родоваго возмездія ближайшими родственниками, а затѣмъ совершенную замѣну его личною отвѣтственностью виновнаго. Если источникъ перваго лежитъ въ постепенномъ распаденіи родовъ на болѣе или менѣе численныя группы родственниковъ, сводныя семьи или семейныя общины,

1) См. сборникъ адатовъ аварскаго народа, составленный Калантаровымъ въ 1865-мъ году, рукопись;—см. также адаты, собранные въ іюлѣ мѣсяцѣ 1884 г. помощникомъ начальника гунибскаго округа кн. Андрониковымъ,—рукопись, хранящаяся въ Бежитѣ.—По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ полковникомъ Узбашевымъ, въ закатальскомъ округѣ мстить можно только виновнику преступленія, а не его родственникамъ.

2) Адаты южно-дагест. общ., стр. 57.

3) Ibid., стр. 20.

то второе, несомнѣнно, объясняется прямымъ воздѣйствіемъ шаріата. Въ мингаджѣ, въ томъ толкованіи его, которое пользуется въ Дагестанѣ всеобщимъ признаніемъ, прямо значится: Убійцѣ (а никому другому) мститъ смертью наслѣдующій убитому», (а не всѣ родственники послѣдняго), и далѣе: «За раны, нанесенныя не случайно, виновые (а никто другой) подвергаются «киссасу», т. е. имъ въ отмщеніе наносятъ подобную же рану»[1]).

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что установленіе начала личной отвѣтственности есть дѣло шаріата, а не адата. Тотъ фактъ, что оно выступаетъ въ полной силѣ въ тѣхъ частяхъ Дагестана, которыя наиболѣе проникнуты духомъ мусульманскаго ученія или издавна, подобно аварскимъ обществамъ, состояли въ подчиненіи у преданныхъ началамъ магометанства мѣстныхъ правителей или хановъ, какъ нельзя лучше согласуется съ фактомъ замѣны родовой отвѣтственности личной подъ вліяніемъ писанаго закона или шаріата.

На основаніи всего предыдущаго мы въ правѣ прійти къ слѣдующимъ выводамъ. При отсутствіи государственной власти, которое характеризуетъ собою древнѣйшее устройство Дагестана, населявшіе его родовые союзы (тохумы) придерживались началъ родового самосуда и неограниченнаго кровнаго возмездія. Развившаяся со временемъ политическая власть хановъ Уцміи султана подъ вліяніемъ шаріата постепенно сократила районъ дѣйствія кровной мести, ограничивъ его ближайшими родственниками преступника и его жертвы. Спрашивается теперь, гдѣ видѣть источникъ самой мести? Откуда могло возникнуть стремленіе искать не вознагражденія произведеннаго преступленіемъ вреда, а причиненія обидчику физическаго страданія? И какой характеръ носитъ самая эта месть: является ли она чѣмъ-то вынуждаемымъ религіей, или нѣтъ,—чѣмъ-то обязательнымъ или добровольнымъ?

Вопросъ о происхожденіи мести—вопросъ метафизики, такъ

[1]) См. сравненіе нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ съ соотвѣтствующими постановленіями книгъ «Магали» (VIII. сб. св. о Кавк. горц.).

какъ онъ связанъ съ самымъ фактомъ возникновенія чувствъ мести. Исторіи права очевидно нечего задаваться имъ; ей остается признать это чувство, какъ фактъ, проявляющійся у людей съ ихъ младенческаго возраста, побуждающій, напр., дѣтей наносить удары всему, что причиняетъ имъ физическую боль. Но отъ естественнаго чувства мести, свойственнаго въ такой же мѣрѣ животнымъ какъ и человѣку, до обязательности этой мести еще далеко, и возникаетъ поэтому вопросъ, существовала ли такая обязательность и, если существовала, то чѣмъ вызывалась? Вопросъ этотъ лежитъ, очевидно, уже внѣ сферы метафизики и можетъ быть рѣшенъ съ помощью имѣющагося въ нашемъ распоряженіи историческаго и этнографическаго матеріала.

Обращаясь къ послѣднему, мы находимъ, что у народовъ, живущихъ родовыми сообществами и практикующихъ культъ предковъ, считается позоромъ оставлять не отмщенными извѣстные виды дѣяній: убійство родственника, оскорбленіе семейной чести путемъ ли прелюбодѣянія или неуважительнаго отношенія къ предметамъ семейнаго культа, какъ-то: разрытіе могилъ предковъ или открытое оскорбленіе послѣднихъ обидными для нихъ символическими дѣйствіями въ родѣ посвященія имъ зарѣзываемыхъ собакъ и кошекъ—обряда, доселѣ соблюдаемаго многими горцами Кавказа, и т. п.

Переходя къ историческимъ свидѣтельствамъ, мы и въ нихъ находимъ указаніе на обязательный характеръ мести; воздержаніе отъ нея считается дѣйствіемъ позорнымъ. Исландскія саги разсказываютъ, напр., о томъ, какъ одна мать дала пощечину сыну, медлившему въ осуществленіи мести за убійство отца, и какъ до самаго момента отмщенія сынъ получалъ отъ нея вмѣсто пищи камень.

Не фактическимъ отношеніемъ, а регулируемымъ путемъ обычая правомъ является месть въ памятникахъ средневѣковаго законодательства. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи тѣ факты, какіе раскрываютъ предъ нами бытовые памятники фризовъ и аллеманскаго населенія Швейцаріи. Приведу для примѣра одинъ отрывокъ изъ сочиненія брабантскаго священника Томаса Кантипрантануса, середины XIII в. Съ древнѣйшихъ временъ, го-

ворить этотъ писатель, фризы «in consuetudinem immanissimum habebant» другими словами считали обязательнымъ для себя обычаемъ, чтобы при убійствѣ человѣка трупъ его не подвергаемъ былъ погребенію до тѣхъ поръ, пока въ отмщеніе за его смерть не будетъ убито нѣсколько или по крайней мѣрѣ одинъ человѣкъ изъ рода убійцы. Однохарактерныя свидѣтельства изъ позднѣйшей даже эпохи (XIV и XV столѣтій) дошли до насъ изъ Швейцаріи. Что касается до Англіи, то и въ ней, судя по хроникамъ Беды, месть въ саксонскій періодъ выступаетъ еще съ характеромъ какого-то регулируемаго обычаемъ права. «Я могъ бы убить тебя, говоритъ въ передачѣ Беды одинъ англо-саксонскій старѣйшина, такъ какъ ты убилъ моего родственника». Не терпимымъ, а вполнѣ законнымъ явленіемъ признаютъ месть и скандинавскіе источники. Исландскій грагасъ, древнѣйшее законодательство шведовъ и норвежцевъ, прилагаетъ къ ней тѣ самыя выраженія, какія употребительны для обозначенія правомѣрнаго дѣянія. Наконецъ, обращаясь къ нашему древнѣйшему своду и прочитывая первую его статью, мы находимъ въ словахъ: убьетъ мужъ мужа, то мститъ брату братъ, и т. д.,— рѣшительное доказательство тому, что месть не только была терпима, но и допускалась по праву.

Остается еще вопросъ, была ли она обязательной по религіознымъ причинамъ, или нѣтъ? Изъ нѣмецкихъ писателей, Филиппсъ высказалъ тотъ взглядъ, что месть считалась обязательной по религіознымъ мотивамъ. Доказательство этому онъ видѣлъ въ томъ, что осуществляющій месть родственникъ въ самый моментъ ея совершенія призывалъ въ свидѣтели боговъ. Взглядъ Филиппса встрѣтилъ рѣшительный отпоръ въ Вильдѣ, и надо согласиться съ послѣднимъ, что въ германскихъ источникахъ не сохранилось данныхъ въ подтвержденіе взгляда о религіозномъ характерѣ мести. Объясняется это, разумѣется, тѣмъ, что самые памятники, изъ которыхъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о кровной мести у германцевъ, относятся къ христіанской эпохѣ, когда духовенству удалось уже освободить обычай отъ тѣхъ вліяній, какія оказывали на него языческія вѣрованія. Взглядъ Филиппса, между тѣмъ, по существу своему вѣренъ, его можно подкрѣпить нѣкоторыми данными изъ быта

народностей, доселѣ живущихъ родовыми союзами и продолжающихъ придерживаться культа предковъ.

Въ сказаніяхъ кавказскихъ горцевъ какъ сѣвернаго, такъ и южнаго склона главнаго хребта часто упоминается о томъ, какъ отомстившій за смерть отца сынъ идетъ на его могилу, вырываетъ въ ней яму и, приложивъ лицо къ ней, говоритъ покойнику: «теперь ты можешь быть мною доволенъ, я отомстилъ за твою смерть». Нерѣдко также приходится слышать въ нихъ разсказъ о томъ, какъ тотъ или другой покойникъ въ сновидѣніяхъ являлся своему потомку, то требуя отъ него мщенія, то разрѣшая ему замѣнить месть поминками. Всюду, гдѣ удержалось право мщенія, головы убитыхъ, а иногда ихъ руки считаются семейными трофеями и располагаются у главнаго входа въ саклю или же прибиваются къ могиламъ убитыхъ. Мнѣ не разъ приходилось видѣть подобныя трофеи въ горныхъ обществахъ Дагестана у капучинцевъ и дидойцевъ, а также у ведшихъ съ ними почти непрекращающуюся войну хевсуръ, кистовъ и тушинъ. Во многихъ мѣстахъ обычай разрѣшаетъ замѣнить убійство отрѣзываніемъ праваго уха, которое затѣмъ и украшаетъ собою входъ въ главное помѣщеніе семьи. То обстоятельство, что, согласно показаніямъ генерала Комарова, въ старые годы отмщеніе производимо было обыкновенно или на мѣстѣ, гдѣ палъ убитый, или на его могилѣ, говоритъ намъ о томъ, что мстители ставили совершаемое ими возмездіе въ непосредственную связь съ судьбою покойника. Всего нагляднѣе, однако, религіозный характеръ мести,—воззрѣніе на нее, какъ на обязательство живущихъ поколѣній по отношенію къ умершимъ,—выступаетъ изъ характера тѣхъ дѣйствій, какія предпринимаются убійцами съ цѣлью избѣжать кровомщенія. Въ траурной одеждѣ, съ отпущенными волосами приходитъ на могилу убитаго имъ осетинскій убійца, производя при этомъ особый обрядъ самопосвященія, кифаэль-дисинъ, состоящій въ томъ, что онъ добровольно отдаетъ себя въ руки покойника, а послѣдній черезъ посредство потомка прощаетъ ему его обиду.

Обязательство мщенія, какъ чего-то вынуждаемаго религіей, въ частности—культомъ предковъ, выступаетъ и въ требованіи, чтобы родственникъ не сразу соглашался на выкупъ, а послѣ

добровольнаго уничиженія себя обидчикомъ. Убійца обязательно долженъ покинуть свое прежнее мѣстопребываніе и, когда родственники его уговорятся насчетъ выкупа, въ скромномъ одѣяніи, съ поникшей головой, по цѣлымъ часамъ упрашивать «ищущаго крови», чтобы онъ принялъ предлагаемый имъ выкупъ, хотя бы на этотъ счетъ и состоялось уже предварительное соглашеніе. Отмѣчаю тѣмъ охотнѣе эту бытовую черту, что она встрѣчается и въ древнемъ правѣ нѣкоторыхъ германскихъ народностей. Скандинавскимъ Правдамъ, напр., извѣстно требованіе съ обидчика дополнительной пени за то, что онъ громко, во всеуслышаніе предлагалъ выкупъ родственнику обиженнаго имъ лица, вслѣдъ за нанесеніемъ имъ самой обиды.

Въ дагестанскихъ обществахъ месть сохраняетъ доселѣ характеръ чего то обязательнаго, но подавленіе магометанизмомъ малѣйшихъ проявленій домашняго культа — культа предковъ причина тому, что ея религіозный источникъ не можетъ быть болѣе обнаруженъ. Какъ въ андійскомъ округѣ, такъ и въ аварскомъ, казикумухскомъ и самурскомъ—убійца обязательно долженъ покинуть свое мѣстожительства [1]). Все имущество его разграбляется родственниками убитаго. Они разносятъ его жилище, вырубаютъ его садъ, уничтожаютъ всю его движимость, топчатъ ногами своихъ лошадей его сѣнокосы и нивы. Преступникъ обязанъ жить въ изгнаніи, сдѣлаться абрекомъ до тѣхъ поръ, пока родственники убитаго не согласятся простить его, получивъ отъ него выкупъ. Домъ, въ которомъ жилъ убійца, не можетъ быть воздвигнуть вновь до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ прощеніе [2]). Возможно, что родственники убитаго совершенно откажутъ въ немъ убійцѣ и въ такомъ случаѣ онъ умираетъ въ изгнаніи и самое тѣло его не можетъ быть погребено въ родной землѣ иначе, какъ съ разрѣшенія враждебнаго ему рода и каждый разъ подъ условіемъ производства особаго платежа [3]). Если вопреки запрещенію, каплы

---

1) Въ дидойскихъ и нѣкоторыхъ анцухскихъ обществахъ убійца не изгоняется изъ селенія, а до примиренія содержится безвыходно дома подъ наблюденіемъ сельскаго начальства. (Комаровъ, стр. 28).

2) Рук. сб. адатовъ андiйскаго округа.

3) См. южн.-дагест. адаты, стр. 57.

снова появится на родинѣ, каждый изъ рода убитаго вправѣ причинить ему смерть, не подвергаясь за это никакимъ невыгоднымъ для себя послѣдствіямъ. Общественныя власти налагаютъ особый штрафъ на того, кто до помилованія его родомъ убитаго позволитъ себѣ снова показаться на глаза родственникамъ своей жертвы [1]). Сами же родственники считаютъ себя обязанными убить его при встрѣчѣ. Чтобы избѣжать этой встрѣчи, они, по крайней мѣрѣ, въ даргинскомъ округѣ, обязаны, отправляясь въ ту деревню въ которой живетъ преступникъ, предупредить его о своемъ приходѣ и тѣмъ каждый разъ доставлять ему возможность скрыться. Если родственникъ убійцы зайдетъ въ такую деревню, не предупредивъ о своемъ приходѣ, сельское общество (джамаатъ) вправѣ заставить его заключить мировую съ канлы.

Не во всѣхъ, впрочемъ, аулахъ помилованіе канлы всецѣло поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго рода. Во многихъ мѣстностяхъ обычай установилъ сроки, долѣе которыхъ не должно продолжаться изгнаніе. Такимъ срокомъ для виновника убійства является обыкновенно наступленіе четвертаго года со времени совершенія преступленія [2]); для тѣхъ же, кто сопровождаетъ его въ изгнаніе, будутъ ли это семья, одинъ или нѣсколько родственниковъ, обычнымъ срокомъ считается гдѣ полгода, а гдѣ и три мѣсяца, въ нѣкоторыхъ аулахъ достаточно и сорока дней со времени бѣгства [3]).

Въ случаѣ помилованія виновнаго родственниками убитаго, канлы, одѣвшись въ саванъ съ привѣшенной къ боку шашкой, являлся одинъ или въ сопровожденіи стариковъ, обыкновенно

---

1) Если убійца, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ Верхняго Кабтача, до примиренія прійдетъ домой и о томъ узнаютъ его враги, то тотчасъ просятъ объ удаленіи его, а съ него или его родственниковъ взыскиваютъ, за каждый проведенный имъ вечеръ, по одному быку. (Ibid., стр. 33). Удаленный за изнасилованіе замужней женщины, до примиренія съ мужемъ, не долженъ приходить въ свою деревню; въ противномъ случаѣ съ него взыскивается два быка въ пользу джамата. (Адат. микатинскаго общ., даргинскаго округа. Вып. VII, стр. 51).

2) Сб. адатовъ Даргинскаго округа, стр. 11.

3) Въ самурскомъ округѣ изгнаніе башъ-канлы длится всего полгода (Южно-Дагест. адаты стр. 63).

ночью, во дворъ ищущаго крови, другими словами—ближайшаго родственника убитаго, бросался предъ нимъ на колѣни и отдавалъ себя въ его руки.

У кумыковъ темиръ-ханъ-шуринскаго округа, по описанію г-на Комарова [1]), обрядъ примиренія совершается слѣдующимъ образомъ: старикъ и кадій приводятъ убійцу и ставятъ его вдали отъ родственниковъ убитаго, такъ чтобы только можно было разсмотрѣть его лицо; кадій становится посрединѣ и молится о примиреніи враждующихъ; молитву свою онъ заканчиваетъ чтеніемъ «фатихе» (первая глава Корана). Фатихе повторяютъ за нимъ и примиряющіяся стороны. По окончаніи молитвы кадій вытираетъ лицо руками въ знакъ благодарности Богу за ниспосланный миръ. Прощенный убійца приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на пиршество. Какъ только гости подойдутъ къ дверямъ дома, въ которомъ ждетъ ихъ угощеніе, убійца съ обнаженной головой падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближайшій роственникъ убитаго не скажетъ ему: «встань, мы простили тебя». Во время угощенія, прощенный канлы стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чаши съ родственниками убитаго [2]).

Описанный нами порядокъ кровнаго возмездія и оканчивающаго его примиренія составляетъ, можно сказать, общее правило. Отступленіемъ является, напримѣръ, допущеніе извѣстнаго перерыва въ осуществленіи кровной мести. Пока продолжается этотъ перерывъ, убійство виновнаго или любаго изъ его род-

1) Комаровъ, стр. 35.

2) Въ адатахъ кюринскаго округа мы читаемъ: При примиреніи соблюдается слѣдующій обрядъ: на канлы надѣваютъ бѣлый саванъ и опаясываютъ его шашкою; въ этомъ нарядѣ ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, какъ бы въ знакъ того, что онъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе для казни и платье для погребенія. Подошедши къ воротамъ, они останавливаются; въ это время изъ дома противника выходитъ уполномоченный, который, снявъ съ канлы саблю и саванъ, гладитъ его головѣ. «Мулла произноситъ затѣмъ молитву «фатихе» и преступленіе предается забвенію» (Южно-Дагест. адаты, стр. 6).—Тѣ же обряды соблюдаются и въ самурскомъ округѣ (ibid, стр. 63) и въ даргинскомъ (см. о послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами, вып. VIII. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 4).

ственниковъ родомъ обиженнаго не считается дозволеннымъ, хотя бы убійца, временно вернувшись на родину, попался снова на глаза кого либо изъ родственниковъ своей жертвы. Такой практики придерживается, между прочимъ, населеніе нѣкоторыхъ селъ гунибскаго округа.

Въ адатахъ тлейсерухскаго общества мы читаемъ: хотя убійца и идетъ въ канлы на три года, но въ правѣ ежегодно проводить десять дней въ родномъ аулѣ. Если за это время онъ будетъ убитъ кѣмъ либо изъ родственниковъ убитаго, его убійца признается виновнымъ въ нарушеніи адата, подвергается кромщенію и выходитъ въ канлы срокомъ на три года [1]).

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующія частности изучаемой нами системы. Онѣ, какъ нельзя лучше, иллюстрируютъ нашу мысль объ обязательности мщенія. Если убійца неизвѣстенъ, роду потерпѣвшаго предоставляется самому указать того, кого онъ подозрѣваютъ въ убійствѣ. Лицо это должно явиться по зову въ домъ старшаго родственника убитаго. Кто не исполнитъ этого требованія, признаетъ себя тѣмъ самымъ виновнымъ въ убійствѣ и становится канлы. Пришедшій по зову рискуетъ быть убитымъ. Но разъ онъ отпущенъ невредимымъ, месть тѣмъ самымъ прекращается [2]). Если убійца умретъ въ изгнаніи до момента примиренія, кровная месть не оставляетъ его рода; на мѣсто умершаго канлы становится одинъ изъ его родственниковъ. Если и этотъ умретъ, мѣсто его занимаетъ третій—до седьмаго включительно. Со смертью этого седьмаго наступаетъ конецъ всякой мести.

Что доказываютъ всѣ эти факты, какъ не то, что кровомщеніе считается не только неизбѣжнымъ, но и необходимымъ. Обычай не останавливается ни передъ невозможностью открыть дѣйствительнаго виновника, ни передъ смертью преступника. Пока кровь не смыта кровью, честь рода считается запятнанной. Отсюда требованіе, чтобы канлы постоянно былъ на лицо

[1]) Рукописи окружнаго управленія.

[2]) См. въ частности адаты селеній Гиäри, Ахксентъ и Ашильта Інцукульскаго общества—въ сборникѣ адатовъ Гунибскаго округа (рукопись окружнаго управленія).

и чтобы мщеніе прекращено было не иначе, какъ въ силу помилованія со стороны потерпѣвшаго рода.

Та же обязательность мщенія выступаетъ и изъ того факта, что считается «непорядочнымъ» скоро и легко соглашаться на примиреніе [1]), что брать выкупъ съ извѣстныхъ категорій преступниковъ и въ частности—съ прелюбодѣевъ «позорно», и что въ нѣкоторыхъ аулахъ замѣна кровомщенія платежомъ вовсе недопускается, такъ что единственнымъ средствомъ къ прекращенію мести является помилованіе, сопровождаемое пиршествомъ, издержки котораго платитъ канлы.

Есть при этомъ нѣкоторыя указанія на то, что помилованный принимаемъ былъ въ родъ помиловавшаго, такъ что оба становились съ этого момента кровными братьями [2]), (Канъ-Кардашъ) — порядокъ, примѣры котораго представляютъ намъ въ числѣ другихъ родовыя усобицы американскихъ краснокожихъ [3]). Помилованный, говоритъ г-нъ Комаровъ, замѣняетъ собою убитаго имъ. Ему вмѣняется поэтому въ долгъ исполнять тѣ обязанности, какія возлагаются родствомъ: ухаживать за состоящими въ живыхъ родственниками своей жертвы и участвовать въ поминкахъ, совершаемыхъ по умершимъ; въ частности—онъ долженъ возможно часто посѣщать могилу убитаго имъ [4]).

На сколько старины описанныя нами порядки мести и примиренія можно судить по тому, что о нихъ упоминается уже въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ сборникахъ адатовъ кайтагскаго уцмійства. Этихъ сборниковъ мнѣ извѣстно два: одинъ изданъ г-номъ Комаровымъ, другой списанъ мною съ рукописи, принадлежащей окружному управленію кайтаго-табасаранскаго округа.

Сборники эти мало чѣмъ разнятся другъ отъ друга. Происхожденіе того и другаго одинаково приписывается Рустемъ-Хану, о которомъ въ концѣ хранящейся въ Дербентѣ рукописи

1) О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій (вып. VIII, Сб. свѣд. о Кавк. горц.. стр. 4-ая.

2) Магалъ Терекеме (Ю.-Даг. ад., стр. 48).

3) См. Evolution de la famille; epoque patriarcale.

4) Адаты и судопроизводство по нимъ, А. В. Комарова, стр. 35.

значится, что «послѣ смерти отца своего Ханъ-Магомеда-Уцмія онъ вступилъ во владѣніе Кайтагомъ, что случилось въ 1601 году, умеръ же онъ въ началѣ 1631 года. Рустемъ-Ханъ получилъ двѣ грамоты отъ Шахъ-Аббаса персидскаго въ 1609 и 1610 годахъ, а третью—отъ Шахъ-Сафія въ 1629 году».

Изъ этой переписки видно, что нѣтъ основанія относить адаты уцмійскаго владѣнія къ XII-му вѣку, какъ это дѣлаютъ г-нъ Комаровъ, а затѣмъ профессоръ Леонтовичъ, но что при всемъ томъ они отличаются значительной древностью. Предшествуя по времени своей редакціи не только русскому завоеванію, но и появленію мюридизма, а также возросшему благодаря ему вліянію шаріата, адаты эти знакомятъ насъ съ обычнымъ правомъ Дагестана въ его чистомъ видѣ. Что же постановляютъ эти адаты по интересующему насъ вопросу? какія послѣдствія приписываютъ они убійству? Въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующимъ доселѣ обычаемъ, они требуютъ назначенія канлы или обязаннаго идти въ изгнаніе «кровника» во всѣхъ случаяхъ насильственной смерти. Въ случаѣ убійства кого-либо въ свалкѣ, происшедшей между многими лицами, когда лицо убійцы остается неизвѣстнымъ, родственникамъ убитаго предоставляется назначить въ канлы или признать кровнымъ врагомъ кого пожелаютъ изъ числа тѣхъ, кто участвовалъ въ свалкѣ. Пролившій кровь долженъ всячески избѣгать присутствія оскорбленнаго имъ рода: «съ канлы, который не выѣдетъ изъ селенія въ которомъ пребываетъ ищущій его крови, значится въ сообщаемомъ г. Комаровымъ текстѣ, падлежитъ взыскивать въ пользу общества сто карп хабцалдику. Карп—мѣра длины, равняющаяся приблизительно одинадцати съ половиною русскимъ вершкамъ, а хабцалдикъ—грубая пеньковая матерія, приготовляемая въ Кайтагѣ и Табасарани.

На практикѣ запрещеніе пребывать въ одной мѣстности съ обиженнымъ имъ родомъ весьма часто совпадаетъ съ требованіемъ покинуть прежнее мѣстожительство и искать убѣжища въ изгнаніи. Адаты уцмія Рустема предписываютъ жителямъ оказывать канлы полное гостепріимство. Если прибудетъ откуда нибудь канлы, то принимать его, а не высылать, значится въ одной изъ статей его кодекса.

Но пріемъ, дѣлаемый канлы, не долженъ выходить за предѣлы простой терпимости. Оказывать ему дѣятельную помощь и поддержку никто не вправѣ. Въ частности никто не долженъ сопровождать его въ его поѣздкахъ. Если канлы пожелаетъ поѣхать куда-нибудь, то съ нимъ никому не ѣздить, постановляетъ кодексъ Рустема, прибавляя, въ качествѣ угрозы: «Если будетъ убитъ ѣдущій вмѣстѣ съ канлы, кровь его считать безвозмездной».

Положеніе канлы во все время его изгнанія — положеніе человѣка болѣе или менѣе безправнаго, поэтому кодексъ Рустема предписываетъ взыскивать сто карп хабцалдику съ того, кто поведетъ канлы на разбирательство по какому-нибудь дѣлу къ кадію или въ общество.

Какъ и въ наши дни, пролитіе крови не ведетъ къ изгнанію одного только убійцы,—виновнымъ признается весь родъ его. Эта отвѣственность рода формулирована въ кодексѣ Рустема въ слѣдующихъ словахъ: «если родственники замѣтятъ кого-либо въ дурныхъ поступкахъ, они вправѣ убить его; въ противномъ же случаѣ обязаны отвѣчать за всѣ его противузаконныя дѣянія. Изъ этой отвѣтственности всего рода или тохума вытекаетъ то послѣдствіе, что месть можетъ быть направлена и помимо убійцы противъ любаго изъ членовъ его тохума, и что въ изгнаніе, вмѣстѣ съ убійцею, идетъ также большее или меньшее число его родственниковъ. Первое открыто выражено въ слѣдующей статьѣ Рустемовскаго кодекса: «Если убьютъ кого два человѣка, то родственникамъ убитаго предоставляется право убить одного изъ родственниковъ убійцы — кого они пожелаютъ, а самаго убійцу простить, съ взысканіемъ 60 рублей и шаріатскихъ денегъ въ двойномъ размѣрѣ». Это правило терпитъ, впрочемъ, въ разбираемомъ нами памятникѣ уже слѣдующее существенное ограниченіе: «Кто, оставивъ сознавшагося въ убійствѣ, будетъ положенное за убійство искать на другомъ, съ того брать штрафъ — тысячу кари хабцалдику». Изъ понятія объ убійствѣ какъ дѣйствіи отвѣтственность за которое падаетъ на цѣлый родъ вытекаетъ то послѣдствіе, что, на ряду съ убійцею, кодексъ Рустема признаетъ кровными врагами и извѣстное число его род-

ственниковъ. Это тѣ же маль или иль-каплы, которые извѣстны современному обычаю:

«Съ того, кто убьетъ убившаго вора или грабителя — значится въ адатахъ уцмійства—2 каплы». То же, если кто убьетъ ѣдущаго на судъ или собирающагося дать присягу. Число каплы возростаетъ до семи въ слѣдующихъ случаяхъ, перечисленныхъ тѣми же адатами: «Кто въ домѣ своемъ или на пашнѣ убьетъ кого-либо безъ всякой причины—съ того 7 каплы. То же число каплы требуется въ случаѣ, если убійство сопровождается грабежемъ, если убійца сниметъ съ убитаго какую-нибудь вещь или если только онъ скроетъ его трупъ. При убійствѣ съ грабежемъ, жертвой котораго становится женщина, число требуемыхъ по закону каплы достигаетъ максимальной цифры—четырнадцати человѣкъ» [1]).

Изгнаніе или пребываніе въ положеніи каплы не должно продолжаться безконечно. «Съ врагомъ слѣдуетъ мириться, значится въ томѣ отпечатанной г. Комаровымъ рукописи, или получивъ отъ него что нибудь, или когда врагъ позоветъ къ себѣ и угоститъ, или по просьбѣ постороннихъ лицъ». Это значитъ, что адаты уцмійства допускаютъ троякій исходъ кровной вражды: первымъ является платежъ діата или выкупа за кровь, вторымъ—простое угощеніе родомъ убійцы рода убитаго, третьимъ—прощеніе родомъ убитаго нанесенной ему обиды, не сопровождаемое никакими требованіями платежа или угощенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково происходитъ обрядъ «лицезрѣнія», извѣстный въ наше время даргинскимъ обществамъ подъ наименованіемъ «Бетъ-Гермекъ». Этотъ обрядъ прямо упоминается тою рукописью адатовъ уцмійства, которая принадлежитъ окружному управленію кайтаго-табасаранскаго округа [2]).

Итакъ, древнѣйшая запись народныхъ обычаевъ, сдѣланная почти за три столѣтія до нашего времени, заключаетъ въ себѣ буквально тѣ же воззрѣнія на необходимыя послѣдствія убій-

1) Постановленія кайтагскаго уцмія Рустемъ-Хана отпечатаны въ 1-омъ томѣ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, стр. 80.

2) «По окончаніи срока изгнанія, каплы обязанъ примириться съ родственниками убитаго, заплатить имъ за кровь вещами по адату, совершить лицезрѣніе, если пожелаютъ родственники убитаго, и угостить ихъ».

ства, какія проводятся современными намъ обычаями Дагестана. Это обстоятельство укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ народности этихъ обычаевъ и ихъ тѣсной связи съ тѣми условіями родоваго быта, на которыхъ построено было издревле и доселѣ опирается общественное устройство туземнаго населенія. Родовой характеръ мести, ея обязательность, возможность направить ее помимо ближайшаго виновника на большее или меньшее число его родственниковъ, изгоняемыхъ на равнѣ съ нимъ,—все это черты непосредственно вытекающія изъ общаго взгляда на обязанности родоваго общежитія, обязанности, обнимающія не одни взаимныя отношенія живущихъ, но и этихъ послѣднихъ къ отошедшимъ уже поколѣніямъ.

Сопоставимъ съ этими постановленіями народнаго обычая ученіе распространеннаго въ Дагестанѣ свода Новеви и мы убѣдимся, что при общности въ исходныхъ моментахъ шаріатъ опередилъ адатъ, уклонившись въ гораздо большей степени нежели послѣдній отъ первоначальной суровости родоваго возмездія.

Начать съ того, что это возмездіе признается имъ въ большинствѣ случаевъ только въ формѣ замѣняющаго месть выкупа. Кровомщеніе дозволено только въ случаяхъ преднамѣреннаго убійства или раненія и всецѣло возложено на ближайшихъ родственниковъ и наслѣдниковъ. «Убійцѣ мститъ смертью наслѣдующій убитому (варисъ), читаемъ мы въ книгахъ Магали [1]), въ томъ числѣ родной братъ. За мужа или жену мстятъ наслѣдники ихъ». «За раны, нанесенныя не случайно, виновные подвергаются киссасу, т. е. имъ въ отмщеніе наносятъ подобную же рану». — Вообще, когда преступленіе убійства и пораненія было предумышленнымъ, виновный подвергается смерти за смерть или раны за рану. Но на ряду съ умышленными преступленіями сводъ знаетъ еще полу-умышленные и случайные (шибгулъ - амбдъ и хата). Преступленіе относится къ разряду шибгулъ - амбдъ, т. е. полу-умышленныхъ, когда виновный причинилъ жертвѣ болѣе тяжкій вредъ, чѣмъ тотъ.

[1]) См. сравненіе нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ съ соотвѣтствующими постановленіями книгъ Магали въ VIII вып. Сб. св. о кавк. горц.—См. также Minhadj. III, стр. 106.

какой онъ намѣревался ей сдѣлать; оно считается «хата»—случайнымъ, когда вредъ нанесенъ былъ безъ всякого умысла. Въ этихъ обоихъ случаяхъ выступаетъ исконное начало родовой отвѣтственности, въ томъ смыслѣ, что вся агнатическая родня физическаго виновника, всѣ тѣ, кого арабскій языкъ разумѣетъ подъ терминомъ «akila», отвѣчающихъ римскому «gens» [1]) призываются къ совмѣстной уплатѣ установленнаго закономъ и видоизмѣняемаго соглашеніемъ выкупа. Понятіе полу-умышленнаго преступленія или шибгулъ-амбдъ—понятіе растяжимое. Такъ, напр., если снадобье дано несовершеннолѣтнему или безумному, то сводъ Новови считаетъ его умышленнымъ и соотвѣтственно требуетъ отмщенія; если же отравленъ совершеннолѣтній и въ здравомъ разсудкѣ, преступленіе считается шибгулъ-амбдъ и родственники виновнаго призываются къ производству платежа. Участіе агнатическаго рода или «акила» въ вознагражденіи потерпѣвшаго отъ преступленія рода жертвы наступаетъ и при умышленныхъ убійствахъ и раненіяхъ каждый разъ, когда обиженная сторона согласится взять выкупъ: «наслѣдующіе, если пожелаютъ, взамѣнъ крови могутъ взять цѣну ея», читаемъ мы въ сводѣ Новови. Такая замѣна «крови платежемъ признается нормальнымъ явленіемъ во всѣхъ случаяхъ раненія. «Если раненый пожелаетъ, то взамѣнъ отмщенія можетъ получить діэть, т. е. пеню; именно:—за ногу или руку—10 верблюдовъ, за глазъ—пять, за языкъ и ухо—50». Въ этихъ случаяхъ, при несостоятельности виновнаго, ему помогаютъ его агнаты.

Отвѣтственность агнатовъ наступаетъ во всевозможнѣйшихъ случаяхъ причиненія кому либо матеріальнаго вреда, въ формѣ лишенія жизни и членовъ или простаго пораненія; сводъ Новови требуетъ ее и въ томъ случаѣ, когда ребенокъ, завидѣвъ обнаженный мечъ, отъ страха бросится въ воду и утонетъ [2]), и въ томъ случаѣ, когда судья постановляетъ неправый приговоръ [3]), и въ томъ, когда незнающій своей профессіи лѣкарь берется лѣчить паціента и тѣмъ косвенно причиняетъ ему

[1]) См. Kohler. Zur Lehre von der Blutrache, § 3, прим. 2.

[2]) Minhadj. III, стр. 169.

[3]) Ibid., III, стр. 250.

смерть [1]), и въ томъ, наконецъ, когда хозяинъ животнаго, причинившаго смерть, не принялъ нужныхъ предосторожностей (не держалъ его, напримѣръ, на привязи и т. п.) [2]).

Ни кровомщенія, ни выкупа, платимаго роднею, сводъ Нонови не допускаетъ въ случаяхъ убійствъ, произведенныхъ въ необходимой оборонѣ—и этотъ фактъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ какъ въ немъ, по всей вѣроятности, лежитъ источникъ того отношенія въ какое къ необходимой оборонѣ становится древнѣйшій законодательный сборникъ Дагестана (постановленія кайтагскаго уцмія Рустема) и современные обычаи большинства заселяющихъ его племенъ. Состояніе необходимой обороны, по ученію Нонови, наступаетъ не только въ случаѣ, когда опасность грозитъ жизни, но и тогда когда она направлена противъ отдѣльныхъ частей тѣла, наконецъ, даже тогда, когда она грозитъ одному имуществу [3]).

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ ученіе Шафаи допускаетъ возможность кровнаго возмездія, требуется, во 1-хъ, чтобы размѣръ наносимаго вреда соотвѣтствовалъ размѣрамъ потерпѣнной обиды, а во 2-хъ, чтобы осуществленіе кровомщенія воспослѣдовало не иначе, какъ въ силу судебнаго приговора и при участіи назначеннаго властью исполнителя или палача [4]). Правило Моисеева законодательства: «око за око, зубъ за зубъ», принимается мусульманскими законовѣдами въ его буквальномъ смыслѣ. Въ числѣ другихъ Нонови требуетъ, чтобы казнь убійцы послѣдовала тѣмъ самымъ способомъ, какой избранъ былъ имъ при убіеніи его жертвы. Начало равнаго возмездія примѣняется и къ случаямъ увѣчій и раненій. За лишеніе зрѣнія мстятъ тѣмъ же, поднося къ зрачкамъ раскаленное желѣзо; за отнятіе языка вырываютъ языкъ, за лишеніе слуха отсѣкаютъ уши. Кто лишилъ ближняго употребленія ногъ или рукъ платится за это потерею соотвѣтственныхъ членовъ и т. п. Если буквальное выполненіе требованія о равномъ возмездіи грозитъ смертью тому, къ кому его надлежитъ примѣ-

1) Ibid., т. III, стр. 249.
2) Minhadj, III, стр. 252.
3) Minhadj, т. III, стр 246.
4) Minhadj, III, стр. 126, 128, 131.

нить, —избираютъ средній путь: наносятъ ему меньшій ущербъ, а за разницу взимаютъ выкупъ [1]). Кровное возмездіе не только можетъ быть замѣнено выкупомъ, но законодатель еще озабоченъ тѣмъ, чтобы такой исходъ имѣлъ мѣсто возможно часто. Съ этою цѣлью онъ обязываетъ виновнаго и его родственниковъ къ уплатѣ діэта всякій разъ, когда ищущій крови согласится на замѣну имъ личнаго возмездія [2]).

Его отношеніе къ кровной мести—отношеніе человѣка, который скорѣе мирится съ неизбѣжнымъ зломъ, нежели спѣшитъ утвердить его своимъ признаніемъ. Новови всячески поощряетъ попытки примиренія враждующихъ и сурово относится къ тѣмъ, кто своимъ вмѣшательствомъ подливаетъ масло въ огонь. Онъ открыто высказывается въ пользу прекращенія мести не однимъ только выкупомъ, но и простымъ помилованіемъ и ставитъ въ заслугу простившему обиду роду безвозмездность его поступка [3]).

Итакъ, въ постановленіяхъ о кровной мести шаріатъ не ограничивается простымъ признаніемъ дѣйствовавшаго до него обычая, а вводитъ его въ опредѣленныя рамки: ограничиваетъ сферу его дѣйствія, регулируетъ порядокъ его проявленія и заботится о замѣнѣ его менѣе нарушающимъ внутренній міръ и спокойствіе порядкомъ.

На мѣсто прежней неограниченности мести шаріатъ выставляетъ ученіе о равенствѣ возмездія. Взамѣнъ прежней всеобщности кровомщенія онъ требуетъ пріуроченія мести исключительно къ случаямъ умышленныхъ убійствъ, увѣчій и раненій. Народное воззрѣніе на безчестіе, постигающее того кто не смылъ обиды кровью, онъ замѣняетъ болѣе человѣчнымъ ученіемъ о чести, ожидающей того кто безвозмездно проститъ нанесенную его роду обиду. При всемъ томъ шаріатъ остается вѣренъ исконному народному воззрѣнію, когда распространяетъ на весь родъ отвѣтственность за преступленія его членовъ. Все нововведеніе состоитъ въ томъ, что изъ личнаго, какимъ

---

[1]) Minhadj, т. III, стр. 131.
[2]) Minhadj, III, стр. 144.
[3]) Minhadj, т. III, стр. 145, 146.

оно является по народному обычаю, участіе родственниковъ или, точнѣе, «гентилей» становится имущественнымъ. Личнымъ оно остается только для ближайшаго наслѣдника.

Сопоставленіе началъ шаріата съ тѣми, какихъ, въ соотвѣтствіи съ общими началами древняго права, придерживается народный обычай или адатъ, даетъ намъ ключъ къ пониманію источника, изъ котораго постепенно внесено было въ адатное право понятіе умысла, неосторожности и случая, различеніе умышленныхъ, неосторожныхъ и случайныхъ преступленій. оконченнаго и неоконченнаго злодѣянія или такъ называемаго покушенія, а также и того воззрѣнія, что месть должна быть равномѣрна обидѣ, и что похвально простить кровника подъ условіемъ выкупа и еще болѣе помимо его. Частныя проявленія этихъ несвойственныхъ древнему обычаю нравственно-юридическихъ воззрѣній можно отмѣтить при изученіи адатовъ отдѣльныхъ племенъ Дагестана.

Начнемъ нашъ обзоръ съ аварцовъ, обычаи которыхъ по преданію были собраны и кодифицированы уже въ XI вѣкѣ [1]). т. е. принадлежатъ къ числу наиболѣе древнихъ.

Допуская еще согласный съ древнимъ правомъ, но не отвѣчающій духу мусульманскаго законодательства «потокъ и разграбленіе» всего принадлежащаго убійцѣ имущества, дѣйствующій въ Инкердахъ обычай ограничиваетъ начало кровнаго возмездія одними случаями преднамѣреннаго убійства:

«Когда убійство совершено по неосторожности, за неосторожность виновный производитъ платежъ въ тридцать коровъ».

Случайное убійство относится къ числу безразличныхъ дѣйствій: за нечаянное убійство, читаемъ мы въ адатахъ Конадо и Химиссу, виновный платитъ только быка и саванъ.

«Если убійство произойдетъ отъ паденія камня или бревна, то въ Инкердахъ оставляется безъ послѣдствій».

«Когда убійство совершено несовершеннолѣтнимъ, то въ тѣхъ же Инкердахъ оно признается нечаяннымъ, хотя бы и было совершено съ умысломъ».

[1]) См. Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, I вып. Сб. св., о кавк. горцахъ.

Аварскій адатъ не знаетъ неограниченности кровомщенія. Слѣдуя проводимому кораномъ началу равнаго возмездія, онъ постановляетъ, что «убійство кровнаго врага должно быть оставляемо безъ послѣдствій».

При родовыхъ порядкахъ отмщеніе обиды есть, какъ мы видѣли, священный долгъ, уклоненіе отъ котораго грозитъ безчестіемъ. Сложившійся въ родовой обстановкѣ обычай смотритъ поэтому на мщеніе, какъ на своего рода обязанность. — Въ полномъ противорѣчіи съ такимъ исконнымъ воззрѣніемъ стоитъ согласное съ шаріатомъ правило никердскаго адата: если мужчина или женщина будетъ упрекать родственниковъ убитаго въ томъ, что они оставили его безъ отмщенія, то за упрекъ берется съ нихъ три овцы въ пользу родственниковъ и сверхъ того сто овецъ въ пользу хана».

Къ числу вызванныхъ вліяніемъ шаріата нормъ слѣдуетъ отнести и тѣ правила аварскихъ адатовъ, по которымъ убійство вора въ самый моментъ воровства не имѣетъ другаго послѣдствія, кромѣ уплаты виновнымъ одной коровы въ пользу того общества, въ которомъ произошло подобное нарушеніе мира [1]. Убійство вора по шаріату принадлежитъ къ числу убійствъ совершенныхъ въ необходимой оборонѣ и потому не вызывающихъ кровомщенія. При различіи въ частностяхъ адаты аварскихъ обществъ единогласно высказываются за одно съ шаріатомъ въ пользу замѣны кровомщенія платежемъ выкупа во всѣхъ случаяхъ увѣчій и раненій. Правило кровь за кровь соблюдается лишь при убійствахъ, исключительно умышленныхъ, и то лишь въ случаѣ, когда родственники жертвы не согласятся на полученіе обязательнаго для рода убійцы выкупа [2].

Въ адатахъ ближайшихъ къ аварцамъ капучинскихъ обществахъ вліяніе шаріата сказывается въ замѣнѣ кровомщенія даже въ случаяхъ преднамѣренныхъ убійствъ платежемъ выкупа или діэта. Размѣръ его разъ на всегда опредѣленъ. Платежъ его признанъ обязательнымъ какъ для убійцы, такъ и для

1) Адаты ауловъ Амуши и Мушули.

2) Я пользовался Сборникомъ адатовъ аварскаго народа, составленнымъ въ 1865 году г. Калантаровымъ. Копія этого Сборника хранится въ архивѣ народнаго суда въ Гунибѣ.

его рода, при чемъ въ однихъ обществахъ родственники каждый разъ должны уплачивать половину всей суммы положеннаго обычаемъ выкупа [1]), въ другихъ же участіе родственниковъ въ платежѣ наступаетъ только при несостоятельности виновнаго [2]). Неосторожное убійство обсуждается по правиламъ шаріата и имѣетъ поэтому своимъ послѣдствіемъ платежъ не со стороны убійцы, а со стороны рода его, а такъ какъ родъ платитъ обыкновенно только половину положеннаго за убійства выкупа, то въ большинствѣ капучинскихъ обществъ за убійство неосторожное полагается всего на всего полъ-діэта.

Членовредительства и раненія также ведутъ за собою обложеніе выкупомъ, который, смотря по важности обиды и причиненнаго ею матеріальнаго вреда, колеблется между полнымъ размѣровъ діэта, его половиной, четвертью и т. д. Обязательность платежа, положеннаго обычаемъ, выкупа наглядно сказывается въ слѣдующей нормѣ Бежитскаго адата: селеніе, въ которомъ имѣетъ свое мѣстожительство неплатящій выкупа преступникъ, сносится со старшинами сосѣднихъ селеній. Изъ всѣхъ ихъ набирается отрядъ человѣкъ въ двадцать пять, которые селятся во дворѣ убійцы, объѣдаютъ и обираютъ его, побуждая тѣмъ самымъ къ выполненію падающаго на него обязательства [3]). Jus talionis, такъ послѣдовательно проводимое шаріатомъ, сказывается въ пограничныхъ съ Грузіей аулахъ нагорнаго Дагестана въ правилахъ въ родѣ слѣдующаго: «Если умершій отъ ранъ нанесъ рану своему врагу прежде, чѣмъ самъ былъ пораненъ, то изъ діэта убійцы исключается часть, слѣдуемая за пораненіе, но если рана нанесена была противнику послѣ полученія смертельной по исходу раны, то за нее наслѣдники умершаго не отвѣчаютъ [4]).

[1]) Анцухскіе адаты. — Адаты Унхадинскаго общества. — Адаты Ташскихъ обществъ.

[2]) Адаты анцросинскаго общества.

[3]) Адаты Бежитскаго общества.

[4]) Адаты Ташскихъ обществъ. При изученіи Капучинскихъ адатовъ я пользовался рукописнымъ сборникомъ ихъ, составленнымъ помощникомъ начальника Гунибскаго округа, княземъ Андрониковымъ, и сообщеннымъ мнѣ въ бытность мою въ Бежитѣ.

Всего менѣе замѣтно воинствующее съ началомъ родоваго возмездія вліяніе шаріата въ сосѣднихъ съ Чечнею Андійскихъ обществахъ. Въ Хваршѣ убійство умышленное поставлено на одну доску съ неумышленнымъ и подобно ему вызываетъ кровомщеніе, раззореніе всего имущества виновнаго и изгнаніе срокомъ на три мѣсяца всего его семейства. Въ селеніяхъ Годобери и Зибирхали, если собака укуситъ кого-либо и отъ ея укушенія образуется рана, хозяинъ ея подлежитъ мести, какъ-будто бы раненіе произведено имъ самимъ.

Въ Бошлихѣ месть настолько еще признается необходимымъ послѣдствіемъ всякаго пролитія крови, что въ случаѣ, если виновникъ его неизвѣстенъ, родственники убитаго сами назначаютъ себѣ въ кровники кого-либо изъ односельцевъ или даже посторонняго человѣка и мстятъ ему, все равно, какъ если бы онъ былъ дѣйствительнымъ убійцею. Въ селеніяхъ Мури и Ортоколо не только разрушаютъ домъ убійцы и истребляютъ его покосы и нивы, но и лишаютъ его семейство права возобновить на нихъ посадку хлѣба и плодовыхъ деревьевъ, не получивъ предварительнаго согласія родственниковъ убитаго. Въ Гумбетахъ не только при убійствахъ, но при раненіяхъ, кровная месть считается неизбѣжной. Это видно изъ того, что адатъ предписываетъ ранившему не выходить до примиренія его съ раненымъ изъ занимаемаго имъ жилища, такъ какъ въ противномъ случаѣ родственники раненаго, завидѣвъ его издали, обязаны будутъ броситься на него и нанесть ему рану. За произвольный выходъ изъ избраннаго имъ убѣжища поранитель подлежитъ штрафу въ пользу общества. Исконное начало родоваго возмездія, требующее, чтобы наравнѣ съ убійцею, изгнанію подлежало и все его семейство, до послѣдняго времени продолжало держаться въ селеніи Нижній-Инхо, въ которомъ втеченіи года, слѣдовавшаго за убійствомъ, всѣ сожительствующіе съ преступникомъ родственники одинаково считались канлы и какъ таковые подлежали убіенію при встрѣчѣ съ роднею убитаго.

Несмотря на живучесть, какую въ Андійскихъ обществахъ обнаруживаетъ народное воззрѣніе на неизбѣжность и обязательность мести, вліяніе шаріата все же сказывается въ адатахъ нѣкоторыхъ селеній, которые, какъ напр., Чамагальское,

признаютъ, что въ случаѣ убійства кровника, разрушившіе его домъ родственники убитаго обязаны возмѣстить причиненный ими вредъ, очевидно потому, что согласно шаріату, возмездіе всегда должно быть равнымъ обидѣ. Оно еще нагляднѣе выступаетъ въ требованіиУнкратльскаго адата, чтобы при нечаянномъ убійствѣ имущество виновнаго не подлежало раззоренію и кровомщеніе замѣнено было уплатою родственникамъ савана и быка. Въ этомъ обществѣ какъ и въ Тиндальскомъ кровная месть уже замѣнена выкупомъ, половину котораго, согласно съ шаріатомъ уплачиваетъ агнатическая родня убійцы [1]). При сопоставленіи ихъ съ обычаями Андійскихъ обществъ Кажкумухскіе и Гунибскіе адаты поражаютъ насъ своимъ сходствомъ съ основными началами шаріатскаго ученія.

Кажкумухскій адатъ не устанавливаетъ, правда, еще никакого различія между неумышленнымъ, т. е. неосторожнымъ и нечаяннымъ, и преднамѣреннымъ убійствомъ; но въ то же время онъ строго придерживается правила о равенствѣ возмездія съ виною и настаиваетъ на замѣнѣ «крови» обязательнымъ для виновнаго выкупомъ, принятіе или непринятіе котораго всецѣло зависитъ въ то же время отъ выбора потерпѣвшей стороны. Буде родственники убитаго, читаемъ мы въ сборникѣ Кажкумухскихъ адатовъ 1865 г., посягнутъ на жизнь убійцы или кого либо изъ родственниковъ, послѣ принятія ими выкупа, они въ случаѣ примиренія платятъ за кровь вдвое болѣе противъ обыкновеннаго». Въ томъ случаѣ, постановляютъ тѣ же адаты, когда во время драки, у каждой изъ ссорящихся сторонъ оказывается по одному убитому, дѣло оканчивается зачетомъ крови одного убитаго за кровь другаго. Но ежели бы съ одной стороны было убито двое, а съ другой одинъ человѣкъ, то за кровь втораго убитаго полагается добавочный выкупъ... За кровь каждаго убитаго платятъ особо, точно также какъ и за раны, нанесенныя всякому, помимо убитаго [2]).

---

[1]) При изложеніи обычаевъ Андійскихъ обществъ я пользовался составленнымъ 1865 году рукописнымъ сборникомъ ихъ адатовъ.

[2]) За всякій же грабежъ, совершенный послѣ преданія его землѣ, виновные обязаны уплатить стоимость уничтоженнаго (Рукописный сборн. адатовъ Гунибскаго округа въ архивѣ Народнаго Суда).

Въ Гунибскомъ округѣ кровомщеніе еще выступаетъ въ обычной ему обстановкѣ необузданнаго произвола, направленнаго одинаково противъ личности и собственности какъ ближайшаго виновника злодѣянія, такъ и всей его семьи и до нѣкоторой степени всего его рода. Въ деревняхъ Шлейсерухскаго общества, наприм., родственники убитаго, пока онъ не преданъ землѣ, въ правѣ уничтожить все движимое и недвижимое его имущество [1]).

При всемъ томъ правило Корана о равномѣрности возмездія и прекращеніи кровомщенія со смертью убійцы соблюдается съ большей строгостью. «Если родственники убитаго отправятся въ походъ съ цѣлью убить своего кровнаго врага (канлы) и во время этого похода одинъ изъ нихъ окажется убитымъ, читаемъ мы въ адатахъ того же общества, то съ канлы, какъ двойнаго убійцы, взыскивается два діэта и онъ выходитъ въ канлы на два срока. Если же во время похода будетъ убитъ какъ самъ канлы, такъ и одинъ изъ родственниковъ убитаго, кровомщеніе прекращается». Обычай родовыхъ обществъ, какъ мы видѣли, требовалъ бы въ данномъ случаѣ новаго возмездія за кровь убитаго родственника и усобица сдѣлалась бы безконечной. Но не такъ обсуждается онъ шаріатомъ, ученіе котораго въ данномъ случаѣ успѣло проникнуть въ народное сознаніе и существенно измѣнить характеръ адата. Господствующій въ большинствѣ селеній обычай, не прибѣгая къ кровомщенію, ограничиваться взысканіемъ съ убійцъ выкуповъ и штрафовъ въ напередъ установленномъ размѣрѣ также говоритъ намъ о видоизмѣняющемъ вліяніи, какое шаріатъ имѣлъ по отношенію къ адату. Діэтъ или выкупъ идетъ родственникамъ убитаго, которые сверхъ того получаютъ еще саванъ или матерію на саванъ и то, что горцы называютъ «мирнымъ угощеніемъ». Штрафъ обыкновенно въ размѣрѣ одного быка поступаетъ въ пользу сельской власти [2]).

[1]) Сборникъ адатовъ, существующихъ въ Кажкумухскомъ округѣ 1865 года. Списанъ мною на мѣстѣ.

[2]) Такъ, наприм., въ селеніяхъ Кулга и Боцада съ убійцы въ пользу родственниковъ убитаго взыскивается 100 р. и быкъ. Убійца обязанъ сверхъ того дать имъ матеріи на саванъ. Въ пользу же общества онъ

Въ Кюринскомъ округѣ согласно шаріату кровная месть наступаетъ только при умышленномъ убійствѣ и ей подлежитъ одинъ убійца, такъ что въ томъ случаѣ, когда родственники убитаго убьютъ не самого канлы, а кого нибудь изъ его родственниковъ, можетъ возникнуть новое междуусобіе. Право на отомщеніе принадлежитъ опять согласно шавіату только тѣмъ изъ родственниковъ, которые призваны къ полученію оставленнаго покойникомъ наслѣдства. — Нечаянное убійство, какъ и убійство, сдѣланное въ припадкѣ помѣшательства, не даетъ повода къ мести, но не избавляетъ отъ необходимости вознаградить родственниковъ убитаго уплатой имъ выкупа или діэта [1]).

Въ Кайтагѣ, какъ видно изъ постановленій Уцмія Рустема вліяніе шаріата сказалось въ установленіи цѣлой категоріи случаевъ, въ которыхъ кровомщеніе не считается дозволеннымъ даже по отношенію къ убійцѣ. Во главѣ ихъ стоитъ убійство кровнаго врага (канлы) и этотъ фактъ самъ по себѣ доказываетъ, что слѣдуя шаріату адатъ проводитъ начало ограниченія мести однимъ виновникомъ злодѣянія, кровь его зачитается за кровь убитаго и тѣмъ самымъ устраняется поводъ къ дальнѣйшему возмездію.

Къ числу случаевъ, въ которыхъ, по выраженію законодателя, «кровь убитаго пропадаетъ какъ сорвавшаяся съ дерева груша» [2]), постановленія Уцмія Рустема относятъ еще тѣ, въ которыхъ по ученію Новави слѣдуетъ видѣть убійство, совершенное въ необходимой оборонѣ. Я сказалъ уже, что послѣдователи Шафаи подводятъ подъ понятіе необходимой обороны случаи опасности для жизни, чести и собственности. Соотвѣт-

---

платитъ 12 руб. штрафу. Въ селеніяхъ Куяда и Гогошль Куядинскаго наибства съ убійцы взыскивается въ пользу наслѣдниковъ 100 руб., въ пользу сельскихъ властей (картовъ) 10 р. и въ пользу сельскаго общества 10 руб. Въ деревняхъ Унцукульскаго наибства: если кто убьетъ человѣка не изъ одного съ нимъ селенія, то съ извѣстіемъ объ этомъ обязанъ послать обществу, къ которому принадлежалъ убитый, зарѣзаннаго быка и привязать къ нему саванъ. Самъ же убійца выходитъ въ канлы. (Рукоп. сборн. адатовъ Гунибскаго округа).

1) См. Южно-Дагестантскіе адаты въ VIII выпускѣ Сб. св. о кавк. горцахъ.

2) Рукопись, хранящаяся въ архивѣ Окружнаго управленія въ Дербентѣ.

ственно этому регулируемый Кайтагскими уцміями обычай оставляетъ безъ послѣдствій убійство лица, нападающаго на домъ, грабителя, а также вора, застигнутаго въ домѣ или въ стадѣ, наконецъ убійство мужемъ прелюбодѣя, а отцемъ или братомъ лица, позволившаго себя насильственный увозъ или задержаніе дочери или сестры [1]).

Въ Самурскомъ округѣ прямымъ воздѣйствіемъ шаріата объясняется тотъ фактъ, что, въ противность обычаямъ другихъ южно-дагестанскихъ ауловъ, неумышленное убійство, какъ и въ сводѣ Навави, ведетъ къ уплатѣ всего на всего половины положеннаго обычаемъ выкупа или діэта, а также въ томъ, что въ случаяхъ прелюбодѣянія кровная месть замѣняется положенной обычаемъ платой.

Слѣдующая статья Самурскихъ адатовъ по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ постановленіямъ Мингаджа объ отвѣтственности хозяевъ за смерть, причиненную ихъ животными. Если чья нибудь собака поранитъ человѣка и объ этомъ будетъ предупрежденъ ея хозяинъ, а за тѣмъ случится второе пораненіе кого-нибудь тою же собакаю, то за второе, третье и т. д. пораненіе хозяинъ собаки обязанъ вознаградить потерпѣвшихъ. Въ случаѣ же отъ укушенія послѣдуетъ смерть, хозяинъ собаки платитъ родственникамъ умершаго за кровь.

Ко всему сказанному прибавимъ еще то общее замѣчаніе, что во всѣхъ южно-дагестанскихъ обществахъ, наравнѣ съ выкупомъ, взимается и штрафъ, самое названіе котораго шаріатъ—ахга или шаріатскія деньги—указываетъ на писанное право магометанъ, какъ на непосредственный источникъ. Общіе адаты Даргинцевъ [2]) подобно Самурскимъ заимствуютъ изъ шаріата какъ постановленія о полномъ прекращеніи мести фактомъ убійства виновнаго, такъ и ученіе о безотвѣтственности убійствъ, совершенныхъ въ необходимой оборонѣ. Такими считаются слѣдующіе случаи убійствъ: если кто убьетъ человѣка защищаясь отъ нападенія, сдѣланнаго изъ осады; если убійство послѣдуетъ

---

[1]) См. приложеніе къ статьѣ Адаты и судопроизводство по нимъ. 1-й вып. Сб. св. о кавк. горцахъ.

[2]) См. Адаты Самурскаго общества, а также Сѣверной и Южной Табасарони, наконецъ постановленія Кайтагскаго уцмія Рустема.

при защитѣ отъ ограбленія; наконецъ, если кто, отправившись на воровство или съ другимъ инымъ умысломъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ и убитъ хозяиномъ [1]).

Въ адатахъ отдѣльныхъ общинъ Даргинскаго округа видоизмѣненіе воздѣйствіемъ шаріата народнаго обычая еще рѣзче бросается въ глаза. Такъ, напр., тогда какъ общій адатъ всего округа признаетъ кровомщеніе общимъ правомъ всѣхъ родственниковъ убитаго [2]), въ Цудахарскомъ обществѣ это «право принадлежитъ родственникамъ убитаго не далѣе четвертой степени родства» [3]), но далѣе этого не идетъ и право наслѣдованія, изъ чего видно, что адатъ стремится обратить въ мстителей однихъ наслѣдниковъ убитаго, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что на этотъ счетъ постановляетъ Мингаджъ. Тогда какъ въ большинствѣ ауловъ судьбу выходящаго въ канлы убійцы раздѣляютъ и большее или меньшее число его родственниковъ, въ Акушахъ, въ Микахинскомъ и Усишинскомъ обществахъ кровнымъ врагомъ или канлы признается одинъ убійца, и месть, такимъ образомъ, изъ родовой становится личной [4]), т. е. преобрѣтаетъ тотъ характеръ, какой стремится придать ей шаріатъ.

Мнѣ кажется, что собранныхъ здѣсь данныхъ болѣе чѣмъ достаточно для обоснованія того вывода, что дѣйствующій въ Дагестанѣ адатъ по вопросу о кровомщеніи не является исключительнымъ выразителемъ народныхъ юридическихъ воззрѣній. Нельзя говорить о немъ, какъ о чистѣйшемъ воплощеніи тѣхъ взглядовъ, какихъ придерживаются основанные на кровномъ началѣ и объединенные культомъ предковъ родовыя сообщества. Самосудъ родовъ, съ его неизбѣжнымъ исходомъ — незнающей конца усобицей, мало по малу введенъ былъ въ опредѣленные границы не столько подъ вліяніемъ довольно слабой въ Дагестанѣ государственой власти, сколько благодаря воздѣйствію писаннаго закона магометанъ. Начало равнаго возмездія, заимствованное Магометомъ изъ ветхаго завѣта, и съ такою послѣдовательностью проведенное законовѣдами школы Шафаи, замѣна

---

1) Адаты Даргинскихъ общ., стр. 16, VII в. Сб. св. о Кавк. горц.
2) Ibid. стр. 16.
3) Ibid. стр. 114.
4) Ibid. стр. 34, 61 и 101.

родоваго характера мести личнымъ и ограниченіе сферы ея проявленія одними случаями умышленныхъ злодѣяній — все это принципы, по существу своему чуждые народному обычаю родовыхъ сообществъ и потому неизвѣстные древнѣйшему адату. Ихъ прямой источникъ—шаріатъ, и только его воздѣйствіемъ можно объяснить присутствіе ихъ въ современномъ адатѣ Дагестана. Видоизмѣненіе народныхъ юридическихъ воззрѣній касательно кровной мести подъ вліяніемъ шаріатскаго ученія началось уже давно и ручательствомъ этому служатъ намъ не разъ упомянутыя постановленія Кайтагскаго уцмія, въ которыхъ какъ мы видѣли выше, кровная месть является болѣе или менѣе регулированной сообразно требованіямъ писаннаго закона. Но всего сильнѣе стало сказываться вліяніе шаріата на обычное право дагестанскихъ племенъ съ того момента, когда Шамиль запретилъ примѣненіе въ судахъ иного права, кромѣ того, выразителемъ котораго являются сочиненія Шафіитскихъ законовѣдовъ и въ частности Навави Ибнъ Ходжа. Въ этотъ періодъ ихъ существованія, который сами туземцы называютъ «періодомъ шаріата», адатъ настолько проникся воззрѣніями религіозныхъ законодателей мусульманства, что и послѣдовавшее со стороны русскаго правительства запрещеніе примѣнять къ уголовнымъ преступленіямъ правила шаріата было безсильно воскресить народный обычай въ первоначальной его чистотѣ, по крайней мѣрѣ—по занимающему насъ вопросу. Да въ этомъ и нѣтъ необходимости. Въ обсужденіи условій и порядка совершенія кровной мести писанное право магометанъ далеко опередило собою народный обычай. Оно несравнено болѣе его отвѣчаетъ требованіямъ общественнаго спокойствія и порядка. Всякая власть, а въ томъ числѣ и та, которая установлена нами въ Дагестанѣ, гораздо легче можетъ помириться съ необходимостью примѣнять къ убійствамъ и другимъ видамъ кровопролитія шаріатское ученіе о личномъ равномъ возмездіи, нежели допускать въ угоду народнымъ воззрѣніямъ неограниченость кровомщенія, распространеніе его на цѣлые роды и подведеніе подъ него случаевъ причиненія кому либо матеріальнаго вреда; торжество народныхъ воззрѣній въ данномъ случаѣ означало бы не болѣе, какъ поворотъ къ варварству.

§ 2. Вліяніе шаріата на адатъ въ сферѣ родоваго возмездія.

Превосходство шаріата надъ адатомъ рѣзко выступаетъ въ случаяхъ, когда виновникомъ убійства или раненія является не сознающій свои поступки субъектъ, а животное или неодушевленный предметъ. Общей чертою древнѣйшаго права слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что въ соотвѣтствіи съ господствующимъ въ эпоху его появленія анимизмомъ, оно дѣлаетъ отвѣтственнымъ за нанесенный кому-либо вредъ ближайшаго виновника этого вреда, равно будетъ ли имъ человѣкъ, животное, растеніе или неодушевленный предметъ, напр., мечъ или кинжалъ [1]). Черта эта стоитъ въ тѣсной связи и даже непосредственно вызывается первоначальнымъ воззрѣніемъ на преступленіе какъ на дѣйствіе, наказуемость котораго обусловливается не злою волею преступника, а тѣмъ матеріальнымъ вредомъ, какой причинено имъ частному лицу, семьи или роду. При безразличномъ отношеніи къ умыслу и исключительномъ преслѣдованіи того, что современные криминалисты называютъ терминомъ corpus delicti неудивительно, если въ родовую эпоху ихъ существованія какъ арійскія, такъ и не арійскія народности считали возможнымъ распространять кровомщеніе и на быка, забодавшаго кого-либо своими рогами, и на собаку, укушенія которой сдѣлались источникомъ раненій и смерти, и на дерево, задавившее своимъ паденіемъ работавшаго подъ нимъ человѣка [2]). Въ средѣ семитовъ отвѣтственность животныхъ одинаково засвидѣтельствована какъ книгами Ветхаго Завѣта (Исходъ, XXI гл., ст. 14) такъ и арабскими хрониками. Извѣстный арабистъ Гольдцигеръ приводитъ изъ послѣднихъ слѣдующій любопытный отрывокъ, какъ нельзя лучше доказывающій нашу мысль объ исконности того воззрѣнія, что животное, причинившее кому-либо смерть, должно быть выдано головою родственникамъ убитаго. Въ хроникѣ города Мекки, написанной Могамедомъ аль Факиги во второй половинѣ 3-го столѣтія Геджры, мы встрѣчаемъ слѣ-

1) См. Современный Обычай и Древній Законъ.
2) Современный Обычай и Древній Законъ, стр 101.

дующій разсказъ. «Зіядъ бенъ Убейдалла, бывшій управителемъ Мекки въ первые годы, слѣдовавшіе за воцареніемъ Абассидовъ (133 — 141 г. Геджры), однажды заявилъ въ мечети, чтобы всякій, кто имѣетъ какую либо тяжбу, представилъ ее на его разбирательство. Первымъ предсталъ на судбище аравитянинъ изъ пустыни и заявилъ, что корова его сосѣда своими рогами стянула въ бездну его ребенка и такимъ образомъ сдѣлалась виновницей его смерти. Зіядъ приказалъ писцу занести въ книгу слѣдующее рѣшеніе: корова должна быть выдана аравитянину въ возмещеніе за понесенную имъ утрату (вѣрнѣе въ возмездіе). Едва писецъ собрался записать это рѣшеніе, какъ проходившій мимо знаменитый кади Ибнъ-Гуреджъ, спрошенный о достоинствѣ состоявшагося приговора, высказался въ томъ смыслѣ, что согласно изрѣченію пророка собственникъ коровы не обязанъ къ выкупу причиненнаго ею вреда, такъ какъ матеріальный вредъ, сдѣланный неразумными тварями, по ученію магомета, не подлежитъ возмездію» [1]). Приведенный случай, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ и стародавній обычай аравитянъ, во всемъ согласный съ тѣмъ, какой до нашихъ дней удержался въ средѣ осетинъ, а нѣсколькими тысячами лѣтъ ранѣе—извѣстенъ былъ древнимъ евреямъ, римлянамъ и германцамъ, такъ и тотъ преворотъ какой писанное право магометанъ—шаріатъ призвано было произвести въ этомъ отношеніи. Сфера кровной мести, дотолѣ обнимавшая всѣ преступленія подобнаго рода, отнынѣ ограничивается тѣмъ, виновникомъ которыхъ является самосознающій себя субъектъ, а такимъ можетъ быть только человѣкъ. Всѣ остальные случаи причиненія матеріальнаго вреда переходятъ въ категорію безразличныхъ дѣйствій, которыя впрочемъ, могутъ сдѣлаться источникомъ отвѣтственности для хозяевъ въ томъ случаѣ, если послѣдніе окажутся виновными въ неосторожности, выражающейся въ отсутствіи съ ихъ стороны мѣръ предупрежденія.

Народности Дагестана различно относятся къ случаямъ убійствъ,

[1]) Muhammedanisches Recht in Theorie und Wirklichkeit von Ign. Goldziher (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Achter Band. III Heft, стр. 415).

виновниками которыхъ являются животныя. Въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ Аварскомъ, Казикумухскомъ или Даргинскомъ, шаріату удалось существенно повліять на измѣненіе народнаго обычая, причинившее смерть животное не выдается потерпѣвшему роду, и хозяинъ его освобождается отъ отвѣтственности. «Если убійство произойдетъ отъ паденія камня или бревна, задѣтаго ногою лошади или быка, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ аварскаго народа, то оставляется безъ всякихъ послѣдствій». То же имѣетъ мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство совершено съ помощью чужаго оружія, однако безъ вѣдома хозяина. «Въ этомъ случаѣ собственникъ оружія, согласно адату Акушинцевъ, отвѣтственности не подлежитъ. Другое дѣло, если онъ зналъ объ употребленіи, какое будетъ дано его оружію: штрафъ, равный стоимости одного быка [1]), искупаетъ его вину. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго Дагестана отношеніе обычая къ занимающему насъ вопросу какъ разъ обратное. Въ Терекемѣ, лошадь или скотина, причинившая смерть, «какъ виновная отдается хозяиномъ ея родственникамъ убитаго» [2]).

Приведенный обычай буквально воспроизводитъ собою тѣ порядки, какіе были извѣстны англосаксамъ, во времена Альфреда, и Норвежцамъ—въ эпоху редактированія ихъ народныхъ правдъ [3]). Въ выдачѣ головою повиннаго въ смерти животнаго еще выступаетъ во всей его чистотѣ свойственный древнѣйшему міросозерцанію анимизмъ или одухотвореніе и отождествленіе съ человѣкомъ всѣхъ предметовъ природы. Дальнѣйшую ступень въ развитіи народныхъ юридическихъ воззрѣній составляетъ перенесеніе отвѣтственности съ виновнаго въ убійствѣ животнаго на его хозяина. На этой ступени стоитъ уже салическая правда, требующая, чтобы сверхъ выдачи причинившей вредъ скотины, хозяинъ ея принуждаемъ былъ къ уплатѣ половинной виры за убійство. Составители правды, очевидно, уже далеки отъ мысли о необходимости личнаго возмездія ближай-

1) Адаты Даргинскаго округа, стр. 35.
2) Адаты Южно-Дагестанскихъ обществъ, стр. 49.
3) См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, стр. 102.

шему виновнику убійства и смотрятъ на его выдачу, какъ на одну изъ формъ вознагражденія нанесеннаго убійствомъ вреда. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и народный обычай жителей Гамринскаго округа; онъ приравниваетъ убійство, совершенное животнымъ въ южномъ Дагестанѣ, къ прочимъ случаямъ неумышленныхъ убійствъ и соотвѣтственно присуждаетъ хозяина къ платежу половинной платы за кровь [1]). Въ Магалахъ, Ганкъ, Ганшъ и Мюра, расположенныхъ въ верхнемъ Кайтагѣ, принято было вознаграждать родственниковъ лица убитаго лошадью, платежемъ шестидесяти рублей, что составляло шестую часть положенной обычаемъ полной платы за кровь (300 р.) [2]).

Въ записи народныхъ обычаевъ Андійскаго округа также значится, что въ селеніяхъ Годобери и Зиберхали, при укушеніи кого-либо до крови собакою, хозяинъ подвергается тѣмъ же взысканіямъ, что и при пораненіи человѣка человѣкомъ [3]). Обычай возмѣщать на хозяинѣ вредъ, причиненный его животнымъ, очевидно могъ возникнуть лишь тогда, когда исчезла въ народѣ память о дѣйствительномъ источникѣ, изъ котораго развилось воззрѣніе на уголовную отвѣтственность животныхъ. Я разумѣю личное возмездіе, замѣняемое по выбору потерпѣвшаго соотвѣтственнымъ денежнымъ платежемъ. Съ того момента, когда отвѣтственность переходитъ на хозяина, поводомъ къ ней признается обнаруженная имъ преступная неосторожность. Неосторожность эта въ глазахъ обычая сказывается въ непринятіи мѣръ къ устраненію завѣдомо опаснаго предмета. Этотъ новый взглядъ на причину отвѣтственности хозяина наглядно выраженъ въ нѣкоторыхъ изъ южно-дагестанскихъ адатовъ. Такъ, напр., въ сборникѣ народныхъ обычаевъ, которыхъ придерживаются туземцы Табасеранскаго округа, мы читаемъ: если чья нибудь собака укуситъ кого-либо, послѣ того, какъ до свѣдѣнія хозяина было уже доведено о ея склонности бросаться на

[1]) Ibid. стр. 53.

[2]) Ibid. стр. 35.—Если чья нибудь собака укуситъ человѣка, читаемъ мы въ томъ же адатѣ, хозяинъ обязанъ лѣчить рану на основаніи общаго адата по пораненію. Если чья нибудь лошадь или скотина ударитъ или нанесетъ кому либо ушибъ, хозяинъ отвѣчаетъ за рану (стр. 36).

[3]) Рук. Сб. Адатовъ Андійскаго округа.

людей, обязанность вознагражденія падаетъ на хозяина. Точно также, «если чья нибудь лошадь или скотина, замѣченная уже въ причиненіи людямъ вреда, вновь нанесетъ кому-либо ушибы или смерть, отвѣтственность за нихъ лежитъ на хозяинѣ» [1]). Тоже постановляютъ адаты Самурскаго округа, говоря: Если чья нибудь собака поранитъ человѣка и будетъ предупрежденъ ея хозяинъ, а за симъ случится второе пораненіе кого-либо этою же собакою, то за второе, третье и т. д. пораненіе хозяинъ собаки платитъ за раны пораненнымъ ею людямъ; въ случаѣ же отъ укушенія умретъ кто нибудь, то хозяинъ собаки платитъ родственникамъ умершаго за кровь [2]). Въ Андійскомъ округѣ, въ селеніи Упкфатль придерживаются того же взгляда. Если, стоитъ въ его адатѣ, собака, о которой было объявлено хозяину, что она бросается на людей и слѣдовательно, нуждается въ присмотрѣ, укуситъ кого нибудь, то съ хозяина ея дѣлается взысканіе за пораненіе [3]).

Адаты нѣкоторыхъ южно-дагестанскихъ обществъ еще болѣе выдвигаютъ впередъ неосторожность хозяина, какъ ближайшую причину его отвѣтственности. Они подводятъ подъ нее только тѣ случаи, въ которыхъ обнаруживается, что инкриминированное животное представляетъ постоянную опасность для людей, опасность, которая могла, но не была устранена ея хозяиномъ. Такъ, напр., въ Каракайтагѣ, отвѣтственность хозяина наступаетъ только по третьему разу [4]), точно также, какъ и въ селеніи Башлы, адатъ котораго постановляетъ на этотъ счетъ слѣдующее: если лошадь, на которой ѣздитъ хозяинъ, убьетъ кого нибудь, то хозяинъ ея обязанъ удовлетворить за кровь только въ томъ случаѣ, когда причиненное лошадью убійство оказывается третьимъ по счету [5]). Эта отвѣтственность хозяина вещи, отъ которой послѣдовала смерть, за обнаруженную имъ неосторожность выступаетъ и въ томъ случаѣ, когда все его участіе въ воспослѣдовавшемъ раненіи или убійствѣ сводится

[1]) Ibid. стр. 24.
[2]) Ibid. стр. 67.
[3]) Рукописный Сб. адатовъ Андійскаго округа.
[4]) Ibid. стр. 44.
[5]) Ibid. стр. 59 и 60.

къ ссудѣ преступнику оружія. Если, читаемъ мы въ адатахъ Акушинскаго общества, убійство совершено чужимъ оружіемъ и окажется, что оно было дано для совершенія убійства, то съ хозяина взыскивается штрафа—одинъ быкъ [1]).

Итакъ, по мѣрѣ проникновенія народнаго адата юридическими ученіями мусульманскихъ законовѣдовъ исчезаетъ исконное воззрѣніе на месть, какъ на начало, равно примѣнимое ко всѣмъ случаямъ нанесенія матеріальнаго вреда, независимо отъ того, кѣмъ причиненъ этотъ вредъ, сознающимъ ли свои поступки субъектомъ, или лишеннымъ такого сознанія предметомъ.

Не только прекращается выдача головою нанесшаго раны или повиннаго въ убійствѣ животнаго, но и съ хозяина снимается всякая отвѣтственность, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ окажется виновнымъ въ преступной неосторожности. Большинство народностей Дагестана уже стоятъ на этой послѣдней ступени развитія, и немногія, у которыхъ удержалось архаическое начало выдачи головою причинившаго смерть или ушибы животнаго, принадлежатъ именно къ тѣмъ, на которыхъ вліяніе шаріата сказалось всего слабѣе. Существованіе особаго суда надъ животными, какъ нельзя лучше доказываетъ вѣрность того взгляда, по которому древнѣйшему праву неизвѣстно ни различіе умысла, неосторожности и случая, ни наказуемость неоконченнаго преступленія, иначе говоря покушенія, ни распространеніе виновности на подстрекателя, ни наконецъ, градація вины, а соотвѣтственно и наказанія, по мѣрѣ неосторожности злой воли преступника [2]). Всѣ эти различія не мыслимы въ обществѣ, въ которомъ въ преступленіи преслѣдуется одинъ матеріальный вредъ и элементъ воли такъ мало принимается въ разсчетъ, что отвѣтственности не избѣгаютъ и лишенные сознанія предметы видимой природы. Архаическая точка зрѣнія, при которой умышленныя злодѣянія ставятся на одну доску съ неумышленными, еще наглядно сказывается въ обычаяхъ нѣкоторыхъ южно-дагестанскихъ и дар-

---

1) Адаты Даргинск. общ., стр. 35. Тоже въ Урахлинскомъ обществѣ, ibid., стр. 85.

2) См. объ этомъ Современный Обычай и Древній Законъ, стр. 81 и слѣд., т. II.

гинскихъ обществъ, а также въ Андійскомъ округѣ, въ которомъ, какъ и въ прилегающей къ нему Чечнѣ, вліяніе шаріата было сравнительно слабо. Такъ, напр., въ сѣверной Табасарани убившій безъ умысла, по желанію родственниковъ убитаго, обязанъ удовлетворить за кровь, все равно какъ если бы совершенное имъ убійство было умышленнымъ. Точно также за неумышленное пораненіе виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное, разумѣется опять таки подъ условіемъ, чтобы родственники лица, которому нанесена была рана, стали настаивать на его отвѣтственности. Нравственная сторона преступленія, такъ слабо принимается въ разсчетъ, что сумасшедшій и несовершеннолѣтній не освобождаются отъ платежа за кровь въ случаѣ совершенія ими убійства. Для народа безразлично, давалъ ли себѣ преступникъ отчетъ въ совершаемомъ имъ злодѣяніи; для него имѣетъ значеніе лишь вредъ, причиненный его поступкомъ роду или тохуму [1]). Въ Верхнемъ Кайтагѣ въ магалахъ Ганкъ, Гоншъ и Мюра до послѣдняго времени продолжалъ дѣйствовать тотъ же адатъ; неумышленное дѣйствіе преслѣдовалось какъ умышленное и отвѣтственнооти не избѣгали ни малолѣтніе, ни сумасшедшіе. Тоже имѣло мѣсто и въ Каракайтагѣ въ Гамринскомъ магалѣ и въ селеніи Бошлы [2]). Въ Самурскомъ округѣ, до его покоренія русскими, сумасшедшіе отвѣчали за убійство наравнѣ съ прочими убійцами, а дѣти, какого бы пола и возраста они ни были, наравнѣ со взрослыми. За неумышленныя раненія производились тѣ же взысканія, что и за умышленныя, но вліяніе шаріата уже сказывалось въ томъ, что неумышленный убійца не только освобождался отъ штрафа въ пользу общества (шаріатъ — atra), но и призывался къ уплатѣ лишь половинной платы за кровь [3]). Равная отвѣтственность въ случаяхъ умышленнаго и неумышленнаго убійства или пораненія составляетъ также общій адатъ для всѣхъ жителей Даргинскаго округа [4]). Въ Урахлинскомъ обществѣ неумышленный поранитель

1) Адаты Южно-Дагестанскихъ общ., стр. 23 и 24.
2) Ibid. стр. 43, 53, 59, 60.
3) Ibid. стр. 66.
4) См. Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 15 и 19.

освобождается только отъ положеннаго по шаріату штрафа [1]), а въ Мугинскомъ этотъ штрафъ взыскивается, но лишь въ половинномъ размѣрѣ, и число родственниковъ потерпѣвшаго, которыхъ поранитель обязанъ угостить при примиреніи, на половину меньше того, какое полагается при умышленныхъ раненіяхъ [2]). Въ Казикумухскомъ обществѣ еще удержалось старинное народное воззрѣніе, по которому кровное возмездіе и замѣняющій его выкупъ возможны и при отсутствіи въ преступникѣ сознательнаго желанія совершить злодѣяніе. Если убійство было нечаяннымъ или неумышленнымъ, читаемъ мы въ рукописномъ сборникѣ адатовъ этого округа, виновный подвергается тому же отмщенію и тому же платежу за кровь умершаго, какое опредѣлено за умышленное убійство, но штрафъ въ пользу общества, налагаемый согласно шаріату (шаріатъ—atra) не взыскивается въ этихъ случаяхъ [3]). Въ Хваршинскомъ обществѣ Андійскаго округа не дѣлается никакого различія между убійствомъ умышленнымъ и нечаяннымъ, такъ что въ обоихъ случаяхъ одинаково слѣдуетъ разрушеніе жилища убійцы, удаленіе его изъ селенія вмѣстѣ со всею его семьею, и кровная месть, выкупаемая впрочемъ платежемъ 150 годовыхъ барашковъ. или ихъ стоимостью [4]). Сдѣланныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы вынести убѣжденіе, что безразличное отношеніе обычая къ случаю, неосторожности и умыслу есть черта общая разнообразнѣйшимъ племенемъ Дагестана. черта настолько присущая юридическому сознанію народа, что несмотря на рѣшительный перевѣсъ. какой при Шамилѣ шаріатъ получилъ надъ адатомъ. его вліяніе все таки оказалось безсильнымъ сломить это вѣками установившееся начало. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только адаты Аварскаго и отчасти Гунибскаго округа. Въ Цикердахъ, напр., когда убійство совершенно не преднамѣренно, съ виновника его, въ случаѣ неосторожности, взыскивается только тридцать коровъ. Всякое убійство, виновникомъ котораго является несовершеннолѣтній, при

[1]) Ibid. стр. 89.
[2]) Ibid. стр. 63.
[3]) Рук. Сб. Адатовъ Кази-Кумухскаго окр. 1865 г.
[4]) Рук. Сб. Адатовъ Андійскаго округа.

равнивается къ нечаяннымъ, даже и въ томъ случаѣ, когда оно совершено было съ намѣреніемъ [1]). Въ Коподѣ и Химиссу, двухъ селеніяхъ того же Аварскаго округа, нечаянный убійца обязанъ поставить только быка и саванъ [2]). Въ Богнодольскомъ обществѣ, входящемъ въ составъ Гунибскаго округа, въ случаѣ неосторожнаго убійства плата не превышаетъ собою полдіата, и этотъ платежъ взыскивается не съ убійцы, а съ его родственниковъ [3]). Такъ какъ это взысканіе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, которое предписывается шаріатомъ, то мы вправѣ будемъ сказать, что безотвѣтственность нечаянныхъ убійцъ и ограниченная отвѣтственность убійцъ неосторожныхъ проникли въ народные обычаи аварскихъ и сосѣднихъ къ нимъ обществъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ шафаитскихъ законовѣдовъ. То обстоятельство, что въ Аваріи издревле встрѣчаются ханы, озабоченные кодификаціей дѣйствующаго въ ней права, указываетъ намъ путь, какимъ совершалось постепенное проникновеніе народнаго обычая началами шаріата. Путь этотъ былъ тотъ самый, какому слѣдовало римское право при видоизмѣненіи народныхъ обычаевъ германцевъ. Чѣмъ на западѣ была регламентирующая власть королей, такъ наз. „Bann", тѣмъ въ Аваріи являлась регламентирующая власть хановъ. Какъ на западѣ кунинги въ своей кодификаціи народныхъ обычаевъ придерживались совѣтовъ духовенства и подъ его вліяніемъ вносили въ народныя правды чуждыя обычаю нормы римскаго права, такъ точно на Востокѣ аварскіе ханы слѣдовали мнѣнію муллъ и кадіевъ и обогащали составляемые ими сборники мѣстныхъ адатовъ принципами, цѣликомъ заимствованными у арабскихъ законовѣдовъ; немудрено по этому, если обычаи аварцевъ въ большей степени, нежели обычаи другихъ племенъ Дагестана, носятъ на себѣ отпечатокъ ранняго и глубокаго воздѣйствія шаріата. Эта общая черта сказалась въ частности и въ занимающемъ насъ вопросѣ. Писанному праву магометанъ удалось

[1]) Рук. Сб. Адат. Аварскаго народа, составленный въ 1865 г. Калантаровымъ.

[2]) Ibid.

[3]) См. Адаты, собранные въ 1884 году помощникомъ начальника Гунибскаго окр., кн. Андрониковымъ.

поколебать основное воззрѣніе родовыхъ обществъ на условія виновности и наказуемости и ввести въ обычай чуждое ему на первыхъ порахъ различіе случая, неосторожности и умысла.

Прямымъ послѣдствіемъ того воззрѣнія, что въ преступленіи возмездіе вызываетъ не злая воля преступника, а причиненный имъ матеріальный вредъ, является ненаказуемость покушенія: этотъ фактъ, подтвержденіе которому можно найти въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ [1]), съ наглядностью выступаетъ еще въ юридическихъ обычаяхъ небольшаго числа народностей Дагестана, такъ, напр., въ общихъ адатахъ Даргинскаго округа мы читаемъ: за нападеніе съ цѣлью ограбить, если самого грабежа не воспослѣдуетъ, взысканія не полагается, точно также, какъ не полагается его и въ случаѣ неудачной попытки присвоить себѣ чужое путемъ воровства. Нѣтъ возмездія тому, кто обнажитъ оружіе съ цѣлью нанесенія раны, каждый разъ, когда его намѣреніе останется безъ исполненія [2]). Адаты Даргинскихъ общинъ только тогда подвергаютъ отвѣтственности за покушеніе, когда оно направлено противъ женской чести.

За попытку къ изнасилованію, даже за прикосновеніе къ женщинѣ, если она огласитъ его крикомъ, полагается ими взысканіе, что и за изнасилованіе [3]). Источники этого предписанія лежатъ въ шаріатѣ, который относитъ къ числу вмѣняемыхъ дѣйствій даже простое прикосновеніе къ женскимъ губамъ [4]).

Вліяніе шаріата на адатъ въ этомъ отношеніи началось уже давно и въ постановленіяхъ уцмія Рустема, принадлежащихъ къ началу XVII-го столѣтія, мы уже находимъ слѣдующую статью: Съ того, кто прикоснется къ женщинѣ съ прелюбодѣйной цѣлью, взыскивать по тысячѣ кари (мѣра) хабцалдоку (грубой

[1]) См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, стр. 93.

[2]) Адаты Даргинскаго окр., стр. 20, 26 и 27.

[3]) Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 21.

[4]) La peine djeld consistant en cent coups de bâton, говоритъ баронъ Tornau, a lieu contre celui qui a eu l'intention de commettre un adultère, lors même qu'il ne l'aurait pas consommé, par exemple pour un baiser, un embrassement, le fait de coucher ensemble (Le droit musulman, 1860, стр. 295).

бумажной ткани) [1]). Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы нѣкоторые изъ Дагестанскихъ обществъ и въ томъ числѣ Микатинское не освобождали и доселѣ отъ всякой отвѣтственности всѣ тѣ случаи, въ которыхъ мущинѣ не удается осуществить задуманнаго имъ надъ женщиной насилія [2]); поступая такимъ образомъ, они являются выразителями старинныхъ народныхъ возрѣній о безнаказанности покушенія, воззрѣній, рѣзко противуположныхъ тѣмъ, источникомъ которыхъ являются ученія мусульманскихъ законовѣдовъ.

Гдѣ нѣтъ представленія объ умыслѣ, какъ о необходимомъ условіи вмѣняемости, тамъ не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности нравственнаго виновника преступленія, иначе говоря подстрекателя. Неудивительно поэтому, если на ступени родоваго возмездія кровомщеніе постигаетъ исключительно того, кому нанесена была смерть или рана, а не того, чья воля опредѣлила собою волю преступника.

Слѣды этого стариннаго народнаго воззрѣнія выступаютъ еще въ адатахъ нѣкоторыхъ дагестанскихъ обществъ. «За убійство по подкупу, значится въ общихъ адатахъ Дагестанскаго округа, подкупавшій никакому взысканію не подлежитъ» [3]). Измѣненіе въ этомъ отношеніи народнаго обычая началось уже давно, доказательство этому мы находимъ въ древнѣйшемъ памятникѣ народнаго права Дагестана, въ постановленіяхъ Кайтагскаго уцмія Рустема. «За убійство подстрекателя, значится въ Дербентской рукописи этого сборника, виновный не подлежитъ взысканію, и кровь его должна пропасть, какъ свалившаяся съ дерева груша». Тоже въ другихъ словахъ выражаетъ этотъ памятникъ и въ той редакціи, въ какой онъ напечатанъ г. Комаровымъ: если кто либо понесетъ вредъ или будетъ убитъ по подстрекательству другаго, отвѣтственность несетъ подстрекатель. Въ случаѣ убійства подстрекатель признается кровнымъ врагомъ [4]).

Гдѣ нѣтъ представленія объ умыслѣ, какъ о необходимомъ условіи вмѣненія, тамъ важность преступленія обусловливается

[1]) I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 82.
[2]) Адаты Дарг. общ., стр. 52.
[3]) Адаты Даргинскихъ общ., стр. 15.
[4]) I вып. Сб. св. о Кавк. горцахъ.

не степенью напряженности злой воли, а величиною причиненнаго вреда. Но величина вреда зависитъ отъ того значенія, какое родовые союзы связываютъ съ тою личностью или тѣмъ имуществомъ, противъ которыхъ направляется дѣятельность преступника. Такъ какъ существованіе родовыхъ союзовъ обыкновенно совпадаетъ съ эпохой почти непрекращающихся усобицъ, то жизнь воина—мужчины имѣетъ въ ихъ глазахъ большее значеніе, нежели жизнь женщины—хозяйки. Неудивительно поэтому, если, согласно осетинскимъ обычаямъ, выкупъ крови убитой женщины въ половину меньше выкупа, полагаемаго за убійство мужчины [1],—если въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ округахъ и въ частности Кюринскомъ и Самурскомъ за убійство мужчины въ старые годы платили 24 тумана (туманъ стоимость трехъ быковъ), а за убійство женщины—всего 12 [2]). Такой порядокъ далеко, впрочемъ, не былъ всеобщимъ: въ магалѣ Урджамулъ адатъ за одно съ шаріатомъ не дѣлаетъ различія между убійствомъ мужчины и женщины [3]), а въ Кайтагѣ, со временъ уцмія Рустема, убійство женщины признавалось даже болѣе тяжкимъ нежели убійство мужчины [4]). Каждый разъ, когда преступленіе является съ характеромъ дѣйствія, задѣвающаго одновременно нѣсколько интересовъ, отвѣтственность преступника считается болѣе значительной, и на оборотъ. Отсюда слѣдующая лѣствица преступленій. Убійство или воровство, связанное съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужое жилище,—преступленіе большей важности, чѣмъ простое убійство или воровство. Убійство, связанное съ грабежомъ, по той же причинѣ,—квалифицированный видъ убійства. Убійство беременной женщины, какъ соединяющее въ себѣ два убійства, убійство матери и ребенка, также превосходитъ обыкновенные случаи лишенія жизни. Всему этому мы находимъ формальное признаніе въ дагестанскихъ адатахъ. «Кто убьетъ беременную женщину въ магалѣ Урджамулъ, тотъ обязанъ платить за двѣ крови [5])». Въ магалѣ Гомрин-

[1]) Совр. об. и др. законъ, т. II, стр. 181.
[2]) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 6 и 63.
[3]) Ibid. стр. 47.
[4]) I вып. Сб. св. Кавк. горц.
[5]) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 47

скомъ, когда убьютъ человѣка на принадлежащемъ ему въ собственность участкѣ, убійство считается квалифицированнымъ—каракапъ, что въ переводѣ значитъ—черная кровь [1]). Въ Каракайтагѣ, со временъ уцмія Рустема самыми тяжкими видами убійствъ уже признаются случаи, когда убійца возметъ съ убитаго какую нибудь вещь, а тѣмъ болѣе—всякое убійство, связанное съ грабежемъ [2]).

Въ противность адату, шаріатъ даетъ преступленіямъ нравственную оцѣнку. Чѣмъ явственнѣе сказалась въ преступленіи злая воля преступника, чѣмъ онъ дѣйствовалъ сознательнѣе и свободнѣе отъ афекта, тѣмъ поступокъ его тяжеле. Только тѣ преступленія относятся сборникомъ Навави къ высшей категоріи «амбдъ», въ которыхъ результатъ вполнѣ отвѣчаетъ намѣреніямъ преступника; если же, на оборотъ, вредъ, причиненный преступленіемъ, превышаетъ тотъ, который имѣлъ въ виду преступникъ, поступокъ его причисляется къ полуумышленнымъ или шибчулъ-амбдъ [3]). Вліяніемъ шаріата объясняется. если и въ адатахъ нѣкоторыхъ обществъ Дагестана къ числу квалифицированныхъ убійствъ или каракапъ отнесены и тѣ, въ которыхъ кто либо убитъ изъ засады, и тѣ, въ которыхъ преступникъ всячески старается сохранить свой поступокъ въ тайнѣ [4]); къ числу такихъ квалифицированныхъ убійствъ постановленія уцмія Рустема относятъ: убійство кого либо въ собственномъ домѣ или на собственной пашнѣ и при томъ безъ всякаго повода со стороны убитаго, а также убійство, сопровождаемое скрытіемъ трупа убитаго [5]).

Насколько такое различеніе важности преступленія, сообразно напряженности злой воли содѣявшаго, противорѣчитъ основному взгляду родовыхъ сообществъ, можно судить по тому, что въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ адатахъ, и въ томъ числѣ въ мугинскомъ прямо значится: «и убійство ни въ какомъ слу-

---

1) Ibid. стр. 52.

2) I вып. Сб. св. о Кавк. горц.

3) О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами восточнаго Кавказа, стр. 7.

4) Магалъ Урджамулъ, стр. 47; Магалъ Годеринскій. стр. 51.

5) Дербентская рукоп.

чаѣ не считается кара [1])», т. е. нѣтъ различія простыхъ и квалифицированныхъ убійствъ.

Отсутствіе кровомщенія въ родственной средѣ составляетъ [2]) характерную особенность той стадіи общественнаго развитія, которую привыкли обозначать терминомъ родовой. Находя подтвержденіе себѣ въ рядѣ данныхъ, источникомъ которыхъ служатъ какъ этнографія, такъ и древнѣйшая исторія права.,—это положеніе съ удобствомъ можетъ быть выведено и дедуктивнымъ путемъ изъ общихъ началъ родоваго устройства и древнѣйшаго представленія о преступленіи и возмездіи. На родовой стадіи общежитія нѣтъ мѣста для индивидуализма, а потому самому—и для личной отвѣтственности; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность кровныхъ союзовъ—рода и семьи. Преступное дѣйствіе, каково бы ни было его содержаніе, является нарушеніемъ не индивидуальнаго, а коллективнаго интереса. Его ждетъ по этому не личное, а родовое возмездіе. Но родовое возмездіе мыслимо лишь подъ условіемъ примыканія его къ членамъ чужаго рода. Родъ самому себѣ не можетъ быть мстителемъ. Иначе въ результатѣ получилась бы двойная потеря для рода: потеря члена, унесеннаго преступленіемъ, и потеря искупляющей эту потерю жертвы. Неудивительно по этому, если на родовой стадіи общежитія убійство отца, сына или брата не вызываетъ того мщенія, какъ убійство любаго изъ членовъ чужаго рода. Женоубійство, въ виду принадлежности жены одновременно къ двумъ родамъ, роду ея родителей и роду мужа, то даетъ поводъ къ родовому возмездію, то оставляется не отмщеннымъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ рѣшающимъ моментомъ является присутствіе или отсутствіе дѣтей у умерщвленной супруги. Убитая мужемъ бездѣтная жена считается принадлежностью выдавшаго ее въ замужество рода, который по этой причинѣ мститъ за ея смерть и получаетъ плату за убійство. Сдѣлавшись матерью, жена, чрезъ посредство дѣтей, становится членомъ одного съ мужемъ рода, а потому убійство ея супругомъ попадаетъ въ категорію преступленій, совершенныхъ въ

[1]) Адаты Дарг. общ., стр. 61.

[2]) См. Современный Обычай и Древній Законъ, т. II, глава I.

родственной средѣ и не вызывающихъ возмездія. Всѣ эти положенія, развитіе которыхъ составило одну изъ задачъ моего труда о «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ», находятъ новое подтвержденіе въ народныхъ обычаяхъ Дагестана.

«Если убитый былъ родственникомъ ранившаго его, читаемъ мы въ общихъ адатахъ Даргинскихъ обществъ,—за рану удовлетворенія не дѣлается» [1]).

Въ Микахинскомъ обществѣ этотъ общій адатъ находитъ примѣненіе только тогда, если того пожелаютъ родственники [2]).

Въ Саргинскомъ обществѣ, отецъ за убійство сына или дочери не подлежитъ кровомщенію, а платитъ только штрафъ, положенный шаріатомъ [3]).

Въ Кюринскомъ Округѣ, «какъ и въ Табасаранскомъ, если отецъ убьетъ сына или дочь, то онъ не несетъ платы за кровь, такъ какъ при убійствѣ дѣтей платежъ по праву поступаетъ въ руки отца» [4]). Въ верхнемъ Кайтагѣ и въ частности въ магалахъ Ганхъ, Ганшь и Мюра, отсутствіе кровной мести въ родственной средѣ примѣнялось до послѣдняго времени не только къ случаямъ убійства дѣтей отцомъ, но и къ тѣмъ, когда лицомъ, причинившимъ смерть, являлись мать, сынъ и дочь, мужъ и жена, братъ и сестра. Правда, свобода отъ возмездія была скорѣе факультативной, нежели обязательной, такъ какъ отъ родственниковъ зависѣло мстить или не мстить связанному съ ними единствомъ крови преступнику, но и одного этого достаточно для признанія, что въ допускаемой родственниками безотвѣтственности убійцы мы имѣли дѣло съ стародавнимъ обычаемъ, пустившимъ глубокіе корни въ народную жизнь: «Кто убьетъ отца, тотъ обязанъ удалиться изъ аула, если того пожелаютъ остальные члены его семьи; въ противномъ случаѣ, онъ остается дома и платитъ штрафъ въ пользу общества, обыкновенно трехлѣтняго быка, или 8 рублей деньгами. Если кто убьетъ брата и сестру, то отъ осталь

[1]) Адаты Даргинскихъ обществъ, стр. 12.

[2]) При убійствѣ родственникомъ родственника, убійца или дѣлается канлы, или остается безъ преслѣдованія, по усмотрѣнію прочихъ родственниковъ. Ibid. стр. 47.

[3]) Ibid. стр. 73.

[4]) Адаты Южно Дагестанскихъ обществъ, стр. 7, 22.

ныхъ братьевъ и сестеръ зависитъ преслѣдовать его или простить; во всякомъ случаѣ съ убійцы взыскивается штрафъ въ пользу общества [1]).

Въ магалѣ Терекеме архаическое начало, по которому убійство, совершенное въ родственной средѣ, оставалось не отмщеннымъ, выступаетъ съ особенной рѣзкостью.: «Если отецъ убьетъ сына или дочь, его поступокъ остается безнаказаннымъ. Если сынъ убьетъ отца или мать или братъ брата, то за убійство не преслѣдуется» [2]).

Тогда какъ адатъ, отправляясь отъ той точки зрѣнія, что послѣдствіемъ преступленія должна быть месть обиженнаго рода роду обидчика, по этому самому не знаетъ возмездія за преступленія, совершенныя въ родственной средѣ, шаріатъ, для котораго Моисеевъ принципъ: «око за око, зубъ за зубъ» является высшимъ выраженіемъ справедливости, распространяетъ принципъ равнаго возмездія и на преступленія, совершенныя въ родственной средѣ: «За мужа или жену мстятъ наслѣдники ихъ, читаемъ мы въ сводѣ Навави. За дѣтей и нисходящихъ виновные платятъ цѣну крови наслѣдующимъ, лишаясь сами правъ наслѣдованія. Тоже надо сказать и о случаяхъ убійства восходящихъ» [3]).

Эти ученія законовѣдовъ школы Шафаи находятъ себѣ буквальное примѣненіе въ адатахъ Казикумухскаго и Гунибскаго округа: «Братъ, убившій брата или сестру, обязанъ оставить мѣсто своего жительства, если того пожелаютъ остальные братья, или, за неимѣніемъ ихъ, другіе родственники», стоитъ въ рукописномъ сборникѣ адатовъ Казикумухскаго округа. Убійца подвергается тѣмъ же взысканіямъ и той же отвѣтственности, что и всякій вообще убійца, но съ тою разницею, что онъ выходитъ въ каплы одинъ и малъ — каплы не назначается. — «Если сынъ убьетъ отца, остальные сыновья убитаго или родственники его вправѣ убить на мѣстѣ, но если они не сдѣлаютъ этого и убійца спасется бѣгствомъ», въ такомъ случаѣ оживаетъ

1) Ibid. стр. 35.

2) Ibid. стр. 49.

3) См. Отвѣтственность за убійство и пораненіе по шаріату. Сб. св. о Кавк. горц.

старинное начало «безвозмездности убійствъ, совершенныхъ въ родственной средѣ и отъ убійцы никакого платежа не требуется.

Народное правовое воззрѣніе одерживаетъ также верхъ надъ требованіями шаріата въ случаѣ отцеубійства. «Отецъ убившій сына или дочь, ни въ какомъ случаѣ не подвергается мщенію со стороны остальныхъ сыновей или родственниковъ; согласно Казикумухскому адату онъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности» [1]).

Гораздо строже придерживаются началъ шаріата при обсужденіи случаевъ отцеубійства адаты нѣкоторыхъ общинъ Гунибскаго округа и въ частности—селеній Хоточь и Хиндагъ: если отецъ убьетъ безвинныхъ сына или дочь, то становится канлы по отношенію къ оставшемуся въ живыхъ сыну. Если, кромѣ убитаго, у него не будетъ другаго сына, то право кровомщенія переходитъ къ тому лицу, которое изберутъ изъ своей среды родственники убитаго.

Того же правила придерживаются жители названныхъ обществъ и въ случаяхъ братоубійства. Въ селеніяхъ Карахскаго общества какъ отецъ, убившій сына, такъ и сынъ, убившій отца, равно становятся канлы по отношенію къ братьямъ убитаго [2]). Въ Бѣжитѣ, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ мнѣ стариками, въ случаѣ отце- или брато-убійства, плата за кровь (діэтъ) уплачиваема была собственнымъ братьямъ, при неимѣніи же ихъ въ живыхъ—племянникамъ и дядямъ по отцу. Такъ какъ по общему правилу діэтъ поступаетъ къ тѣмъ же лицамъ, что и наслѣдство, то при полномъ отсутствіи родственниковъ со стороны отца, къ полученію діэта съ отце— и брато-убійцъ допускаемы были даже родственники со стороны матери.

Въ Акушинскомъ обществѣ Даргинскаго округа, которое во времена Шамиля было однимъ изъ главныхъ очаговъ мюридизма, отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы родственниковъ

---

[1]) Сб. Адатовъ, сущ. въ Казикумухскомъ округѣ (1865 г.).

[2]) Рукописный Сб. Адатовъ Гунибскаго округа. Тѣхъ же приблизительно началъ при обсужденіи случаевъ отце-сыно и брато-убійства придерживаются адаты слѣдующихъ обществъ: Даргинскаго округа, Микахинскаго (стр. 47), Сиргинскаго (стр. 73), Урахлинскаго (стр. 96), Усишинскаго (стр. 101 и 102) и Цудахурскаго (стр. 114)

своей жены, и на оборотъ мать, за убійство сына или дочери, дѣлается канлы родственниковъ со стороны мужа, но это лишь въ томъ случаѣ, если убійца не оставилъ собственной семьи, такъ какъ семья эта имѣетъ преимущественное право на месть. Въ преслѣдованіи отцеубійства родственниками матери, а матереубійства—родственниками отца мы видимъ своеобразное сочетаніе требованій, вызываемыхъ шаріатомъ на счетъ наказуемости преступленій, жертвою которыхъ являются родители, и стариннаго народнаго воззрѣнія, по которому месть можетъ быть осуществлена только на членахъ чужаго рода[1]). Это же требованіе народнаго правосознанія принимается въ разсчетъ и при опредѣленіи послѣдствій, вытекающихъ изъ убійства жены мужемъ и мужемъ жены.

Въ Самурскомъ округѣ [2]), въ сѣверной Табасарани и въ магалѣ Терекеме мужъ, убившій жену, платитъ діэтъ родственникамъ жены, и на оборотъ, жена, убившая мужа,—родственникамъ мужа [3]). Въ большинствѣ же обществъ Дагестана принято за правило, что права женинаго или соотвѣтственно мужнинаго рода наступаютъ только тогда, когда у убитой или убитаго не окажется дѣтей. Но дѣти, какъ мы видѣли, по народному воззрѣнію лишены права мести по отношенію къ родителямъ, а потому, при наличности дѣтей, жено- и муже-убійство обыкновенно не даютъ повода къ возмездію. Самое большее, чего можетъ потребовать въ такихъ случаяхъ обычай, это угощенія виновнымъ или виновною членовъ обиженнаго ими рода,—т. е. мужемъ-убійцей рода жены, женой-убійцею—рода мужа [4]).

Если родовые союзы исключаютъ возможность мести въ случаяхъ преступленій, совершенныхъ въ родственной средѣ, то, съ другой стороны, они смотрятъ на кровомщеніе какъ на общій способъ возмездія, равно приложимый родомъ ко всѣмъ злодѣяніямъ, послѣдствіемъ которыхъ является причиненіе ему или его членамъ матеріальнаго вреда.

Кровная месть прилагается поэтому же не къ однимъ только

---

[1]) Сб. Адатовъ Даргинскаго округа, стр.
[2]) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 65.
[3]) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 29 и 49.
[4]) Ibid. стр. 53.

убійцамъ, но и къ лицамъ, оскорбившимъ честь рода путемъ прелюбодѣянія, изнасилованія, похищенія и даже простаго сожитія съ входящей въ его составъ женщиной или дѣвушкой. Въ случаѣ прелюбодѣянія, дагестанскій супругъ вправѣ убить обоихъ виновныхъ.

«Кто, заставши жену свою съ любовникомъ, убьетъ ихъ обоихъ на мѣстѣ, читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ сѣверной Табасарани, тотъ не отвѣчаетъ за убійство. Если онъ убьетъ одного любовника, а жену оставитъ у себя, то обязанъ удовлетворить родственниковъ убитаго за кровь и заплатить обществу штрафъ. Если онъ убьетъ жену, а любовникъ успѣетъ скрыться, то за убійство жены не отвѣчаетъ, но преслѣдуетъ ея любовника. Если онъ убьетъ любовника, а жена успѣетъ скрыться, и онъ оставитъ ее безъ преслѣдованія, то обязанъ удовлетворить за его кровь, а если хотя и черезъ нѣсколько времени убьетъ жену свою, то за кровь любовника ея не отвѣчаетъ» [1]).

Въ Казикумухскомъ округѣ, если мужъ застанетъ прелюбодѣйную жену на мѣстѣ преступленія, то въ правѣ убить обоихъ виновниковъ: кровь жены въ этомъ случаѣ зачисляется за кровь любовника. Но если убита одна жена, а любовникъ успѣлъ бѣжать, онъ подвергается мщенію родственниковъ убитой. Если же, на оборотъ, въ живыхъ останется жена, а любовникъ будетъ убитъ, мужъ—убійца становится канлы для родственниковъ убитаго. Въ большинствѣ аварскихъ обществъ дѣйствуетъ то же правило. Виновники прелюбодѣянія становятся канлы по отношенію къ мужу до примиренія или на срокъ, обыкновенно трехгодичный. Убійство ихъ не подлежитъ отмщенію [2]). Народное воззрѣніе на месть, какъ на неизбѣжное послѣдствіе прелюбодѣянія, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ писаннымъ правомъ магометанъ. Согласно ученію Навави, послѣдствіемъ прелюбодѣянія, для не женатаго человѣка является нанесеніе ему только ста ударовъ плетью, для женатаго же побіеніе камнями [3]).

---

[1]) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 22 и 23. См. также адаты Даргинскаго окр., стр. 38 (Акуши).

[2]) Сборникъ Адатовъ Аварскаго округа.

[3]) Minhadj, т. III, стр. 13.

Обычаи Дагестана не знаютъ примѣненія публичныхъ каръ къ виновникамъ прелюбодѣянія; они упорно стоятъ за осуществленіе мужемъ личной мести и далеко не повсюду допускаютъ замѣну ея выкупомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана, какъ, напр., въ Закатальскомъ округѣ, считается постыднымъ для мужа взять съ прелюбодѣя выкупъ; въ другихъ, какъ, напр., въ селеніи Башлы вовсе не существуетъ адата, который бы регулировалъ порядокъ примиренія съ ними, такъ что обольстившій замужнюю женщину остается каплы «втеченіи всей своей жизни и его вправѣ убить какъ мужъ, такъ и родные мужа» [1]). Въ Кюринскомъ округѣ, обычай разрѣшаетъ мужу признать невинной завѣдомо прелюбодѣйную жену и подъ этимъ условіемъ продолжать съ нею сожительство, но въ этомъ случаѣ онъ обязанъ отказаться какъ отъ личнаго возмездія обольстителю, такъ и отъ полученія съ него выкупа [2]). Въ Закаталахъ, какъ и въ Самурскомъ округѣ, а также въ большинствѣ Даргинскихъ обществъ, дозволено получать съ обольстителя выкупъ, который въ однихъ мѣстностяхъ одинаковъ съ тѣмъ, какой взыскивается въ случаяхъ убійства, а въ другихъ—представляетъ половину этой суммы [3]).

Адаты большинства Дагестанскихъ общинъ ставятъ на одну доску съ прелюбодѣяніемъ какъ побѣгъ дѣвушки въ сообществѣ съ обольстителемъ, такъ и мужеложство, въ томъ смыслѣ, что разрѣшаютъ отцу и вообще ближайшему родственнику убить одновременно обоихъ виновныхъ. Смерть одного изъ двухъ не освобождаетъ отъ отвѣтственности за смерть другаго. Такъ напримѣръ, по адату, существующему въ селеніи Кечеръ (Гунибскаго округа), за добровольный побѣгъ дѣвушки съ мужчиной, оба виновные выводятся въ каплы на неопредѣленный срокъ, впредь до того времени, когда отцу бѣжавшей угодно будетъ или выдать ее замужъ за обольстителя или получить

[1]) Адаты Южно-Дагест. общ., стр. 61.

[2]) Адаты Южно-Даг. общ.—Если мужъ изобличенной въ прелюбодѣяніи жены объявитъ, что она для него чиста, то вмѣстѣ съ этимъ лишается права и на удовлетвореніе со стороны обольстителя (стр. 18).

[3]) Такъ, напр., въ Закатальскомъ округѣ.

съ него выкупъ [1]). Въ адатахъ Тиндальскаго общества Андійскаго округа значится: Если застанутъ мужчину въ преступной связи съ посторонней ему женщиной, замужней или не замужней,—оба виновные могутъ быть убиты на мѣстѣ. Не случится этого,—любовникъ становится кровнымъ врагомъ. Въ Кюринскомъ округѣ «за увозъ женщины отвѣчаютъ какъ за убійство мужчины: увезшій выводится въ канлы и родственники увезенной вправѣ убить его безъ всякой за то отвѣтственности» [2]).

Въ Табасарани «если при похищеніи дѣвицы, родственники бросятся въ догонъ и убьютъ бѣжавшихъ, они не подлежатъ преслѣдованію за убійство» [3]).

Во многихъ обществахъ Дагестана тотъ же обычай примѣняется и къ случаямъ мужеложества, сопровождаемаго насиліемъ. Такъ, напр., въ общихъ адатахъ Даргинскаго округа [4]) мы читаемъ: «За мужеложество, соединенное съ насиліемъ, если подвергшійся насилію огласилъ его крикомъ, виновный подвергается взысканію какъ за убійство. Въ Усишинскомъ обществѣ, кто застанетъ родственника своего въ мужеложствѣ съ другимъ мужчиной и убьетъ обоихъ, не подвергается никакой отвѣтственности [5]).

Всякая попытка овладѣть дѣвушкой противъ ея воли, хотя бы она и не сопровождалась опредѣленнымъ результатомъ, даетъ отцу и вообще ближайшему родственнику право убить виновнаго или получить съ него тотъ же выкупъ, что и за убійство [6]). Дагестанскіе адаты выставляютъ при этомъ требованіе, чтобы потерпѣвшая огласила крикомъ о причиненномъ ей насиліи.

[1]) Бѣловая книга для записи апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія сельскихъ судовъ Гунибскаго округа, 1881 года.

[2]) Адаты Южно-Даг. общ., стр. 17.

[3]) Ibid. стр. 24.

[4]) Адаты Даргинск. окр., стр. 21.

[5]) Адаты Даргинскихъ общ., стр. 102.

[6]) За прикосновеніе къ женщинѣ или снятіе съ нея платка или одежды, читаемъ мы въ адатахъ Андійскаго округа (селенія Годобери и Зиберхали), виновный подвергается всѣмъ тѣмъ взысканіямъ, какимъ подлежитъ убійца.—Въ селеніяхъ Хоточь и Хиндачъ Гунибскаго округа лицо, позволившее себѣ насиліе надъ женщиной, выходитъ въ канлы. Въ Ан-

Такъ, напр., въ селеніи Согратль Гунибскаго округа если совершеннолѣтняя дѣвушка объявитъ, что она подверглась насилію со стороны такого то лица и въ такомъ то мѣстѣ, и въ то же время окажется, что она крикомъ не огласила о случившемся и не просила чужой помощи, то показаніе ея не принимается въ разсчетъ; другое дѣло, если подвергшаяся насилію—несовершеннолѣтняя.

Общіе адаты Даргинскихъ обществъ выставляютъ то же требованіе: изнасилованная, значится въ нихъ, должна огласить крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе. Въ противномъ случаѣ ея жалобѣ не даютъ дальнѣйшаго хода. Если насиліе сдѣлано въ безлюдномъ мѣстѣ, потерпѣвшая должна объявить о случившемся при входѣ въ деревню. Отъ женщины, извѣстной своимъ развратнымъ поведеніемъ, жалоба не принимается [1]).

Лицо, позволившее себѣ насиліе надъ женщиной, только тогда не становится кровнымъ врагомъ или канлы [2]) по отношенію къ ея отцу, если согласится взять ее въ жены [3]). Этотъ исходъ почти неизбѣженъ въ томъ случаѣ, если дѣвушка окажется беременной. Воспитаніе ребенка въ всякомъ случаѣ падаетъ на отца [4]).

Критеріемъ древности только что изложенныхъ нами обычаевъ можетъ служить то обстоятельство, что мы находимъ ихъ въ той кодификаціи мѣстныхъ адатовъ, какая была предпринята въ началѣ XVII-го вѣка Кайтагскимъ уцміемъ Рустемомъ.

Съ того, кто прикоснется къ женщинѣ съ прелюбодѣяпной

дійскомъ округѣ, въ обществѣУнкранель—самой обиженной женщинѣ предоставляется право убить насилователя.

[1]) Адаты Дарг. общ., стр. 21.

[2]) Въ сборникѣ адатовъ Казикумухскаго округа мы читаемъ: уличенный въ изнасилованіи обязанъ жениться на обиженной имъ дѣвушкѣ, если родители ея и сама дѣвушка изъявятъ на то свое согласіе.

[3]) Въ Сб. Казикумухскихъ адатовъ значится: Если кто либо изъ вражды или вслѣдствіе страстныхъ побужденій снимаетъ съ дѣвицы или вдовы платокъ или затащитъ ее въ свое или чужое жилище, тотъ обязанъ на ней жениться, заплативъ 40 р. или уступивъ пахатное поле той же стоимости роднымъ обиженной женщины.

[4]) Если женщина забеременеетъ отъ связи съ мущиной, послѣдній долженъ на ней жениться, читаемъ мы въ адатахъ Казикумухскаго округа.

цѣлью, значится въ ней, взыскивать по тысячѣ кари хобцалдоку. Но тотъ же платежъ слѣдуетъ и за убійство женщины.

Если женщина съ крикомъ прибѣжала домой и покажетъ, что кто-либо коснулся ея съ прелюбодѣянной цѣлью и обвиняемый будетъ найденъ на мѣстѣ, указанномъ женщиной, показаніе ея должно быть принято судомъ, читаемъ мы въ томъ же сборникѣ. Но если женщина не закричитъ, при прикосновеніи къ ней мущины, и объявитъ о случившемся по возвращеніи домой, жалобы ея не давать ходу». «Если увезшій женщину будетъ насильно удерживать ее у себя, то убійство его считать безвозмездным. Если увезенная согласится быть женою увезшаго, то сочетать обоихъ бракомъ. Когда же увезенная не пожелаетъ вступить въ бракъ съ увезшимъ ее, то возвратить родственникамъ»[1].

На ряду съ убійствами и преступленіями, связанными съ оскорбленіемъ общественной нравственности и семейной чести, всякаго рода раненія, отнюдь однако не побои, считались въ Дагестанѣ поводомъ къ кровомщенію. Доказательство этому мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что подобно убійцѣ, поранитель долженъ былъ избѣгать присутствія родственниковъ своей жертвы, которые при встрѣчѣ могли нанести ему рану, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Платежъ за рану не считался обязательнымъ, но за то характеръ обязанности носило устраиваемое поранителемъ «мирное угощеніе», на которое родственники потерпѣвшаго являлись въ числѣ, напередъ опредѣленномъ обычаемъ.

Адаты Андійскаго и южно-Дагестанскихъ округовъ всего болѣе сохранили чертъ старинмаго воззрѣнія, по которому всякое кровопролитіе давало поводъ къ родовому возмездію. Въ Гумбетовскомъ наибствѣ, если ранившій до примиренія его съ раненымъ выйдетъ изъ дому или со двора, хотя бы только къ сосѣду, и будетъ замѣченъ родственниками раненаго, — онъ подвергается нападенію съ ихъ стороны. Родственники имѣютъ право поранить его, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности; за убійство же его они подлежатъ кровомщенію. Если ранившій

[1] I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 82, 85 и 83.

при выходѣ изъ дому будетъ замѣченъ не родственниками жертвъ, а общественными властями деревни (турчаками), съ него взыскивается штрафъ въ пользу деревни [1]). Укрывательство поранителя, согласно общимъ адатамъ Андійскаго округа, должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока лицо, получившее рану, не почувствуетъ облегченія. По выздоровленіи раненаго, родственники поранителя, при посредствѣ лицъ, пользующихся въ селеніи наибольшимъ почетомъ, стараются склонить родственниковъ жертвы къ примиренію, дѣлаютъ имъ съ этою цѣлью подарки и приглашаютъ ихъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, къ себѣ въ гости, при чемъ устраиваютъ въ ихъ честь пирушку [2]).

Въ южномъ Дагестанѣ, какъ видно изъ адатовъ Гамринскаго магала, такъ называемое «мирное угощеніе»—также необходимое послѣдствіе раненій; оно устраивается каждый разъ виновнымъ на собственный счетъ и средства своихъ родныхъ, въ пользу не одного потерпѣвшаго, но и его родственниковъ. Во время пиршества стороны формально мирятся между собою [3]).

Въ Микахинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа), до излѣченія раны, ранившій не долженъ встрѣчаться съ раненымъ и родственниками его. За неисполненіе этого требованія съ него взыскивается штрафъ въ пользу сельскаго общества (джамаата). Если отъ встрѣчи его съ раненымъ или его родственниками послѣдуетъ драка и поранитель будетъ раненъ, онъ за рану не получаетъ никакого удовлетворенія [4]).

Въ Мучинскомъ обществѣ «по излѣченіи раны, ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому и родственникамъ его, число которыхъ, по важности раны, опредѣляетъ лѣчившій ее [5]).

Во многихъ аулахъ Дагестана, за рану, не принимающую характера увѣчья, не полагается никакого взысканія въ пользу потерпѣвшаго, но во всѣхъ одинаково поранитель призывается къ возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ его раной, а потому

---

[1]) Рук. Сборникъ адатовъ, сущ. между жителями Андійскаго округа (1865 г.).

[2]) Ibid.

[3]) Адаты Южно-Дагест. общ., стр. 53.

[4]) Адаты Даргинскаго округа, стр. 49.

[5]) Ibid. стр. 63.

оплачиваетъ лѣкаря [1]) и принимаетъ на себя всѣ или половину издержекъ по содержанію раненаго до момента его излѣченія. Штрафъ въ пользу общества, въ которомъ произведено было пораненіе, обыкновенно, хотя и не всегда, взыскивается съ поранителя.Такъ, въ Акушахъ [2]), хотя раненый не получаетъ никакого удовлетворенія, но за всякую рану, даже не требующую лѣченія, слѣдуетъ платежъ штрафа. Штрафъ взыскивается, впрочемъ, лишь въ случаѣ умышленнаго пораненія. Наоборотъ, тамъ гдѣ полагается платежъ въ пользу раненаго, не дѣлается различія между умышленнымъ и неумышленнымъ пораненіемъ, точно также, какъ не дѣлается его между умышленнымъ и неумышленнымъ убійствомъ. Народъ не преслѣдуетъ въ пораненіи ничего, кромѣ причиненнаго имъ вреда, и этотъ вредъ не зависитъ отъ того, было ли пораненіе умышленнымъ, неосторожнымъ или случайнымъ. Вотъ почему въ Микахинскомъ обществѣ какъ и въ Урахинскомъ—за неумышленное пораненіе, удовлетвореніе дѣлается то же, что и за умышленное, но штрафъ не взыскивается][3]). То же—на протяженіи всего Самурскаго округа [4]). Въ селеніи Башлы равнодушіе обычая къ умыслу идетъ такъ далеко, что онъ подвергаетъ одинаковой отвѣтственности за раны какъ совершеннолѣтняго, такъ и несовершеннолѣтняго [5]).

Подобно убійствамъ, пораненія сопровождаются возмездіемъ только въ томъ случаѣ, если пораненый принадлежитъ къ другому роду, нежели поранитель. Въ магалѣ Гамринскомъ, ранившій сына или дочь не подвергается преслѣдованію, точно также какъ братъ, ранившій брата. Если мать ранитъ сына или дочь, то она, какъ принадлежащая къ другому роду, нежели ея мужъ, подлежитъ преслѣдованію. То же правило соблюдается при пораненіи мужа женою или жены мужемъ [6]).

Необходимымъ актомъ всякаго производимаго между родами примиренія является такъ называемое мирное угощеніе; мы встрѣчаемъ его при всякомъ пораненіи какъ умышленномъ, такъ и

1) Ibid. стр. 76, 103.
2) Ibid. стр. 36.
3) Ibid. стр. 49, 89 и 116.
4) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 67.
5) Ibid. стр. 60.
6) Ibid. стр. 53.

случайномъ [1])—вѣрный признокъ тому, что пораненіе наравнѣ съ убійствомъ входило въ категорію дѣйствій, которыя согласно адату подлежатъ отмщенію.

Но отмщенія требуетъ въ случаяхъ раненій и шаріатъ, все отличіе котораго отъ адата сводится въ данномъ случаѣ къ проводимому имъ принципу равнаго возмездія (киссасъ); этотъ принципъ требуетъ, чтобы поранителю нанесена была такая же точно рана, какъ та, отъ которой страдаетъ его жертва. Шаріатъ допускаетъ, впрочемъ, замѣну личнаго возмездія выкупомъ. Сводъ Навави, подобно дѣйствующему въ Дагестанѣ адату, требуетъ, чтобы издержки по лѣченію раны пали на поранителя. Вліяніе, оказанное имъ на образованіе адата, выступаетъ между прочимъ въ томъ, что за раненіе женщины взыскивается въ Дагестанѣ какъ и за убійство—половинная плата противъ той, какая бы слѣдовала потерпѣвшей сторонѣ въ томъ случаѣ, если раненіе или убійство направлено было противъ мущины. За пораненіе женщины, значится въ адатахъ Мучинскаго округа, дѣлается половинное взысканіе [2]). Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ адаты Аварцевъ, въ которыхъ на оборотъ за раненіе женщины взыскивается больше, нежели за раненіе мужчины [3]). При раненіи беременной женщины, сопровождающемся выкидышемъ, адатъ требуетъ добавочнаго платежа.

Большинству древнихъ сводовъ и въ числѣ ихъ какъ варварскимъ законамъ германцевъ, такъ и нашей древней правдѣ извѣстно выдѣленіе въ особую групу тѣхъ видовъ раненій, которыя сопровождаются потерею того органа, противъ котораго они направлены,—я разумѣю такъ называемыя увѣчья. Нѣкоторыя древнія законодательства, какъ, напр., Датское, приравниваютъ ихъ къ убійствамъ и требуютъ полной платы за кровь отъ виновниковъ. Другія, наоборотъ, образуютъ изъ нихъ самостоятельную, посредствующую групу между убійствомъ и раненіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. У человѣка три важнѣйшихъ органа, говорятъ Датскіе законы, это:—носъ, языкъ и дѣто-

[1]) Ibid. стр. 63.
[2]) Адаты Дарг. общ., стр. 63.
[3]) Ср. Адаты и судопроизводство по нимъ Комарова, I вып. Сб. св. о Кавк. горц., стр. 37.

родный членъ; «увѣчье ихъ требуетъ полной платы за кровь». Большинство законодательствъ, въ томъ числѣ Салическая правда, древніе законы Уэльса, Русская Правда (ст. 21 Троицкаго списка), не причисляя увѣчья къ убійствамъ, ставятъ на одну доску отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, а также выколъ глаза. При этомъ, какъ общее правило, мы встрѣчаемъ постановленіе о платежѣ виновнымъ половины той платы, которая слѣдовала бы съ него за убійство. Только по отношенію къ кастраціи большинство законодательствъ держится того взгляда, что увѣчье здѣсь, по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, ничѣмъ не отличается отъ убійства: потому-ли, что смерть нерѣдко ожидаетъ кастрата, или-же потому, что послѣдній лишается возможности численнаго размноженія рода, и имѣется, слѣдовательно, основаніе къ увеличенію мѣры наказанія. Салическая Правда требуетъ 200 солидовъ съ того, кто произведетъ кастрацію; но это—та самая плата, какую та же Правда взыскиваетъ съ убійцы. Что касается до другихъ видовъ увѣчій, то лишеніе глаза, носа, руки или ноги, согласно Салической Правдѣ, ведетъ къ уплатѣ половины того, что слѣдуетъ за убійство—100 солидовъ, вмѣсто 200. Тотъ-же приблизительно размѣръ взысканій встрѣчаемъ мы и въ другихъ германскихъ законодательствахъ, а также въ Русской Правдѣ, 21 ст. которой, по Троицкому списку, заключаетъ въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующія постановленія. За отсѣченіе руки, ноги или лишеніе глаза полагается полувирье, т. е. 20 гривенъ; сводъ Навави измѣряетъ платежъ за увѣчье такимъ образомъ, что кладетъ въ основаніе расчета плату за убійство въ 100 верблюдовъ. Вознагражденіе за увѣчье не можетъ превышать собою $^1/_2$ и даже $^1/_4$ этой суммы; поэтому за отнятіе одновременно органовъ вкуса и слуха полагается платежъ всего навсего 50 верблюдовъ, за отнятіе руки или ноги—10 верблюдовъ, глаза—5 верблюдовъ и т. д. Что касается до адата, то въ примѣненіи къ увѣчьямъ его постановленія сложились повидимому независимо отъ шаріата. Въ Казикумухскомъ округѣ лишеніе ноги, руки и глаза приравнивается каждое къ половинному убійству. Въ Андійскомъ округѣ каждый разъ опредѣляется степень увѣчья, т. е. въ какой мѣрѣ потерпѣвшій со-

хранилъ способность владѣть подвергшимся увѣчью членомъ, и сообразно этому производится платежъ. За нѣкоторыя увѣчья взыскивается обычаемъ плата за отнятіе руки или ноги—рабъ или цѣна его (40 р.). За отсѣченіе носа—лошадь съ сѣдломъ и сбруей. Въ Гумбетовскомъ наибствѣ всякое увѣчье приравнивается къ половинному убійству, за исключеніемъ выколотья глаза, за которое полагается всего на всего платежъ въ 40 р., тогда какъ за отсѣченіе руки или ноги взыскивается $^1/_2$ діэта или 120 р. Въ Кюринскомъ округѣ увѣчьемъ считается потеря разсудка, глаза, языка, носа, ноги, руки и половаго органа. Плата за каждое увѣчье равняется половинѣ діэта (126 р.) За потерю двухъ или болѣе органовъ взыскивается $^2/_3$ платы, полагаемой за убійство. То же въ Табасаранскомъ и Самурскомъ округахъ.

Отличая увѣчья отъ ранъ, древнія законодательства проводятъ различія и между самыми раненіями. Древнѣйшимъ способомъ опредѣленія важности ранъ является измѣреніе ихъ величины. Примѣръ такого измѣренія представляетъ намъ законодательство Фризовъ, которое прилагаетъ къ измѣренію ранъ слѣдующіе пріемы. Платежъ за обыкновенную рану — одинъ солидъ. Если-же длина раны равняется разстоянію между суставомъ втораго и третьяго пальца,—размѣръ взысканія возрастаетъ до 4 солидовъ. Когда-же рана была съ пясть, считая ее отъ изгиба руки до оконечности средняго пальца, виновный присуждался къ уплатѣ 24 солидовъ—наибольшій платежъ, который вообще могъ быть произведенъ при раненіи. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ Фризовъ сдѣлано лишь то измѣненіе. что единицею измѣренія признанъ суставъ: раны, достигшія размѣра одного сустава. считались тяжкими. остальныя—легкими. Далеко небезинтересную черту осетинскаго обычнаго права составляетъ то обстоятельство, что и въ немъ основаніемъ къ различенію тяжкихъ и легкихъ ранъ еще недавно являлась ихъ величина; послѣдняя-же опредѣлялась съ помощью хлѣбныхъ зеренъ. О ранѣ говорили: она имѣетъ въ длину 10, 12 и болѣе зеренъ ячменя. За каждое зерно въ длину обидчикъ обязанъ былъ отдать корову, но далѣе 12-ти коровъ взысканіе не шло. Нѣчто подобное такому способу опредѣленія важности

раны мы находимъ и въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана: въ Капучѣ, въ Анцухѣ, въ Тлейсерухъ, въ Аняльранелѣ раны, нанесенныя холоднымъ оружіемъ, измѣняются пальцемъ; за каждый палецъ, входящій въ рану, поранившій платитъ раненому по одной овцѣ [1]). Трудно допустить, однако, чтобы человѣчество долгое время могло оставаться при той наивной увѣренности, что важность раны исключительно зависитъ отъ ея величины. Опытъ весьма рано долженъ былъ привести къ убѣжденію, что случаи ранечія, связанные съ обнаженіемъ кости, опаснѣе тѣхъ, которые не имѣютъ этого послѣдствія, что раненія извѣстныхъ частей тѣла, и въ особенности головы, всего опаснѣе, такъ какъ отъ нихъ, при обнаженіи мозга, легко можетъ послѣдовать смерть. Въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ, древнѣйшія правды германцевъ, кельтовъ и славянъ устанавливаютъ уже различіе между ранами безъ поврежденія и съ поврежденіемъ костей, между раненіями головы и раненіями прочихъ частей тѣла. Салическая Правда знаетъ различіе между ранами, нанесенными черепу и сопровождающимися обнаженіемъ мозга, и тѣми, которыя сдѣланы въ другія части тѣла. Если у пораненнаго отлетитъ три осколка отъ черепныхъ костей,— обидчикъ платитъ 30 солидовъ; если рана направлена будетъ въ голову и раскроитъ черепъ, но никакихъ осколковъ отъ него не полетитъ,—виновный платитъ всего 15 солидовъ, какъ и за всякую рану, сопровождающуюся обильнымъ истеченіемъ крови. Рана, нанесенная по направленію къ сердцу, приравнивается къ раненію черепа и оплачивается 30 солидами. Позднѣйшія правды германцевъ представляютъ несравненно большее разнообразіе въ способахъ различенія ранъ. Рана, разсѣкающая кость; рана, проникающая во внутренности; рана, задѣвшая головной мозгъ; рана, при которой оружіе вышло наружу; рана сопровождающаяся поврежденіемъ членовъ, если не полной парализаціей ихъ; рана, отъ которой можно и отъ которой нельзя вполнѣ вылѣчиться— вотъ тѣ многоразличные виды квалифицированныхъ раненій, какія извѣстны правдамъ какъ скандинавскихъ, такъ и континентальныхъ нѣмцевъ. Не забудемъ также того различія, какое, не-

[1]) Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, стр. 36.

зависимо отъ опасности раненія, проводитъ законодатель между тѣми видами его, которые оставляютъ наружный слѣдъ, и тѣми, которые такого слѣда не оставляютъ. Съ понятіемъ первыхъ сливается понятіе о ранахъ, сдѣланныхъ въ лицо. Любопытно, что это различіе между лицевыми ранами и раненіями прочихъ частей тѣла одинаково встрѣчается и между германцами и между осетинами, а также индусами и греками—обстоятельство, которое заставляетъ насъ отнести эту классификацію раненій къ числу тѣхъ, которыя извѣстны были арійцамъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи. Далеко не во всѣхъ дагестанскихъ адатахъ попадаются всѣ только что перечисленныя нами категоріи раненій; большинство довольствуется тѣмъ, что выдѣляетъ изъ прочихъ видовъ раненій тѣ, которыя сопровождаются неспособностью владѣть подвергшимся раненію членомъ. Въ Казикумухскомъ адатѣ встрѣчается слѣдующая классификація раненій: рана до кости, рана, связанная съ перерубленіемъ кости; второй видъ ранъ ведетъ къ платежу въ два раза большему, противъ того, какой требуется, если кость осталась не поврежденной; пораненія, сдѣланныя холоднымъ оружіемъ, считаются легче тѣхъ, которые сдѣланы ружьемъ. Рана въ лицо тяжеле раны, нанесенной въ другую часть тѣла. Въ Ункральскомъ обществѣ Андійскаго округа къ этимъ различіямъ присоединяются еще слѣдующія: рана, задѣвающая кость черепа, рана задѣвающая мозгъ, рана въ животъ, лицевая рана, сопровождающаяся уродствомъ, напр., покривленіемъ глаза. Особую категорію раненій составляютъ отсѣченія пальцевъ руки. За большой палецъ платежъ въ пользу раненаго 20 р., за указательный—16 р., за средній—12, за безымянный—8, за мизинецъ—4. Въ Хваршинскомъ обществѣ рана въ голову съ разрубомъ кости черепа, какъ и рана въ животъ, а также всякая рана въ руку или ногу, соединяющаяся съ разрушеніемъ кости, по своимъ послѣдствіямъ приравнивается къ увѣчьямъ и возмѣщается платежемъ половинной платы за кровь или что то же—половинной діэты.

На ряду съ раненіями нѣкоторые древніе своды относятъ къ числу вызывающихъ возмездіе дѣйствій и простые удары, причемъ чертою различія принимается присутствіе или отсутствіе факта пролитія крови: Салическая Правда подвергаетъ лицъ,

виновныхъ въ причиненіи побоевъ, болѣе легкимъ платежамъ, чѣмъ тѣ, какіе слѣдуютъ за раны: 3-хъ солидовъ, а не 9. Если Русская Правда или законы лонгобардовъ считаютъ побои даже болѣе тяжелымъ оскорбленіемъ, нежели простыя раненія, то потому лишь, что преслѣдуютъ въ нихъ отсутствующій въ раненіяхъ элементъ безчестія. Чѣмъ рѣзче выступаетъ въ ударѣ эта сторона, тѣмъ она признается тяжеле; по этой причинѣ пощечина у лонгобардовъ оплачивалась въ два раза дороже раны. Повтореніе ударовъ или что то же сѣченіе сопровождалось по законамъ англо-саксонскаго короля Альфреда большимъ платежемъ, нежели одиночные удары. Ударъ батагомъ или тупою стороною меча оцѣнивается Русской Правдой дароже раненія. Дагестанскіе адаты также принимаютъ въ разсчетъ тотъ характеръ безчестія, какой въ народныхъ представленіяхъ связанъ съ полученіемъ удара, по обыкновенно—лишь въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшей стороной является женщина. «За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя бы отъ нихъ и остались знаки, постановляетъ общій адатъ Даргинскихъ обществъ, виновный никакому взысканію не подвергается» [1]).

Другое дѣло, если обиженной будетъ женщина. Даже въ томъ случаѣ, если она первая начала драку,—все же слѣдуетъ въ ея пользу платежъ одного быка. Въ Микачинскомъ обществѣ, если драка возникла не по винѣ женщины, сверхъ платежа шести сабъ пшеницы въ ея пользу адатъ требуетъ еще угощенія обиженной и 15 родственниковъ на средства обидчика [2]). Если побои нанесены будутъ беременной женщинѣ и послѣдствіемъ ихъ будетъ выкидышъ, адатъ требуетъ съ виновнаго производства добавочнаго платежа; такъ, напримѣръ, въ Сиргинскомъ обществѣ, гдѣ этотъ добавочный платежъ достигаетъ размѣра 30 рублей [3]).

Происхожденіе этого обычая объясняетъ намъ сборникъ адатовъ сѣверной Табасарани, постановляя: кто поранитъ беременную женщину, и тѣмъ произведетъ выкидышъ, обязанъ

[1]) Адаты Дарг. общ., стр. 20.
[2]) Ibid. стр. 50.
[3]) Адаты Даргин. общ., стр. 76.

удовлетворить ее какъ за увѣчье, такъ и за плодъ ея, смотря по тому, какого пола этотъ плодъ [1]).

Въ селеніи Башлы лицо, которое своими раненіями или побоями вызоветъ выкидышъ въ беременной женщинѣ, приравнивается къ убійцамъ и сообразно этому становится кровнымъ врагомъ, канлы, мужа потерпѣвшей [2]).

Въ Самурскомъ же округѣ въ этомъ случаѣ взыскивается отдѣльно какъ за увѣчье, такъ и за убійство плода [3]).

---

1) Адаты Ю.-Даг. общ., стр. 24.

2) Ibid. стр. 60.

3) Ibid. стр. 67. Изъ того общаго правила, что побои, причиненные мужчинамъ, не подлежатъ взысканіямъ и штрафамъ, адаты допускаютъ одно исключеніе. Побои, направленные противъ должностныхъ лицъ селенія, не признаются дѣйствіями безразличными и за нихъ опредѣляется платежъ въ пользу потерпѣвшаго. Платежъ этотъ частью опредѣляется обычаемъ, частью предоставляется усмотрѣнію народныхъ кадіевъ (Ibid. стр. 104).

ГЛАВА V.

Отношеніе дагестанскаго адата къ имущественнымъ преступленіямъ и гражданской неисправности.

Къ числу наименѣе рѣшенныхъ вопросовъ исторіи права слѣдуетъ отнести вопросъ о томъ, каково было отношеніе древняго права къ воровству. Ранніе памятники законодательства и юридической практики не только не даютъ намъ матеріала для его рѣшенія, но повидимому устраняютъ возможность самой его постановки, такъ какъ указываютъ на то, что съ древнѣйшихъ временъ законодатели разныхъ странъ прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ преслѣдованія воровъ, грозя имъ гдѣ—убійствомъ съ конфискаціей и безъ конфискаціи собственности, гдѣ—членовредительствомъ (отсѣченіемъ руки, выколотіемъ глаза), а гдѣ и денежными пенями или тѣлесными наказаніями. Это разнообразіе юридическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ воровства, представится еще болѣе разительнымъ, если на ряду съ законодательствами, призывающими вора къ уголовной отвѣтственности, мы укажемъ на такія, которыя ограничиваются требованіемъ съ него похищеннаго или его стоимости, причемъ одни довольствуются простымъ имущественнымъ эквивалентомъ, а другіе стоятъ за возвращеніе хозяину воромъ двойной, тройной, четверной и т. д. цѣны украденнаго. Замѣчательно при этомъ то, что обѣ системы членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній—съ одной стороны и денежныхъ пеней съ другой иногда являются со существующими, иногда слѣдуютъ одна за другой

въ хронологической послѣдовательности или въ такомъ видѣ, что древнѣйшій по времени происхожденія источникъ стоитъ за казнь и увѣчье, а позднѣйшій—за штрафъ и вознагражденіе вреда, или же, наоборотъ, воровство, ведущее на первыхъ порахъ къ уплатѣ одного имущественнаго эквивалента, возводится законодателемъ на одну степень съ убійствомъ и раненіемъ. Чтобы убѣдиться въ точности утверждаемаго, сдѣлаемъ краткій обзоръ тѣхъ постановленій, какія по вопросу о воровствѣ содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники наиболѣе крупныхъ представителей культурныхъ расъ—семитической, туранской и арійской.

Еврейское законодательство, связанное съ именемъ Моисея, требуетъ возвращенія воромъ двойной, четверной и пятерной стоимости украденаго, смотря по тому, каковъ предметъ кражи и каково отношеніе къ нему самого вора. Если воръ изъ желанія скрыть концы перепродалъ вещь въ чужія руки, его поступокъ признается болѣе тяжкимъ, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ удержалъ вещь за собою, быть можетъ собираясь вернуть ее хозяину. Съ другой стороны, кража скота ставилась въ большую вину, нежели кража другихъ предметовъ, а изъ различныхъ породъ скота всего болѣе цѣнился быкъ, какъ ежечасный помощникъ человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ. Отсюда то послѣдствіе, что воровство, сопровождающееся продажею краденаго, ведетъ у евреевъ къ возмѣщенію не четверной, какъ обыкновенно, а пятерной стоимости, если предметомъ воровства былъ быкъ; тогда какъ всякая кража, при которой уворованное сохранено воромъ за собою, наказывается возвращеніемъ лишь двойной цѣны похищеннаго. Гражданская отвѣтственность смѣнялась уголовной, если жертвою воровства сдѣлалась личность еврея и виновный спѣшилъ продать похищеннаго имъ въ неволю, а также въ томъ случаѣ, когда слѣдовала кража предметовъ, посвященныхъ Богу, иначе говоря—въ случаѣ святотатства. Смертная казнь, сопровождаемая въ послѣднемъ разѣ истребленіемъ всего имущества—такова была кара, придуманная для такихъ преступниковъ религіознымъ законодателемъ евреевъ [1]).

---

[1]) См. Desjardins, Traité du vol dans les principales législations de l'antiquité. Paris 1881, стр. 27—32. Samuel Mayer. Geschichte der Strafrechte. Trier 1876, стр. 575.

Въ противуположность Моисею, Магометъ однообразно преслѣдуетъ членовредительными наказаніями всякое воровство, каковы бы не были цѣнность украденнаго и условія производства самой кражи. Отсѣченіе правой руки грозитъ обыкновенному вору. Въ случаѣ же рецидива, виновный теряетъ въ первый разъ лѣвую ногу, во второй—лѣвую руку ,напослѣдокъ—и правую ногу. Хозяинъ вещи довольствуется полученіемъ обратно ея самой или ея цѣны [1]).

Членовредительствомъ грозитъ также вору древнѣйшее китайское право. Воръ по китайски передается словомъ «tao», говоритъ Альфонзо Андреоцци въ своемъ трактатѣ объ уголовномъ правѣ древнихъ китайцевъ. но «tao» значитъ также бѣжать. Выводъ, сдѣланный отсюда былъ тотъ, что у воровъ слѣдуетъ отсѣкать ноги [2]), одну или обѣ, смотря по той обстановкѣ, въ которой совершено воровство и соотвѣтственно этому—большей или меньшей важности. Только со временъ Императора Гіао-вен-ти-те, со II-го вѣка до Р. Х., членовредительство замѣнено было по отношенію къ ворамъ тѣлесными наказаніями.

Смертная казнь, а со временъ Актизано отрѣзываніе носа, таковы кары, налагаемыя на воровъ египетскимъ законодателемъ, если не съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ не дошло до насъ извѣстій по этому вопросу, то по крайней мѣрѣ—съ тѣхъ, когда искорененіе воровства поставлено было законодателемъ въ число ближайшихъ его задачъ, т. е. если вѣрить Геродоту—со временъ фараона Амазиса [3]).

Переходя къ арійскимъ законодательствамъ, мы въ древнѣйшемъ изъ нихъ,—въ индусскомъ встрѣчаемъ ту же систему уголовнаго преслѣдованія воровъ, какая составляетъ общую черту всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами правовыхъ системъ, за исключеніемъ еврейской.

Съ распущенными волосами, съ дубиной на плечѣ, да предстанетъ передъ раджою виновный въ кражѣ, и да покается въ содѣянномъ. учитъ Анастамба. Раджа или убиваетъ вора соб-

[1]) Tornauw. Moslemisches Recht. стр. 236.

[2]) Le leggi penali degli antichi chinesi dall avvocato Alfonso Andreozzi. Firense 1878, стр. 11.

[3]) Thonissen.

ственноручно принесенной ему дубиной, или прощаетъ ему его вину, принимая ее тѣмъ самымъ на себя [1])». Это предписаніе, выраженное въ Апастамбѣ въ формѣ общаго правила, въ другихъ сводахъ, и въ томъ числѣ въ Ману, Гаутама, Бодаяни и Васиштѣ примѣняется только къ случаю похищенія кѣмъ либо золота у брамина [2]), при этомъ разрѣшается раджею возложить исполненіе смертной казни на самого виновника, который или умерщвляетъ себя даннымъ ему въ руки оружіемъ, или сожигаетъ себя медленнымъ огнемъ, питаемымъ мокрымъ пометомъ коровы [3]). Смертная казнь, согласно Ману, грозитъ также лицамъ, уведшимъ кого либо и въ частности—женщинъ въ неволю, похитителямъ царскихъ слоновъ, лошадей и колесницъ, всѣмъ виновнымъ въ кражѣ предметовъ большой цѣнности, какъ напримѣръ—бриліантовъ; ночному вору, если воровство сопровождается производствомъ бреши въ стѣнѣ и, наконецъ, каждому, кто найденъ съ поличнымъ, т. е., поясняетъ Ману, съ краденнымъ предметомъ въ рукахъ или орудіями воровства [4]). На ряду съ смертной казнью, сводъ Ману знаетъ еще отсѣченіе цѣлой руки или ноги, или только нѣсколькихъ пальцевъ и вообще того органа, «которымъ принесенъ вредъ», каждый разъ, когда воровство, не входя въ категорію вышеперечисленныхъ случаевъ, въ тоже время носитъ серьезный характеръ по цѣнности украденнаго, по характеру лицъ, у которыхъ сдѣлана кража [5]) (браминовъ), и предметовъ, на которые она направлена (рабочій скотъ, карманныя деньги). Тѣлесныя наказанія, разъ навсегда опредѣленныя и неизмѣненныя въ размѣрѣ денежныя пени, также фигурируютъ въ числѣ тѣхъ каръ, съ помощью которыхъ индусскій законодатель ведетъ борьбу съ воровствомъ; первыя полагаются въ случаѣ похищенія извѣстнаго количества хлѣбнаго зерна сверхъ положеннаго закономъ минимума, золота,

---

1) Apastamba I, 9,25 § 4. (Sacred books of the East, т. II).

2) Ману, кн. IX, ст. 236—239, Baudhayana, II, I, I, § 17. Gautama, XII, 43.

3) Vasishta, XX, 41 и 42. Sacred books of the East, v. XIV.

4) Ману, кн. IX, ст. 270, 275, 276.

5) Ibid. кн. VIII, ст. 322, 325 и 334; кн. IX, ст. 277.

серебра и драгоцѣнныхъ одеждъ [1]), вторыя—при кражѣ цвѣтовъ, кустарниковъ, незрѣлаго зерна и т. п. [2]). Эти неизмѣнныя по своей величинѣ пени составляютъ переходъ къ чисто гражданскимъ взысканіямъ, состоящимъ въ требованіи съ вора нѣсколько разъ повторенной цѣны украденнаго, отъ 2-хъ до 11 разъ смотря по характеру похищеннаго [3]). Наконецъ, по отношенію къ мелкимъ кражамъ, предметъ которыхъ спеціально не обозначенъ въ сводахъ, законодатель не опредѣляетъ никакого взысканія, довольствуясь возвращеніемъ собственникамъ незаконно присвоеннаго у нихъ имущества или цѣны его. «Кто крадетъ вещь, не стоящую въ числѣ вышепоименованныхъ, такъ заканчиваетъ Вишну списокъ предметовъ, подлежащихъ кражѣ, тотъ возвращаетъ стоимость ея собственнику» [4]).

Несравненно менѣе разнообразія представляютъ тѣ карательныя мѣры, какія направляетъ противъ воровъ древнѣйшій памятникъ персидскаго права—Вендидадъ. Палочные удары, играющіе такую выдающуюся роль въ его борьбѣ съ преступностью вообще, также являются единственнымъ наказаніемъ для лицъ, дозволившихъ себѣ присвоеніе чужаго имущества, будетъ ли то въ формѣ нарушенія разъ состоявшагося соглашенія, или въ формѣ кражи. Законодатель искусственно сближаетъ эти два отличныя одинъ отъ другого вида отвѣтственности, прямо обзывая терминомъ кражи невыполненіе сторонами принятаго обязательства

Это обстоятельство даетъ намъ право распространить на воровство тѣ постановленія, какія Вендидадъ содержитъ въ себѣ по вопросу о невыполненіи договора и сказать, что отъ большей или меньшей важности произведеннаго присвоенія зависѣло число палочныхъ ударовъ, постигавшихъ виновнаго, максимумъ составляли 1200 ударовъ, минимумъ—300 [6]).

1) Ibid. статья 320 и 332, кн. VIII.

2) Ibid. статья 333. Яджнавалькія кн. II, ст. 256.

3) Vishnu, V, 79, 82. (Sacred books, v. VII. Colebrooke Digest ol Hindu law. Calcutta. a 1798, liv. II, ch. II, XLVII.

4) Vishnu V, ст. 88.

5) Кто не возвращаетъ взятой имъ вещи, по требованію ея собственника, тотъ тѣмъ самымъ крадетъ ее. Vendidad. Targad IV, I. Sacred books of the East, v. IV.

6) Vendidad, Targad IV, II d.

Переходя къ Греціи и въ частности къ Аѳинамъ, мы встрѣчаемся прежде всего съ свирѣпымъ предписаніемъ Дракона, устанавливающимъ смертную казнь, какъ общую мѣру наказанія, по отношенію ко всѣмъ лицамъ, виновнымъ въ похищеніи чужаго имущества. За нимъ во времени слѣдуютъ правила Солонова закона, который сохраняя смертную казнь для случаевъ святотатства и похищеній произведенныхъ изъ мѣстъ публичныхъ собраній, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ признаетъ возможнымъ ограничиться взысканіемъ съ преступника двойной или десятерной цѣны украденнаго; первое имѣетъ мѣсто въ случаѣ сохраненія воромъ похищеннаго, второе—въ случаѣ совершившейся уже перепродажи [1]).

Въ законахъ XII таблицъ смертная казнь грозитъ одному ночному вору; воръ, застигнутый днемъ, но съ поличнымъ—fur manifestus—подлежитъ тѣлесному наказанію и выдачѣ головой собственнику вещи. Для всѣхъ остальныхъ воровъ законодатель знаетъ только одинъ способъ взысканія — платежъ въ пользу потерпѣвшаго двойной цѣны похищеннаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже тройной и четверной. Преторское право сдѣлало изъ этой послѣдней системы общее правило, распространивъ его и на случаи задержанія вора съ поличнымъ не только днемъ но и ночью [2]).

Въ германскихъ народныхъ правдахъ обѣ системы уголовныхъ каръ и денежныхъ пеней—въ полномъ дѣйствіи; при этомъ въ однихъ господствуетъ одна, въ другихъ—другая. Законы континентальныхъ и островныхъ саксовъ несомнѣнно принадлежащіе къ древнѣйшимъ и уступающіе въ архаичности одному развѣ Салическому, стоятъ за примѣненіе смертной казни какъ общей мѣры наказанія по отношенію къ воровству, но и между ними можно встрѣтить такіе, которые довольствуются денежнымъ платежемъ, представляющимъ собою не простую, а нѣсколько разъ повторенную цѣнность украденнаго: у континентальныхъ саксовъ однообразно 9 разъ, у островныхъ—обыкновенно отъ 3-хъ

1) Traité du vol dans les principales législations de l'antiquité par Albert Desjardins, 1881 г., стр. 42 и слѣд. Samuel Mayer, стр. 578.

2) Desjardins, стр. 113 и слѣд. Mayer, стр. 583—586.

до 12 [1]). Въ законахъ фризовъ и бургундовъ, смертная казнь встрѣчается въ примѣненіи къ лишь наиболѣе тяжкому въ ихъ глазахъ виду воровства—кражѣ лошади, быка или коровы [2]), для остальныхъ общимъ правиломъ является платежъ двойной или тройной цѣны украденнаго. Въ законахъ вестготовъ—возвращеніе простой, двойной, четверной, шестерной и даже девятерной цѣнности не устраняетъ вполнѣ примѣненія къ преступнику если не смертной казни, то тѣлесныхъ наказаній. «Воровство, совершенное свободнымъ, читаемъ мы въ законахъ Хиндасвинда и Рецесвинда, требуетъ уплаты воромъ собственнику суммы въ девять разъ большей противъ цѣны украденнаго. Сверхъ того воръ получаетъ 100 ударовъ» [3]).

Законы лонгобардовъ, также стоящіе за систему гражданской отвѣтственности вора и требующіе отъ него платежа, въ 8 и 9 разъ превышающаго цѣну краденнаго, въ то же время въ качествѣ дополнительнаго наказанія предписываютъ и смертную казнь, отъ которой впрочемъ, преступнику дозволено откупиться. Впрочемъ эта кара примѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность похищеннаго выше установленнаго закономъ размѣра [4]).

Тоже должно быть сказано и о законахъ баварцевъ, которые подвергали смерти всякаго вора, виновнаго въ похищеніи вещи цѣною въ 10 солидовъ и выше; съ остальныхъ же взыскивали, смотря по характеру украденнаго и мѣста производства кражи, или простую цѣну предмета, или сумму, превышающую ее въ 2, 9 и даже 27 разъ [5]).

Исчисленными источниками заканчивается кругъ тѣхъ, для которыхъ воровство является настолько тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, что для борьбы съ нимъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыми видами его они не отступаютъ даже предъ мыслью о высшей мѣрѣ наказанія—смертной казни. Правды Салическая

[1]) См. Davoud—Oghlon. Histoire de la législation des anciens germains Berlin 1845, т. II, стр. 258, 373 и 398.

[2]) Ibid. т. III, стр. 233 и 414.

[3]) Davoud—Oghlon. Histoire de la législation des anciens germains; т. I, стр. 59.

[4]) Ibid. т. II, стр. 75 и слѣд.

[5]) Ibid. т. I, стр. 243—256.

и Рипуарская, какъ и законодательство древнихъ туринговъ ограничиваются наложеніемъ на вора или опредѣленныхъ денежныхъ пеней, размѣръ которыхъ зависитъ отъ характера уворованнаго и той остановки, въ которой совершена кража, или простой цѣнности украденнаго, обыкновенно—нѣсколько разъ повторенной. Весьма часто также оба вида взысканій налагаются на вора одновременно, такъ что платежъ производится имъ съ одной стороны въ пользу казны, а съ другой въ пользу потерпѣвшаго. При этомъ послѣдній получаетъ еще добавочный платежъ на покрытіе издержекъ по розысканію вора; платежъ этотъ въ источникахъ обозначается терминомъ «delatura». Въ законадательствѣ турипговъ вознагражденіе, получаемое потерпѣвшимъ, равняется обыкновенно тройной цѣнѣ похищеннаго; салическіе же и рипуарскіе франки, какъ общее правило, довольствовались обложеніемъ вора въ пользу потерпѣвшаго простымъ денежнымъ эквивалентомъ, взыскивая съ него въ то же время опредѣленный штрафъ въ казну и отдѣльный платежъ въ пользу развѣдчика [1]).

Въ скандинавскихъ законодательствахъ насъ поражаетъ то же разнообразіе въ рѣшеніи вопроса о воровствѣ, какое было констатировано при обзорѣ германскихъ правдъ. Тогда какъ въ древнѣйшемъ текстѣ Вестготалагъ, самаго ранняго изъ памятниковъ шведскаго права, общею мѣрою наказанія за присвоеніе чужаго имущества признается платежъ потерпѣвшему, сверхъ цѣнности похищеннаго, еще 9 марокъ серебромъ и столько же развѣдчику и королю, въ датскомъ правѣ воръ подлежитъ смертной казни, если застигнутъ съ поличнымъ и цѣнность украденнаго превышаетъ полъ марки; имущество его отбирается въ казну, но не раньше какъ послѣ возвращенія потерпѣвшему когда простой, а когда и двойной цѣны похищеннаго! Только въ случаяхъ мелкихъ кражъ законодатель довольствуется чле-

1) Davoud—Oghlon, т. I, стр. 503 и слѣд., 614 и слѣд., т. II, стр. 199. Только въ одной статьѣ салической правды говорится о взысканіи въ пользу потерпѣвшаго суммы въ шесть разъ превышающей стоимость похищеннаго; я разумѣю тотъ, когда кража совершена совмѣстно свободнымъ и рабомъ; первый вноситъ четверную, второй—двойную цѣну украденнаго (текстъ Вольфенбютельской рукописи, 39,3).

новредительными наказаніями и наложеніемъ клеймъ, каждый разъ сопровождаемыхъ денежнымъ штрафомъ и платежемъ собственнику цѣны украденнаго [1]).

Не болѣе единства и однообразія представляютъ въ своихъ постановленіяхъ о воровствѣ и памятники древнекельтическаго права. Возьмемъ, съ одной стороны, законодательство бреганов, этихъ вѣщателей обычнаго права ирландцевъ, а съ другой валлійскіе законы о воровствѣ. Какая бездна отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга! Первое ни словомъ не упоминаетъ ни о смертной казни, ни о членовредительныхъ или тѣлесныхъ наказаніяхъ въ примѣненіи къ лицу, виновному въ кражѣ. «Все, присвоенное кѣмъ либо или тайно путемъ воровства, или открыто явнымъ актомъ насильственнаго захвата, постановляетъ ирландскій Сенхусъ Моръ, должно быть возвращено собственнику съ прибавкой и вдвойнѣ [2]). Будетъ ли предметомъ присвоенія мертвый капиталъ или живой скотъ,—краденное слѣдуетъ вернуть съ приростомъ, процентомъ и прибавкою».

Наоборотъ, валлійскіе законы прямо возводятъ казнь вора на степень общаго правила, отъ котораго дозволяется отступить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сумма украденнаго меньше четырехъ динаріевъ или пенсовъ и въ рукахъ вора не найдено ни уведеннаго имъ скота, ни стянутой съ послѣдняго кожи [3]).

Заканчивая этотъ длинный перечень постановленій древнѣйшихъ законодательствъ о воровствѣ данными славянскаго права, мы ограничимся сопоставленіемъ статей сербскаго законника съ нормами Русской Правды. «Въ которомъ селѣ найдется воръ или

1) Loi de Vestrogothie, Codex Antiqnior, traduction faite par Beauchet. Nouv. Rev. Hist. de droit français 1887, № 3, стр. 373. Andreae Sunonis Lex Scaniae provincialis (1206—1215 г.): pro minore autem quam pro dimidia marca nummorum furto ad amissionem vite non debet aliquis condempnari sed aut detruncationem membrorum, aut impressi faciei stigmatis ad notationem in signum et memoriam deprehensionis aut servitutem in regis curia tollerandam, aut per verbera castigationem condempnationis sententia comprehendet (см. Nordiske Oldskrifter v. XVIII. Skanske Lov, ed. P. G. Thorsén, стр. 167. Сравни также R. Dareste Les anciennes lois du Danemark въ Journal des Savants, Février 1881.

2) Ancient law of Jreland, т. II. Senchus Mor, стр. 377.

3) The Dimetian Code, глава VIII, ст. 93.

разбойникъ, читаемъ мы въ первомъ, то село да будетъ разграблено, а разбойникъ да будетъ повѣшенъ головою внизъ, а воръ да будетъ ослѣпленъ» [1]).

Въ нашемъ же древнѣйшемъ сводѣ объ убійствѣ и даже членовредительствѣ въ примѣненіи къ вору нѣтъ и помину. Все чего онъ требуетъ, это уплаты потерпѣвшему гражданскаго вознагражденія, такъ называемой «татьбы», а князю—денежной пени—«продажи», которая только въ случаяхъ конокрадства замѣняется выдачей виновнаго головою или такъ называемымъ «потокомъ» [2]). Только въ позднѣйшихъ по времени памятникахъ и прежде всего—въ договорѣ Новгорода съ готландцами и нѣмцами 1270 г. и Псковской судной грамотѣ упоминается о розгахъ, клейменіи и даже казни вора. Послѣднее извѣстно было, впрочемъ, лишь въ Псковѣ и при томъ только тогда, если воръ попадался въ третій разъ [3]).

Сравнительное изученіе древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, такимъ образомъ, не даетъ намъ рѣшающаго отвѣта на вопросъ, каково отношеніе родовыхъ союзовъ къ преступленію воровства. Этотъ вопросъ не можетъ быть выясненъ иначе, какъ подъ условіемъ непосредственнаго наблюденія тѣхъ порядковъ, какихъ придерживаются въ дѣлѣ преслѣдованія кражъ уцѣлѣвшія до нашихъ дней родовыя сообщества. Законодательные памятники, какъ возникшіе въ большинствѣ случаевъ въ эпоху установленія государственной власти, не раскрываютъ предъ нами полной картины родоваго общежитія.

Отдѣльныя черты его, правда, воспроизводятся ими, но это не болѣе, какъ пережитки отошедшихъ въ область прошедшаго порядковъ. Пережитки эти не рѣдко стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ строемъ юридической жизни. Они драгоцѣнны какъ обломки развалившагося уже зданія. По нимъ можно, пожалуй, возстановить нѣкоторыя частности его. Но общую картину трудно получить безъ параллельнаго изученія болѣе со-

[1]) Законникъ Стефана Душана, пер. Зигеля, ст. 146. См. также ст. 115

[2]) См. Троицкій списокъ, ст. 30, 32, 33, 37, 38, 39, 73, 75, 76, 77, 78 Сравни Богдановскаго. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра, стр. 36 и слѣд.

[3]) Ibid. стр. 47 и 51.

хранившихся однохарактерныхъ конструкцій. Такъ и въ данномъ вопросѣ: не безъинтересно, конечно, то обстоятельство, что и въ періодъ возникновенія государственной власти, при обособленіи церкви отъ гражданскаго сообщества и образованіи привиллегированныхъ сословій, римское, ирландское и древне-русское право знаютъ еще тѣ порядки, при которыхъ послѣдствіемъ воровства является простое возмѣщеніе хозяину украденнаго или его цѣнности. Но все значеніе этого факта для древнѣйшей исторіи воровства становится понятнымъ лишь съ того момента, когда наблюденія, производимыя надъ обществами, стоящими на родовой степени общежитія, поставятъ насъ лицомъ къ лицу съ однохарактернымъ во всемъ отношеніемъ къ воровству.

Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я имѣлъ случай представить въ лицѣ осетинъ примѣръ общества, въ которомъ воръ не подлежитъ другой отвѣтственности, кромѣ гражданской. Изученіе обычнаго права туземныхъ племенъ Индіи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и у нихъ воръ присуждаемъ былъ исключительно къ возвращенію присвоеннаго имъ имущества [1]). Какъ мы сейчасъ увидимъ, этотъ порядокъ до послѣдняго времени являлся господствующимъ и на протяженіи всего Дагестана. Въ рукописныхъ сборникахъ народныхъ адатовъ Андійскаго, Аварскаго, Кази-Кумухскаго и Гунибскаго округовъ всѣ права хозяина похищенной вещи сводятся къ полученію ея обратно и если не ея самой, то однородной. Въ важнѣйшихъ случаяхъ, взысканіе возрастаетъ въ нѣсколько разъ, но такимъ образомъ что въ основаніи его все же лежитъ цѣнность украденнаго. Приведемъ примѣры. Въ верхнемъ Батгухѣ, Аварскаго округа, виновный въ воровствѣ платитъ только цѣнность украденной вещи, то же и въ Хунзагѣ. Въ Магокѣ съ виновнаго взимается двойная цѣнность украденнаго, то же и въ Голотлѣ. Самые тяжкіе случаи воровства отличаются своимъ послѣдствіемъ только тѣмъ отъ обыкновеннаго, что при нихъ цѣнность украденнаго взыскивается лишнее число разъ, такъ въ Хун-

---

1) См. Tuper, Punjab Customary law и сдѣланный Колеромъ отчетъ объ этомъ сочиненіи въ Zeitshr. für Vergl. Rechtswissenschaft за 1877 и 1878 г.

загѣ, если воровство будетъ сдѣлано у хана или у его родственника, стоимость украденнаго взыскивается съ вора девять разъ.

Такой же точно платежъ и въ случаѣ обыкновеннаго воровства, если оно сдѣлано изъ закрытаго помѣщенія, напр.. изъ сундука. Въ Тлондодѣ обыкновенный платежъ двойная цѣнность украденнаго; высшій шестерная [1]).

Въ Кази-Кумухскомъ округѣ [2]) послѣдствіемъ воровства является возвращеніе похищеннаго или его стоимости. Возмѣщеніе двойной цѣнности требуется только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ Андійскомъ воръ, какъ общее правило, платитъ два раза цѣну украденнаго. Платежъ этотъ возрастаетъ вдвое и даже втрое, въ случаѣ кражъ, произведенныхъ изъ мечети. Въ селеніи Ботлихъ того же округа «при кражѣ изъ дому взыскивается двойная стоимость украденнаго, при кражѣ съ поля простая» [3]).

Въ Гунибскомъ округѣ въ селеніяхъ, занятыхъ капучинцами, довольствуются возвращеніемъ воромъ похищеннаго. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Джурмутскомъ или Тленадинскомъ требуютъ двойной цѣнности украденнаго.

Въ Ташскихъ обществахъ за воровство взыскивается обыкновенно впятеро противъ цѣны похищеннаго, а при воровствѣ изъ мечети платежъ превышаетъ въ двадцать пять разъ стоимость украденнаго.

Замѣчательно, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ Тишскихъ, при воровствѣ взыскивается нѣсколько разъ повторенная стоимость украденнаго, сохранилось въ памяти, что въ старые годы платежъ не превышалъ собою простой стоимости похищеннаго [4]).

Въ Гунибскомъ округѣ возвращеніе воромъ вещи или того, что она стоитъ, доселѣ можетъ быть признано общимъ прави-

[1]) Рук. Сб. ад. Аварскаго народа.

[2]) Рук. Сб. адат. Кази-Кумухск. окр., 1865 г.

[3]) Рук. Сб. ад. Анд. окр. 1865 г.

[4]) Рук. Сб. адатовъ Гунибск. окр., сдѣланный кн. Андрониковымъ въ 1884 г.

ломъ по отношенію ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ воровство сопровождается собственнымъ сознаніемъ обвиняемаго; двойная и тройная стоимость взыскиваются лишь тогда, когда воръ уличенъ будетъ нахожденіемъ у него украденной вещи. При воровствѣ изъ дому обыкновенно не довольствуются взысканіемъ простой стоимости, но это лишь потому, что въ такомъ воровствѣ народъ видитъ одновременно совершеніе двухъ преступленій: воровства и недозволеннаго входа въ чужое жилище и вообще въ предѣлы чужаго владѣнія. Этотъ входъ служитъ основаніемъ къ требованію добавочнаго платежа, величина котораго ставится въ зависимость отъ цѣнности украденнаго, нерѣдко даже прямо измѣряется этой цѣнностью.

Въ южно-Дагестанскихъ обществахъ адаты по воровствамъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ Кюринскомъ округѣ, какъ общее правило, при всякомъ воровствѣ взыскиваютъ въ два раза болѣе противъ украденнаго. Платежъ, въ семь или двѣнадцать разъ превышающій цѣнность украденнаго, присуждается только въ случаяхъ воровства изъ стада или мельницы. Платежъ, равный стоимости украденнаго и издержкамъ на раскрытіе вора, является общимъ правиломъ во всѣхъ случаяхъ присвоенія себѣ чужаго на протяженіи всей Сѣверной Табасарани. Мы находимъ его также въ верхнемъ Кайтагѣ и въ Каракайтагѣ.

Въ селеніи Башлы проводится строгое различіе между воровствомъ, сдѣланнымъ у жителей другаго селенія, и случаями присвоенія себѣ чужой собственности у односельчанина. «Кто уличенъ въ воровствѣ у односельцевъ, тотъ удовлетворяетъ обиженнаго втрое противъ его потери и, кромѣ того, платитъ еще штрафъ (два быка) въ пользу общества. Домъ вора предается огню—каждый разъ. Если же кто уличенъ въ воровствѣ у жителей чужаго селенія, то съ него взыскивается только стоимость пропавшаго и издержки на раскрытіе вора».

Въ Даргинскомъ округѣ общій адатъ постановляетъ возвращеніе воромъ украденнаго или его стоимости. Платежъ, превышающій въ два раза стоимость украденнаго, требуется лишь въ случаяхъ воровства изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна.

Адатъ имѣетъ въ частности въ виду кражу хлѣба въ колосьяхъ, и по отношенію къ нему выставляетъ требованіе двойнаго платежа.

Въ Акушинскомъ обществѣ правило о простомъ возвращеніи воромъ цѣнности украденнаго терпитъ лишь то ограниченіе, что во всѣхъ случаяхъ, когда воровство сдѣлано со двора, съ вора въ пользу хозяина вещи взыскивается добавочный платежъ трехъ барановъ, «за приходъ его во дворъ потерпѣвшаго».

Въ Микагинскомъ обществѣ, по исключенію, съ вора взыскивается двойная стоимость украденнаго.

Въ Мугинскомъ заслуживаетъ вниманія слѣдующій обычай: если уворованное найдено, то возвращается; если не найдено, то въ пользу истца взыскивается вещь, подобная украденной, причемъ выборъ предоставляется самому истцу.

Сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ истецъ получаетъ отъ обвиняемаго, если воровство сдѣлано на сумму въ тридцать рублей или болѣе, еще одну вещь, однохарактерную съ той, какая украдена; если же воровство сдѣлано на сумму менѣе тридцати рублей, то съ него взыскивается въ девять разъ противъ украденнаго.

Въ Сиргинскомъ обществѣ обыкновеннымъ правиломъ является возвращеніе хозяину украденнаго; такъ, напримѣръ, деньги взыскиваются всегда въ томъ же количествѣ, въ какомъ были похищены; но при кражѣ скота платится вдесятеро противъ цѣны похищеннаго.

Тотъ же адатъ мы встрѣчаемъ и въ Уракинскомъ обществѣ. Въ Умшинскомъ и Цудахарскомъ—всякій разъ, когда виновный уличается нахожденіемъ у него уворованнаго, дѣлаемый имъ имъ платежъ въ десять разъ превышаетъ стоимость украденнаго. Этотъ десятерной платежъ, встрѣчаемый нами и въ нѣкоторыхъ южно-Дагестанскихъ обществахъ, заслуживаетъ особаго вниманія потому, что упоминается и въ постановленіяхъ Кайтагскаго уцмія Рустема, составленныхъ приблизительно за триста лѣтъ да нашего времени. Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ стародавнимъ и широко распространеннымъ обычаемъ, слѣды котораго удержались доселѣ въ далеко стоящихъ другъ отъ друга общинахъ.

Если мы попытаемся теперь дать себѣ общій отчетъ въ характерѣ тѣхъ правилъ, какимъ слѣдуютъ обычаи родовыхъ сообществъ Дагестана при оцѣнкѣ отдѣльныхъ случаевъ присвоенія чужаго имущества, на основаніи вышесказаннаго мы прійдемъ къ слѣдующему заключенію.

Обычнымъ послѣдствіемъ воровства является возвращеніе похищенной вещи, а при потерѣ ея—платежъ, равный цѣнности украденнаго.

Этотъ исходъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ случаяхъ, когда розысканіе вещи не требуетъ отъ ея хозяина никакихъ затратъ, а это бываетъ каждый разъ, когда послѣдуетъ личное сознаніе со стороны вора.

Нѣтъ этого сознанія, и потерпѣвшій непремѣнно входитъ въ издержки по опознанію украденнаго.

Для покрытія этихъ издержекъ обычай допускаетъ его къ производству добавочнаго взысканія, размѣръ котораго обыкновенно приравнивается къ стоимости похищеннаго. Такимъ образомъ возникаетъ правило, что во всѣхъ случаяхъ, когда отсутствуетъ личное сознаніе вора, онъ обязывается къ возмѣщенію не простой, а двойной стоимости украденнаго. Случаи, въ которыхъ стоимость украденнаго взимается болѣе чѣмъ два раза, объясняются, во первыхъ сопутствіемъ воровства добавочнымъ проступкомъ: насильственнымъ вторженіемъ въ то, что составляетъ предметъ чужой собственности: жилище, мельницу, пашни; во вторыхъ, оскорбленіемъ религіознаго чувства всѣми тѣми видами кражи, которыя принимаютъ характеръ святотатства и въ частности похищеніями изъ мечети. Наконецъ, въ третьихъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что всякое воровство, сдѣланное въ родственной средѣ, грозитъ ниспроверженіемъ того мира, подъ охраной котораго живетъ это объединенное узами крови сообщество. Чтобы избѣжать такого исхода, родственникамъ не остается инаго пути, кромѣ насильственнаго удаленія изъ собственной среды нарушившаго миръ собрата. Ближайшимъ средствомъ къ этому является разрушеніе его жилища и конфискація принадлежащей ему собственности. Вотъ почему жители селенія Башлы сожигаютъ домъ вора-односельца. Вотъ почему также взысканія, дѣлаемыя въ случаѣ подобныхъ кражъ, не зависятъ исклю-

чительно отъ цѣнности уворованнаго. Чѣмъ ниже эта цѣнность, тѣмъ значительнѣе то число, на которое она помножается при взысканіи.

Такой порядокъ былъ бы немыслимъ, если бы обычай не имѣлъ въ виду поглощенія путемъ взысканія, по возможности, всей собственности вора, т. е. не простой штрафъ, а полную конфискацію его имущества. При значительной цѣнности украденнаго, эта конфискація можетъ быть достигнута взысканіемъ съ вора двойной или тройной стоимости. Но при незначительности кражи, тотъ же результатъ достигается только при требованіи съ вора суммы въ девять, десять и даже двадцать пять разъ превышающей стоимость похищеннаго. По этому не удивительно, если въ упомянутыхъ адатахъ нѣкоторыхъ Даргинскихъ обществъ при кражѣ предметовъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ собой тридцати рублей, дѣлаемыя взысканія не пропорціонально высоки сравнительно съ стоимостью украденнаго. Прибавимъ еще, что на святотатство, т. е. на похищеніе вещей, освященныхъ религіей и культомъ, народный обычай смотритъ съ той же точки зрѣнія, что и на кражи, совершенныя въ родственной средѣ, т. е. онъ видитъ въ нихъ не одно присвоеніе чужой вещи, но и нарушеніе мира сообщества. Отсюда то послѣдствіе, что, согласно постановленію Кайтагскаго уцмія Рустема, за кражу, произведенную изъ мечети, полагается не только взысканіе съ виновнаго десяти стоимостей, но и разрушеніе его жилища.—Послѣднее является для рода ближайшимъ средствомъ къ устраненію себя отъ дальнѣйшаго общенія съ виновнымъ.

По понятіямъ дагестанскихъ родовъ воровствомъ считается всякое дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго является нанесеніе имущественнаго вреда. Древне-римскій furtum всего вѣрнѣе передаетъ намъ то представленіе, какое житель Дагестана связываетъ съ фактомъ похищенія чужой собственности. Основная точка зрѣнія на преступленіе, какъ на дѣйствіе, причиняющее матеріальный ущербъ, причина тому, что дагестанскіе роды не устанавливаютъ различія между кражею и мошенничествомъ.

Въ этомъ отношеніи ихъ обычаи сходны съ обычаями Осетинъ и всѣхъ вообще горцевъ Кавказа. Напряженность злой воли

преступника, въ разной степени проявляющаяся въ только что перечисленныхъ видахъ преступленій, для нихъ безразлична. Возмездію подлежитъ матеріальный вредъ, а этотъ вредъ одинаковъ при кражѣ, грабежѣ и мошенничествѣ. Правда, послѣдствіемъ грабежа можетъ быть раненіе и убійство, которыхъ обыкновенно не бываетъ при простой кражѣ. Но эти раненія и убійства каждый разъ разсматриваются какъ самостоятельныя преступленія и каждые въ отдѣльности даютъ поводъ къ возмездію. Характеръ насилія, отличающій грабежъ отъ кражи такъ же мало принимается въ разсчетъ обычаемъ, какъ и характеръ лукавства, неизмѣнно присущій мошенничеству. Обѣ эти черты, наоборотъ, весьма важны для современнаго законодателя и судьи, такъ какъ они измѣряютъ преступность не значительностью причиненнаго вреда, а большимъ или меньшимъ участіемъ умысла въ его совершеніи. Неудивительно поэтому, если общіе адаты даргинскихъ обществъ довольствуются требованіемъ отъ обвиненнаго въ грабежѣ—ограбленныхъ имъ предметовъ; нѣтъ ихъ на лицо—въ замѣнъ ихъ взыскивается ихъ стоимость. Штрафъ въ пользу общества тотъ же, что и при воровствѣ. О мошенничествѣ, какъ объ особомъ видѣ присвоенія себѣ чужой собственности, въ названныхъ адатахъ не упоминается ни словомъ. То же можетъ быть сказано и объ адатахъ южно-дагестанскихъ обществъ, и объ адатахъ сѣвернаго Дагестана: аварскихъ, андійскихъ, кази-кумухскихъ и гунибскихъ. Тождество грабежа и кражи въ глазахъ туземнаго населенія доказывается между прочимъ и тѣмъ фактомъ, что и грабежъ, подобно воровству, даетъ поводъ къ требованію двойной стоимости похищеннаго; это бываетъ тогда, когда мѣстомъ совершенія его является мечеть, частное жилище, гумно и т. д., т. е. каждый разъ, когда грабежъ оскорбляетъ собою религіозное чувство или соединенъ съ фактомъ вторженія въ предѣлы чужаго владѣнія, т. е. въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, въ какихъ и воровство даетъ поводъ къ уплатѣ duplum. Не безъинтересную черту дагестанскихъ адатовъ составляетъ и то обстоятельство, что по отношенію къ ожидающей преступника отвѣтственности они не дѣлаютъ никакихъ различій между поджогомъ и воровствомъ. Поджигатель обязывается только къ одному: къ уплатѣ стоимости истреб-

леннаго огнемъ имущества, стоимости простой, двойной, удесятеренной и т. д., смотря по тому, въ какомъ размѣрѣ требуется въ данной мѣстности съ вора стоимость украденнаго. Такъ въ сборникѣ адатовъ аварскихъ обществъ мы читаемъ: кто по злобѣ подожжетъ чужое имѣніе, платитъ хозяину стоимость сожженнаго и сверхъ того десять рублей штрафа [1]). Но тѣ же буквально требованія обычай предъявляетъ и по отношенію къ ворамъ. Въ Кази-кумухскомъ округѣ не существуетъ для поджигателя другаго обязательства, кромѣ уплаты стоимости истребленной огнемъ собственности. То же можетъ быть сказано и въ примѣненіи къ нѣкоторымъ андійскимъ обществамъ въ частности къ Чамалальскому. Насколько старинна подобная точка зрѣнія можно судить по тому, что мы находимъ ее выраженной въ постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема. Обязывая воровъ къ уплатѣ десятерной стоимости украденнаго, этотъ кодификаторъ народныхъ обычаевъ за триста лѣтъ до нашего времени распространилъ на поджигателей дѣйствіе того же адата, и они, подобно ворамъ, обязаны были платить десять разъ болѣе противъ того, что истреблено было ими съ помощію огня.

Общіе адаты даргинцевъ повторяютъ по отношенію къ поджогу то же, что ранѣе постановлено ими въ примѣненіи къ воровству. При поджогѣ съ поджигателя требуется двойная стоимость сожженнаго, точь въ точь какъ съ вора двойная стоимость украденнаго. Если не было умысла, обычай довольствуется простымъ возмѣщеніемъ убытка. Штрафъ въ пользу селенія при поджогахъ тотъ же, что и при воровствѣ. При поджогѣ хлѣба на корню или въ стогахъ адаты Урахлинскаго общества помножаютъ цѣнность украденнаго на десять, и въ этомъ размѣрѣ удовлетворяютъ потерпѣвшаго. Изъ южно-дагестанскихъ адатовъ самурскіе одни подводятъ поджогъ мечети, дома, гумна и т. д. подъ одинъ масштабъ съ воровствомъ, сдѣланнымъ въ родственной средѣ. Не довольствуясь простымъ возмѣщеніемъ убытковъ и штрафовъ въ пользу общества, они грозятъ еще поджигателю разореніемъ его жилища. Знакомство съ адатами дагестанскихъ обществъ по вопросу о поджогѣ не только подтверждаетъ въ

---

[1]) Адаты Каратинскаго общ.

насъ увѣренность, что на родовой стадіи общежитія нѣтъ мѣста для обособленія поджога въ самостоятельную категорію караемыхъ дѣйствій, но и даетъ намъ критерій для сужденія о томъ, каково было отношеніе древнѣйшаго законодателя ко всѣмъ случаямъ истребленія чужой собственности съ помощью огня. Читая въ варварскихъ правдахъ германцевъ о возмѣщеніи собственнику убытковъ, причиненныхъ поджогомъ и о платежѣ сверхъ того пени въ пользу князя («fredus»), намъ не трудно придти къ заключенію, что въ періодъ политической самостоятельности германскихъ родовъ возвращеніемъ хозяину цѣнности истребленнаго у него огнемъ имущества ограничивались всѣ требованія, предъявляемыя обычаямъ къ поджигателю. Платежъ въ пользу князя, очевидно, не могъ появиться ранѣе первыхъ зачатковъ государственности. Намъ не трудно будетъ также придти къ заключенію, что устанавливая чисто гражданскую отвѣтственность для поджигателя, lex Aquilia только возстановила въ Римѣ древній обычай, временно отмѣненный законодательствомъ децемвировъ, и что смертная казнь, которой это законодательство грозитъ поджигателю, отнюдь не выражаетъ собою древнѣйшаго и чисто народнаго юридическаго воззрѣнія. Гораздо ближе къ нему стоитъ постановленіе 97 ст. карамзинскаго списка Русской Правды. Согласно этой статьѣ, поджигатель дома или гумна не только присуждается къ уплатѣ потерпѣвшему «пагоубы», т. е. убытковъ, но и подвергается потоку и разграбленію, послѣдствіемъ чего является насильственное удаленіе его изъ той среды, въ которой дотолѣ протекала его жизнь. Издавая подобное предписаніе, древній русскій законодатель только давалъ свое признаніе тому народному воззрѣнію, по которому поджогъ считается не однимъ истребленіемъ чужой собственности, но и нарушеніемъ внутренняго мира сельско-родовыхъ сообществъ. Примѣръ такого воззрѣнія представили намъ упомянутые выше адаты Самурскаго округа: для нихъ какъ и для Русской Правды, поджигатель не простой воръ, а дѣйствующій въ родственной средѣ и подлежащій не только уплатѣ цѣнности похищеннаго, но и насильственному удаленію изъ сообщества.

Приводимый здѣсь взглядъ на воровство, какъ на преступ-

леніе, обнимающее собой въ эпоху родовыхъ союзовъ всѣ дѣйствія, связанныя съ причиненіемъ имущественнаго вреда, находитъ себѣ новое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что, согласно дагестанскимъ адатамъ, порча чужаго имущества имѣетъ тѣ же послѣдствія, что и воровство, т. е. ведетъ къ платежу цѣнности испорченнаго и къ штрафу въ пользу общества. Въ этомъ именно смыслѣ высказываются адаты Даргинскаго округа, которые увеличиваютъ штрафъ вдвое во всѣхъ случаяхъ, когда порча сдѣлана въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ или пашнѣ. Обвиненный въ порчѣ чужой собственности вознаграждаетъ хозяина по оцѣнкѣ и сверхъ того платитъ въ пользу сельскаго общества или джаамата въ штрафъ одного быка. За потраву сверхъ удовлетворенія хозяина также опредѣляется штрафъ въ пользу сельскаго общества; за неумышленную потраву штрафа не берется [1]).

Если принять во вниманіе, что обычнымъ послѣдствіемъ воровства является въ Дагестанѣ возвращеніе похищеннаго или его стоимости, то необходимо придешь къ заключенію, что отношеніе дагестанскаго обычая къ вору ничѣмъ не отличается отъ того, въ какомъ тотъ же обычай стоитъ къ неисправному должнику. Адаты даргинскихъ обществъ заодно съ адатами сѣверныхъ и южныхъ округовъ Дагестана, не требуютъ отъ неисправнаго должника ничего, кромѣ уплаты занятой имъ суммы-другими словами возмѣщенія кредитору понесенной имъ утраты. Но такое же точно требованіе названные адаты предъявляютъ и по отношенію къ вору или поджигателю, а если такъ, то очевидно, что гражданская неисправность въ Дагестанѣ и разнообразнѣйшіе виды присвоенія себѣ чужой собственности ничѣмъ существенно не отличаются другъ отъ друга. Большинство дагестанскихъ адатовъ говоритъ намъ объ одной лишь личной отвѣтственности одинаково въ случаяхъ воровства и гражданской неисправности. Въ весьма немногихъ обществахъ уцѣлѣли слѣды болѣе стариннаго воззрѣнія, по которому потерпѣвшій въ правѣ былъ ждать возмѣщенія своихъ убыткомъ отъ родственниковъ лица, причинившаго ихъ. Эта круговая отвѣтственность родст-

[1]) Въ одномъ только Каракайтагѣ зашедшая въ садъ скотина рѣжется и поступаетъ въ пищу всего общества.

венниковъ, необходимое послѣдствіе родовой или тохумной организаціи Дагестана, доселѣ продолжаетъ держаться въ нѣкоторыхъ южныхъ обществахъ. Я разумѣю Магалы Ганкъ Ганшъ и Мюра, въ которыхъ въ случаѣ неплатежа долга кредиторъ въ правѣ обратить свою претензію на родственниковъ должника. Въ Каракайтагѣ круговая отвѣтственность родственниковъ какъ въ случаяхъ гражданской неисправности, такъ и преступленій противъ имущества, занесена уже въ сборникъ уцмія Рустема въ слѣдующей оригинальной формѣ: «если родственники замѣтятъ кого либо въ дурныхъ поступкахъ, то они въ правѣ убить его; если онъ остается въ живыхъ, они несутъ отвѣтственность за его поступки». Круговая порука родственниковъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія чужаго имущественнаго интереса извѣстна обычному праву и другихъ кавказскихъ народностей. Ею объясняется, какъ мы видѣли, возникновеніе въ средѣ хевсуръ такъ называемаго «мзевальства»

Изъ того же самаго источника, я разумѣю круговую отвѣтственность членовъ одного рода, или тохума, возникъ долгое время державшійся въ Дагестанѣ обычай, по которому кредиторъ имѣлъ право обратиться для покрытія своей претензіи къ насильственному захвату имущества не одного только должника, но и любаго изъ членовъ одного съ нимъ тохума, или рода. Этотъ насильственный захватъ, извѣстный въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, между прочимъ въ Осетіи, подъ наименованіемъ «барантованія», въ Дагестанѣ обозначается, какъ мы видѣли, терминомъ «ишкиль». Ишкилю можетъ подвергнуться имущество каждаго родственника, который путемъ формальнаго акта не отдѣлился отъ тохума должника. Если кто будетъ противиться силою производству съ имущества подобнаго побора, то послѣдствіемъ его сопротивленія будетъ наложеніе на него штрафа въ пользу общества. Въ этомъ легализированномъ обычаемъ самоуправствѣ, примѣняемомъ не къ одному главному виновнику, но и къ его родственникамъ, нельзя не признать рѣшительнаго сходства съ началомъ кровной мести, которой, какъ мы видѣли, подлежитъ не одинъ преступникъ, но и его родня.

Различіе обоихъ состоитъ только въ томъ, что въ формѣ ишкиля или легализированнаго захвата, месть примѣняется исклю-

чительно къ имущественному составу рода, тогда какъ въ формѣ кровнаго возмездія она примѣнима къ его личному составу. Самыя тяжкія преступленія, и во главѣ всѣхъ убійство, вызываютъ одновременно месть въ обоихъ видахъ. Убійца подвергается смерти, а домъ и имущество его разоряются до тла. Къ менѣе тяжкимъ обидамъ приложимъ только одинъ изъ двухъ способовъ отмщенія: къ личнымъ—кровное, къ имущественнымъ—имущественное.

Нельзя сказать однако, чтобы граница, отдѣляющая оба вида обряда, соблюдаема была обычаемъ съ неизмѣнной строгостью. Тотъ фактъ, что прелюбодѣяніе изъ дѣйствія, вызывающаго отмщеніе, постоянно переходитъ въ категорію тѣхъ, въ которыхъ отвѣтственность выражается въ платежѣ опредѣленнаго имущественнаго эквивалента, указываетъ на то, что и въ Дагестанѣ гражданская отвѣтственность со временемъ распространена была на дѣйствія, первоначально вызывавшія одну отвѣтственность уголовную. Уже въ постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема мы находимъ статью, гласящую: «кто будетъ признанъ виновнымъ въ прелюбодѣйной связи, долженъ, подобно вору, уплатить потерпѣвшему тысячу денегъ». Если и въ наши дни согласно общему адату даргинскихъ обществъ, оскорбленный супругъ довольствуется платежемъ со стороны обидчика тридцати рублей, то причину тому слѣдуетъ видѣть въ фактѣ включенія прелюбодѣнія въ категорію дѣяній, подлежащихъ не уголовной, а гражданской отвѣтственности.

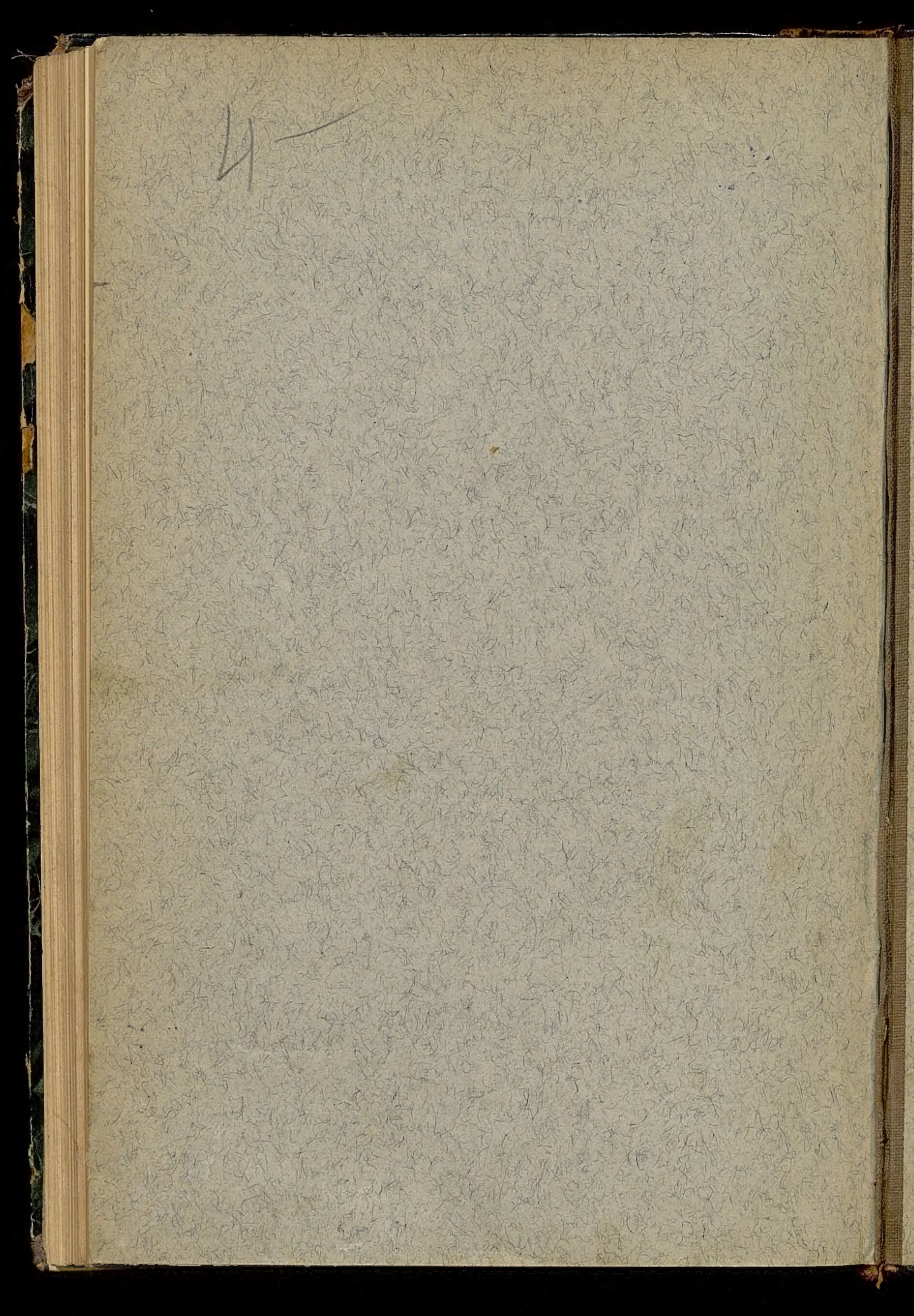
Начало равнаго возмездія на первыхъ порахъ также мало свойственно имущественному захвату, какъ и кровной мести. Дальнѣйшее развитіе права будетъ состоять въ томъ, чтобы поставить производство этого захвата въ извѣстныя рамки, сдѣлать его пропорціональнымъ размѣру причиненнаго захватчику вреда. Начало равнаго возмездія обратитъ актъ произвола и насилія въ регулируемую обычаемъ процессуальную форму. Съ упадкомъ родовыхъ порядковъ и ослабленіемъ начала круговой отвѣтственности ишкиль изъ акта, угрожающаго имущественному составу цѣлаго рода, дѣлается видомъ индивидуальной репрессіи, границы которой не выходятъ за предѣлы личнаго имущества отвѣтчика. Въ этой формѣ онъ удержался и по настоящій день.

Замѣченныя опечатки во II томѣ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
5	29	общины	общимъ
9	23	братствъ	братьевъ
9	40	начуламъ	начулашъ
13	3 снизу	эрмозовъ	эристовъ
14	22	Фрустумхана	Рустумхана
18	6	Исламберомъ	Исламбекомъ
21	5	Морвахъ	Морваръ
21	посл. снизу	достигнуто	достигнуть
27	17	и Народы	Народы
27	28	правъ	правдъ
28	14	а попъ	папи
31	15	оно	она
31	16	возможно	возможна
31	26	а также	такъ и
32	27	взитается	взимается
37 и 38		азышей	ацышей
38	19	цѣпи	цѣги и
47	5 снизу	правъ	правдъ
47	11 снизу	балканцевъ	балкарцевъ
50	11 снизу	оказывается	сказывается
56	15	чѣмъ то къ которому	чѣмъ то къ которой
59	8	гесса	госса
61	7	судъ	судѣ
62	12	1 го вѣка	1-го вѣка до Р. Х.
62	2 снизу	неупотребительнымъ	неупотребительными
63	12	отличіи	отличіе
67	5	Ни какихъ	Ни о какихъ
68	10 снизу	Циреры	Цереры
69	17	Наквалесави	Наквалесхеви

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
72	4	затѣмнило	затемнило
73	18	славившихся	слившихся
86	15 снизу	родственникомъ	родственниками
87	6 снизу	домакацій	мамакаци
101	8 снизу	виновниковъ	виновникомъ
107	1 снизу	А-датскія	Ардотскія
108	3 снизу	руцесамъ	хуцесамъ
114	5	возможность	возложить
114	8	но	но не
115	4	. Дочери	, дочери
116	8	послѣ	позже
117	11	гробованіе	грабованіе
118	18	наказуемость	ненаказуемость
122		мзевамъ	мзевали
124	2 снизу	представлялся	предоставлялся
124	4 снизу	тяжбы	стороны
124	7 снизу	продолжались	продолжали
129	23	а о	а въ
129	23	или началѣ	ими началъ
132 и 133		ишиколь	шиколь
135	15	съ	а
143	13	персами	Парсами
159	15 снизу	населенія	поселения
159	10 снизу	Кухумъ	Кумухъ
161	8	тургановъ	тургаковъ
168	5 снизу	dépense	depence
168	4 снизу	d'étend	s étend
175 и 176	7 снизу	веколи	векили
179	14	Мачаръ	Магаръ
179	15	doir	douaire
181	15	кебана	кебина
188	17	сопровождающихъ	и на сопровождающихъ
188	2 снизу	тонежа	тотема
189	7	Годитомъ	Гоунтомъ
189	7	Курней	Курнаи
189	21	патріархата	матріархата
192	1	ихъ	изъ нихъ
192	10	Мингаденъ	Мингаджъ
194	3 снизу	генекиля	ишкиля
200	3	Гантъ и Мзора	Гапшь и Мюра
204	5 снизу	похоронить	похоронить ихъ
207	21	внукѣ и	внуки

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
207	1 снизу	potrons determinées	portions determinées
208	16	légitimaires	légitimes
215	9	entacls	entails
223	11	Мучинскокъ	Мугинскомъ
223	12 снизу	входитъ	выходитъ
227	1	immanissimum	immanissimam
232	10 снизу	неизбѣжнымъ, но и необходимымъ	необходимымъ, но и неизбѣжнымъ
234	6	переписки	приписки
236	17	томъ	текстъ
237	14	Новеви	Навави
238 и 239		Новеви	Навави
239	19	потерянной	понесенной
242	1 снизу	Гурабъ	Гунибъ
245		Кажмвухскій	Казикумухскій
246	5	Шлейсурахскаго	Тлейсурахскаго
248	5 снизу	осады	засады
250	17	Навави	Невави и
256	12 снизу	неосторожности	напряженности
257	9 снизу	atra	axra
260	21	ими	ими тоже
261	19	Дагестанскаго	Даргинскаго
263	2 снизу	Годеринскій	Гамбринскій
264	17	примыканія	примѣненія
285	16	важности	важности его
291	6	бреганами	брегонами
293	11	степени	ступени
296	11 снизу	Умшинскомъ	Успшинскомъ
300	2 снизу	подтверждаетъ	возмездія.
301	9	обряда	утверждаетъ

4

2

